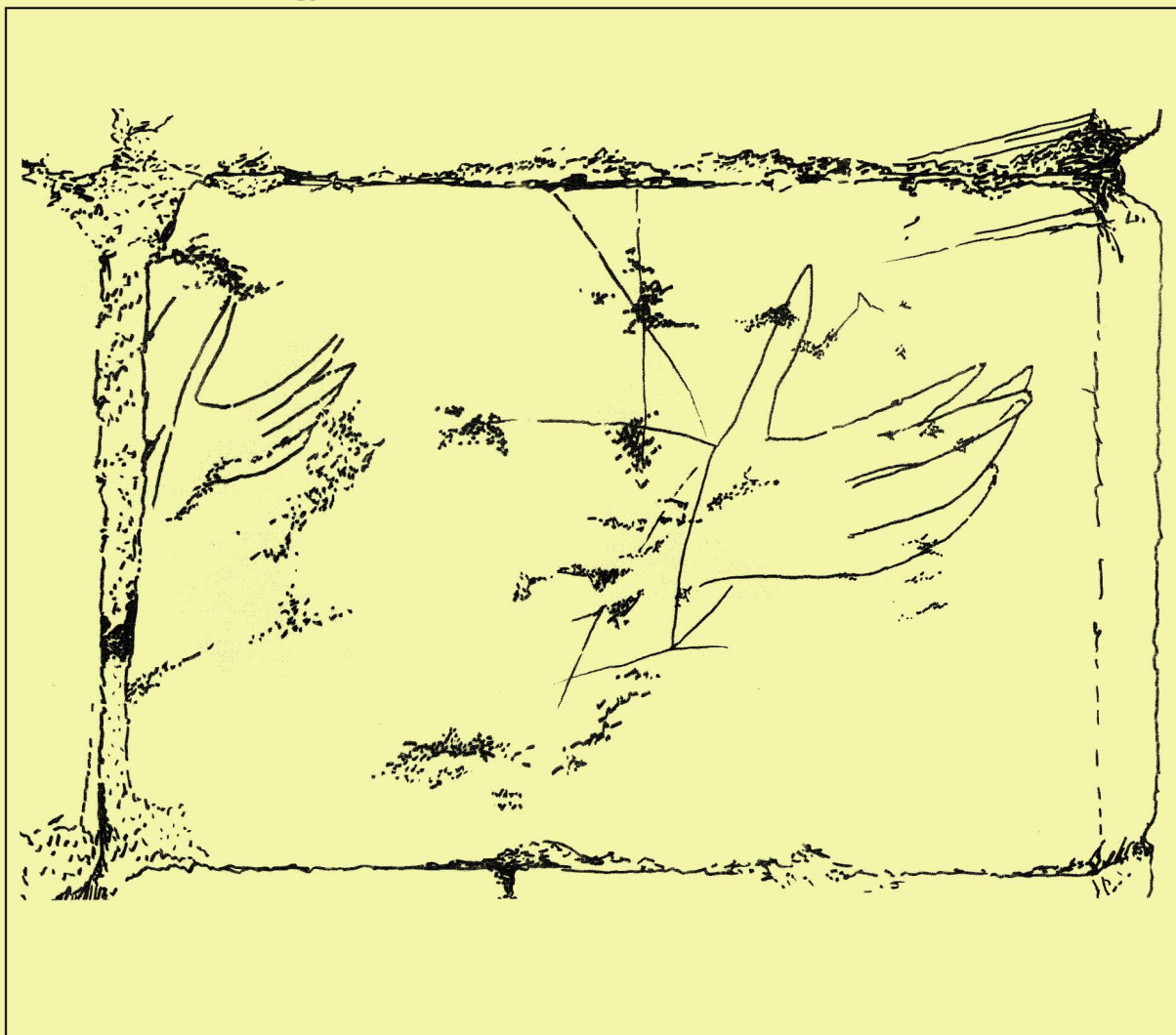

архитектурная археология

ISSN 2686-6900

architectural archeology

№ 5

архитектурная археология

architectural archaeology

№ 5

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Вл. В. Седов

МОСКВА

2023

Учредитель: Институт археологии РАН

Редакционная коллегия: *Седов Владимир Валентинович*, член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, Институт археологии РАН, главный редактор (Россия); *Вдовиченко Марина Викторовна*, кандидат искусствоведения, Институт археологии РАН, заместитель главного редактора (Россия); *Антипов Илья Владимирович*, кандидат искусствоведения, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Баталов Андрей Леонидович*, доктор искусствоведения, Музеи Московского Кремля (Россия); *Беляев Леонид Андреевич*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Богданович Елена*, доктор искусствоведения (Сербия); *Гайдуков Пётр Григорьевич*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Гиппиус Алексей Алексеевич*, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, Институт славяноведения (Россия); *Джиумлиа-Маир Алессандра*, Ph. D. по специальности «Археология», Институт археологии РАН (Россия), Лаборатория AGM Archeoanalisi (Италия); *Ёлшин Денис Дмитриевич*, кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж (Россия); *Зыков Петр Леонидович*, Государственный Эрмитаж (Россия); *Казарян Армен Юрьевич*, член-корреспондент РААСН, доктор искусствоведения (Россия); *Макаров Николай Андреевич*, академик РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Ситдинов Айрат Габитович*, доктор исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия); *Торшин Евгений Николаевич*, кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж (Россия)

Editorial board: *Sedov Vladimir Valentinovich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Art Studies, Institute of Archaeology RAS, Editor-in-Chief (Russia); *Vdovichenko Marina Viktorovna*, Candidate of Art Studies, Institute of Archaeology RAS, Deputy Editor-in-Chief (Russia); *Antipov Ilya Vladimirovich*, Candidate of Art Studies, St. Petersburg State University (Russia); *Batalov Andrey Leonidovich*, Doctor of Art Studies, Moscow Kremlin Museums (Russia); *Belyaev Leonid Andreevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Bogdanovich Elena*, Doctor of Art Studies (Serbia); *Gaydukov Pyotr Grigoryevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Gippius Aleksey Alekseevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Institute of Slavic Studies RAS, (Russia); *Giumlia-Mair Alessandra*, PhD in Archaeology, Institute of Archaeology RAS, AGM Archeoanalisi lab (Italy); *Jolshin Denis Dmitrievich*, Candidate of History, State Hermitage Museum (Russia); *Zykov Petr Leonidovich*, State Hermitage Museum (Russia); *Kazaryan Armen Yuryevich*, Corresponding member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Doctor of Art Studies (Russia); *Makarov Nikolay Andreevich*, Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Sitdikov Ayrat Gabitovich*, Doctor of History, Kazan Federal University (Russia); *Torshin Evgeniy Nikolaevich*, Candidate of History, State Hermitage Museum (Russia)

Содержание

История

- Вл. В. Седов.* Успенский собор во Владимире и архитектура князя Андрея Боголюбского **7**
- И. В. Антипов.* О каменных гражданских постройках XIV–XV вв. на иноземных торговых дворах в Новгороде **29**
- А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский.* Еще раз о ктиторах церкви Жен-Мироносиц во Пскове (XVI в.) **36**

Объекты

- А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова.* Однонефный храм в квартале II византийского города на плато Эски-Кермен **42**
- С. Н. Вахтанов.* Рисунки-граффити Георгиевского собора в Юрьеве-Польском **53**
- В. В. Майко.* Баня средневекового Солхата XIV в.: основные архитектурные особенности **64**

Проекты

- А. А. Кудрявцев.* Архитектурно-археологические исследования у надвратной церкви Одигитрии в Смоленске в 2021–2022 гг. **82**

Реконструкции

- М. В. Вдовиченко, В. Е. Еремеев, Е. К. Затяева, Е. Н. Пророкова, Ю. С. Фомичёва.* Опыт виртуальной трехмерной реконструкции здания приказов XVII в. в Московском Кремле **93**
- Т. А. Дудина.* Графические реконструкции псковских изразцовых печей XVII в. Ю. П. Спегальского **111**

Коллекции

- В. П. Макарова.* Каталог мозаичной смальты из раскопок на территории Рюрикова городища в Великом Новгороде **124**
- В. Н. Матвеев.* Керамические плитки из раскопок Белгорода Киевского: вопросы атрибуции, хронологии и происхождения мастеров **154**
- А. Б. Мазуров.* К вопросу об интерпретации белокаменного резного блока со «зверем» из храма Иоанна Предтечи в Городищах под Коломной **172**
- С. И. Баранова, Л. А. Скупченко.* «Северо-двинская» школа изразцового дела: истоки возникновения и художественные особенности (на материале коллекции изразцов Великоустюгского музея-заповедника) **185**

Архив архитектурной археологии

А. А. Кудрявцев. Архитектурно-археологические исследования А. Ф. Медведева на территории бывшего Перынского Богородицкого монастыря в 1948 г. **202**

Список сокращений 214

Авторам 216

Contents

History

- VI. V. *Sedov*. The Assumption cathedral in Vladimir and the architecture of Prince Andrey Bogolyubsky **7**
- I. V. *Antipov*. Stone civil constructions in foreign trading courts in Novgorod during the 14th–15th centuries **29**
- A. F. *Litvina*, F. B. *Uspenskiy*. Revisiting the wardens of Holy Myrrhbearers church in Pskov (16th century) **36**

Objects

- A. I. *Aybabin*, E. A. *Khayredinova*. The single-nave church in block II of the Byzantine town on the Eski-Kermen plateau **42**
- S. N. *Vakhtanov*. Graffiti drawings of St. George's cathedral in Yuriev-Polsky **53**
- V. V. *Mayko*. The bathhouse of medieval Solkhat of the 14th century: principal architectural features **64**

Projects

- A. A. *Kudryavtsev*. Architectural and archaeological research at the gate church of the Icon of the Mother of God Hodegetria in Smolensk in 2021–2022 **82**

Reconstructions

- M. V. *Vdovichenko*, V. E. *Eremeev*, E. K. *Zatyaeva*, E. N. *Prorokova*, Yu. S. *Fomicheva*. Virtual three-dimensional reconstruction of 17th-century Prikazy building in the Moscow Kremlin: an empirical study **93**
- T. A. *Dudina*. Graphic reconstructions by Yu. P. *Spegalsky* of Pskov tiled stoves of the 17th century **111**

Collections

- V. P. *Makarova*. Catalogue of mosaic smalt from excavations in Ryurik Gorodishche in Veliky Novgorod **124**
- V. N. *Matveev*. Ceramic tiles from the excavations of Belgorod Kievsky: attribution, chronology, and master origins **154**
- A. B. *Mazurov*. Regarding the interpretation of the white stone carved block depicting a “beast” from the Church of St. John the Baptist in Gorodishchi, near Kolomna **172**
- S. I. *Baranova*, L. A. *Skupchenko*. The “Severo-Dvinsk” school of tile making: origins and artistic features based on the tile collection of the Veliky Ustyug Museum-Reserve **185**

Archive of architectural archaeology

A. A. Kudryavtsev. Architectural and archaeological research conducted by A. F. Medvedev
on the territory of the former Bogoroditsky monastery of Peryn in 1948 **202**

List of Abbreviations **214**

About **216**

В этой работе мы хотели бы прояснить вопрос о взаимоотношении трех основных образцов владими́ро-суздальской храмовой архитектуры времени князя Андрея Боголюбского (князь Владимиро-Суздальской земли в 1157–1174): Успенского собора во Владимире и двух пригородных построек, монастырского собора Рождества Богородицы в Боголюбове и монастырской же церкви Покрова на Нерли. Для этого мы обратимся к тем формам Успенского собора во Владимире (1158–1160), которые сохранились внутри обстройки этого здания, произведенной в последней четверти XII в. по заказу князя Всеволода Большое Гнездо, и которые доступны для изучения.

В недавнее время автор этой статьи попытался наметить связи между церквями Рождества Богородицы в Боголюбове и Покрова на Нерли, а также связать их архитектурные особенности с архитектурой Эмилии (средней и нижней частей долины реки По), и прежде всего с собором в Модене (Седов, 2019б). В этих публикациях мы опирались на работу О. М. Иоаннисяна (Иоаннисян, 2005) и развивали ее, приводя все новые аналоги. Но мы также смогли выделить целый ряд форм, которые указывают на другую область Северной Италии, на Ломбардию, и в частности на город Лоди, как на ареал бытования форм, пришедших вместе с эмилианскими формами в архитектуру Северо-Восточной Руси (Седов, 2020б).

Отметим предварительный характер нашего исследования: в результате археологических и реставрационных работ могут обнаружиться новые свидетельства, представляющие первоначаль-

Аннотация. Статья посвящена первоначальной архитектуре Успенского храма во Владимире, сооруженного в 1158–1160 гг. по заказу князя Андрея Владимировича Боголюбского. Даются обширные сопоставления с двумя другими храмами, построенными в середине XII в. по заказу того же князя, с церковью Рождества Богородицы в Боголюбове и церковью Покрова на Нерли. Выясняется, что построенный раньше этих двух памятников Успенский собор находится полностью в рамках романской архитектуры итальянской области Ломбардия, аналоги его формам прежде всего находятся в Павии. На фасадах был применен принцип триумфальной арки, внутри находим два ордера, основной и дополнительный, на фасадах разрабатывается идея аркатурно-колончатого пояса и идея уступчатого обвода прясел.

В дальнейшем ломбардская архитектура Успенского собора оказала влияние на известные нам постройки времени князя Андрея, но была дополнена формами, свидетельствующими о приходе на Русь мастеров из соседней с Ломбардией области Эмилия. Схема триумфальной арки на фасадах была заменена схемой псевдопериптера, пришедшей из Модены. Но основа более мелкого фасадного декора была связана с Успенским храмом и лишь дополнялась эмилианскими формами.

Ключевые слова: Древняя Русь, Ростово-Суздальская земля, Владимиро-Суздальское княжество, князь Андрей Боголюбский, Успенский храм, происхождение форм, архитектурная археология, иконография, Ломбардия, Павия, аркатурно-колончатый пояс, трюмпы, капители, Эмилия.

Седов Владимир Валентинович — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292; заведующий кафедрой истории отечественного искусства, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119192, sedov1960@mail.ru.

ную архитектуру Успенского храма Владимира. В своей работе мы опирались, прежде всего, на публикации Н. Н. Воронина, а также на другую имеющуюся литературу, которую воспринимаем как фундамент исследования (Павлинов, 1894. С. 60–68; Георгиевский, 1896. С. 43–90; Трутовский, 1900; Виноградов, 1905; Георгиевский, 1913. С. 6–15; Ушаков, 1913. С. 35–74; Некрасов, 1936. С. 116–119; Воронин, 1953. С. 353–358; Столетов, 1956. С. 44–52; Афанасьев, 1961. С. 147–151; Воронин, 1961. С. 149–186, 354–377, 445–460; Комеч, 1966. С. 81–85; Раппопорт, 1982. С. 51–52; Ильин, 1983; Иоаннисян, 1985. С. 146–147; Иоаннисян, 2015. С. 80–86).

О времени постройки Успенского храма (следует сказать, что собором его можно назвать только как главный храм города Владимира, а епархиальным храмом и, соответственно, собором он стал много позже) рассказано довольно подробно в Лаврентьевской летописи.

Успенский собор (или еще: церковь Богородицы, или Золотоверхая) был начат в 1158 г.; он был заложен по заказу князя Андрея Боголюбского 8 апреля. Вот как об этом сообщает Лаврентьевская летопись: «В лет(о) 6666. Заложѣ Андрѣи князь в Володимерѣ ц(е)рк(о)вь камену с(вя)тую Б(огороди)цю, м(е)с(я)ця априля в 8, в д(е)нь с(вя)таго ап(о)с(то)ла Родиона, во вторник, и да еи много имѣнья, и свободы куплены, и з даньми, и села лѣпшая, и десятины в стадѣх своихъ, и торгъ десятины и город заложѣ болии» (ПСРЛ, I. Стлб. 348).

В 1160 г. Успенский храм был окончен, о чем рассказывает статья из той же Лаврентьевской летописи: «В лѣт(о) 6668. ... Того же лѣт(а) создана быс(ть) ц(е)рк(в)ы с(вя)тая Б(огороди)ца в Володимерѣ бл(а)говѣрнымъ и бо(го)любивымъ княземъ Андрѣемъ, и украси ю дивно многоразличными иконами, и кдрагимъ камнемъ бе-щисла, и ссуды ц(е)рк(о)вными, и верхъ ея послати, по вѣрѣ же его и по тщанью его к с(вя)тѣи Б(огороди)цѣ приведе ему Б(ог)ъ изъ всехъ земель всѣ мастера, и оукраси ю паче инѣхъ ц(е)рквѣи» (ПСРЛ, I. Стлб. 351).

В статье Лаврентьевской летописи 1160 г. особо выделим сообщение о приходе во Владимир изъ всехъ земель всехъ мастеровъ («изъ всѣхъ земель всѣ мастера»), что говорит, на наш взгляд, о том, что именно возведение в 1158–1160 гг. Успенского собора во Владимире открывает начало работы новой группы мастеров, вызванных или полученных князем Андреем Боголюбским.

Это сообщение о мастерах «из всехъ земель» в какой-то степени может быть подтверждено известием, приводимым В. Н. Татищевым, историком середины XVIII в., впрочем, неизвестно откуда взятым: «По оставшему во Владимире строению, а паче по вратам градским видимо, что архитектор достаточный был. Онаго древняго строения мало осталось, и починка новая весьма отменилась. Церковь же, конечно, должна бы преимуществовать. Но как она после неким простым каменщиком перестроивана, то ныне уже никакого знака науки архитектурной в ней не видно. Мастеры же присланы были от императора Фридерика Перваго, с которым Андрей в дружбе был, как ниже явится» (Татищев, 1995. С. 244, 246).

Недавно М. А. Бойцов указал на Степенную книгу как на возможный источник этого сообщения (она указана в примечании Татищева); в целом историк считает это сообщение скорее достоверным (Бойцов, 2021). Действительно, в варианте приведенного примечания у Татищева, на который обратил внимание Бойцов, сказано: «Сие примечание достойно, что Андрей имел архитекта по дружбе от императора Фридерика Барбароссы, как был искусной [далее зачеркнуто] ибо оставшие его строения], а наипаче врата градские по тогдашнему времени видения [видения вместо зачеркнутого] удивления] достойны [далее зачеркнуто] паче же для памяти, нежели бы оное искусному срисовать и напечатать]. Церковь же она, конечно, должна бы в том [в том вместо зачеркнутого] оным] преизяществовать, но как она после перестроивана, потом от Батия созжена и повреждена, а после починивана, то ея великолепия и того, чтоб с архитектурой согласовало, ничего не видно. Мастеры же, по Степенной, присланы были от императора Фридерика Барбароссы, с которым Андрей дружбу имел» (Татищев, 1995. С. 295).

В 1161 г., спустя год после окончания каменных работ, этот храм начали расписывать (очевидно, весной) и в том же году 30 августа роспись была закончена: «В лѣт(о) 6669. Почата быс(ть) писати (вар. — подписывати) ц(е)рк(в)ы в Володимерѣ Золотоверхая, а кончана августа в 30» (ПСРЛ, I. Стлб. 351). Схожие сообщения содержатся в Летописце Переславля Суздальского (ПСРЛ, 41. С. 90), Типографской летописи (ПСРЛ, XXIV. С. 79), где сообщается об окончании росписи не 30, а 31 августа.

Два других хорошо сохранившихся (или, в случае с Боголюбовым, — плохо, но все же достаточно для суждения о главных формах) памятника, церкви Рождества Богородицы в Боголюбове и Покрова на Нерли, могут быть датированы лишь приблизительно. Можно только сразу предположить, что городской храм Успения был построен раньше этих двух церквей, расположенных вне Владимира, что эти два храма были продолжением строительства князя Андрея Боголюбского.

После окончания Успенского храма во Владимире князь Андрей сразу приступил к строительству кафедрального каменного Успенского же храма в Ростове, который был сооружен в 1161–1162 гг. по заказу князя Андрея Боголюбского (ПСРЛ, XV. Стлб. 233–234). В 1164 г. князь Андрей заложил церковь Спаса во Владимире (ПСРЛ, I. Стлб. 351). В том же 1164 г. была освящена церковь на Золотых воротах (ПСРЛ, I. Стлб. 351), которые строились, очевидно, несколько лет перед 1164 г.; вероятно, что Золотые ворота были заложены в 1158 г., когда князь Андрей «городъ заложи болии», то есть расширил пределы Владимира (ПСРЛ, I. Стлб. 348). После 1165 г. древние летописи не упоминают каменных построек князя, правившего до 1174 г. Вероятнее всего, упомянутые две церкви, в Боголюбове и на Нерли, были построены в промежутке от 1165 до 1174 г. Это длительный отрезок, в который, впрочем, должны были уместиться работы по сооружению не только двух храмов, но и переходов, кивория и каменных стен Боголюбова.

Сведения о времени возведения зданий Боголюбовского комплекса и церкви Покрова на Нерли содержатся в летописце второй середины XVIII столетия, опиравшемся на какие-то монастырские предания или, возможно, более ранние летописные записи. Здесь описывается не та последовательность, какую мы предположили для строительства князя Андрея Юрьевича во Владимирской земле. Согласно монастырскому летописцу, в год основания Успенского собора во Владимире, то есть в 1158 г., на месте Боголюбова произошло чудо, икона Богородицы остановилась в этом месте и не позволила отвезти ее в Ростов, а князь дал обет на этом месте поставить каменную церковь Рождества Богородицы, которая и была построена в том же году, а в 1159 г. была расписана «стенным иконописанием» (скорее всего, была начата роспись храма,

см. ниже. — В. С.). В 1160 г. «при церкви» Рождества Богородицы (скорее всего, рядом. — В. С.) была построена церковь с трапезной во имя мученика Леонтия, в день празднования которого 18 июня 1158 г. произошло чудо; при церкви Рождества в этом году был основан монастырь. К 1161 г. тот же летописец относит строительство в городе Боголюбове, вставшем вокруг монастыря, каменных святых врат с надвратным храмом Апостола Андрея Первозванного; тогда же была окончена роспись церкви Рождества Богородицы (*Аристарх*, 1878. С. 1–3).

Если учитывать сведения этого позднего летописца, то строительство Успенского собора во Владимире и комплекса в Боголюбове с храмом Рождества Богородицы относится к одному времени, то есть велось параллельно. Это было бы возможно только в том случае, если имелось две группы строительных мастеров, работавших одновременно и, вероятнее всего, различавшихся по своей манере.

Строительство церкви Покрова на Нерли тот же поздний летописец Боголюбовского монастыря относит к 1165 г.: «Въ лѣто 6673 (1165)-е Великий Князь Андрей Георгиевич Боголюбский, недалеко от Боголюбиваго града и обители, на рѣкъ Клязмѣ въ лугу, нача здати церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, на устьѣ рѣки Нерли, изъ собираемыхъ и двоелѣтиемъ возимыхъ изъ Болгаровъ камней для строения во Владимире Соборныя Успения Пресвятыя Богородицы большия церкви и другихъ,десятыя части, яже по повелению его на томъ мѣстѣ отлагаемы бываху; и пособиемъ Богоматере сего жъ лѣта церковь Покрова Пресвятыя Богородицы соверши, и обитель монашествующихъ при ней содѣла» (*Аристарх*, 1878. С. 3). То есть храм Покрова мог теоретически «подхватить» формы или Успенского собора или Боголюбова, или обеих этих построек вместе.

Однако в недавно изданном, а до того остававшемся в рукописи труде иеромонаха Иоасафа, посвященном описанию Владимирской епархии и составленном в 1851–1852 гг., то есть до издания Летописи Боголюбова монастыря в 1878 г., стоит другая дата строительства церкви Покрова на Нерли: здесь говорится, что «на небольшом холме среди пойменных лугов находится одна, без всяких других построек, каменная церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, построенная св. благоверным князем Андреем Боголюбским

в 1162 году. При этой церкви был мужской монастырь». Далее следует фрагмент из уже приведенного Жития князя Андрея, содержащегося в монастырском летописце, сообщение примерно то же, но с некоторыми различиями, говорящими, скорее, о том, что Иоасаф привел более точно слова Жития, чем архимандрит Аристарх: «Близ Боголюбвския обители яко поприще едино, на р. Клязьме в лугу нача великий князь Андрей здати церковь во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго Ея Покрова, на устью р. Нерли, из собираемых и двоелетием из болгар возимых каменей для строения во Владимире соборныя Успения Пресвятыя Богородицы церкви и других, десятыя части, яже по повелению его на том месте отлагаемы бываху и помощию Пресвятыя Богоматере оную церковь единым летом соверши и обитель иночествующим при ней содела» (Иоасаф, 2019. С. 126; Сергий, 2007. С. 269–271).

Впрочем, ранняя дата строительства церкви Покрова на Нерли вызывает очень большие сомнения. Дело, прежде всего, в том, что в 1162 г. еще строился Успенский собор в Ростове. Кроме того, придется думать, что сначала построен монастырский храм на слиянии Нерли и Клязьмы, а только потом был сооружен комплекс с церковью Рождества Богородицы в Боголюбове (возможно, конечно, что одновременно, но мы видим, что допущения множатся). Заметим также, что иеромонах Иоасаф удревил не только церковь Покрова, но и сам храм Рождества Богородицы в Боголюбове, который он отнес к 1156 г. (Иоасаф, 2019. С. 121), то есть ко времени, предшествующему возведению Успенского храма во Владимире, что совсем уж невероятно.

Дата «1165 г.» неплохо вписывается в поток строительства князя Андрея: церковь Покрова, соответственно этой дате, была построена после Золотых ворот и церкви Спаса во Владимире.

Что было построено после 1165 г. в Ростовской земле, остается неизвестным. Можно думать о постоянном строительстве в Боголюбове, но масштаб этого комплекса не так велик, чтобы думать, что еще восемь целых лет здесь возводились каменные здания. Хотя и это не исключено.

Напомним, что Успенский собор достоверно выстроен в 1158–1160 гг. Перед нами один из хорошо датированных памятников древнерусской архитектуры, который при этом во многом загадочен именно с архитектурной точки зрения.

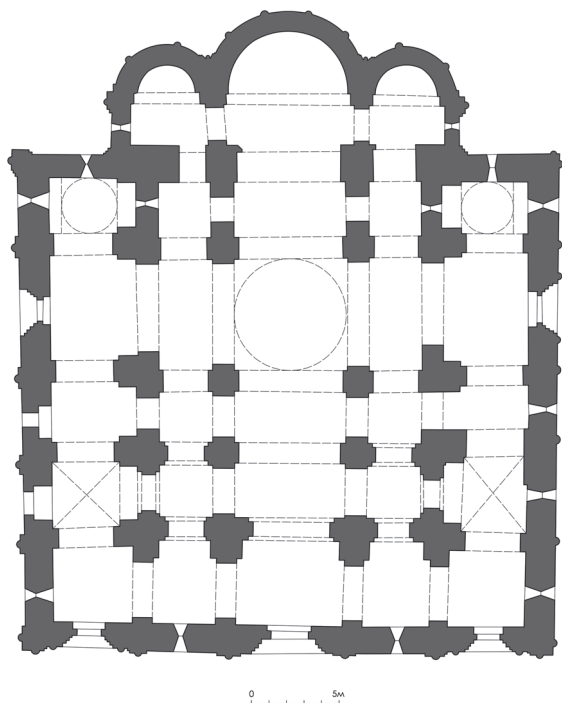
Дело в том, что поздние части Успенского собора (конец XII в.) настолько заслонили собой первоначальную архитектуру, что собор стали воспринимать именно как создание князя Всеволода Большое Гнездо, то есть как памятник конца XII в. (илл. 1), но с более ранним ядром, архитектура которого оказалась в области «тумана», неких предположений и обобщений, но без детального рассмотрения самих форм этого раннего здания и тех пространственных соотношений, которые видны при осмотре его стен, внутренних лопаток и подкупольных столбов.

Успенский собор во Владимире времени князя Андрея Боголюбского сохранился частично, но все же достаточно полно, чтобы можно было судить о его плановой и объемной структуре. Это был большой храм на четырех опорах типа «вписанный крест» (илл. 2), к основному ядру с запада примыкал двухъярусный внутри притвор или нартекс, который по высоте был равен основной части и сливался с ней в единый объем, завершенный полукруглыми закомарами (по три закомары расположены на западном и восточном фасадах, по четыре — на северном и южном).

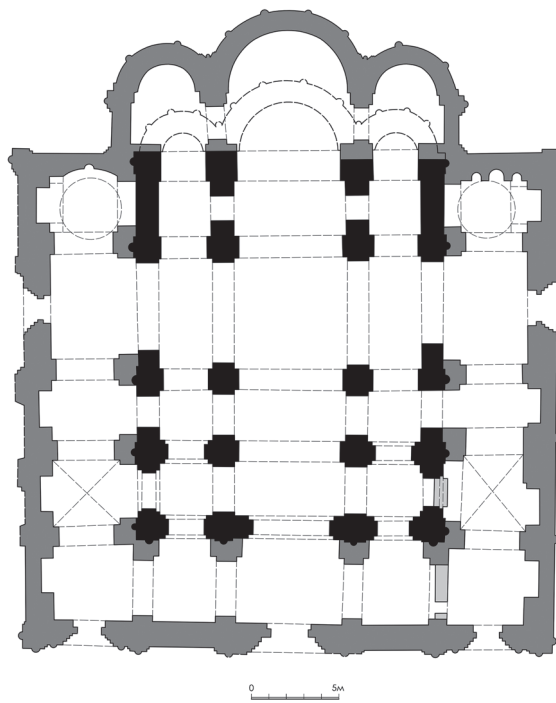
Вопрос о завершении этих закомар щипцами (Павлинов, 1894. С. 62–68; *Ilijn*, 1976; Ильин, 1983; 1989) сложен и не может быть полностью прояснен в этой статье, поэтому мы оставляем его за скобками. Если все же и собор Боголюбского (как показывают материалы А. М. Павлинова) имел закомары, над которыми возвышались треугольные щипцы, то верх этого собора был похож на верх западного фасада собора в Ферраре в Эмилии.

Точная форма и декорация алтарной части этого памятника неизвестны, поскольку она была заменена ныне существующей уже в последней четверти XII в., мы можем только предположить, что алтарь оканчивался с востока тремя полукружиями (илл. 2). Южное полукружие тройного алтаря было обнаружено во время археологических работ в соборе в 2022–2023 гг. (руководитель С. И. Милованов). Нет точного представления и о входах на хоры, для которых Н. Н. Воронин предложил две лестничные башни по сторонам нартекса; он же предположил наличие двух притворов перед порталами северного и южного фасадов (илл. 3).

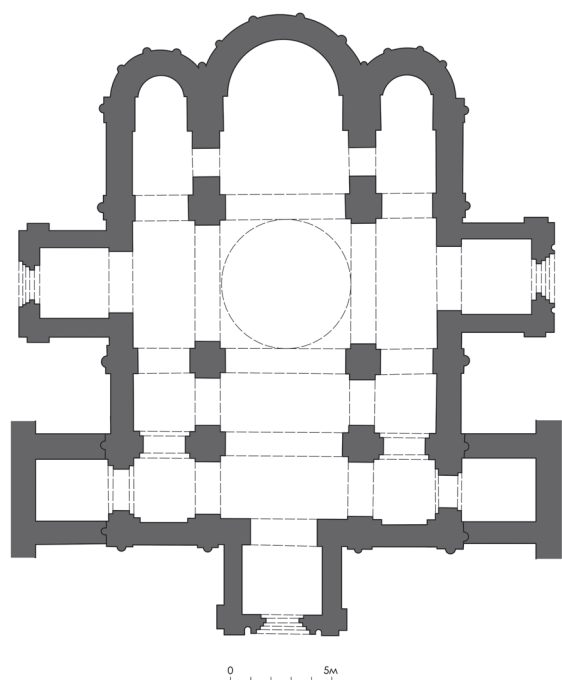
Единственный крупный барабан собора Боголюбского (будем называть старую часть зда-

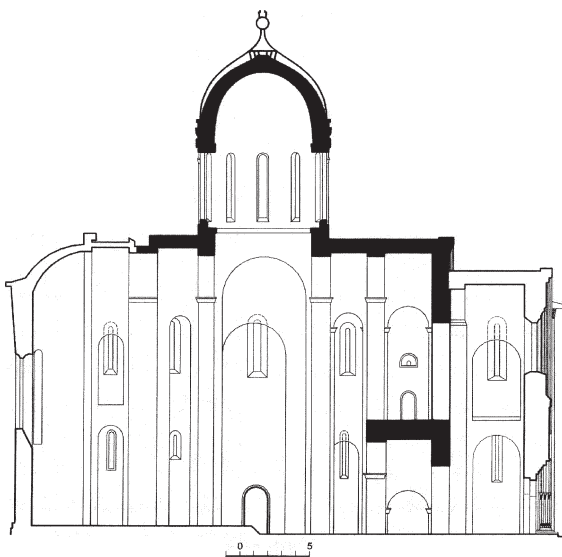
• Илл. 1. План Успенского собора во Владимире.
По обмеру 1960-х гг.

• Илл. 2. План Успенского собора во Владимире
с обозначением частей храма князя Андрея
Боголюбского (черным цветом). По обмеру 1960-х гг.

• Илл. 3. План Успенского собора времени князя
Андрея Боголюбского (по Н. Н. Воронину)

• Илл. 4. Продольный разрез Успенского собора во
Владимире (по Н. Карабутову с добавлениями автора).
Чертеж Е. Н. Пророковой

ния так), завершенный куполом, был зрительно сдвинут к востоку не только за счет сокращения восточной трети храма, но и за счет добавления к западной трети еще одного членения, нартекса. Высокие столбы (западная пара) основной части храма крестообразные в плане, за счет свободного расположения в пространстве наоса, без примыкающих арок, и за счет большой высоты они кажутся тонкими и даже хрупкими (илл. 4). Барабан над средокрестьем наоса возвышается над зрителем на большой, кажущейся недостижимой высоте и залит светом из двенадцати окон.

В западной части храма в двух ярусах расположены три арки, ведущие в пространство нартекса: невысокие арки открыты в нижнюю часть, под хорами, а высокие — в пространство хор, очень высокое и располагающееся вытянутой с севера на юг полосой над западной частью.

Уже было сказано о том, что свободное расположение столбов в храме с нартексом, то есть помещение пространства хор только над нартексом, когда ни пространство хор, ни их арки не заходят в углы наоса и не касаются западной пары подкупольных опор, очень редко в древнерусской архитектуре: мы знаем всего три или четыре примера подобного расположения хор и подобного свободного расположения столбов: помимо собора Боголюбского к этой группе могут быть отнесены собор Антониева монастыря в Новгороде 1117–1119 гг. (Седов, 2021а), собор Ивановского монастыря в Пскове второй четверти XII в. (Pannonoprт, 1982. С. 80) и церковь Благовещения в Витебске середины — второй половины XII в. (Седов, 2019а). Этот достаточно редкий вариант устройства хор и общего решения пространства связан с желанием зодчих освободить подкупольные опоры и развернуть в наосе более или менее симметричную композицию, обозначив яснее характер несения сводов и взаимоотношение столбов и купола над ними. В соборе Боголюбского это решение привело к уже упомянутому впечатлению тонкости и хрупкости, которое производят свободные опоры этого храма.

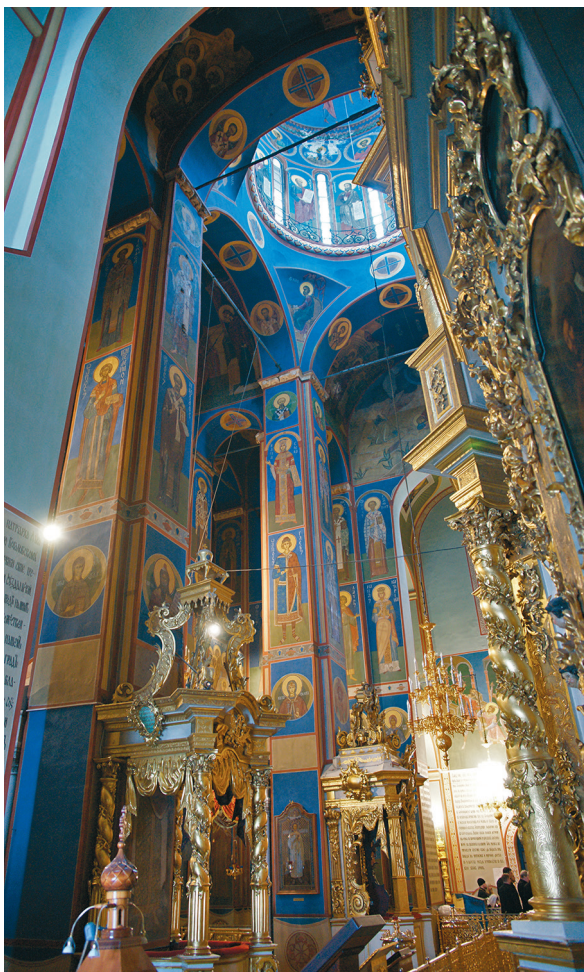
Восточная пара подкупольных столбов храма также не связана со стенами никакими промежуточными арками: эти крестообразные опоры сообщаются со стенами арками, перекинутыми на очень большой высоте, практически под сводами. Это тоже редкий пример, особенно для проходов между восточными столбами

и межальтарными стенками. Тут довольно часто устраиваются арки в два яруса (что и было сделано, например, в расположенных восточнее проходах собора времени князя Всеволода), но в Успенском соборе Боголюбского этим пренебрегли, и восточные опоры стали такими же высокими и обособленными («одинокими»), как и западные.

Крестообразным в плане столбам собора Боголюбского отвечают лопатки на стенах наоса, так что здесь возникает связанная система выступов. Участки стен, разделяющие арки, ведущие на хоры, поданы как еще одна пара столбов, они крестообразные и под хорами и на уровне хор. Этим дополнительным столбам отвечают лопатки на боковых и западной стенах. Так что здесь связанная система продолжена. Такая связанная система восходит к византийско-русской архитектуре XI — начала XII в. и, по всей видимости, развивает ее. Надо думать, что, получив из этой архитектуры (может быть — из собора в Суздале, поставленного на рубеже XI–XII вв. дедом Андрея Боголюбского, князем Владимиром Мономахом) в качестве образца тип одноглавого храма, объемно объединенного с нартексом, мастера Успенского собора использовали и эту связанную систему столбов с лопатками и отвечающими им лопатками на стенах, но развили ее в соответствии со своими представлениями.

Эта связанность и логичность системы опор и лопаток, своеобразных «полуопор» на стенах, в Успенском храме Боголюбского дополнена своеобразной, но очень четко построенной ордерностью (илл. 5). Подкупольные столбы имеют профилированные базы (одна из них обнаружилась во время археологических работ 2022 г. в шурфе 7 — на южной стороне северо-западного подкупольного столба (илл. 6)). Имеют профилированные базы и столбы под хорами, а также лопатка на внутренней стороне северной стены храма, отвечающая северному из двух столбов под хорами. То есть внизу мы имеем четкий принцип ордерности: выделение базы каждого несущего элемента.

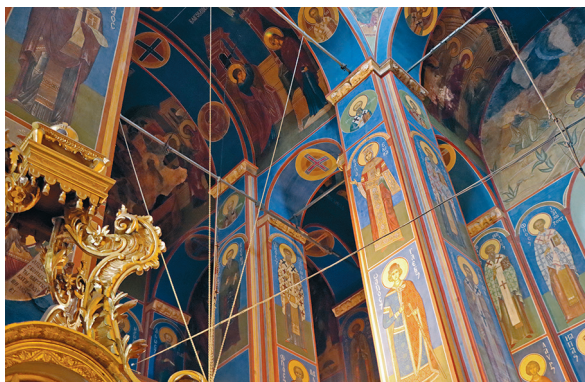
Этот же принцип ордерности, но уже касающийся завершения несущих элементов, соблюден в верхних частях собора. Верх подкупольных столбов отмечен обращенными на две стороны и смыкающимися капителями с рельефами львов (заметим, что о завершении восточной пары столбов мы пока знаем только по черте-

• Илл. 5. Интерьер храма Боголюбского. Вид с юга

• Илл. 6. База северо-западного подкупольного столба в шурфе 7. Вид с юга

• Илл. 7. Два ордера, основной и дополнительный, в западном рукаве креста

жам). Этот уровень капителей отмечает только основания больших подпружных арок, несущих барабан. Это главный, большой ордер собора. Он повторен также на обращенных друг к другу лопатках, поддерживающих среднюю арку лицевой стены хора. Таким образом, всего мы видим шесть капителей с рельефами львов, составляющих большой и главный ордер собора.

Ордер Успенского храма Боголюбского, включающий лопатки столбов и стен, а также базы и капители, отличается от абстрактного ордера древнерусских и византийских храмов. Главное отличие состоит в том, что тут есть базы, чего в византийской системе у лопаток нет никогда (у подкупольных колонн базы встречаются), а также в том, что в абстрактной ордерной системе Византийского мира роль капители играет не имеющий большого объема отрезок карниза, выступающий профиль прямоугольного сечения, тогда как в Успенском соборе видим именно крупные капители из каменных блоков, на которых вырезаны рельефные фигуры львов. Это какой-то другой способ освоения пространства и придания ему регулярности, не холодновато-рациональный византийский, а вполне подражающий античности и потому более «живой» и полный ордер на манер классического (илл. 7).

Кроме основного, большого ордера в интерьере Успенского храма Боголюбского есть и дополнительный ордер. Этот дополнительный или промежуточный ордер находится несколько ниже, он расположен на уровне основания арок, отходящих от подкупольных западных столбов (оговоримся, что речь все так же идет про центральную и западную части

храма, западнее иконостаса Екатерининского времени, и, следовательно, древней алтарной преграды, которая проходила по той же линии, о наличии ордера в восточной части мы сведений не имеем) к лопаткам лицевой (западной) стены хор и к боковым, северной и южной стенам. На пристенных лопатках боковых стен хор и на лопатках лицевой (западной) стены хор также устроены капители, находящиеся в том же уровне. Таким образом, в храме мы наблюдаем восемь капителей у восьми лопаток, часть которых является частью столбов. Но это еще не все: две арки от опор лицевой стены хор до западной стены хор, а также две боковые арки второго яруса лицевой стены хор устроены в одном ярусе, и в их основании устроено еще восемь капителей с рельефами львов.

Как видим, дополнительный (или промежуточный) ордер имеет даже больше капителей. Эти шестнадцать капителей устроены в уровне, идущем ниже основного ордера на высоту арок.

Верхнему уровню капителей, относящемуся, как мы видели, к большому и дополнительному ордеру, в какой-то степени вторит нижний уровень капителей, располагающийся только в средней части нижнего уровня хор. Здесь обращенные друг к другу основания широкой средней арки, ведущей из наоса под хоры, отмечены двумя крупными капителями с растительным орнаментом, а основания арок, идущих от опор по сторонам этой арки к западной стене хор, выделены профилированными капителями с двух сторон, то есть на опорах и на лопатках на западной стене. Под хорами использован тот же принцип, что и наверху: большая арка снабжена «большим» ордером, а две малых — «дополнительным» ордером. Всего в этой зоне две больших и четыре малых капители. В боковых арках под хорами капителей нет.

Мы видим, что в Успенском соборе Боголюбского последовательно проведен принцип ордерности: крестчатым столбам соответствуют лопатки на стенах, большой ордер расположен в зоне высоких арок, дополнительный — в зоне меньших арок, проходящих несколько ниже. Все несущие элементы, столбы и лопатки, имеют базы и капители. Большой и дополнительный ордеры заходят и в зону хор.

Такая же ордерная система была подхвачена в церкви Покрова на Нерли. Этот храм значительно меньше, он тоже одноглавый, но он

принадлежит к храмам на четырех опорах типа «вписанный крест», то есть уже без нартекса. Однако хоры здесь есть, вся западная треть храма двухъярусная, и выглядит это так, как будто нартекс вместе с хорами «въехал» в несколько удлиненную западную часть четырехопорного объема. Столбы в церкви Покрова крестообразные, им отвечают лопатки на стенах, причем на хорах лопатки на западной стене есть в двух уровнях: под хорами и над хорами.

Если западная пара крестообразных в сечении подкупольных столбов «связана» сводами хор, подходящими к ним с запада, то восточная пара столбов высокая, с высоко расположенными арками от столбов к стенам; это те же самые «одинокое» столбы, что и в Успенском храме Боголюбского.

В церкви Покрова на Нерли мы видим повторение основного ордерного приема Успенского храма Боголюбского. Подкупольные столбы имеют профилированные базы, по профилю сходные с тем, что было зафиксировано в 2022–2023 гг. в шурфе 7 у южной стороны северо-западного подкупольного столба Успенского храма. В церкви Покрова это (сверху вниз): валик, уступ, выкружка, уступ, полувал с подсечкой снизу. Напомним, что в Успенском соборе в указанном шурфе видим примерно то же самое.

В церкви Покрова на Нерли, как и в соборе Боголюбского, наверху базам столбов отвечают капители. На двух сторонах каждого из четырех подкупольных столбов церкви Покрова присутствуют капители с рельефными изображениями львов. Это восемь капителей большого ордера (можно думать, что на соответствующих сторонах восточной пары подкупольных столбов Успенского собора капители все же тоже есть или были). В основании малых арок, перекинутых от столбов к стенам в верхнем уровне сводов, также присутствуют «львиные» капители: они есть в основании боковых арок, ведущих в угловые восточные части храма, а в арках, перекинутых от восточных столбов к межалтарным стенкам, их нет (их здесь четыре); еще они есть у арок, перекинутых от западной пары столбов к боковым стенам (четыре капители) и от арок, перекинутых от этих столбов к западной стене (еще четыре капители). Как видим, в верхней зоне церкви Покрова на Нерли принцип двух ордеров, большого и промежуточного (дополнительного), соблюден полностью, так что

здесь сходство с Успенским собором Боголюбского совершенное.

Несколько иная ситуация в церкви Покрова с малым орденом, расположенным в арках под хорами: здесь в средней арке, ведущей из наоса под хоры, есть в основании профилированные капители, но подобные капители есть и в основании малых арок, расположенных по сторонам средней (чего в соборе Боголюбского нет, по крайней мере, в настоящее время). В средней части хор две невысоких арки, перекинутые от столбов к лопаткам на стенах, имеют капители в основании с запада, на лопатках западной стены.

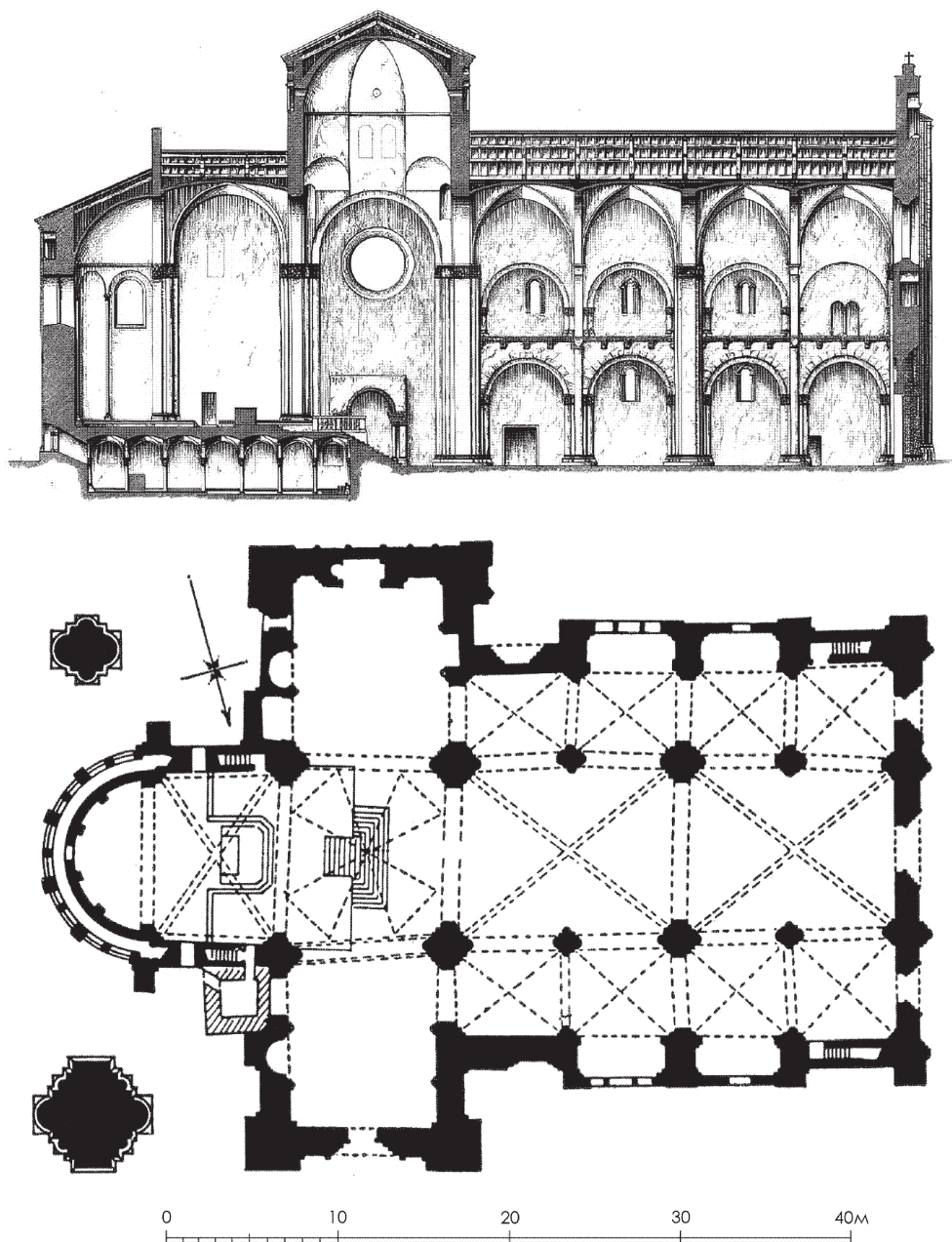
Мы видим, что в отношении ордера, элементы которого структурируют пространство и придают ему определенность и логичность, Успенский собор Боголюбского и церковь Покрова на Нерли являются родственными структурами, созданными как будто одной рукой. Разница просматривается в образе и в деталях. Ясно, что разница типа и размеров дают разную образность: оба храма высокие, но крупный размер и объемность Успенского собора производят, при сходстве композиционной и ордерной систем, другой эффект, монументальный и как будто более острый одновременно. Кроме того, есть различие в деталях, обеспеченное как размерами (восемь окон в барабане церкви Покрова и двенадцать — в Успенском соборе), так и типологическими различиями: западные столбы Успенского собора свободны на всю высоту, а те же столбы церкви Покрова связаны арками вставленных в западную треть храма хор. Есть и существенные отличия, вызванные разным подходом к иконографии отдельных узлов пространства: в соборе Боголюбского барабан купола несут угловые вогнутые тромпы (вернее — треугольные группы из одного большого тромпа и двух маленьких — сверху и по бокам), тогда как в церкви Покрова их заменили более привычные для древнерусских храмов треугольные паруса.

В целом внутренние пространства Успенского собора Боголюбского, имеющего точную дату (1158–1160), и церкви Покрова на Нерли, имеющую не совсем точную дату (1165), названную в позднем летописном источнике, могут свидетельствовать о том, что церковь Покрова появилась в результате уменьшения, упрощения и некоторого развития (в движении вверх) Успенского собора.

Не такой ясной представляется ситуация с архитектурой внутреннего пространства церкви Рождества Богородицы в Боголюбове, точная дата строительства которой неизвестна, но которая достоверно была построена в период княжения Андрея Боголюбского и, вероятно, между строительством собора Успения и возведением церкви Покрова на Нерли. Памятник сохранился только на уровне основания стен. В боголюбовской церкви, относящейся примерно к тому же типу, что и церковь Покрова, но несколько более крупной по размерам (это четырехстолпный вариант храма типа «вписанный крест» с хорами над западной третью; вероятнее всего, и этот храм был одноглавым), столбы круглые, в чем можно видеть влияние романской архитектуры Ломбардии; на стенах столбам отвечают прямоугольные в сечении лопатки. Однако относительно внутреннего ордера у нас нет никаких сведений: базы у лопаток церкви в Боголюбове отсутствуют, а капители находились бы в том уровне стен, который до нашего времени не дошел.

Появление ордерной декорации в Успенском соборе Боголюбского и церкви Покрова на Нерли вряд ли было связано с теми примерами абстрактного ордера, которые нам известны в византийских и древнерусских постройках, где, как уже говорилось выше, верхние части столбов, основания некоторых арок, а также основания конх и барабанов отмечали горизонтальными каменными карнизами простого сечения, довольно сильно выступавшими из плоскости стен. Хотя схема в целом похожа, но достаточно узкие выступы плит древнерусских храмов с абстрактным орденом, восходящие, видимо, к византийским образцам, хотя и бывают расположены последовательно в области применения нескольких уровней «отметок» для одной опоры (см., например, Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове), но не столь заметны, как массивные и объемные капители со львами. Кроме того, абстрактный ордер византийского типа никогда не имеет базы, а столбы Успенского собора имеют, как мы видели, базы.

Можно думать, что абстрактный ордер византийского типа стал основой для европейских, романских по стилю мастеров при создании их варианта ордера, как стал для них основой тип четырехопорного храма с нартексом для создания его вертикального варианта в Успенском

• Илл. 8. Церковь Сан-Микеле в Павии. План, продольный разрез

соборе. Но эту основу приезжие архитекторы решали уже по-своему, в соответствии с романской ордерной системой. Это привело к большей последовательности, выразившейся в появлении, не только разноуровневых капителей, но также и баз столбов и пристенных лопаток, а также в применении капителей на хорах с сохранени-

ем последовательности и взаимоотношения этих ордерных элементов.

Где следует искать романские и итальянские прототипы абстрактного ордера Успенского собора времени князя Андрея Боголюбского? Мы убеждены, что в тех европейских памятниках XII в., и прежде всего итальянских, в кото-

рых композиция включала два яруса арок, а это должны быть здания, у которых есть подкупольные столбы с высоко расположенными арками и капителями соответственно, а также с несколько пониженными аркадами основного нефа — и их капителями.

Таких памятников немного, но достаточно указать на церковь Сан-Микеле в Павии (илл. 8), построенную в первой половине XII в. (после землетрясения 1117 г., в 1110-е — 1130-е гг.), в которой в 1155 г. был коронован (коронай Итальянского королевства) избранный император Фридрих Барбаросса (La Lombardia, 1978. Р. 90–114; Lombardia romanica, 2010. Р. 147–162; Tosco, 2016. Р. 171–173; Опль, 2010. С. 65), чтобы сказать, что образцы для ордерной системы Успенского храма во Владимире существовали.

В церкви Сан-Микеле в Павии ордер устроен принципиально схожим образом: так же, как в Успенском соборе, подкупольные столбы, расположенные в восточной части этого базиликального трехнефного здания, имеют базы и капители (илл. 9). Этот же главный ордер продолжается наверху колонн и лопаток, членящих средний неф базилики. Все ордерные элементы имеют не только капители, но и базы.

Главному ордеру в Сан-Микеле подчиняется дополнительный, расположенный на обращенных друг к другу арках, отделяющих главный неф от двухъярусных боковых нефов. Сходство с двумя ордерами Успенского собора дополнительно подчеркивается вертикальностью подкупольных опор павийского храма, которые имеют сложное сечение с уступчатыми лопатками или полуколоннами, наложенными на лопатки, но при этом не теряют вертикальности и определенной обособленности от примыкающих к восточным опорам участков стен или подходящих к западным опорам арок. Широкий восьмигранный барабан церкви Сан-Микеле, конечно, отличен от вертикального и круглого барабана Успенского собора, но в обоих случаях барабаны опираются в углах на тромпы.

Родство структур просматривается так, что церковь Сан-Микеле, построенную раньше Успенского собора, можно считать одним из основных источников романской части форм храма князя Андрея Боголюбского. В связи с этим мы думаем, что именно романская архитектура Ломбардии была первым источником форм архитектуры Владимиро-Суздальского княже-

• Илл. 9. Интерьер церкви Сан-Микеле в Павии.
Вид с юго-запада

ства в конце 1150-х — первой половине 1160-х гг. Первым образцом ломбардского влияния или, говоря точнее, первым примером работы ломбардской архитектурной группы или артели являлся именно Успенский собор Боголюбского 1158–1160 гг.

Отдельно следует сказать о капителях с барельефными изображениями львов, которые в Успенском соборе Боголюбского (илл. 10: а) появляются впервые во всей архитектуре Владимиро-Суздальской Руси (то есть в 1158–1160 гг.), а затем их делают в церкви Покрова на Нерли (1165 г.?) и в Дмитриевском соборе во Владимире (1190-е гг.), формы которого во многом развивают формы церкви на Нерли. Происхождение этих львиных капителей до сих пор не очень ясно. Нужно указать на несколько похожих капителей, которые известны нам по храмам в Ломбардии (в Павии) и западной Эмилии (в Пьяченце). Эти капители с парными львами являются прямыми

аналогами и предшественниками львиных капителей Успенского собора.

Нужно сразу сказать, что такая капитель есть в церкви Сан-Микеле (La Lombardia, 1978. Р. 90–114) в Павии, которую мы уже назвали в качестве аналога ордерной структуре Успенского собора. Здесь в южной аркаде основного нефа и на одной пилястре южного бокового нефа есть капители со львами, из которых мы приводим ту, которая расположена в южном боковом нефе и представляет лежащего льва с расположенным сбоку хвостом (илл. 10: б). В принципе подобная капитель могла быть основой для львиных капителей Успенского собора, хотя есть разница в трактовке: лев из церкви Сан-Микеле гибкий и как будто более живой, тогда как львы Успенского собора более плотные и застывшие. Кроме того, капители Сан-Микеле были сделаны так, что каждая из них индивидуальна и является особым творением скульптора, а капители Успенского собора построены все по одному принципу и являются

если не типовым изделием, то серией, в которой каждая отдельная капитель и каждое отдельное изображение стремятся к типизации и единообразию.

Может быть, даже ближе к капителям Успенского собора капитель церкви Сан-Пьетро ин Чьель д'Оро в той же Павии, освященной в 1132 г. (Lombardia romanica, 2011. Р. 155–160; Tosco, 2016. Р. 173–174). Эта капитель расположена на пилястре при переходе от бокового южного нефа к абсиде (илл. 10: в). Здесь два туловища таких же упитанных, как во Владимире, но не лежащих, как в Успенском соборе, а стоящих львов сходятся к одному из углов, так что голова у двух львов одна, чего не было у владимирских капителей.

Наконец, в одной из капителей пилястр церкви Сан-Савино в Пьяченце, находящейся уже в области Эмилия и освященной (а значит, и законченной) в 1107 г. (Émilie romane, 1984. Р. 78), видим двух обращенных в разные стороны львов (илл. 10: г), в чем можно усматривать

- Илл. 10. а — капители со львами в Успенском храме Боголюбского; б — львиная капитель в церкви Сан-Микеле в Павии; в — львиная капитель в церкви Сан-Пьетро ин Чьель д'Оро в Павии; г — львиная капитель в церкви Сан-Савино в Пьяченце

иконографическое сходство с капителями Успенского собора. Но сами львы в Пьяченце гибкие, хищные и уплощенные одновременно, что по трактовке формы достаточно далеко от владимирских львов на капителях.

Отметим также капители со львами в ломбардских романских храмах начала XII в. в Лодивеккио: в Сан-Бассиано и Сан-Марко; львы здесь сходятся к углу и имеют общие головы на этих углах (*Lombardia romanica*, 2011. Р. 144–146).

Мы видим, что в романской архитектуре Северной Италии, в областях Ломбардия и Эмилия подобные львиные капители были, что их больше в Ломбардии, чем в Эмилии, и что они могли быть перенесены около 1158 г. во Владимир как иконографическая деталь. Но конкретные аналоги трактовки владимирских львов, тяжеловатых, упитанных и объемных, еще следует отыскать.

Мы уже писали о том, что система членения фасадов церкви Покрова на Нерли произошла от церкви Бориса и Глеба в Кидекше (Седов, 2020а), но была существенно дополнена угловыми, как будто диагональными колоннами, в результате чего храм стал псевдопериптером, то есть приобрел ордерную схему, получил рациональный ордерный каркас. Эта система пришла из Эмилии, но получила дополнительное развитие в самой владими́ро-суздальской архитектуре.

Систему фасадной декорации церкви Покрова и ее членения можно было бы считать вершиной эволюции зодчества Владимиро-Суздальской Руси середины XII в., если бы не декорация фасадов церкви в Боголюбове, где к основным колоннам (полуколоннам и трехчетвертным колоннам) на северном, южном и западном фасадах не прибавились еще и боковые колонки, фланкирующие эти главные колонны. Этот яркий прием больше, кажется, нигде не повторялся. Этот эволюционный скачок в Боголюбове может быть объяснен с точки зрения последовательности строительства храмов двояко: с одной стороны, в Боголюбове мог быть сразу создан сложный вариант, а потом его чуть упростили в небольшой монастырской церкви Покрова, но могло быть и так, что сначала была построена именно церковь Покрова, а затем система чуть усложнилась в Боголюбове.

Мы пока придерживаемся первого варианта: в начале 1160-х гг. к ломбардским мастерам, создавшим Успенский храм Боголюбского

1158–1160 гг., прибавились мастера из Эмилии, которые и создали храм в Боголюбове, усложнив ломбардские формы и добавив к ним схему псевдопериптера, круглые колонны внутри и дополнительные колонки на фасадах. Эта вторая схема, во многом зависящая от Успенского собора, но в некоторых частях связанная с Эмилией, была скомпонована в церкви Рождества Богородицы в Боголюбове и затем закреплена и чуть упрощена в построенной несколько позже Боголюбовского храма церкви Покрова на Нерли.

Опишем систему фасадной декорации церкви Покрова на Нерли как некий эталон владими́ро-суздальской системы середины XII в. Основу этой системы составляют выступающие из стен трехчетвертные колонны, расположенные по диагоналям так, что это позволяет им «работать» на оба смежных фасада, а также полуколонны, делящие плоскости трех фасадов (на восточном выступают полукружия абсид, где декорация другая) на три прясла. Все эти колонны относятся к большому ордеру, вбирающему оба яруса окон и членений основного объема. Они устроены так, что объем храма превращается в псевдопериптер, окруженный выступающей из стен, имитированной колоннадой.

И колонны, и сами стены имеют профилированные базы, колонны имеют также капители с абаксами. Все фасады буквально пронизаны ордерностью.

Помимо этой ордерной декорации есть еще филенчатая или рамочная. Все фасады, кроме восточного, разделены на два яруса, границей которых служит полоса поребрика и отлив кладки над ним. Нижний ярус имеет на указанных трех фасадах три филенки, завершающиеся аркатурно-колончатый пояс. Верхний ярус также имеет на этих фасадах по три филенки, которые завершаются уступчатыми арками закомар.

Каждая филенка имеет по бокам три прямоугольных уступа: первый уступ образует лопатка, на которую наложена большая колонна, второй уступ образует рамка филенки, третий уступ вверху переходит на аркатуру, делая ее арочки двухуступчатыми. Первый уступ, уступ лопатки, переходит и во второй ярус, а также составляет внешний гладкий абрис закомары (внешний архивольт). Во втором ярусе уже не три, а четыре уступа, то есть здесь арочная рамка прясла усложняется. Система уступов по бокам филенки (то есть смотрящих друг на друга в каждом

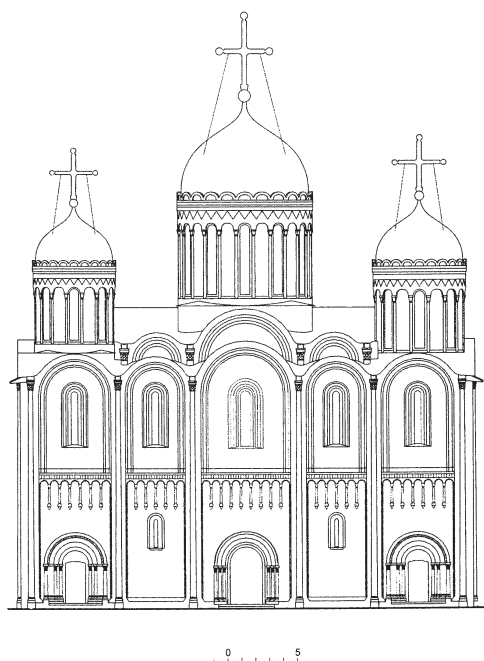
прясле) здесь уже не только уступчатая, в систему вертикальных уступов здесь вплавлены скруленные валиковые тяги.

Во втором ярусе мы видим следующий профиль уступов: сначала идет прямоугольный уступ лопатки, потом валик, потом прямой отрезок и опять валик, скользящий уже по внутренней плоскости филенки.

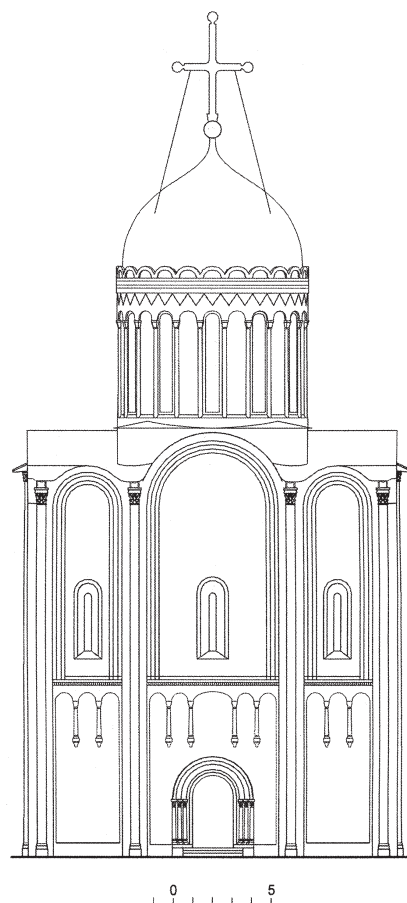
Главный вопрос, возникающий при сравнении фасадной декорации церкви Покрова на Нерли, рассматриваемой нами как эталон второго этапа архитектуры времени князя Андрея Боголюбского (с учетом того, что этот храм родственен несколько более сложной, но сохранившейся лишь частично церкви в Боголюбове), — это вопрос о степени сложности фасадной декорации Успенского храма времени Андрея Боголюбского относительно системы церкви Покрова, то есть об отношении первого этапа (представленного только Успенским храмом) ко второму. Скажем сразу, что вопрос этот достаточно труден для разрешения, прежде всего потому, что ко всем трем основным фасадам этого собора, южному, западному и северному, примкнули высокие галереи последней четверти XII в., закрывшие большую часть фасадного

декора (илл. 11). Кроме того, часть этого декора была сбита со стен во время сооружения этих галерей. Восточная часть первоначального храма вообще была разобрана и заменена ныне существующей, возможно гораздо более развитой и протяженной, чем старая.

В Успенском соборе Боголюбского основная система членения фасадов восстанавливается по фрагментам, однако она все же может быть реконструирована достаточно полно (илл. 12). В верхней части храма над кровлей пристроек возвышаются закомары старого собора (три на западном фасаде и по четыре — на боковых), кроме того, тут видны лопатки и приставленные к ним колонны (полуколонны) с капителями. Расположены они так, что псевдопериптера, о котором мы писали выше применительно к церкви Покрова на Нерли, здесь не получается: колон-

• Илл. 11. Западный фасад Успенского собора времени князя Всеволода Большое Гнездо (по Н. Карабугу)

• Илл. 12. Западный фасад Успенского храма времени князя Андрея Боголюбского (по Д. П. Сухову с дополнениями автора). Чертеж Е. Н. Пророковой

ны устроены в середине лопаток прясел как на промежуточных лопатках, так и на крайних. На углах это выглядит так, что собственно угол огибающих его лопаток остается свободным, а посередине каждой из этих смыкающихся на углу лопаток находится полуколонна; две этих полуколонны близки к углу, но отступают от него. Получается система, в которой лопатки важнее колонок (поскольку именно они членят фасад и образуют угол), а колонки выступают дополнительной «сеткой», которая наложена на основную, из лопаток, на каждом фасаде она разворачивает свой ритм, но отступает от углов, давая место четкому схождению двух лопаток.

Перед нами система, возникшая в результате эволюции. В храмах времени князя Юрия Долгорукого, церкви Бориса и Глеба в Кидекше и Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском (оба памятника — 1140-е — начало 1150-х гг.) основой системы членения фасадов были лопатки в один уступ, которые на углах огибают эти углы без впадин (Седов, 2020а; 2021б). Получаются мощные и ясные угловые огибающие лопатки, зримо оформляющие своим расширением углы, как будто укрепляющие и утверждающие их. Это обычный прием романской архитектуры, распространенный в западноевропейской архитектуре этого стиля достаточно широко.

В Успенском соборе Боголюбского мастера пошли дальше: они оставили крупные лопатки между пряслами и мощные огибающие лопатки на углах крупного объема храма, но добавили к ним полуколонны с капителями и, как увидим ниже, с базами. Эти полуколонны встали посреди плоскостей лопаток, а не на углах, они добавили к образу храма декоративность и торжественность, а также сообщили фасадам собора ордерность. Однако эта ордерность была необычной (можно сказать, незаконченной): она следовала только ритму каждого из фасадов, еще не смыкаясь в единый образ периптера (псевдопериптера). То есть это были три (не учитывая несуществующий ныне восточный фасад с полукружиями абсид) смыкающихся, но отдельных в своем колонном ритме фасадов. Фасады эти были обособлены, ритмичны и имели углы, не отмеченные колонками. Напротив того, крайние колонны всех фасадов отступают от угла, давая место резкому и геометрически ясному схождению двух плоскостей.

Такую же систему получили фасады пристроек к Успенскому собору, здесь мы видим прямой перенос принципов фасадной декорации с объема первоначального собора на галереи времени князя Всеволода Большое Гнездо, ставшие частью большого пятинефного храма, получившегося в результате реконструкции последней четверти XII в.

Эта система с колоннами, членящими фасад, но на углах как будто отступающими, давая место огибающей лопатке, в романской архитектуре впрямую не встречается. Это связано, прежде всего, с тем, что в романской архитектуре Северной и Центральной Италии почти не было зданий с тремя или четырьмя фасадами, а ведь именно храм с тремя фасадами и одним фасадом с абсидами (то есть особым) пришлось делать в соответствии с древнерусской традицией итальянским мастерам во Владимире. В романской Италии же обычно делали один фасад, на котором и сосредотачивали все ордерные и декоративные формы. Чаще всего это был западный фасад, на котором архитекторы применяли все средства выразительности и всю свою пропорциональную изощренность, стремясь создать запоминающийся образ, в какой-то мере отражающий образ всего храма, а в какой-то мере отдельный, самостоятельный, аккумулирующий свои правила и законы.

Первое, что приходит в голову в качестве аналога фасадам Успенского собора Боголюбского, это собор Сан-Мартино в Лукке, построенный в первой половине XII в. (Tigler, 2006. Р. 97–108), в котором главный фасад внизу решен как триумфальная арка, выше которой расположены три ряда так называемых «ломбардских галерей» (арочные галереи с колонками, достаточно частые и мелкие). В этом подобии триумфальной арки внизу три больших арки ведут в лоджию перед порталами, арки разделены полуколоннами, выступающими на фоне уступчатых столбов, тогда как края этой «арки» отмечены не полуколоннами, а довольно широкими пилястрами.

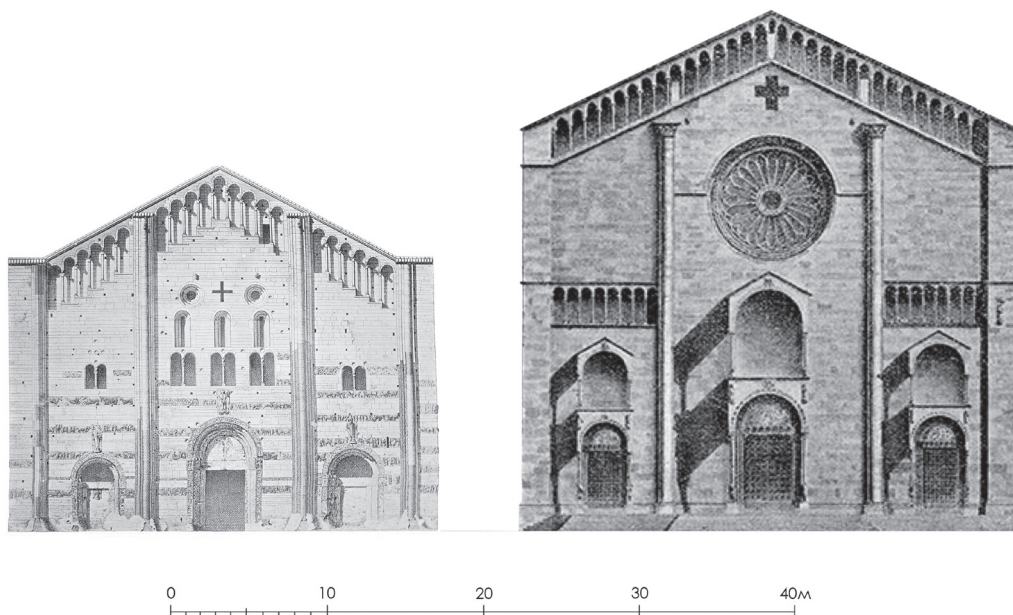
Однако в соборе Сан-Мартино принцип триумфальной арки (то есть разделение фасада на три отрезка, разделенных и фланкированных по краям колоннами или их подобиями) распространяется только на нижнюю часть, а колонны получаются низкими, тогда как в Успенском храме Боголюбского колонны взмывают на всю высоту фасадов.

Следовательно, нужно продолжить поиски аналогов. В соборе в Пьяченце (область Эмилия), начатом в 1022 г. и строившемся до середины XII в. (Guidotti, 1895; Émilie romane, 1984. Р. 27–31; Tosco, 2016. Р. 184–187), схема главного фасада уже ближе к Успенскому собору: здесь три отрезка фасада разделены двумя высокими полуколоннами, которые из-за того, что верх храма решен в виде треугольного щипца, сделаны выше, чем фланкирующие края фасада крупные пилястры. Как видим, принцип триумфальной арки здесь распространен на всю высоту фасада, но края все еще обработаны в виде пилястр, то есть крайние полуколонны, столь важные для образа западного и боковых фасадов первоначального Успенского собора, в Пьяченце отсутствуют (илл. 13, справа). Собор в Пьяченце, как и собор XII в. в Фиденце (в той же области Эмилия), сохранивший только нижнюю часть первоначального убранства западного фасада (Émilie romane, 1984. Р. 83–97), в отношении устройства боковых членений проще Успенского собора Боголюбского.

Однако есть памятник, в котором на западном фасаде разворачивается последовательная схема триумфальной арки с тремя отрезками и ограничивающими их четырьмя высокими колоннами. Этот памятник как будто развивает схему фасада

в Пьяченце и доводит ее до логического завершения, до последовательной схемы с четырьмя колоннами. И этим памятником оказывается уже несколько раз названный храм Сан-Микеле в Павии, где есть родственный Успенскому храму Боголюбского двухъярусный ордер, тромпы под барабаном и парные львы на капителях.

Фасад церкви Сан-Микеле не только добавляет доказательств ломбардского происхождения Успенского храма Боголюбского, но и прямо указывает на храм в Павии как на наиболее вероятный источник форм владимирского памятника (илл. 13, слева). Великолепное зрелище западного фасада церкви Сан-Микеле разворачивается как прямоугольная плоскость, завершенная треугольным щипцом и разделенная вертикалями из четырех колонн, которые по сторонам имеют уступы и выступают как пучки, в чем можно увидеть параллель уступам в пряслах владими́ро-суздальских памятников. Фасад украшен тремя порталами, из которых выделяется средний, окнами, дополнен скульптурными вставками и поднимающейся вместе со скатом щипца ломбардской галереей, аналогом аркатурно-колончатого пояса. Вся эта претворенная для главного входа в церковь схема триумфальной арки, где основные, наиболее выдвинутые колонны имеют базы, но почему-то

• Илл. 13. Западные фасады церкви Сан-Микеле в Павии (слева) и собора в Пьяченце (справа)

не имеют капителей (илл. 14), могла перейти из ломбардского памятника в Успенский храм. Скорее всего, так и произошло.

Заметим, что схема триумфальной арки применяется в романской архитектуре довольно редко. Церковь Сан-Микеле представляет самый последовательный пример использования этой схемы, а все перечисленные храмы Эмилии и Тосканы следуют ей не совсем последовательно или частично. Трехчастная схема триумфальной арки из Сан-Микеле в Павии могла перейти во французскую романику, в церковь аббатства в Сенте середины XII в. в исторической области Сентонж (*Vergnolle*, 1994. Р. 230, 232; автор остроумно говорит о «фасаде-фронтисписе»), где членение фасада в принципе такое же, но боковые колонны выше средних, как будто остановленных карнизом.

То, что определило основу облика трех фасадов собора Боголюбского, было развитием темы, пришедшей из романики Ломбардии. Эта схема триумфальной арки во Владимире распространилась, умножилась и приобрела последовательность и повторяемость форм. В архитектуре Владимиро-Суздальских земель этот пример так и остался единственным.

Рассмотрим декоративную обработку прясел Успенского храма Боголюбского, то есть тех отрезков стен, которые находятся между лопатками с колоннами. Ясно, что фасады храма Боголюбского уже были разделены на два яруса — как в более ранней церкви Бориса и Глеба в Кидекше и как в более поздней церкви Покрова на Нерли.

На западном и южном фасадах старой части сохранились участки аркатурного пояса на колонках, поставленных на консолях; на южном фасаде от пояса остались в некоторых местах консоли. Этот пояс в принципе похож на то, что мы видим в церкви Покрова на Нерли; отличия состоят в том, что в соборе Боголюбского консоли под колонками не скульптурные, капители колонок без растительного декора, кубоватые, а сами арки не имеют второго уступа, сообщающего аркатуре церкви Покрова дополнительную сложность. Мы впервые фиксируем, что в Успенском соборе что-то проще, чем в церкви Покрова, а это может говорить о том, что в промежутке между окончанием первого и началом строительства второй или прямо во время строительства на Нерли произошла определенная эволюция приемов или хотя бы одного этого приема.

Однако второе отличие аркатурных поясов не говорит в пользу эволюции: в пояс Успенского собора вписаны окна с растресками, это окна первого яруса, тогда как в поясе церкви Покрова окон нет, да им бы и не хватило места: пояс колонок здесь гораздо чаще, чем в Успенском соборе.

Третье отличие состоит в том, что в церкви Покрова сохраняется единый ритм во всех пряслах, а в Успенском соборе в среднем прясле западного фасада две средние колонны расставлены очень широко и накрыты пологой и широкой аркой — для того, очевидно, чтобы дать место какой-то живописной композиции, расположенной над входом (сейчас в этом широком интерколумнии под пологой аркой размещена поздняя композиция «Спас на престоле»).

Над первым ярусом прясел, завершающимся аркатурно-колончатым поясом, расположен второй, оканчивающийся наверху закомарами. Переход от нижнего яруса к верхнему осуществлен с помощью наклонного отступа, отлива кладки, под которым проходит пояска поребрика. Все это устроено точно так же, как в церкви Покрова на Нерли, в том числе расположение

• Илл. 14. Главный фасад церкви Сан-Микеле в Павии

• Илл. 15. Верхняя часть бокового прясла западного фасада храма Боголюбского

окон второго света в этом ярусе. Клопатам старой части Успенского собора сейчас приставлены пилоны, поддерживающие своды галерей, а потому профилировка этих первоначальных лопаток видна лишь частично и не во всех пряслах. Однако все же мы видим части такой же профилировки боковых частей прясел (или боковых частей лопаток), какую наблюдаем в храме на Нерли: сначала идет прямоугольный уступ лопатки, потом валик, потом прямоугольный выступ и опять валик, уже с краю (илл. 15). Эти же уступы можно наблюдать на закомарах первоначальной части, выступающих над поздними пристройками.

Добавим сюда указание на полную схожесть

иконографической композиции среднего, первоначального барабана Успенского собора и барабана церкви Покрова: разница состоит только в величине и пропорциях барабанов, а также в количестве окон (напомним, что в Успенском соборе их двенадцать, а в церкви Покрова — восемь), тогда как остальные формы и мотивы декора схожи: как постановка барабанов на квадратные в плане постаменты, так и стройная аркатура на колонках, обходящая барабан и включающая в себя окна, кроме того, пояс ступенчатых «городков» над аркатурой, а также завершающие барабан пояс поребрика, гладкий фриз и пояс арочных ниш-фестончиков на самом верху.

Мы видим, что Владимирский Успенский собор времени князя Андрея Боголюбского был создан примерно в той же манере, что и церковь Покрова на Нерли, но со значительными отличиями. Эти отличия говорят как о том, что внутри группы романских мастеров, прибывших к князю Андрею Юрьевичу, были архитекторы из разных областей, так и о том, что сама эта группа мастеров оказалась способной и склонной к развитию приемов, к эволюции, которая приходится уже на время пребывания мастеров во Владимиро-Суздальской Руси. В церкви Рождества Богородицы в Боголюбове архитектура еще несколько усложнилась: крестообразные столбы были заменены на круглые опоры (по крайней мере, в нижнем уровне), к профилировке нижнего и, вероятно, верхнего ярусов фасадов добавились колонки по сторонам полуколонок.

Все это говорит о том, что Успенский собор времени князя Андрея Боголюбского (1158–1160 гг.) был сооружен некой группой мастеров, прибывших из Северной Италии и принадлежавших в основном ломбардской традиции. Эти мастера из Ломбардии (и, скорее всего, из Павии, возможно, те самые, которые построили до того церковь Сан-Микеле в Павии) освоили, возможно, при помощи древнерусского зодчего, тип четырехпорного храма с нартексом, при этом значительно видоизменив его, сделав его вертикальным, структурным, и добавив к нему ордер, «освободив» его западные подкупольные столбы от примыкающих промежуточных по высоте арок и от отростков самой площадки хор (которые во многих древнерусских храмах получали П-образный план), отодвинутой на запад, в нартекс.

Представляется, что синтез приемов был осуществлен в самом Успенском соборе. Здесь к чертам из Павии (внутреннему ордеру, львиным капителям, устройству фасада по типу триумфальной арки) добавилась двухъярусная структура членения фасада, развивающая мотивы более раннего храма Бориса и Глеба в Кидекше. Только вместо небольшой арочной аркатуры на границе верхнего и нижнего ярусов фасадов появился аркатурно-колончатый пояс на консолях, в принципе известный в романской архитектуре Ломбардии (например, в соборе в Лоди середины XII в. — на фасадах среднего нефа, или в аббатстве Стаффарда первой половины XII — на средней абсиде). Сочетания этих приемов нет ни в одном ломбардском памятнике, формы были собраны поодиночке из некоего ломбардского «склада форм» и «склеены» уже во Владимире, в Успенском соборе. Происхождение этих форм более или менее ясно, но вот сам способ их «склеивания» или сплавления пока не очень ясен и может быть определен с помощью дополнительных исследований.

Возник гибридный памятник, в котором было много декоративных и структурных романских форм, но трудно было найти романские пространственные формы, которые не бросались в глаза и сказывались не в базиликальном или ином принятом в романском храме типе пространства, а в деталях и оттенках распределения того пространства, бывшего по-прежнему древнерусским, византийского извода, но уже древнерусским и по характеру, и по иконографии. С этой точки зрения храм создан как древнерусский, однако во всех деталях, в пронизывающем интерьер ордере, в ордере на фасадах, в их украшении и даже в трюмах при переходе от подкупольного кольца к барабану не сколько сквозит, сколько представляет себя романика, романский стиль ломбардского извода. Этот гибридный памятник был при этом результатом удачного эксперимента, он оказался и представительным, и гармоничным, и украшенным с одинаковым чувством меры, даже с грацией.

Список литературы

Аристарх (игумен). Летопись Боголюбова монастыря с 1168 по 1770 год, составленная по монастырским ак-

там и записям настоятелем оной обители игуменом Аристархом в 1767–1769 годах / сообщ. Леонид (архимандрит) // ЧОИДР. Кн. 1. М.: в Унив. тип., 1878. С. 1–24 (паг. 5-я).

Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М.: изд-во АН СССР, 1961. 270 с.

Бойцов М. А. Василий Татищев, «искусной архитект» Фридриха Барбароссы и кто-то третий // Вивлютика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2021. Vol. 9. С. 69–100.

Виноградов А. История Владимирского кафедрального Успенского собора. Владимир: типо-литогр. губ. правл., 1905. 95 с.

Воронин Н. Н. Зодчество Владимиро-Суздальской Руси // ИРИ. Т. I / под ред. И. Э. Грабаря. М.: изд-во АН СССР, 1953. С. 340–395.

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I. М.: изд-во АН СССР, 1961. 583 с.

Георгиевский В. Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир: тип. Н. А. Паркова, 1896. 236 с.

Георгиевский В. Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский. СПб.: изд. Ком. для устройства празднования трехсотлетия дома Романовых, 1913. 93 с.

Ильин М. А. Забытые открытия (к вопросу о первоначальных формах завершения Успенского собора во Владимире) // Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд., 1983. С. 109–123.

Ильин М. А. Некоторые особенности архитектуры Успенского собора // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. VI. История и реставрация памятников Московского Кремля. М.: Искусство, 1989. С. 43–47.

Иоаннисян О. М. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. // Дубов И. В. Города, величием сияющие. Л.: изд-во Ленинградского ун-та, 1985. С. 140–163.

Иоаннисян О. М. Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции: к 2000-летию христианства: памяти О. И. Подобедовой. М.: Северный паломник, 2005. С. 31–70.

Иоаннисян О. М. Зодчество второй половины XII века // ИРИ. Т. 2/2. Искусство второй половины XII века. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2015. С. 78–118.

Иоасаф (Гапонов В. С., иеромонах). Церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии, составленное на основании определения Св. Правительствующего Синода от 19 мая / 6 октября 1850 года / подгот. А. И. Раздорский, А. В. Сиринов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 558 с.

Комеч А. И. Рабочий метод зодчих Владимиро-Суздальского княжества // СА. 1966. № 1. С. 77–91.

Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века. М.: изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1936. 399 с.

Оплъ Ф. Фридрих Барбаросса. СПб.: Евразия, 2010. 508 с.

Павлинов А. М. История русской архитектуры. М.: типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. 264 с.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: изд-во восточной лит., 1962. 579 с.

ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 271 с.

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 540 с.

ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М.: Археогр. центр, 1995. 166 с.

Раннопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с.

Седов Вл. В. Материалы по архитектуре церкви Благовещения в Витебске // КСИА. 2019а. Вып. 254. С. 330–344.

Седов Вл. В. Церковь Покрова на Нерли и собор в Модене // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019б. № 3 (май – июнь). С. 161–181.

Седов Вл. В. Архитектура церкви Бориса и Глеба в Кидекше // Труды Отделения историко-филологических наук. Т. 9 (2019). М.: РАН, 2020а. С. 205–223.

Седов Вл. В. Церкви Покрова на Нерли и Рождества Богородицы в Боголюбове на фоне романской архитектуры Ломбардии // Архитектурная археология. 2020б. Вып. 2. С. 101–126.

Седов Вл. В. Архитектура собора Рождества Богородицы Антониева монастыря // Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Великом Новгороде. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник, 2021а. С. 109–143.

Седов Вл. В. Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском: основные проблемы изучения архитектуры // Труды Отделения историко-филологических наук. Т. 10 (2020). М.: РАН, 2021б. С. 98–118.

Сергий (Спасский, архиепископ). Святой Андрей, Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятой Богородицы // Жизнь и деяния св. отца нашего Андрея, юродивого Христа ради (с приложением сочинения архиеп. Сергия (Спасского)). СПб.: изд-во Олега Абышко, 2007. С. 180–314.

Столетов А. В. Памятники архитектуры Владимирской области. Владимир: Владимирское кн. изд-во, 1956. 239 с.

Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2, 3. История Российская. Ч. 2. М.: НИЦ "Ладомир", 1995. 688 с.

Трутовский В. Краткий отчет о реставрации владимирского Успенского собора в 1891 году // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XVI. М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900. С. 1–41.

Ушаков Н. Н. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир: Губ. тип., 1913. 474 с.

Émilie romane. Plaine du Po. Milano: Jaca Book: Zodiaque, 1984. 421 p.

Guidotti C. Il Duomo di Piacenza. Monumento nazionale. Studi e proposte. Piacenza: Tipografia Marchesotti e Luigi Porta, 1895. 36 p., 11 tab.

Iijin M. A. La Cattedrale dell' Assunzione di Mosca: precedent culturali // Arte Lombarda. Nuova serie. 1976. 44/45. P. 185–187.

La Lombardia / testo di Sandro Chierici; fotografie di Zodiaque. Milano: Jaca Book, 1978. 389 p. (Italia romanica).

Lombardia romanica. I grandi cantieri. Milano: Jaca Book, 2010. 284 p.

Lombardia romanica. Paesaggi monumentale. Milano: Jaca Book, 2011. 313 p.

Tigler G. Toscana romanica. Milano: Jaca Book, 2006. 352 p.

Tosco C. L'architettura medievale in Italia. 600–1200. Bologna: Il Mulino, 2016. 376 p.

Vergnolle É. L'art roman en France: Architecture, sculpture, peinture. Paris: Flammarion, 1994. 383 p.

References

Aristarkh (igumen). Letopis' Bogolyubova monastyrja s 1168 po 1770 god, sostavlenaya po monastyrskim aktam i zapisyam nastoyatelem onoy obiteli igumenom Aristarkhom v 1767–1769 godakh / soobshch. Leonid (arkhimandrit) // Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh. 1. Moscow: v Universitetskoy tipografii, 1878. P. 1–24.

Afanas'ev K. N. Postroenie arkhitekturnoy formy drevnerusskimi zodchimi. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 270 p.

Boytsov M. A. Vasilij Tatishchev, "iskusnoy arkhitekt" Fridrikha Barbarossy i kto-to tretiy // Vivliothika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2021. 9. P. 69–100.

Émilie romane. Plaine du Po. Milano: Jaca Book: Zodiaque, 1984. 421 p.

Georgievskiy V. Gorod Vladimir na Klyaz'me i ego dostoprimechatel'nosti. Vladimir: tipografiya N. A. Parkova, 1896. 236 p.

Georgievskiy V. Vladimir, Suzdal', Pereslavl'-Zalesskiy. St. Petersburg: izdanie Komiteta dlya ustroystva prazdnovaniya trekhstotletiya doma Romanovkh, 1913. 93 p.

Guidotti C. Il Duomo di Piacenza. Monumento nazionale. Studi e proposte. Piacenza: Tipografia Marchesotti e Luigi Porta, 1895. 36 p., 11 tab.

- Ilgin M. A.* La Cattedrale dell' Assunzione di Mosca: precedent culturali // *Arte Lombarda. Nuova serie.* 1976. 44/45. P. 185–187.
- Il'in M. A.* Zabytye otkrytiya (k voprosu o pervonachal'nykh formakh zaversheniya Uspenskogo sobora vo Vladimire) // *Pamyatniki istorii i kul'tury.* 2. Yaroslavl': Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983. P. 109–123.
- Il'in M. A.* Nekotorye osobennosti arkhitektury Uspenskogo sobora // *Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya.* VI. Istoriya i restavratsiya pamyatnikov Moskovskogo Kremlya. Moscow: Iskusstvo, 1989. P. 43–47.
- Ioannisyan O. M.* Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XIII vv. // *Dubov I. V. Goroda, velichestvom siyayushchie.* Leningrad: izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1985. P. 140–163.
- Ioannisyan O. M.* Romanskie istoki zodchestva Vladimiro-Suzdal'skoy Rusi vremeni Andrey Bogolyubskogo (Germaniya ili Italiya?) // *Vizantiyskiy mir: Iskusstvo Konstantinopolya i natsional'nye traditsii: k 2000-letiyu khristianstva: pamyati O. I. Podobedovoy.* Moscow: Severnyy palomnik, 2005. P. 31–70.
- Ioannisyan O. M.* Zodchestvo vtoroy poloviny XII veka // *Istoriya russkogo iskusstva.* 2/2. Iskusstvo vtoroy poloviny XII veka. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2015. P. 78–118.
- Ioasaf (Gaponov V. S., ieromonakh).* Tserkovno-istoricheskoe i statisticheskoe opisanie Vladimirskoy eparkhii, sostavlennoe na osnovanii opredeleniya Sv. Pravitel'stvuyushchego Sinoda ot 19 maya / 6 oktyabrya 1850 goda / eds. A. I. Razdorskiy, A. V. Sirenov. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2019. 558 p.
- Komech A. I.* Rabochiy metod zodchikh Vladimiro-Suzdal'skogo knyazhestva // *Sovetskaya arkheologiya.* 1966. 1. P. 77–91.
- La Lombardia / testo di Sandro Chierici; fotografie di Zodiache.* Milano: Jaca Book, 1978. 389 p. (Italia romanica).
- Lombardia romanica. I grandi cantieri.* Milano: Jaca Book, 2010. 284 p.
- Lombardia romanica. Paesaggi monumentale.* Milano: Jaca Book, 2011. 313 p.
- Nekrasov A. I.* Ocherki po istorii drevnerusskogo zodchestva XI–XVII veka. Moscow: izdatel'stvo Vsesoyuznoy akademii arkhitektury, 1936. 399 p.
- Opil' F.* Fridrikh Barbarossa. St. Petersburg: Evraziya, 2010. 508 p.
- Pavlinov A. M.* Istoriya russkoy arkhitektury. Moscow: tipo-litograviya tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko, 1894. 264 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey.* I. Lavrent'evskaya letopis' i Suzdal'skaya letopis' po Akademicheskemu spisku. Moscow: izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1962. 579 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey.* XXIV. Tipografskaya letopis'. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 271 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey.* XV. Rogozhskiy letopisets. Tverskoy sbornik. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 540 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey.* 41. Letopisets Pereslavl'ya Suzdal'skogo (Letopisets russkikh tsarey). Moscow: Arkheograficheskiy tsentr, 1995. 166 p.
- Rappoport P. A.* Russkaya arkhitektura X–XIII vv.: katalog pamyatnikov. Leningrad: Nauka, 1982. 136 p.
- Sedov V. V.* Materialy po arkhitekture tserkvi Blagoveshcheniya v Vitebske // *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii.* 2019a. 254. P. 330–344.
- Sedov V. V.* Tserkov' Pokrova na Nerli i sobor v Modene // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya.* 2019b. 3. P. 161–181.
- Sedov V. V.* Arkhitektura tserkvi Borisa i Gleba v Kidekshe // *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk.* 9 (2019). Moscow: Rossiyskaya akademiya nauk, 2020a. P. 205–223.
- Sedov V. V.* Tserkvi Pokrova na Nerli i Rozhdestva Bogoroditsy v Bogolyubove na fone romanskoy arkhitektury Lombardii // *Arkhiturnaya arkheologiya.* 2020b. 2. P. 101–126.
- Sedov V. V.* Arkhitektura sobora Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyrya // *Sobor Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyrya v Velikom Novgorode. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"edinenyy muzey-zapovednik,* 2021a. P. 109–143.
- Sedov V. V.* Spaso-Preobrazhenskiy sobor v Pereslavle-Zal'skom: osnovnye problemy izucheniya arkhitektury // *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk.* 10 (2020). Moscow: Rossiyskaya akademiya nauk, 2021b. P. 98–118.
- Sergiy (Spasskiy, arkhiepiskop).* Svyatoy Andrey, Khrista radi yurodivyy i prazdnik Pokrova Presvyatoy Bogoroditsy // *Zhizn' i deyaniya sv. ottsa nashego Andrey, yurodivogo Khrista radi (s prilozheniem sochineniya arkhiepiskopa Sergiya (Spasskogo)).* St. Petersburg: izdatel'stvo Olega Abyshko, 2007. P. 180–314.
- Stoletov A. V.* Pamyatniki arkhitektury Vladimirskoy oblasti. Vladimir: Vladimirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. 239 p.
- Tatishchev V. N.* Sobranie sochineniy: v 8 tomakh. 2, 3. Istoriya Rossiyskaya. Chast' 2. Moscow: NITs "Ladomir", 1995. 688 p.
- Tigler G.* Toscana romanica. Milano: Jaca Book, 2006. 352 p.
- Tosco C.* L'architettura medievale in Italia. 600–1200. Bologna: Il Mulino, 2016. 376 p.
- Trutovskiy V.* Kratkiy otchet o restavratsii vladimirskogo Uspenskogo sobora v 1891 godu // *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva.* XVI.

Moscow: tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova, 1900. P. 1–41.

Ushakov N. N. Sputnik po drevnemu Vladimiru i gorodam Vladimirskoy gubernii. Vladimir: Gubernskaya tipografiya, 1913. 474 p.

Vergnolle É. L'art roman en France: Architecture, sculpture, peinture. Paris: Flammarion, 1994. 383 p.

Vinogradov A. Istoriya Vladimirskogo kafedral'nogo Uspenskogo sobora. Vladimir: tipo-litografiya gubernskogo pravleniya, 1905. 95 p.

Voronin N. N. Zodchestvo Vladimir-Suzdal'skoy Rusi // Istoriya russkogo iskusstva. I / ed. I. E. Grabar'. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. P. 340–395.

Voronin N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov. I. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 583 p.

Illustrations

Fig. 1. Plan of the Assumption cathedral in Vladimir. Measured in the 1960s

Fig. 2. Plan of the Assumption cathedral in Vladimir with parts of Prince Andrey Bogolyubsky's church (in black). According to the 1960s measurements

Fig. 3. Plan of the Assumption cathedral from the time of Prince Andrey Bogolyubsky (after N. N. Voronin)

Fig. 4. Longitudinal section of the Assumption cathedral in Vladimir (after N. Karabutov with the author's additions). Drawing by E. N. Prorokova

Fig. 5. Interior of Bogolyubsky's church. View from the south

Fig. 6. Base of the north-western sub-dome pillar in pit 7. View from the south

Fig. 7. Two orders, main and additional, in the western arm of the cross

Fig. 8. Church of San Michele in Pavia. Plan, longitudinal section

Fig. 9. Interior of the Church of San Michele in Pavia. View from the south-west

Fig. 10. *a* — capitals with lions in the Church of the Assumption of Bogolyubsky; *b* — lion capital in the Church of San Michele in Pavia; *c* — lion capitals in the Church of San Pietro in Ciel d'Oro in Pavia; *z* — lion capital in the Church of San Savino in Piacenza

Fig. 11. Western façade of the Dormition cathedral from the time of Prince Vsevolod the Big Nest (after N. Karabutov)

Fig. 12. Western façade of the Dormition Cathedral from the time of Prince Andrey Bogolyubsky (after D. P. Sukhov with additions by the author). Drawing by E. N. Prorokova.

Fig. 13. Western façades of the Church of San Michele in Pavia (left) and the cathedral in Piacenza (right)

Fig. 14. The main façade of the Church of San Michele in Pavia

Fig. 15. Upper part of the side curtain wall of the western façade of the Bogolyubsky church

VI. V. Sedov. The Assumption cathedral in Vladimir and the architecture of Prince Andrey Bogolyubsky

Abstract. This article delves into the distinctive architectural characteristics of the Church of the Assumption in Vladimir, commissioned by Prince Andrey Bogolyubsky between 1158 and 1160. The study conducts extensive comparisons with two other contemporary churches, the Church of the Nativity of the Mother of God in Bogolyubovo and the Church of the Protective Veil of The Mother of God on the Nerl, both ordered by the same prince. Remarkably, the Assumption cathedral, predating these two monuments, exhibits a clear influence of Romanesque architecture from the Lombardy region in Italy, with close analogues to the architectural forms found in Pavia. Notably, the façades of the Assumption cathedral feature the principle of the triumphal arch, while internally, the presence of two orders, main and additional, is evident. Moreover, the façades embrace the concept of the arcature-columnar belt and the idea of the stepped circumference of the curtain wall.

Subsequently, the Lombard architectural style seen in the Assumption cathedral significantly impacted structures from Prince Andrey's era. However, it was combined with features indicative of the arrival of master craftsmen from the neighbouring Emilia region of Lombardy in Russia. The triumphal arch scheme on the façades evolved into the scheme of the pseudoperiptera, which originated from Modena. Nevertheless, the fundamental façade decoration remained connected with the Church of the Assumption and was complemented by Emilian forms.

Keywords: Medieval Rus', Rostov-Suzdal land, Vladimir-Suzdal Principality, Prince Andrey Bogolyubsky, Assumption cathedral, architectural origin, architectural archaeology, iconography, Lombardy, Pavia, arcature-columnar belt, trompe, capitals, Emilia.

Sedov Vladimir Valentinovich, doctor of art studies, corresponding member of Russian Academy of Sciences, chief research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation; head, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow State University, 27 bldg. 4 Lomonosovsky Ave., 119192 Moscow, Russian Federation, sedov1960@mail.ru.

О каменных гражданских постройках XIV–XV вв. на иноземных торговых дворах в Новгороде

И. В. Антипов

Введение. Первые каменные здания гражданского назначения появились в Новгороде еще в домонгольское время — мы знаем о существовании по крайней мере одной каменной постройки конца XII — начала XIII в. на Владиычном дворе, здание изучено в ходе археологических работ 2019–2021 гг. (Антипов, Жервз, 2022. С. 132–136; Антипов и др., 2021. С. 88–89). В XIV–XV вв. целый ряд каменных гражданских сооружений появился в резиденции новгородского архиепископа. В ходе археологических исследований 1950–1980-х гг. обнаружено четыре постройки XIV–XV вв. на территории новгородских усадеб (Петров, 1993). Данные письменных источников и археологические материалы, полученные при исследовании территории Готского двора, позволяют утверждать, что на участках факторий иноземных купцов в Новгороде — Немецком и Готском дворах — также существовали каменные гражданские постройки.

Архитектура каменных католических церквей св. Петра (на Немецком дворе) и св. Олафа (на Готском дворе), несомненно, оказывала влияние на зодчество Новгорода конца XIII — XV в. В основном это влияние мы ощущаем в составе декоративных элементов, присутствующих на фасадах новгородских построек XIV–XV вв., а также, вероятно, в применении некоторых конструкций, заимствованных из архитектуры стран Балтийского моря. Безусловно, важно было бы понять, насколько архитектура гражданских построек, существовавших на иноземных дворах, могла повлиять на формы новгородских гражданских построек. Небольшое количество источ-

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-411-1.29-35>

Аннотация. В статье рассматриваются данные письменных источников и археологические материалы о каменных гражданских постройках XIV–XV вв. на территории Готского и Немецкого дворов в Новгороде. Сделан вывод о том, что все жилые и хозяйственные сооружения на территории иноземных факторий были деревянными, а каменные постройки имели складское назначение. Вероятно, архитектура этих построек была очень простой, вряд ли они могли оказать существенное влияние на развитие каменной гражданской архитектуры в Новгороде, особенно на появление сложного многофункционального комплекса зданий на Владиычном дворе в 1430–1450-е гг.

Ключевые слова: Великий Новгород, иноземные дворы, Ганза, каменная гражданская архитектура, архитектурная археология.

Антипов Илья Владимирович — кандидат искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб. 7–9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034, i.antipov@spbu.ru.

ников пока не позволяет подробно рассмотреть этот вопрос, однако уже сейчас возможно представить некоторые размышления на эту тему.

Задача нашей заметки локальна — собрать и проанализировать сведения письменных источников и данные археологических исследований каменных гражданских построек на иноземных дворах.

Изучаемой теме посвящено всего несколько фрагментов текстов в публикациях археологов и историков архитектуры — П. И. Засурцева, Е. А. Рыбиной, Д. А. Петрова, О. М. Иоаннисяна (Засурцев, 1972; Рыбина, 1978; Петров, 1993; Иоаннисян, 2007). В основном в данных статьях описываются остатки постройки на Готском дворе, обнаруженные в ходе археологических работ.

Письменные источники о каменных гражданских постройках на иноземных торговых дворах. Скандинавские эпиграфические источники свидетельствуют о том, что уже на рубеже XI–XII вв. в Новгороде существовала церковь св. Олафа, находившаяся, видимо, на Готском дворе (Мельникова, 1996. С. 97; Jackson, 2010. Р. 157–159; Markus, 2017. Р. 6). В русских источниках деревянная «варяжская церковь» впервые упомянута в 1152 г. (Новгородская Первая летопись, 1950. С. 29), уже в 1217 г. этот храм, вероятно, был каменным — летописец указывает, что в церкви сгорели товары варяжских купцов, но о том, что сгорела сама церковь, не говорит (Там же. С. 57). В известии о пожаре 1311 г. церковь прямо названа каменной (Там же. С. 93). В более позднее время в источниках варяжская церковь не упоминается¹.

Письменные источники не содержат прямых упоминаний о каменных гражданских постройках на Готском дворе. В скре неоднократно упоминается «комната Морнвега», очевидно, склад для хранения товаров (Рыбина, 1986. С. 142–143)². Текст скры показывает, что это помещение входило в состав какого-то многоэтажного здания, так как чтобы попасть в «комнату Морнвега», надо было подняться по лестнице (Там же.

С. 142). К сожалению, сведений источников недостаточно для того, чтобы считать это помещение каменным. Согласно предположению Е. А. Рыбиной, эта комната находилась на Готском дворе (Там же. С. 105).

Уже в 1270-е гг. в источниках впервые упоминается Немецкий двор в Новгороде, возникший, вероятно, значительно раньше, — в 1275 г. при пожаре пострадала немецкая каменная церковь, более поздние источники указывают на ее посвящение св. Петру (Новгородская Первая летопись, 1950. С. 323).

В русских и ганзейских источниках далее неоднократно упоминается церковь св. Петра на Немецком дворе, однако о гражданских постройках практически ничего не говорится. Существуют сведения о том, что на Немецком дворе находился кирпичный дом, — согласно документу 1410 г., купцы новгородского Немецкого двора писали в городской совет Риги о кирпичной постройке. Рижане обратились в Дерпт, чтобы оттуда прислали мастера, «и тот прилежно исполнил всё то, что новгородские немцы сочтут необходимым в будущем» (Die Recesse, 1880. № 668. 1410. S. 522–523; Рыбина, 1986. С. 107). Было ли это исполнено, или нет — неизвестно. При этом текст скры отчетливо показывает, что жилые помещения Немецкого двора в середине XIV в. были деревянными. В 1570 г. новгородскую контору, к тому моменту уже давно заброшенную, посетил рижский бургомистр Ниенштадт, в это время на старом дворе частично сохранялась каменная церковь св. Петра, а также небольшое сводчатое помещение, где Ниенштадт разместил напитки (Рыбина, 1986. С. 83). Видимо, эта же постройка упоминается и в известии Писцовой книги конца XVI в. («полатка каменная») (Майков, 1911. С. 238). Не исключено, что данное сооружение еще раз описано в Писцовой книге Новгорода Великого 1685–1686 гг.: «А на том немецком Свейском дворе полата каменная, а под тою полатою погреб каменный же» (Писцовые и переписные книги..., 2003. С. 186). До сих пор территория Немецкого двора остается фактически неизученной³, о его каменных постройках у нас археологических сведений нет.

¹ По предположению Е. А. Рыбиной, церковь не была восстановлена после пожара 1311 г. (Рыбина, 2009. С. 130).

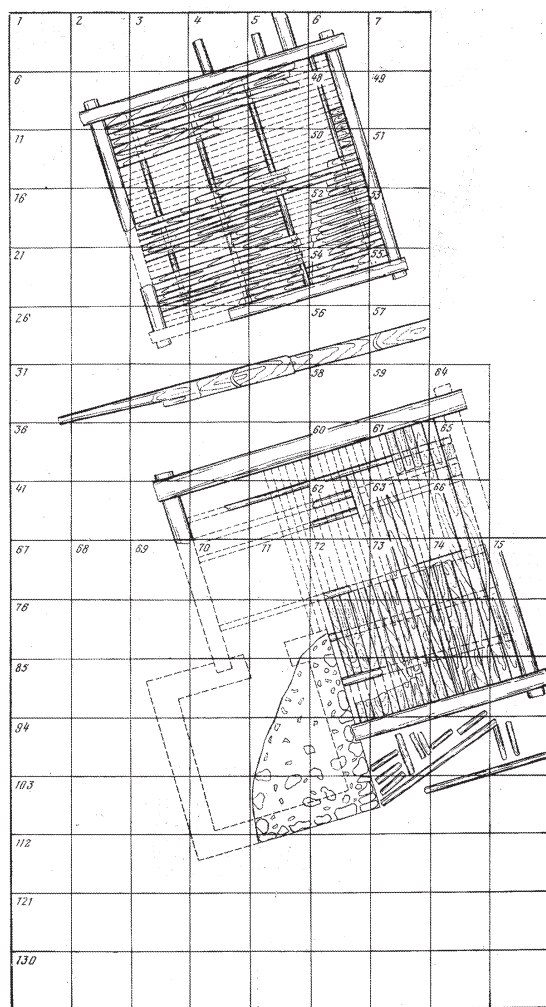
² То, что это помещение выполняло функции особо прочного хранилища, показывает текст скры: «вино нужно помещать у алтаря, сколько можно там уместить, остальное же в комнате Морнвега...» (Рыбина, 1986. С. 143).

³ Работы по изучению территории Немецкого двора начаты в 2020–2022 гг. экспедицией ИА РАН (нач. П. Г. Гайдуков) (Гайдуков и др., 2022. С. 36–48).

Д. А. Петров считает, что с сооружением, упомянутым в Писцовой книге, можно соотнести кладку, обнаруженную С. Н. Орловым в котловане размером 2 × 2 м, находившемся на мостовой Б. Московской ул. в 10 м к западу от восточной красной линии и в 65 м¹ к югу от Ильиной ул. (Петров, 1993. С. 152). Здесь на глубине 0,9 м от поверхности была найдена кладка стены из блоков красного ракушечника, сложенных на известковом растворе. Толщину стены установить не удалось. На глубине 2 м от поверхности появился обрез фундамента из валунов, который уходил ниже основания котлована (2,5 м от поверхности). Погребений не обнаружено (Орлов, 1965. С. 68; 1966. С. 290). С. Н. Орлов соотнес эту кладку с остатками церкви Иоанна Предтечи у Немецкого двора. Фрагменты стен каменной церкви 1359 г. были обнаружены в 1975 г. в центральной части квартала, располагающегося к востоку от Торга и Ярославова дворища, именно здесь храм обозначен на плане Г. Охлопкова 1732 г.; часть северо-восточной стены и апсиды этой церкви раскрыты в 2020–2021 гг. Вл. В. Седовым (Седов, 2022. С. 118–132). В этой связи очевидно, что Орловым была найдена какая-то другая постройка, вероятно, гражданского назначения, так как никаких сведений о церковных зданиях на этой территории у нас нет. Тем не менее материалов для соотнесения этой кладки именно с «полоткой каменной» пока явно недостаточно.

Таким образом, письменные источники, связанные с жизнью Ганзейской конторы в Новгороде, свидетельствуют о том, что в Новгороде на Немецком дворе находилась, по крайней мере, одна кирпичная гражданская постройка (вероятно, с погребом), функции которой не вполне ясны. Не исключено, что какая-то гражданская постройка («комната Морнвега») была и на Готском дворе, но была ли она каменной — неизвестно.

Остатки каменного здания на Готском дворе (возможно, конец XIV — начало XV в.). В 1968–1970 гг. были проведены археологические исследования на Готском раскопе, располагавшемся на части территории, которую в средневековые занимал Готский двор. В ходе археологических работ в 1969 г. удалось открыть каменное соору-

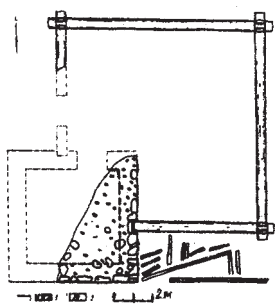

• Илл. 1. Готский раскоп: план яруса 4. Срубы 4 и 5 и остатки каменного фундамента «башни» (по Е. А. Рыбиной)

жение, вероятно, относящееся к концу XIV — началу XV в.² К одному из углов большого деревянного амбара (10,5 × 10,5 м) примыкал фундамент из валунов на известковом растворе, большая часть которого разрушена поздними ямами (илл. 1) (Засурцев, 1972. С. 262–263; Рыбина, 1978.

2 Отметим, что эта датировка очень гипотетична, точно датировать это сооружение невозможно из-за отсутствия четкой стратиграфии на Готском раскопе. Е. А. Рыбина пишет: «По мнению специалистов, кирпичи этой постройки относятся ко времени не ранее 1370 г.» (Рыбина, 1978. С. 213).

¹ В приложении к диссертации С. Н. Орлова указана длина 60 м (Орлов, 1966. С. 290).

• Илл. 2. Готский раскоп: сруб 5 и каменная «башня». Реконструкция П. И. Засурцева

С. 207–210; 1986. С. 105–106; 2009. С. 133–135; *Арциховский и др.*, 1970). Кладка сохранилась в высоту на 1,1 м, лучше всего сохранился юго-восточный угол постройки со сторонами по линии север — юг 6 м, запад — восток 4 м. Здание занимало юго-западный угол амбара, выступая за пределы его южной стены на 2,5 м. Судя по отрывочным описаниям в публикациях, на валунном фундаменте находилась стена, сложенная из ракушечника на известково-песчаном растворе с забутовкой середины кладки валунами¹. Внутренняя облицовка стены не сохранилась, поэтому толщину стены определить не удалось (Е. А. Рыбина предполагает, что она могла быть около 1 м, П. И. Засурцев — 0,8–0,9 м) (*Рыбина*, 1978. С. 209; *Засурцев*, 1972. С. 263). в публикации Е. А. Рыбиной упоминаются кирпичи (*Рыбина*, 1978. С. 213), но характер их применения в кладке постройки не ясен. Полов, вероятно, не прослежено.

Исследователи реконструируют постройку как квадратное в плане сооружение, возможно, башню, однако материалов для такой реконструкции немного (илл. 2). Здание могло иметь как прямоугольный вытянутый план, так и быть значительно меньшей длины. По данным раскопок, фундамент постройки состоял из одного ряда валунов, что, конечно, чрезвычайно мало для высотного сооружения — башни (правда, отметим, что фундамент опирается на материк). Каменное здание и деревянный амбар строились одновременно — для соединения с бревнами стены в каменной кладке был сделан паз (*Засур-*

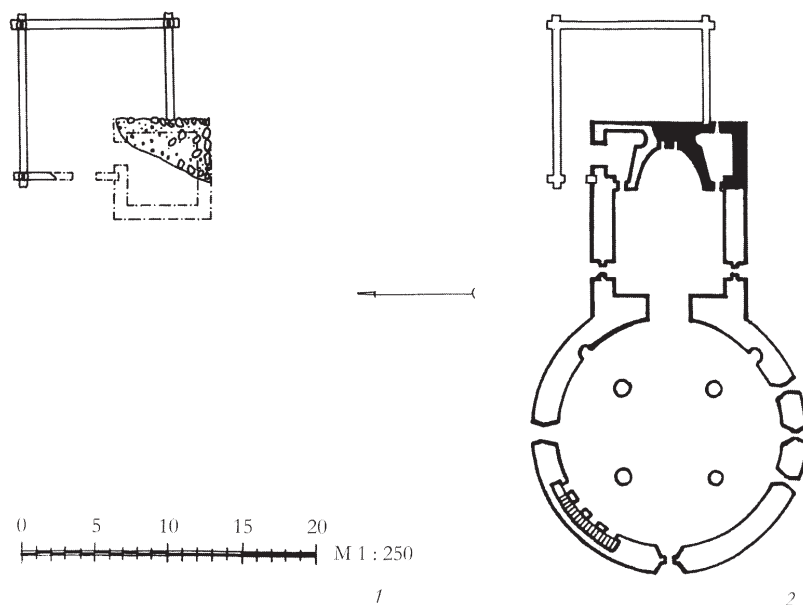
цев, 1972. С. 263)². По мнению П. И. Засурцева, амбар вместе с каменной постройкой погибли после пожара в середине XV в. (Там же. С. 262).

Никаких следов печей в здании не зафиксировано, что, конечно, может быть связано с плохой сохранностью здания. Вероятнее всего, постройка, вне зависимости от реконструкции ее плана и объемно-пространственного решения, имела складское назначение. П. И. Засурцев и Е. А. Рыбина предполагали, что у здания было две основных функции: 1) оно могло быть сторожевой башней, вход в амбары, а вероятно, и во двор находился под защитой этой башни; 2) здание служило надежным хранилищем для наиболее ценных товаров (*Засурцев*, 1972. С. 263; *Рыбина*, 1978. С. 210). Е. А. Рыбина предположила, что башня могла иметь и третью функцию — быть местом заключения провинившихся купцов. Действительно, во второй редакции скры (конец XIII в.) фигурирует башня, в которую могли поместить человека за нанесение увечий другому лицу (*Рыбина*, 1986. С. 106; 2009. С. 135). Отметим, однако, что ссылка на источник не очень соотносится с возможной датой здания. Исходя из того, что примыкающий к башне амбар был двухэтажным, П. И. Засурцев считал, что башня могла иметь и три этажа (*Засурцев*, 1972. С. 263).

О. М. Иоаннисян предположил, что обнаруженные кладки являются частью алтаря церкви св. Олафа, и даже выполнил графическую реконструкцию плана этой церкви (илл. 3) (*Иоаннисян*, 2007. С. 109–112). К сожалению, эта версия не выдерживает критики — согласно реконструкции О. М. Иоаннисяна, северо-западный угол амбара, примыкающий, по мнению исследователя, к пресбитерию церкви св. Олафа, превращается в узкий чулан, а само здание церкви оказывается огромным — диаметр ротонды должен быть около 19 м, длина вместе с пресбитерием превышала бы 30 м. Близкие размеры имеет только церковь св. Духа в Висби, все остальные купеческие храмы-ротонды существенно меньше по площади и никаких де-

¹ В отчете данных о забутовке сердцевины стены валунами нет (*Арциховский и др.*, 1970. Л. 106).

² В статье Е. А. Рыбиной обозначена обратная ситуация — в стене сруба был сделан паз шириной 60 см и глубиной 25–30 см (*Рыбина*, 1978. С. 209). Данные отчета (*Арциховский и др.*, 1970. Л. 106) и графическая фиксация (*Рыбина*, 1978. С. 208. Рис. 5) показывают правильность текста П. И. Засурцева.

• Илл. 3. Готский раскоп: 1 — сруб 5 и каменная «башня». Реконструкция П. И. Засурцева; 2 — план церкви св. Олафа. Реконструкция О. М. Иоаннисяна

ревянных пристроек не имели (Иоаннисян, 2007. С. 102–115).

Таким образом, пока мы можем только констатировать факт существования каменного здания или, что более вероятно, каменной части деревянного здания складского назначения на Готском дворе. Реконструировать постройку на основании имеющихся данных невозможно, интерпретация ее как башни пока не доказана.

Заключение. Таким образом, приходится констатировать ограниченность наших знаний о каменных гражданских зданиях на территории Готского и Немецкого дворов в Новгороде. Только будущие археологические исследования могут расширить круг источников о каменных гражданских постройках на иноземных дворах в Новгороде — несомненно, интереснейшем пласте источников по истории средневековой гражданской архитектуры. Тем не менее некоторые выводы можно сделать уже сейчас. Так, очевидно, что все жилые и хозяйственные постройки на территории иноземных факторий были деревянными, каменные постройки имели складское назначение. Эту версию подтверждает соединение кладки каменной постройки, обнаруженной на Готском дворе, с деревянными стенами амбара. Наибо-

лее вероятно, что таких построек было очень немного — возможно, что на Немецком и Готском дворах находилось всего по одному зданию подобного типа. Складское назначение позволяет предполагать, что архитектура этих построек была очень простой, вполне вероятно, что они могут быть сопоставлены со зданиями на Неревском раскопе, которые, на наш взгляд, тоже имели складское назначение. Маловероятно, что постройки на Немецком и Готском дворах могли оказать существенное влияние на развитие каменной гражданской архитектуры в Новгороде, особенно на появление сложного многофункционального комплекса зданий на Владычном дворе в 1430–1450-е гг.

Список литературы

- Антипов И. В., Жервэ А. В. Архитектурно-археологические исследования на Владычном дворе и в Новгородском районе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 35. Великий Новгород: [б. и.], 2022. С. 132–141.
- Антипов И. В., Жервэ А. В., Родионова М. А. Новые исследования памятников древнерусской архитектуры в Великом Новгороде и Новгородском районе // Нов-

- город и Новгородская земля. История и археология. Вып. 34. Великий Новгород: [б. и.], 2021. С. 86–95.
- Арциховский А. В., Янин В. Л., Колчин Б. А., Авдусина Г. А., Ершевский Б. Д. Отчет Новгородской экспедиции за 1969 г. М., 1970 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3996. Л. 97–106.
- Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Бадалов А. М., Волков И. В., Кудрявцев А. А., Степанов М. А., Тарабардина О. А., Торопов С. Е. Археологические исследования в квартале 38 Великого Новгорода в 2020 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 35. Великий Новгород: [б. и.], 2022. С. 36–48.
- Засурцев П. И. Каменные гражданские постройки XV в. в Новгороде // Новое в археологии / ред. В. Л. Янин. М.: изд-во Московского ун-та, 1972. С. 254–263.
- Иоаннисян О. М. Архитектура Древней Руси и средневековой Скандинавии. Их взаимосвязи // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 99–135. (Труды Гос. Эрмитажа; т. 34).
- Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1911. XLVIII, 307 с.
- Мельникова Е. А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // ВВ. 1996. Т. 56 [81]. С. 92–106.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. 542 с.
- Орлов С. Н. К топографии исторических каменных зданий Древнего Новгорода // Ученые записки НГПИ. Т. 1, вып. 1. Новгород: [б. и.], 1965. С. 53–71.
- Орлов С. Н. Топография Новгорода Великого. Ч. II. Материалы археологических наблюдений: дис. ... д-ра ист. наук / Новгородский гос. пед. ин-т. Новгород, 1966. 499 с.
- Петров Д. А. О каменных гражданских зданиях Новгорода XIV–XVI вв. // Новгородские древности / ред. Д. Швидковский. М.: [б. и.], 1993. С. 151–165. (Архив архитектуры; вып. IV).
- Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII в.: сборник документов / сост. И. Ю. Анкудинов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 664 с.
- Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода / под общ. ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М.: Наука, 1978. С. 197–226.
- Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М.: изд-во Московского ун-та, 1986. 175 с.
- Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.
- Седов Вл. В. Исследование церкви Иоанна Предтечи у Немецкого двора в 2020 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 35. Великий Новгород: [б. и.], 2022. С. 118–132.
- Die Recesse und Andere Akten der Hansetage von 1256–1430. Bd. 5. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1880. 620 S.
- Jackson T. N. The cult of St Olaf and early Novgorod // Saints and their Lives on the Periphery. Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200) / eds.: H. Antosson, H. Garipzanov. Turnhout: Brepols, 2010. P. 147–167.
- Markus K. From Rus' trade to crusade: St Olaf's churches in the eastern Baltic Sea region // Acta Historica Tallinnensia. 2017. Vol. 23, 1. P. 3–25.

References

- Antipov I. V., Gervais A. V. Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniya na Vladychnom dvore i v Novgorodskom rayone // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 35. Velikiy Novgorod: [s. n.], 2022. P. 132–141.
- Antipov I. V., Gervais A. V., Rodionova M. A. Novye issledovaniya pamyatnikov drevnerusskoy arkhitektury v Velikom Novgorode i Novgorodskom rayone // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 34. Velikiy Novgorod: [s. n.], 2021. P. 86–95.
- Artsikhovskiy A. V., Yanin V. L., Kolchin B. A., Avdusina G. A., Ersheskiy B. D. Otchet Novgorodskoy ekspeditsii za 1969 g. Moscow, 1970 // Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. F-1. R-1. № 3996. L. 97–106.
- Die Recesse und Andere Akten der Hansetage von 1256–1430. 5. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1880. 620 S.
- Gaydukov P. G., Oleynikov O. M., Badalov A. M., Volkov I. V., Kudryavtsev A. A., Stepanov M. A., Tarabardina O. A., Tоропов S. E. Arkheologicheskie issledovaniya v kvartale 38 Velikogo Novgoroda v 2020 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 35. Velikiy Novgorod: [s. n.], 2022. P. 36–48.
- Ioannisyan O. M. Arkhitektura Drevney Rusi i srednevekovoy Skandinavii. Ikh vzaimosvyazi // Izuchenie i restavratsiya pamyatnikov drevnerusskoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva. St. Petersburg: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2007. P. 99–135. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha; 34).
- Jackson T. N. The cult of St Olaf and early Novgorod // Saints and their Lives on the Periphery. Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200) / eds.: H. Antosson, H. Garipzanov. Turnhout: Brepols, 2010. P. 147–167.
- Markus K. From Rus' trade to crusade: St Olaf's churches in the eastern Baltic Sea region // Acta Historica Tallinnensia. 2017. 23, 1. P. 3–25.

- Maykov V. V. Kniga pistsovaya po Novgorodu Velikomu kontsa XVI veka. St. Petersburg: tipografiya M. A. Aleksandrova, 1911. XLVIII, 307 p.
- Mel'nikova E. A. Kul't sv. Olava v Novgorode i Konstantinopole // Vizantiyskiy vremennik. 1996. 56 [81]. P. 92–106.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 542 p.
- Orlov S. N. K topografii istoricheskikh kamennykh zdaniy Drevnego Novgoroda // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 1, 1. Novgorod: [s. n.], 1965. P. 53–71.
- Orlov S. N. Topografiya Novgoroda Velikogo. II. Materialy arkhologicheskikh nablyudeni: dis. ... doktora istoricheskikh nauk / Novgorodskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. Novgorod, 1966. 499 p.
- Petrov D. A. O kamennykh grazhdanskikh zdaniyakh Novgoroda XIV–XVI vv. // Novgorodskie drevnosti / ed. D. Shvidkovskiy. Moscow: [s. n.], 1993. P. 151–165. (Arkhiv arkhitektury; IV).
- Pistsovye i perepisnye knigi Novgoroda Velikogo XVII — nachala XVIII v.: sbornik dokumentov / comp. I. Yu. Ankudinov. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003. 664 p.
- Rybina E. A. Gotskiy raskop // Arkheologicheskoe izuchenie Novgoroda / eds.: B. A. Kolchin, V. L. Yanin. Moscow: Nauka, 1978. P. 197–226.
- Rybina E. A. Inozemnye dvory v Novgorode XII–XVII vv. Moscow: izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1986. 175 p.
- Rybina E. A. Novgorod i Ganza. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 320 p.
- Sedov V. V. Issledovanie tserkvi Ioanna Predtechy u Nemetskogo dvora v 2020 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya. 35. Velikiy Novgorod: [s. n.], 2022. P. 118–132.
- Zasurtsev P. I. Kamennye grazhdanskie postroyki XV v. v Novgorode // Novoe v arkhologii / ed. V. L. Yanin. Moscow: izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1972. P. 254–263.

Illustrations

Fig. 1. Gotlandic Court excavation (Novgorod): tier 4 plan — log cabins 4 and 5, and the remains of the stone foundation of the "tower" (after E. A. Rybina)

Fig. 2. Gotlandic Court excavation (Novgorod): log cabin 5 and stone "tower". Reconstruction by P. I. Zasurtsev

Fig. 3. Gotlandic Court excavation (Novgorod): 1 — log cabin 5 and stone "tower". Reconstruction by P. I. Zasurtsev; 2 — plan of St. Olaf church. Reconstruction by O. M. Ioannisyan

I. V. Antipov. Stone civic buildings in foreign trading courts in Novgorod during the 14th–15th centuries

Abstract. This paper delves into the examination of written sources and archaeological materials on stone civic buildings that existed within the Gothic and German trading courts of Novgorod during the 14th–15th centuries. The findings suggest that while residential and utility structures in foreign trading posts were predominantly made of wood, masonry buildings served primarily as warehouses. These structures were likely characterized by simple architectural designs and are unlikely to have significantly influenced the development of stone civil architecture in Novgorod. Moreover, their impact on the emergence of multifunctional buildings within the Vladychny Court between 1430 and the 1450s appears to have been minimal.

Keywords: Veliky Novgorod, foreign trading courts, Hanseatic League, stone civil architecture, architectural archaeology.

Antipov Ilya Vladimirovich, candidate of art studies, associate professor, St. Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation, i.antipov@spbu.ru.

Еще раз о ктиторах церкви Жен-Мироносиц во Пскове (XVI в.) *

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

В Первой псковской летописи под 1546 (7054) г. мы обнаруживаем интереснейшее свидетельство о церковном строительстве, предпринимаемом постепенно осваивающимися в Пскове переселенцами:

Поставиша церковь каменую святого Стефана в монастыри над Великою рекою, а поставил Якимъ Переславецъ сведенои; а другую церковь поставиша на скудельницахъ святыхъ жен Мироносицъ приказщикъ Богдан Ковырин да Григорей Иванов Титова Кирила мыльника, да и придѣл в него имя святого Кирила поставиша да и службу вседневноую учиниша и попов и дьякона, да общее житие составиша, да и ямоу у дьяковъ взяли на церковь, гдѣ оубогиа кладуть, священникомъ на службу (ПСРЛ. Т. V/1. С. 112)¹.

Более всего в данной работе нас будут интересовать имена ктиторов второй из упоминающихся здесь церквей — храма Жен-Мироносиц. В свое время Вл. В. Седов (1994. С. 48–51), отмечая это летописное известие, счел, что заказчиков было трое: Богдан Ковырин, Григорий Иванович Титов и Кирилл Мыльник. Однако в работе исследователя оговаривалось, что та-

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-411-1.36-41>

Аннотация. В работе предложена новая интерпретация летописного сообщения о ктиторах церкви Жен-Мироносиц с приделом, посвященным св. Кириллу, которая была возведена во Пскове в 1546 г. В центре внимания оказывается культ личных патрональных святых и его отражение в церковном строительстве, анализируемый сквозь призму такого специфического для позднесредневековой Руси явления, как светская христианская двуименность.

Ключевые слова: средневековый Псков, церковь Жен-Мироносиц, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители.

Литвина Анна Феликсовна — ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотики Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., 21/4, Москва, Российская Федерация, 105066, annalitvina@gmail.com.

Успенский Федор Борисович — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, Москва, Российская Федерация, 119019; заведующий Лабораторией древнерусской культуры Школы актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, просп. Вернадского, 82, Москва, Российская Федерация, 119606, fjodor.uspenskiy@gmail.com.

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

¹ Здесь и далее разрядка в цитатах принадлежит авторам данной статьи.

кое прочтение можно принять лишь в том случае, если мы допускаем, что летописная запись в известном смысле дефектна, отличается явным аграмматизмом.

В самом деле, такая интерпретация исходит из того, что два участника ситуации поименованы, в соответствии с синтаксическими нормами, в именительном падеже, тогда как имя третьего фигуранта этого перечня неожиданным образом приведено в падеже родительном. Проявляется, кроме того, и более допустимая, но все же требующая некоторого объяснения асимметрия в именовании — один из жертвователей, Богдан Ковырин, назван с отчеством или семейным прозвищем, другой, Григорий Иванов Титов, — с отчеством и «дедчеством» или семейным прозвищем, тогда как третий, пресловутый Кирилл Мыльник, лишен каких бы то ни было генеалогических атрибутов. Помимо всего прочего, имена двух первых заказчиков соединены союзом «да», тогда как имя третьего вводится без какой-либо соединительной конструкции.

Нельзя ли, однако, прочесть эту запись таким образом, чтобы исчезли не только некоторые мелкие шероховатости, но и самый аграмматизм последнего элемента перечня?

Как представляется, искомая — не построенная на том, что летописец допустил грамматическую ошибку, — интерпретация текста возможна, если мы примем в расчет такой феномен, как светская христианская двуименность¹. Эта традиция, когда человек в миру носил два христианских имени, причем одно из них являлось именем публичным, широко упоминаемым в разнообразных документах, будь то государева грамота, налоговая перепись, купчая или данная монастырю, а другое — куда более раритетным, реже появляющимся в текстах, но не менее значимым в его церковной жизни, переживала в XVI столетии бурный расцвет. Двуименность в эту эпоху была явлением социально и гендерно нейтральным — публичное и непубличное христианские имена могли быть у великого князя, боярина, думного дьяка, дворянина, беглого холопа и, конечно же, у купца. Василий III, по распоряжению которого в Пскове оказались его

новые насельники, был еще и *Гавриилом*, не только *Иваном*, но и *Титом* был Иван Грозный, при котором происходило строительство церкви Жен-Мироносиц, Юрием / Софонием Сидоровым звался, в частности, знаменитый дьяк Большой казны, заказавший для псковской Троицкой церкви образ князя Всеволода / Гавриила и казненный здесь же, в Пскове².

Число примеров такой антропонимической практики легко многократно умножить. Вкладные и кормовые книги и синодики псковских монастырей, как, впрочем, десятки других источников этого типа по всей Руси, пестрят подобного рода свидетельствами. Встречаются они и в хронографических сочинениях, и в надписях на предметах — словом, практически всюду, где присутствия одного лишь публичного имени по тем или иным причинам оказывается недостаточно. Зачастую непубличное имя характеризуется в записях неким особым образом, как «прямое», «молитвенное», «крестное имя», «имя» — в противопоставлении «прозвищу» (а именно так нередко помечалось имя публичное). Однако такие характеристики и эпитеты, несмотря на их широкую распространенность, были отнюдь

¹ Подробнее об этой практике имянаречения см.: Литвина, Успенский, 2006. С. 175–215; 2018а; 2018б; 2019; 2020; 2021а; 2022а; 2022б, с указанием литературы.

² Известна, в частности, вкладная запись Юрия / Софония Сидорова, сделанная на рукописи Евангелия апракос 1463 г. (РНБ, Собрание Погодина, №18): «В лето ҃хѣѡв <1563> октября в 11 день в пресловущем граде Пскове у соборные церкви у живона[ч]яльные Троицы в приделе у Благовещения пресвятей Богородицы поставил образ благоверного князя Всеволода, нареченного во святом крещении Гаврила, новаго чудотворца, над гробом его раб Божий дьяк Юрьи Софоней Сидоров. И тое церкви протопопу з братьею и приделным священником Благовещеньским поминати ныне (?) имя его Софония доколе он жив у проскурomisании в заз[д]равных по вся дни, а как его не станет, ино написати имя его Софония в вечной синодик и поминати в заупокойных у проскурomisании по вся дни, доколе Бог благоволит миру стояти. И о сем отцы святи преподобьствовавшие освященный соборе. Бога ради не презрите убогую мою душу со священных приношениях, воспоминаениях ко Господу. Да во страшный день праведнаго суда Христа Бога нашего сподоблени будем неосуженно пред ним предстати молитвами пречистыа его матере Богородица и всех святых. Аминь» (Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Вып. I. С. 31–32. Л. 169).

не обязательными: публичное и непубличное имена могли безо всяких дополнительных пояснений фигурировать в простом соседстве друг с другом. Приведем лишь несколько примеров.

Казначей и окольничий эпохи Грозного Иван Петрович Головин, который носил еще и имя *Фома*, упомянут в летописи следующим образом: «А в другои пролом за Аталыковыми вороты велѣл от князя Михаила же казначѣю Ивану Фомѣ Петровичю, а помогати имъ царю великому князю своим полком» (ПСРЛ. Т. XXIX. С. 200), а о посольстве боярина Воронцова в Никоновской летописи говорится, в частности, так: «А къ Яналѣю царевичю послалъ князь великы въ городокъ Федора Демида Семенова сына Воронцова...» (ПСРЛ. Т. XIII/1. С. 57).

В Псково-Печерском монастыре на одной из надгробных плит обнаруживается следующая запись: «лѣта ҃хо втораго ге҃нварѣ в ҃е днѣ на памѣтѣ иже во стыхъ шца нашего григорѣа бѣгослова архіепискупа коста҃нтинагра(да) убие҃н бысть іванъ есекіѣ анкіѣоѣ снѣ шѣ лѣтвы со князе҃мъ петромъ ивановиче(мъ) шѣйски҃мъ» (Плешанова, 1966. С. 158. № 12). Обратим внимание, что здесь рядом названы оба имени усопшего, *Иван* и *Езекия*, а двуименный князь Шуйский обозначен лишь публичным именем *Петр*. Ср., однако, поминальную запись по самому князю Шуйскому: «Того жъ мѣсяца <января> въ 26 день по князѣ Петрѣ по Гуріѣ Ивановичѣ Шуйскомъ кормъ съ поставца» (Книги кормовые, 1909. С. 11).

Нередко два мирских христианских имени одного и того же лица могут приводиться не подряд, а как бы «с разрывом», образуемым отчеством, — ср., например, упоминание в Разрядных книгах родного брата Федора / Демида Воронцова — Ивана / Фоки: «В левой руке з боярином и воеводою с Иваном Семеновичем Фокою Воранцовым велел быти на Васильево место Воронцова князю Ивану Семеновичю Мезецкому», или упоминание одного из свидетелей в данной 1571 г.: «А у даной сидели люди добрые: ... да Василей Лутьянов сын Вавила» (Акты..., 1988. С. 238. № 390).

С другой стороны, христианская двуименность могла фиксироваться не только в передаче имен тех или иных контрагентов текста, но и в записи их отчеств или именовании по мужу. Знаменитый сын раскольницы боярыни Морозовой был в миру, насколько мы можем судить по дошедшим до нас текстам, обладателем од-

ного-единственного христианского имени *Иван*, а вот его отец, Глеб Иванович Морозов, был, без сомнения, двуименным¹, что и отразилось в поминальной записи по Ивану из Синодика Макарьевской Жабынской пустыни: «Ивана Борисовича, а по реклу (т. е. по прозвищу. — А. Л., Ф. У.) Глѣбовича Морозова» (Леонид (Кавелин), 1865. С. 95). Княгиня Татеева (урожденная Голицына) в миру носила, по всей видимости, одно христианское имя (*Мария*), тогда как ее муж, Федор / Митрофан, был двуименным, что видно, в частности, из того, как обозначена княгиня во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря: «79-го <1571> году марта в 19 день дала вкладу княгиня Марья князь Федорова Митрофана Ивановича Татеева...» (Вкладная книга... С. 77. Л. 266).

Итак, мы знаем, что мирская христианская двуименность в XVI в. — явление крайне распространенное, что в текстах она может фиксироваться на уровне отчеств, и, с другой стороны, в конкретной записи христианские имена одного и того же лица могут как бы обрамлять его отчество или родовое прозвание с двух сторон. В этой антропонимической перспективе летописное известие под 1546 г. обретает некую дополнительную ясность. Его можно интерпретировать таким образом, что заказчиков при строительстве церкви Жен-Мироносиц было двое, а не трое, Богдан Ковырин и Григорий, сын обладателя двух христианских имен, *Иоанн* и *Кирилл*, у которого имелось христиан-

¹ В наречении братьев Морозовых сложным образом переплетены имена русских князей-мучеников Бориса и Глеба (Литвина, Успенский, 2021б. С. 90–91). Старший из них, воспитатель царя Алексея Михайловича, обладал непубличным именем *Илья* и публичным *Борис*, *Борисом* он и именуется в подавляющем большинстве источников. Младший же, муж боярыни Морозовой, носил публичное имя *Глеб* и непубличное *Борис*: «171-го <1663> году июля в 6 день дала вкладу боярина Глеба Ивановича Морозова жена вдова боярыня Федосья Прокофьевна с сыном своим Иваном Глебовичем по муже своем по боярине Борисе, прозвище Глебе Ивановиче Морозове денег 100 рублей серебряных» (Вкладная книга... С. 54. Л. 166). Эта изящная антропонимическая переключка в именах братьев доставляет немало затруднений исследователю и нередко ведет к возникновению путаницы.

ское отчество или родовое прозвание *Титов* и некалендарное именование *Мыльник*, возможно, связанное с родом его деятельности. Соответственно, интересовавший нас фрагмент летописи можно передать следующим образом: '...Богдан Ковырин и Григорий, сын Ивана / Кирилла Мыльника, сына Тита (или: Титова) поставили на скудельницах церковь святых Жен-Мироносиц'.

Имена ктиторов соединены союзом «да», что скорее подразумевает некое равноправие, но при этом у одного из них, Григория, родовые характеристики выглядят гораздо подробнее и обстоятельнее, чем у другого. Объяснение этой большей подробности мы находим непосредственно в тексте самой летописной статьи — Григорий позаботился о том, чтобы в церкви появился особый придел, посвященный тезке и небесному покровителю его отца. По всей видимости, публичным именем последнего было *Иван*, и под ним он был привычно известен своему окружению. В таком случае посвящение одного из церковных престолов св. Кириллу требовало некоторого пояснения, что и побудило составителя летописи привести непубличное имя Ивана Титова — *Кирилл*.

Необходимо заметить, что в эту эпоху для большинства людей за пределами великокняжеской семьи именно непубличные имена были крестильными, а соответственно, именно им чаще отдавалось предпочтение при заказе икон, церковном строительстве и кормовом поминовении. Иными словами, коль скоро у некоего человека было крестильное имя *Кирилл* и публичное *Иван*, а его сын задумал почтить отцовского небесного покровителя, то с наибольшей вероятностью он и должен был давать по родителю поминальные вклады на память св. Кирилла и во имя этого же святого устраивать церковный придел. Как раз благодаря таким ситуациям непубличные крестильные имена зачастую и всплывают в источниках, обнаруживают свое существование для современного исследователя. Вместе с тем синтаксически непротиворечивое прочтение записи Псковской летописи позволяет, как это нередко бывает при анализе конкретных эпизодов двуименности, не умножать число существей и говорить лишь о двух заказчиках церковного строительства, но при этом яснее увидеть фигуру отца одного из них.

Кем был Иван / Кирилл Титов, именуемый *Мыльником*, мы доподлинно не знаем. Очень соблазнительно, вслед за Вл. В. Седовым, отождествить его с купцом Иоанном Титовым, отцом некоего Климентия, упомянутого в агиографических преданиях о чудесах св. Саввы Крыпецкого (Повесть о начале и основании..., 1849. С. 134–136). Если это отождествление верно, то мы можем допустить, что в семье Титовых из всех свв. Иоаннов месящеслова более всего почитался Иоанн Богослов, поскольку именно в деле украшения его обители Климентий, сын Ивана Титова, проявляет, согласно сказанию, особую щедрость.

Можно пойти еще дальше и предположить, что переселенная из Москвы во Псков семья богатого купца Ивана / Кирилла Титова¹ счастливым образом обнаруживает здесь монастырь, посвященный Иоанну Богослову, святому, который приходился тезкой и покровителем главе семейства по одному из его имен (*Иоанн*), и может направить ктиторские усилия на создание церковного придела, посвященного другому его небесному тезке — св. Кириллу. Необходимо учитывать, впрочем, что предание о чудесном исцелении Климентия, сына Ивана Титова, известно нам лишь по компиляции XIX столетия, где различные события трехвековой давности, фигуры живших в ту пору людей и тезоименитых им святых могли отождествляться и расподобляться вне строгой соотнесенности с исторической действительностью середины XVI в.

Список литературы

- Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 гг. / сост. И. З. Либерзон. Л.: Наука, 1988. 273 с.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 440 с.
- Книги кормовые / публ. В. М[айков]. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 20 с. (Отт. из журн. «Старина и новизна», 1909, кн. 13).

1 Ср.: «...переведен бе от царствующего града Москвы повелением великаго князя Василия Иоанновича всея России Самодержца» (Повесть о начале и основании..., 1849. С. 134).

Леонид (Кавелин). Историко-статистическое описание Белевской Жабынской Введенской мужской общежительной пустыни. Тула: тип. Н. И. Соколова, 1865. 128 с.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики, М.: Индрик, 2006. 740 с.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Как звали думного дьяка Ивана Елеазаровича Цыплятева? (Из истории имен-названия в XVI в.) // Вертоград многоцветный: сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018а. С. 387–396.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь. Вып. XIII / отв. ред. А. А. Горский. М.: Индрик, 2018б. С. 241–280.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // Die Welt der Slaven. 2019. Jg. 64, Heft 1. С. 108–127.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. «Се яз раб Божий...»: Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. СПб.: Евразия, 2020. 124 с.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Из наблюдений над ковчегом князя Ивана Хворостинина (1601–1621 гг.) // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2021а. Т. 10, № 1. С. 94–112.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Антропонимическое воплощение семейного единства в средневековой Руси // Русская речь. 2021б. № 6. С. 77–97.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Годунов в кругу родни (Биографические разыскания). СПб.: Евразия, 2022а. 220 с.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени и коммеморативная практика в XVI в. (Новое о думном дьяке Андрее Щелкалове) // Scando-Slavica. 2022б. Т. 68, № 1. С. 157–174.

Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. VI. М.: Наука, 1966. С. 149–206.

Повесть о начале и основании Псковского Печерского первоклассного монастыря, взятая из древних летописцев, обретающихся в книгохранильнице онаго монастыря. 2-е изд. Псков: тип. Губ. правл., 1849. 160 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997–2018. 46 т.

Рукописные книги собрания М. П. Погодина: каталог. Вып. I–V. СПб.: Рос. нац. б-ка, 1988–2014.

Седов Вл. В. Церковь Жен Мироносиц в Пскове (Монастырское строительство Псковских горожан) // Заказчик в истории русской архитектуры. Вып. 1. М.: Овал, 1994. С. 48–51. (Архив архитектуры; вып. V).

References

- Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severa Rossii kontsa XV – XVI v. Akty Solovetskogo monastyrya, 1479–1571 gg. / comp. I. Z. Liberzon. Leningrad: Nauka, 1988. 273 p.
- Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya / eds. B. A. Rybakov, E. N. Klitina, T. N. Manushina, T. V. Nikolaeva. Moscow: Nauka, 1987. 440 p.
- Knigi kormovye / publ. by V. M[aykov]. St. Petersburg: tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1909. 20 p.
- Leonid (Kavelin). Istoriko-statisticheskoe opisanie Belevskoy Zhabynskoy Vvedenskoy muzhskoy obshchezhitel'noy pustyni. Tula: tipografiya N. I. Sokolova, 1865. 128 p.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Vybor imeni u russkikh knyazey v X–XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponomiki, Moscow: Indrik, 2006. 740 p.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Kak zvali dumnogo d'yaka Ivana Eleazarovicha Tsyplyateva? (Iz istorii imyanarecheniya v XVI v.) // Vertograd mnogotsvetnyy: sbornik k 80-letiyu Borisa Nikolaevicha Flori. Moscow: Indrik, 2018a. P. 387–396.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Monasheskoe imya i fenomen svetskoy khristianskoy dvoumennosti v dopetrovskoy Rusi // Srednevekovaya Rus'. XIII / ed. A. A. Gorskiy. Moscow: Indrik, 2018b. P. 241–280.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Khristianskaya dvoumennost' v pravyashchey dinastii na Rusi: Etapy evolyutsii // Die Welt der Slaven. 2019. Jg. 64, Heft 1. S. 108–127.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. "Se yaz rab Bozhii...": Mnogoimenost' kak faktor i fakt drevnerusskoy kul'tury. St. Petersburg: Evraziya, 2020. 124 p.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Iz nablyudeniy nad kovchegom knyazya Ivana Khvorostinina (1601–1621 gg.) // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2021a. 10, 1. P. 94–112.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Antroponimicheskoe voploshchenie semeynogo edinstva v srednevekovoy Rusi // Russkaya rech'. 2021b. 6. P. 77–97.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniya). St. Petersburg: Evraziya, 2022a. 220 p.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Vybor imeni i kommemorativnaya praktika v XVI v. (Novoe o dumnom d'yake Andree Shchelkalove) // Scando-Slavica. 2022b. 68, 1. P. 157–174.
- Pleshanova I. I. Keramicheskie nadgrobnye plity Pskovo-Pecherskogo monastyrya // Numizmatika i epigrafika. VI. Moscow: Nauka, 1966. P. 149–206.
- Povest' o nachale i osnovanii Pskovskogo Pecherskogo pervoklassnogo monastyrya, vzyataya iz drevnikh letopistsev, obretayushchikhsya v knigokhranitel'nitse onago monastyrya. Pskov: tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1849. 160 p.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997–2018. 46 vol.

Rukopisnye knigi sobraniya M. P. Pogodina: katalog. I–V. St. Petersburg: Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, 1988–2014.

Sedov Vl. V. Tserkov' Zhen Mironosits v Pskove (Monastyrskoe stroitel'stvo Pskovskikh gorozhan) // Zakazchik v istorii russkoy arkhitektury. 1. Moscow: Oval, 1994. P. 48–51. (Arkhiv arkhitektury; V).

A. F. Litvina, F. B. Uspenskiy. Revisiting the wardens of Holy Myrrhbearers church in Pskov (16th century)

Abstract. This article presents a fresh interpretation of the chronicle account concerning the wardens of the Church of Holy Myrrhbearers, featuring a side chapel dedicated to St. Cyril, which was constructed in Pskov in 1546. The focus is placed on the cult of personal patron saints and their influence on the architectural

design of the church. The analysis is conducted within the context of a distinct phenomenon prevalent in late mediaeval Rus' known as secular Christian dual naming.

Keywords: Mediaeval Pskov, Church of Holy Myrrhbearers, naming in pre-Peter Rus', the cult of saints, secular Christian dual naming, personal holy patrons.

Litvina Anna Feliksovna, leading research fellow at the Laboratory of Linguosemiotics at School of Philology, Faculty of the Humanities at National Research University "Higher School of Economics", 21/4 Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russian Federation, annalitvina@gmail.com.

Uspenskiy Fyodor Borisovich, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief research fellow, The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 18/2 Volkhonka St., 119019 Moscow, Russian Federation; head of Laboratory of Medieval Rus' Culture, School of Contemporary Humanities Research at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadsky Ave., 119606 Moscow, Russian Federation, fjodor.uspenskiy@gmail.com.

Однонефный храм в квартале II византийского города на плато Эски-Кермен

А. И. АЙБАБИН, Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

● в конце VI в. в результате предпринятой византийским императором Маврикием (582–602 гг.) реформы системы управления владениями империи на Крымском полуострове союзную готскую область Дори включили в новый пограничный дукат и разделили на архонтии, которые подчинили дуке Херсона (Айбабин, 2017. С. 39–42; 2021. С. 479, 481–482). Тогда же византийские инженеры возвели крепость на плато Эски-Кермен, расположенном в западной части области Дори. На протяжении VII в. крепость расстроили в малый город площадью около 11 га с типичным для Византии градостроительным обликом. В южной части плато продольные широкие улицы и пересекающие их под прямым углом поперечные улицы образовывали сетку кварталов. В центре застроенной части плато, перед главным городским храмом, на пересечении широких продольной и поперечной улиц была устроена большая площадь. Помимо главного храма — трехнефной базилики, в городе построили еще две большие церкви. Около южных ворот в скальном массиве вырубили пещерный храм с баптистерием («Судилище»), а около северной калитки, поперек узкой части плато, возвели храм, стены которого сложили на цемянковом растворе. Наличие в небольшом городе нескольких культовых зданий в целом характерно для Византийской империи, где деньги на строительство церквей выделялись всегда щедро. Так, в Палестине, в Ниссане, насчитывавшей всего 1000–1500 жителей, было четыре церкви, а Юстиниана Прима — город в Иллирии площадью 7 га — имела пять церквей (Гийу, 2005. С. 274).

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-411-1.42-52>

Аннотация. После восстановления иконопочитания на соборе, созванном 11 марта 843 г. в Константинополе, церковь активизировала миссионерскую деятельность в Причерноморье, в том числе в Готской епархии. Скорее всего, в X–XI вв. в городе на плато Эски-Кермен перепланировали кварталы и на освобожденных участках стали возводить малые храмы. Один из них раскопан в 2018–2019 гг. в квартале II. Прямоугольный в плане однонефный храм с пристроенным притвором ориентирован апсидой на восток, с небольшим отклонением к югу (длина с апсидой — 12,8 м, ширина — 4,6 м). в X–XII вв. однонефные храмы повсеместно строились на территории Византии.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, Эски-Кермен, однонефный храм, городской квартал, гробница, христианство.

Айбабин Александр Ильич — доктор исторических наук, НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 2, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, 295007, aleksandraibabin@rambler.ru.

Хайрединова Эльзара Айдеровна — кандидат исторических наук, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, 295007, khairedinovaz@rambler.ru.

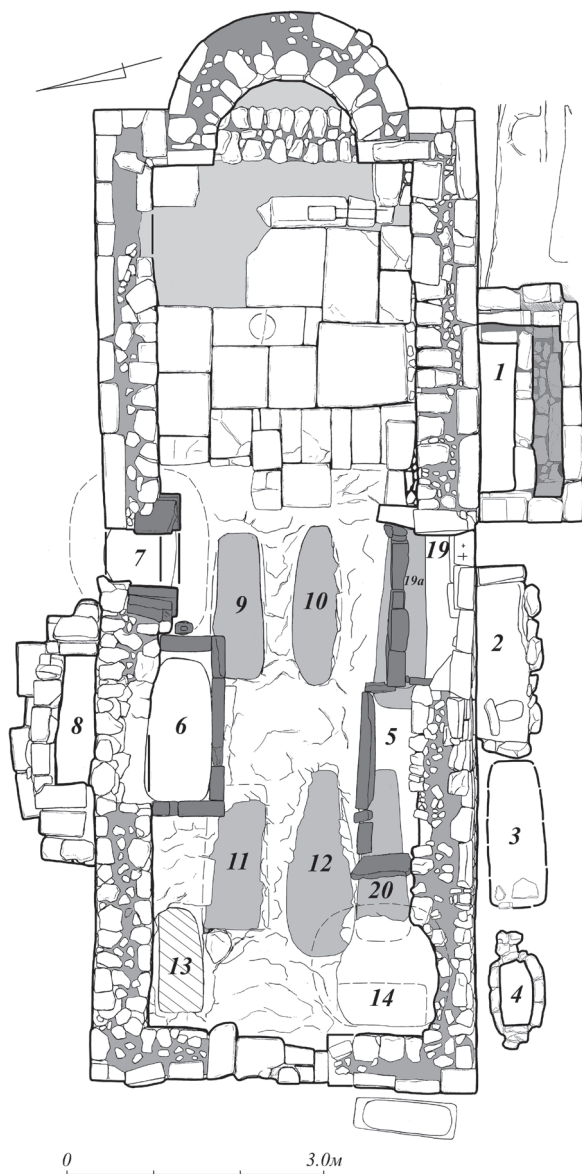
• Илл. 1. Город на плато Эски-Кермен, Юго-Западный Крым. Сводный план кварталов I и II на главной улице: а — номера усадеб; б — номера помещений в усадьбах; в — разрушенные до основания участки стен. Чертеж Э. А. Хайрединовой, 2021 г.

После включения крепостей горного Крыма во вновь образованную в 841 г. византийскую фему формируется градостроительный облик Эски-Кермена позднего периода (Айбабин, 2019. С. 20–27). По периметру плато восстанавливаются ключевые элементы оборонительной системы — вырубленные в скальных башнях казематы и главные ворота. На формирование городского пейзажа этого времени повлияла и возросшая роль церкви во всех сферах общественной жизни империи после восстановления иконопочитания на соборе, созванном 11 марта 843 г. в Константинополе (Jenkins, 1987. P. 150–151; Острогорский, 2011. С. 289). Церковь продолжила миссионерскую деятельность в Причерноморье, в том числе в Готской епархии (Оболенский, 2012. С. 189). Скорее всего, в X–XI вв. в городе шла перепланировка многих кварталов и на специально выделенных местах стали возводить однефные храмы. В Юго-Западном Крыму из Византии распространяется аскетический христианский погребальный

обряд в могилах и усыпальницах при храмах, с последующим перезахоронением в костницах. Со сменой погребального обряда прекращаются захоронения в типичных для раннего средневековья подбойных могилах и склепах, располагавшихся на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен. Горожане, представители одной семьи или рода, стали хоронить своих умерших в храмах на территории города в новых небольших однефных квартальных храмах (Айбабин, Хайрединова, 2020а. С. 323–324).

Один из таких храмов раскопан в 2018–2019 гг. на плато Эски-Кермен в юго-западном углу квартала II (илл. 1–2) (Айбабин, Хайрединова, 2020б). Для его сооружения на рубеже X–XI вв. разобрали выходившую на главную улицу усадьбу. При подготовке к строительству находившееся на территории разобранной усадьбы вырубленное в скале хранилище засыпали грунтом и утрамбовали.

Прямоугольный в плане, однефный храм с пристроенным притвором ориентирован апсидой на восток, с небольшим отклонением

• Илл. 2. Город на плато Эски-Кермен, Юго-Западный Крым. Общий план однефного храма в квартале II: 1, 5, 6, 8, 19 — гробницы, пристроенные к стенам храма; 2–4 — одиночные могилы с внешней стороны храма; 7 — гробница с высеченной в скале камерой под аркосолием; 9–12, 19а, 20 — вырубленные в скальном полу могилы с многократными захоронениями; 13, 14 — гробницы с высеченной в скале камерой. Чертеж Э. А. Хайрединовой, 2019–2022 гг.

к югу. Западной стороной здание выходит на главную улицу, южной — на вторую поперечную улицу, которая разделяет кварталы I и II. Внешние размеры здания: длина с апсидой — 12,8 м, ширина — 4,6 м; внутренние размеры: длина с апсидой — 11,5 м, длина наоса — 3,3 м, длина притвора — 6,3 м, ширина — 3,12 м. Общая площадь храма — 35,8 кв. м. Внутренние размеры храма базируются на византийских мерах длины¹. Его ширина равна десяти футам, длина наоса (по плитовому полу) приблизительно равна десяти футам, а длина притвора — двадцати футам. Вход в храм шириной 1,2 м располагался с запада, со стороны главной улицы. От обрамления дверного проема сохранились крупные, тщательно обработанные известняковые блоки. Порог выложен несколькими плитами с отшлифованной поверхностью.

Стены наоса сохранились на высоту 0,86 м (илл. 3). Они облицованы с двух сторон, с забутовкой из мелкого камня и обломков черепицы, сложены на известковом растворе. Внешняя облицовка стен наоса сложена из больших блоков квадратной и прямоугольной формы, плотно пригнанных друг к другу и подтесанных с лица (илл. 3: 1), внутренняя — из крупных обработанных камней (илл. 3: 2), пространство между которыми заполнено мелким бутом и обломками керамики. Особо тщательно выполнена внешняя облицовка южной стены наоса, обращенная на вторую поперечную улицу (илл. 3: 1). Ее нижний ряд сложен из семи блоков размерами от 0,42 × 0,5 м до 0,46 × 1,1 м; верхний — из шести блоков размерами от 0,44 × 0,44 м до 0,44 × 1,1 м. На лицевой стороне нескольких блоков нижнего ряда видны следы инструмента, которым обрабатывался камень. Большая тщательность кладки лицевой поверхности стен наоса объясняется тем, что внутренняя кладка была рассчитана на штукатурку с росписью. Такой же прием в технике кладки стен отмечен на культовых христианских сооружениях средневекового Херсона (Якобсон, 1959. С. 156).

¹ По мнению Э. Шильбаха, после эпохи Юстиниана I устойчивым размером фута становится 31,23 см (Schilbach, 1970. С. 13–16). Эта цифра была получена исследователем на основе анализа размеров собора Святой Софии в Константинополе («фут Святой Софии») (Ibid. С. 15).

- Илл. 3. Город на плато Эски-Кермен, Юго-Западный Крым. Наос однефного храма в квартале II:
1 — общий вид с юго-запада; 2 — общий вид с северо-востока. Фото А. И. Айбабина, 2019 г.

Полукруглая апсида (внутренний диаметр 1,1 м; внешний — 1,72 м) примыкает к наосу с восточной стороны. В древности апсида была оштукатурена и побелена — остатки штукатурки с известью выявлены на камнях внутренней кладки. Пол в наосе вымощен тщательно подогнанными друг к другу отшлифованными плитами размерами 0,34 × 0,48 — 1,0 × 1,08 м правильной прямоугольной или квадратной формы из твердого привозного камня (илл. 3: 2). Общая площадь вымостки — 10,35 м². На расстоянии 0,4 м от апсиды поперек наоса зафиксированы остатки части каменной подставки под алтарную преграду. Она сделана в виде узкого, длинного блока (длина 1,44 м; ширина 0,34–0,38 м), лежащего поперек наоса, с вырубленным по центру продольным прямоугольным углублением с ровными бортами и плоским дном (длина 0,31 м; ширина 0,17 м; глубина 0,12 м). В наосе, в слое разрушения найдены обломки выполненных из известняка деталей престола: прямоугольной плиты толщиной 0,9 м с невысоким плоским бортиком по краю и овального в сечении столбика — подставки высотой 25,4 см. На поверхности столбика видны граффити, среди которых выделяется равноконечный крест из двух перекрещенных линий с поперечными черточками на концах.

В развале камней от разрушенных стен наоса обнаружены небольшие резные капители из известняка, предназначавшиеся, скорее всего, для декоративных колонн. Стены наоса в древности были оштукатурены и расписаны. В слое разрушения вдоль южной стены выявлены многочисленные мелкие фрагменты штукатурки с полихромной росписью, а на камнях кладки, на высоте 0,6 м от пола сохранились *in situ* небольшие участки штукатурки, покрытые красной и зеленой краской, разделенными узкой белой полосой шириной 0,01 м. Судя по деталям росписи в пещерном храме «Успение», расположенном на юго-восточном краю плато Эски-Кермен, такой декор был типичным для культовых сооружений города в X–XIII вв.

Притвор заметно отличается от наоса по характеру кладки стен, а также полом. Стены притвора сложены, в основном, из разномерного бута и на глиняном растворе с заполнением промежутков мелким щебнем и обломками керамики. В кладках внешней облицовки стен использовано только несколько отшлифованных блоков. Внутри стены притвора были оштукатурены

и местами расписаны. В грунте около южной стены собраны фрагменты штукатурки с полосами красной, зеленой и белой краской, что позволяет говорить о едином стиле настенного декора наоса и притвора. На северной стене притвора, над могилой № 6 располагалось изображение святого, нанесенное красной краской. Фрагменты осыпавшейся штукатурки с частью лика выявлены в верхней части заполнения могилы № 6, пристроенной к северной стене.

В стенах притвора были сделаны окна — фрагменты круглых стекол от них найдены в слое развала камней. Многочисленны находки плинфы, которая, возможно, использовалась для декоративного оформления оконных проемов. Первоначально пол в притворе был скальным, на позднем этапе существования храма, в XII–XIII вв., его покрыли 0,2-метровым слоем плотно утрамбованной глины. Внутри находится 12 погребальных сооружений, отличающихся конструкцией: 6 неглубоких прямоугольных или овальных в плане могил, вырубленных по центру, в скальном полу в два ряда (илл. 2: 9–12, 19а, 20), 3 гробницы с глубокими почти круглыми в плане камерами, высеченными в скальном полу по углам притвора (илл. 2: 7, 13, 14), и 3 пристроенные к стенам здания гробницы, прямоугольные в плане, со сложенными из плит бортами (илл. 2: 5, 6, 19).

В шести прямоугольных или овальных в плане могилах глубиной 0,4–0,9 м, с расширяющимися ко дну бортами захоронено от 43 до 54 человек¹ (илл. 2: 9–12, 19а, 20). Сверху они перекрывались массивными каменными плитами либо деревянными крышками. Судя по найденным в погребениях стеклянным браслетам, бытовавшим в Юго-Западном Крыму в конце IX — XI в. (Голофаст, Мастыкова, 2020. С. 249–254), обломкам высокогорлых амфор-кувшинов с плоскими ручками класса 41 по херсонесской классификации 1995 г., датированных последней третью IX — рубежом XI–XII вв., и византийских амфор типа Günsenin I и II второй половины X — XI в.²,

¹ Антропологические исследования выполнены В. Ю. Радочным, старшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

² Керамические находки определены И. Б. Тесленко, старшим научным сотрудником Института археологии Кры-

вырубленные в скальном полу притвора могилы использовались в XI в.

Камеры овальных в плане гробниц достигают в глубину 2,0 м. Узкие прямоугольные в плане входы-люки в камеру двух гробниц — №№ 13 и 14, расположенных около западной стены притвора (илл. 2: 13, 14), в древности перекрывались, скорее всего, деревянной дверью. В гробнице № 14 в юго-западном углу притвора хоронили на протяжении всего времени функционирования храма — здесь выявлены остатки погребений не менее 145 человек. В одном из захоронений на дне гробницы найдена золотая монета Иоанна I Цимисхия (969–976 гг.) с обрубленными краями, а в засыпи верхних погребений — фрагменты византийских (типа Günsenin IV) и херсонесских (класс 52/ХК95) амфор XII–XIII вв.

Над входным отверстием в гробницу № 7, вырубленную в скале под северной стеной, в месте стыка наоса и притвора, сооружен аркосолий — ниша с полукруглым верхом, основание которой находится на уровне пола (илл. 4: 1, 4). Перекрытие гробницы под аркосолием состояло из трех плит, из которых две боковые служили опорами для арочного перекрытия. На лицевой стороне арки прочерчены параллельные линии и видны остатки красной краски (илл. 4: 2, 3). Видимо, аркосолий был обрамлен врезным геометрическим орнаментом, раскрашенным красной краской. Подобным образом оформлены аркосолии в храме IX–XIII вв. из портового района Херсонеса (Колесникова, 1978. Рис. 4, б). В гробнице № 7 под аркосолием зафиксированы костные остатки не менее 38 погребенных. Среди костей погребенных нижнего слоя найдено горло византийской амфоры с удлинённым бороздчатым корпусом класса 48/ХК-95 (Günsenin III), что позволяет отнести время совершения захоронений в гробнице № 7 к XII–XIII вв. в развале камней рядом с аркосолием найдены каменные блоки из известняка, на одном из которых прорезан небольшой крест с поперечными черточками на концах, а на втором — углубления для крепления металлических крестов и граффити: $\text{†} \epsilon\kappa\pi\rho\iota\sigma\theta\iota \Delta\omicron\upsilon\lambda \text{ } \theta\upsilon \text{ } \text{Κ}\omicron\nu(\sigma\tau)\alpha$ – Почил раб Божий Константин (Евдокимова, 2021. С. 176–178. Рис. 1–3).

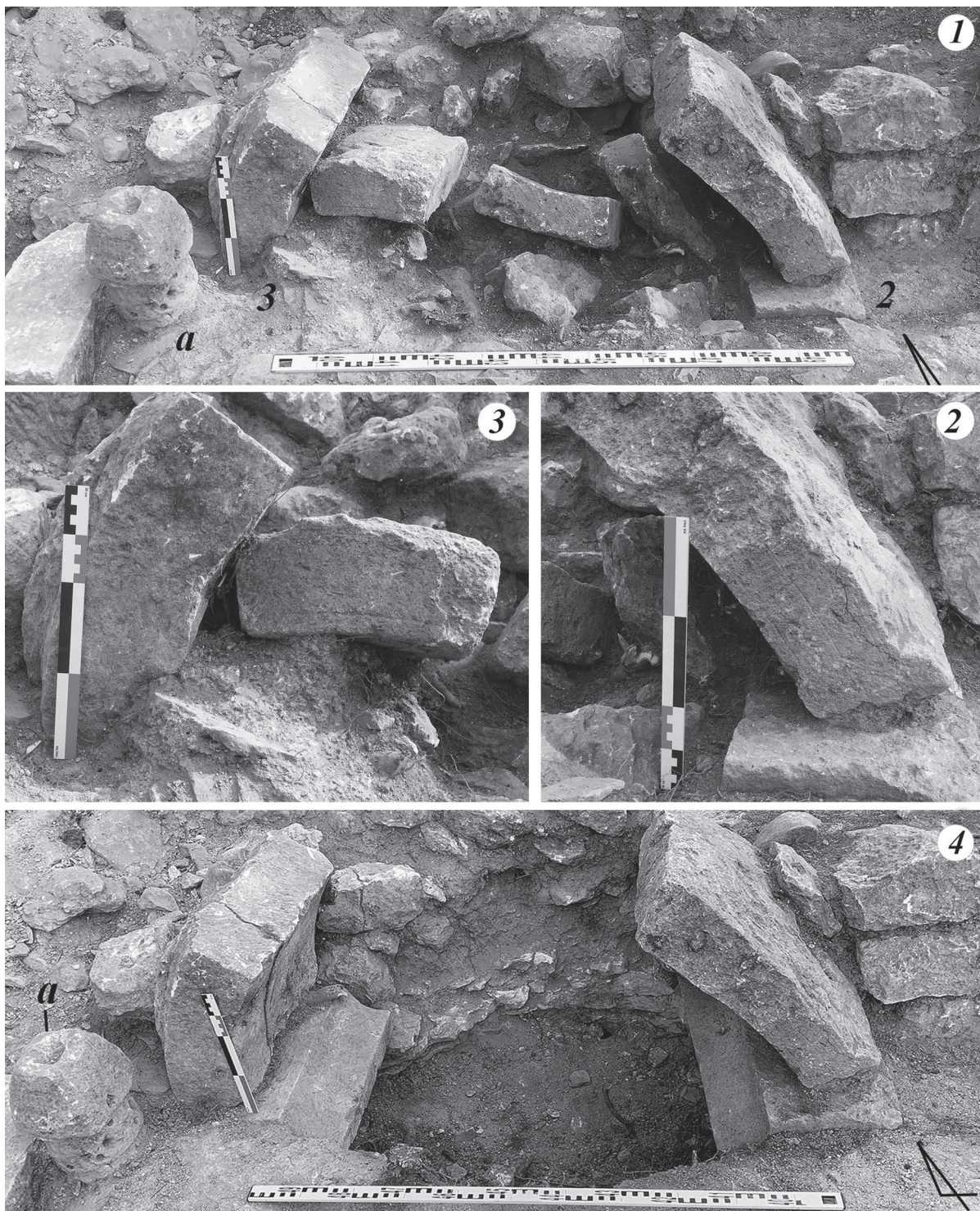
ма РАН, и А. В. Смокотинной, старшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Скорее всего, эти каменные блоки располагались в кладке внутреннего панциря северной стены, рядом с аркосолием, а граффити на них относятся к погребениям, совершенным в гробнице под самим аркосолием.

После того, как высеченные в скальном полу притвора могилы были заполнены погребениями, их засыпали плотным глинистым грунтом, поверх которого возвели прямоугольные в плане гробницы со сложенными из известняковых плит бортами, примыкающими к стенам (илл. 2: 5, 6, 19). Борта гробницы № 6 с внешней стороны были покрыты красной краской. В напольных гробницах похоронено до 30–50 человек. Судя по сопутствующему инвентарю, гробницы использовались в XIII в. (Хайрединова, 2020. С. 297–298).

Две гробницы пристроены снаружи храма: одна — с внешней стороны наоса (илл. 2: 1), другая — к внешней стороне притвора (илл. 2: 8) (Айбабин, Хайрединова, 2019. С. 26. Рис. 3). Вдоль южной стены притвора, на второй поперечной улице зафиксированы три одиночные могилы. К северо-востоку от храма расположено несколько вырубленных в скале погребальных сооружений, перекрытых сверху плитами. Рядом с одним из них стояли небольшой, овальный в сечении каменный столб и известняковый блок с высеченной нишей, предназначавшейся, судя по остаткам угольков, для размещения лампы (своеобразный поминальный комплекс). По бокам ниша обрамлена врезными крестами с расширяющимися концами, вписанными в круг. На поверхности крестов сохранились следы красной краски.

За все время существования храма — с момента возведения на рубеже X–XI вв. и до разрушения во время набега войск Ногай в 1299 г. — на его территории было погребено не менее 700 человек. Во всех типах погребальных сооружений зафиксирован единый обряд. Тела умерших укладывались вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища либо со скрещенными на груди или животе руками, головой на запад, с обращенным к востоку лицом. Под голову часто подкладывался плоский камень, обломок черепицы или толстостенного керамического сосуда (пифоса, амфоры). Иногда голову фиксировали, подперев с двух сторон обломками керамики и калиптера. В представлении христиан, важно было обратить лицо умершего к востоку,

• Илл. 4. Город на плато Эски-Кермен, Юго-Западный Крым. Аркосилий над гробницей № 7 в северной стене притвора однефного храма в квартале II: 1 — общий вид в процессе зачистки; 2, 3 — детали аркосилия; 4 — общий вид после зачистки; а — надгробный камень. Виды с юго-востока. Фото Э. А. Хайрединовой, 2019 г.

поскольку предполагалось, что при втором пришествии поднявшиеся мертвые должны были смотреть на восток, в том направлении, откуда ожидалось явление Христа (Constas, 2006. Р. 135). Изредка погребения сопровождался инвентарем: предметами христианского культа (железный процессионный крест, бронзовые крест и лжица для причастия), личными украшениями (стеклянные браслеты, провололочные серьги, бронзовые кольца и перстни), бронзовыми или серебряными сферическими пуговицами от одежды.

В погребениях встречаются фрагменты черепицы с прочерченными по обожженной глине граффити в виде простого креста, креста с вписанной между ветвями двустрочной формулой IC XC NIKA или прописанной в одну строку формулой IC XC NIKA. Граффити наносились на керамические черепки специально для погребений, находки подобного рода неизвестны в культурных слоях на поселениях. Граффити в виде креста заменяли носившиеся при жизни нательные кресты и служили своеобразными апотропеями для умерших. В могилах их размещали под нижней челюстью, в области шеи или головы погребенного. Формула IC XC NIKA — частично сокращенная форма греческого Ἰησοῦς Χριστός νικά — «Иисус Христос, победи», или Ἰησοῦς Χριστός νικάε — «Иисус Христос побеждает». Считается, что появившаяся впервые в 720 г. на монетах Льва III и его сына Константина IV формула провозглашала победу византийцев над арабами под защитой Христа и Его Креста. Впоследствии имперские коннотации триумфа и победы уступили место более скромной молитве о помощи и защите от сил зла. В Крыму формула IC XC NIKA известна с конца VIII в. Она встречается в строительных надписях, на архитектурных деталях, надгробиях и предметах индивидуального культа. Начиная с XIII в. формула IC XC NIKA в сочетании с крестом или самостоятельно появляется в захоронениях: на плитах, поставленных в восточном торце могилы таким образом, чтобы лицо умершего было обращено к изображению, либо на керамических черепках, которыми прикрывали рот или шею покойного. Предметы с таким изображением помещали, в основном, в погребения безвременно ушедших людей — детей, подростков, либо страдавших при жизни тяжелыми заболеваниями (Хайрединова, 2021). Обряд помещения кера-

мических черепков с христианскими граффити в захоронения для защиты и отпугивания злых духов распространился в Крыму из Византии, где подобный обычай известен в X–XVI вв. (Constas, 2006. Р. 135). Аналогичная практика зафиксирована и в христианском погребальном обряде поздневизантийского времени (XIII — середина XV в.) на территории Греции (Poulou-Papadimitriou et al., 2012. Р. 377, 407, 413), а также у оседлого христианского населения Нижнего Поднепровья во второй половине XIII — XIV в. (Ельников, 2001. Рис. 12, 2, 10; 19, 6; 21, 5; 22, 4, 6; 27, 2; 30, 16; 31, 7; 32, 1; 35, 8; 36, 9; 38, 3; 39, 3; 40, 7; 41, 2; 42, 5; 44, 2; 45, 6, 7, 9; 47, 2).

Эски-керменский храм с притвором из квартала II по планировке, размерам и пропорциям близок исследованному в 1963–1965 гг. Л. Г. Колесниковой в портовом районе Херсонеса храму с аркосолиями (Колесникова, 1978. С. 162–163. Рис. 2–3).

Архитектурный облик квартального храма можно восстановить по небольшой вырезанной из известняка модели храма, найденной в 1931 г. в костнице 99 в часовне около второго марша подъемной дороги на плато Эски-Кермен (Репников, 1935. С. 25. Рис. 11, 99; Айбабин, Хайрединова, 2011. С. 428. Рис. 23). Храмы представляли собой небольшие прямоугольные в плане здания под двускатной крышей, с выступающей полукруглой апсидой со сводчатой крышей. Здание имело стропильное перекрытие. Крыши покрывались черепицей. Многочисленные обломки керамид и калиптеров от кровли обнаружены в развале камней всех квартальных храмов Эски-Кермена. Судя по пропорциям модели, высота храма с двускатной крышей равнялась длине здания без притвора и без апсиды, т. е. примерно пяти метрам. Такие же соотношения длины и высоты характерны для одновременных квартальных однефных храмов Херсона (Рыжов, 2004. С. 161–162, 165. Рис. 3).

В X–XII вв. однефные храмы повсеместно строились на территории Византии (Balance, 1960. Р. 168–169. Fig. 5, 19, 21–23; Canbilen et al., 1996. Р. 201–229. Fig. 1, 3. Иоаннисян, 2013. С. 96). По определению В. М. Полевого, широкое распространение однотипных храмов в X–XII вв. свидетельствует о развитии «народной архитектуры». «Народные мастера-строители» освоили простые церкви, востребованные небольшими общинами (Полевой, 1984. С. 290).

Список литературы

- Айбабин А. И. О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 5. С. 38–45.
- Айбабин А. И. Город фемы Херсона на плато Эски-Кермен // АДСВ. Вып. 47. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2019. С. 20–28.
- Айбабин А. И. Ранневизантийский и хазарский периоды эволюции городов на внутренней Горной гряде Крыма // МАИЭТ. Вып. XXVI. Симферополь: Соло-Рич, 2021. С. 475–497.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь; Керчь: [б. и.], 2011. С. 422–457.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Исследования средневекового городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // История и археология Крыма. 2019. Вып. XI. С. 21–28.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // АДСВ. Вып. 48. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2020а. С. 310–326.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Новый храм с фресками X–XIII вв. на плато Эски-Кермен // Изучение и сохранение древних сакральных пространств в современном мире (к 1365-летию ссылки папы Мартина в Херсонес): материалы междунар. науч. конф. / ред.-сост.: В. В. Майко, Э. А. Хайрединова, Т. Ю. Яшаева. Симферополь: Антика, 2020б. С. 5–10.
- Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург: Е-Фактория, 2005. 546 с.
- Голофаст Л. А., Мاستыкова А. В. Стекланные браслеты из средневековых погребений в Горзувитах (Южный берег Крыма) // МАИЭТ. Вып. XXV. Симферополь: Таврия, 2020. С. 244–266.
- Евдокимова А. А. Погребальное граффито из храма на плато Эски-Кермен (предварительная публикация) // МАИЭТ. Вып. XXVI. Симферополь: Соло-Рич, 2021. С. 175–183.
- Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье: Запорожский гос. ун-т, 2001. 275 с.
- Иоаннисян О. М. Однефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология // Византия в контексте мировой культуры. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 64–116. (Труды Гос. Эрмитажа; т. 69).
- Колесникова Л. Г. Храм в портовом районе Херсонеса // ВВ. 1978. Т. 39 (64). С. 160–172.
- Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: ВРС, 2012. 656 с.
- Острогорский Г. История византийского государства / пер. с нем. М. В. Грацианского, под ред. П. В. Кузнецова. М.: Сибирская Благовонница, 2011. 914 с.
- Полевой В. М. Искусство Греции: в 2 т. Т. 1. М.: Советский художник, 1984. 536 с.
- Репников Н. И. Подъемная дорога Эски-Кермена (извлечения из дневника зачисток 1928, 1929, 1831 и 1933 гг.) // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1935. Вып. 117. С. 18–42.
- Рыжов С. Г. Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности. 2004. Харьков: [б. и.], 2004. С. 160–166.
- Хайрединова Э. А. Деревянные гребни из Эски-Кермена // МАИЭТ. Вып. XXV. Симферополь: Таврия, 2020. С. 295–312.
- Хайрединова Э. А. Фрагменты керамики с христианскими граффити из средневековых погребений Крыма // АДСВ. Т. 49. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2021. С. 193–218.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1959. 364 с. (МИА; № 63).
- Balance C. The Byzantine Churches of Trebizond // Anatolian Studies. 1960. Vol. 10, December. P. 141–175.
- Canbilen H., Lebouteiller P., Sodini J.-P. La basilique de l'acropole haute de Xanthos // Anatolia Antiqua. 1996. Vol. IV. P. 201–229.
- Constas N. Death and Dying in Byzantium // Byzantine Christianity. A people's History of Christianity. Vol. 3 / ed. D. Krueger. Minneapolis: Fortress, 2006. P. 124–145.
- Jenkins R. Byzantium: The Imperial Centuries, A. D. 610–1071. Toronto: University of Toronto Press, 1987. 400 p.
- Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Vol. 1. Kraków: Poligrafia Inspektoratu Towarzystwa Salezjańskiego, 2012. P. 377–428.
- Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München: C. H. Beck, 1970. 300 S.

References

- Aybabin A. I. O reforme sistemy upravleniya vladeniyami Vizantii v Krymu v posledney chetverti VI veka // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. 22, 5. P. 38–45.

- Aybabin A. I. Gorod femy Khersona na plato Eski-Kermen // Antichnaya drevnost' i Srednie veka. 47. Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2019. P. 20–28.
- Aybabin A. I. Rannevizantiyskiy i khazarskiy periody evolyutsii gorodov na vnutenney Gornoy gryade Kryma // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. XXVI. Simferopol': Solo-Rich, 2021. P. 475–497.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A. Pozdnesrednevekovaya chasovnya na plato Eski-Kermen // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. XVII. Simferopol'; Kerch': [s. n.], 2011. P. 422–457.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A. Issledovaniya srednevekovogo gorodishcha na plato Eski-Kermen v 2018 g. // Istoriya i arkheologiya Kryma. 2019. XI. P. 21–28.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A. Kvartal'nye khramy srednevekovogo goroda na plato Eski-Kermen // Antichnaya drevnost' i srednie veka. 48. Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2020a. P. 310–326.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A. Novyy khram s freskami X–XIII vv. na plato Eski-Kermen // Izuchenie i sokhranenie drevnikh sakral'nykh prostranstv v sovremennoy mire (k 1365-letiyu ssylki papy Martina v Khersones): materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / eds.: V. V. Mayko, E. A. Khayredinova, T. Yu. Yashaeva. Simferopol': Antikva, 2020b. P. 5–10.
- Balance C. The Byzantine Churches of Trebizond // Anatolian Studies. 1960. 10, December. P. 141–175.
- Canbilen H., Lebouteiller P., Sodini J.-P. La basilique de l'acropole haute de Xanthos // Anatolia Antiqua. 1996. IV. P. 201–229.
- Constas N. Death and Dying in Byzantium // Byzantine Christianity. A people's History of Christianity. 3 / ed. D. Krueger. Minneapolis: Fortress, 2006. P. 124–145.
- El'nikov M. V. Srednevekovyy mogil'nik Mamay-Surka (po materialam issledovaniy 1989–1992 gg.). Zaporozh'e: Zaporozhskiy gosudarstvennyy universitet, 2001. 275 p.
- Evdokimova A. A. Pogrebal'noe graffito iz khrama na plato Eski-Kermen (predvaritel'naya publikatsiya) // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. XXVI. Simferopol': Solo-Rich, 2021. P. 175–183.
- Giyu A. Vizantiyskaya tsivilizatsiya. Ekaterinburg: E-Faktoriya, 2005. 546 p.
- Golofast L. A., Mastykova A. V. Steklyannye braslety iz srednevekovykh pogrebeniy v Gorzuvitakh (Yuzhnyy bereg Kryma) // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. XXV. Simferopol': Tavriya, 2020. P. 244–266.
- Ioannisyas O. M. Odnonefnye khramy v arkhitekture Armenii i Vizanii (Konstantinopol', Malaya Aziya, Pont, Gretsia, Kipr). Funktsii i tipologiya // Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury. St. Petersburg: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2013. P. 64–116. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha; 69).
- Jenkins R. Byzantium: The Imperial Centuries, A. D. 610–1071. Toronto: University of Toronto Press, 1987. 400 p.
- Khayredinova E. A. Derevyannye grebni iz Eski-Kermena // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. XXV. Simferopol': Tavriya, 2020. P. 295–312.
- Khayredinova E. A. Fragmenty keramiki s khristianskimi graffiti iz srednevekovykh pogrebeniy Kryma // Antichnaya drevnost' i srednie veka. 49. Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2021. P. 193–218.
- Kolesnikova L. G. Khram v portovom rayone Khersonesa // Vizantiyskiy vremennik. 1978. 39 (64). P. 160–172.
- Obolenskiy D. D. Vizantiyskoe sodruzhestvo natsiy. Shest' vizantiyskikh portretov. Moscow: VRS, 2012. 656 p.
- Ostrogorskiy G. Istoriya vizantiyskogo gosudarstva / ed. P. V. Kuzenkov. Moscow: Sibirskaia Blagozovonnitsa, 2011. 914 p.
- Polevoy V. M. Iskustvo Gretsii. 1. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1984. 536 p.
- Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial Practices in Byzantine Greece: Archaeological Evidence and Methodological Problems for its Interpretation // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. 1. Kraków: Poligrafia Inspektoratu Towarzystwa Salezjańskiego, 2012. P. 377–428.
- Repnikov N. I. Pod"emnaya doroga Eski-Kermena (izvlecheniya iz dnevnika zachistok 1928, 1929, 1831 i 1933 gg.) // Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury. 1935. 117. P. 18–42.
- Ryzhov S. G. Malye khramy-chasovni Khersonesa // Drevnosti. 2004. Khar'kov: [s. n.], 2004. P. 160–166.
- Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München: C. H. Beck, 1970. 300 S.
- Yakobson A. L. Rannesrednekovyy Khersones. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 364 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 63).

Illustrations

Fig. 1. The town on the Eski-Kermen plateau in the South-Western Crimea. Comprehensive layout of blocks I and II on the main street: *a* — numbers of estates; *b* — numbers of premises in estates; *c* — ruined wall sections. Drawing by E. A. Khayredinova, 2021

Fig. 2. The town on the Eski-Kermen plateau in the South-Western Crimea. General plan of the single-nave church in block II: 1, 5, 6, 8, 19 — tombs attached to the church walls; 2–4 — solitary graves on the outer side of the church; 7 — tomb with a rock chamber under the arcosolium; 9–12, 19a, 20 — graves with multiple burials cut into the rock floor; 13, 14 — tombs with rock chambers. Drawing by E. A. Khayredinova, 2019–2022

Fig. 3. The town on the Eski-Kermen plateau in the South-Western Crimea. Naos of the single-nave church in block II: 1 — general view from the south-west; 2 — general view from the north-east. Photo by A. I. Aybabin, 2019

Fig. 4. The town on the Eski-Kermen plateau in the South-Western Crimea. Arcosolium above tomb no. 7 in the northern wall of the narthex of the single-nave church in block II: 1 — general view during excavation; 2, 3 — arcosolium details; 4 — general view after excavation; a — tombstone. View from the south-east. Photo by E. A. Khayredinova, 2019

A. I. Aybabin, E. A. Khayredinova. The single-nave church in block II of the Byzantine town on the Eski-Kermen plateau

Abstract. Following the reestablishment of icon veneration during the Church Council held on the 11th of March, 843 in the city of Constantinople, the ecclesiastical body intensified its evangelical endeavours within the the Black Sea region, including the diocese of Gotha. It is highly probable that during the 10th and 11th centuries, the town on

the plateau of Eski-Kermen was redeveloped and began to build small chapels on the vacated plots.

In the course of the years 2018 to 2019, an archaeological excavation was conducted, revealing the presence of one such structure situated within block II. Displaying a rectangular architectural layout, this singular nave church, accompanied by an adjunct vestibule, exhibits an eastward orientation of its apse, albeit with a marginal inclination towards the southern direction (total length inclusive of apse — 12.8 m, width — 4.6 m). During the 10th to 12th centuries, single-nave churches emerged ubiquitously across the Byzantine territory.

Keywords: Byzantine Empire, South-Western Crimea, Eski-Kermen, single-nave church, city block, tomb, Christianity.

Aybabin Aleksandr Ilyich, doctor of history, Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, 2 Vernadsky Ave., 295007 Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation, aleksandraibabin@rambler.ru.

Khayredinova Elzara Ayderovna, candidate of history, Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, 2 Vernadsky Ave., 295007 Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation, khayredinovaz@rambler.ru.

ГЕОРГИЕВСКИЙ собор в Юрьеве-Польском находится в ряду тех белокаменных памятников владими́ро-суздальского зодчества, которые дошли до наших дней, сильно изменив свой первоначальный облик. После своего создания в 1152 г. при Юрии Долгоруком собор пережил еще два наиболее крупных строительства: в 1230–1234 гг. — полная перестройка всего здания Святославом Всеволодовичем (ПСРЛ, I, 6738, 6742), в 1471 г. — восстановление рухнувшего собора Василием Дмитриевичем Ермолиным (ПСРЛ, XXIII, 6979). Кроме этих ключевых моментов в истории храма, кардинально менявших его внешний вид, имели место и другие, менее значительные строительные работы. В XVIII в. собор был покрыт четырехскатной крышей, велось возведение примыкавших к собору пристроек, продолжившееся и в первой половине XIX в. (Воронин, 1962. С. 69). Эти поздние пристройки в XX в. были разобраны реставраторами.

Как и на всех белокаменных памятниках Владимиро-Суздальской земли, на стенах Георгиевского собора также имеются средневековые граффити, но изучены они недостаточно.

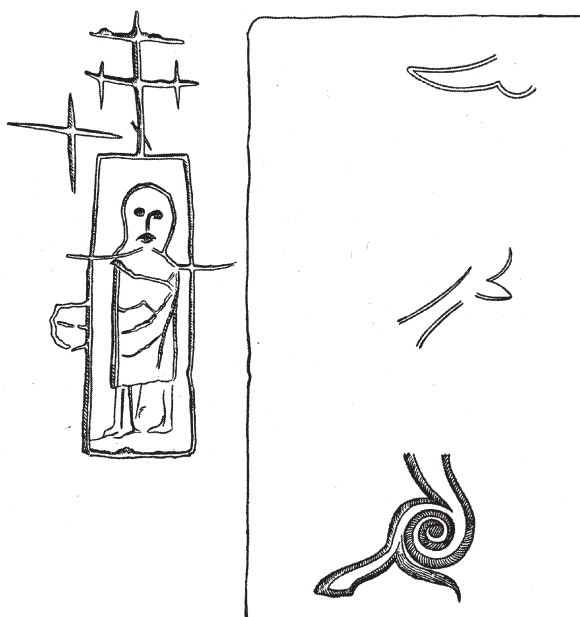
Надписям-граффити была посвящена статья А. А. Медынцева (Медынцева, 2013. С. 202–207). Многочисленные же рисунки-граффити — за исключением нескольких, опубликованных в 1962 г. Н. Н. Ворониным (Воронин, 1962. С. 122–123. Рис. 73) (илл. 1), — до настоящего времени в научный оборот не введены. Именно они рассматриваются в настоящей статье.

Большая часть обнаруженных в соборе рисунков-граффити находится на стенах снаружи.

Аннотация. Рисунки-граффити Георгиевского собора остаются малоизученными и по сей день. Самые ранние из них — строительные метки. Наиболее многочисленны рисунки крестов. Другие сюжеты редки, но и они связаны с церковной тематикой или обрядностью: гробница, изображение храма, рисунки рук в молитвенном положении. Большинство рисунков-граффити не поддаются точной датировке, но они позволяют расширить наши представления об истории памятника, технологических приемах и особенностях религиозного поклонения.

Ключевые слова: Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, средневековые рисунки-граффити, владими́ро-суздальское белокаменное зодчество.

Вахтанов Сергей Николаевич — старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Суздальский филиал Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника, ул. Кремлёвская, 20, Суздаль, Российская Федерация, 601293, vakhtanov@vladmuseum.ru.

• Илл. 1. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Рисунок-граффити. Прорись (по: Воронин, 1962. С. 123. Рис. 73)

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие строительных меток. К настоящему моменту их найдено только две. Обе расположены на северном фасаде (илл. 2). Они имеют вид стрелок, хорошо известных по другим памятникам владими́ро-суздальского белокаменного зодчества.

Одну такую стрелку можно видеть на восточном прясле в ряду кладки, проходящем под окном, на блоке в самом углу между северной стеной храма и восточной стеной притвора (илл. 3: а). Вторую мы находим на одном из блоков центрального прясла над аркатурно-колончатый поясом. Это второй блок справа от рельефа слона (илл. 3: б).

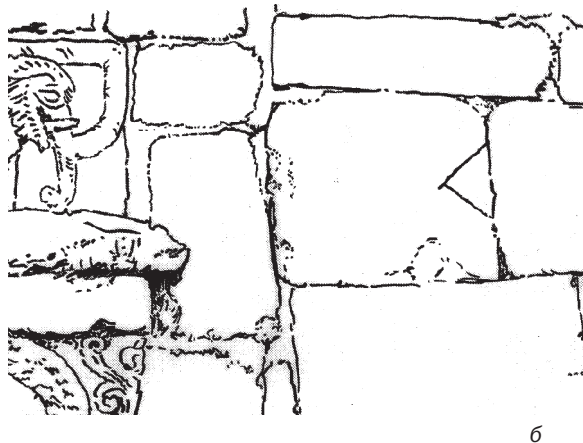
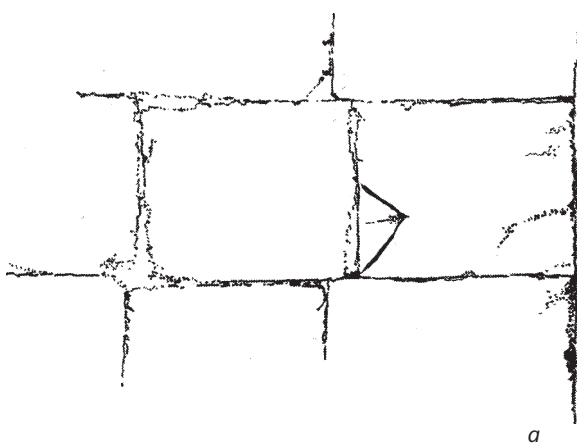
Оба блока оказались в поздней кладке 1471 г. — это верхняя граница датировки. Реально начертания этих стрелок могут относиться либо к 1234 г. — к строительству Святослава Всеволодовича, либо к 1152 г. — и в этом случае они принадлежат собору Юрия Долгорукого. Здесь необходимо отметить, что 1152 г. более предпочтителен, т. к. в этом же году была построена и церковь Бориса и Глеба в Кидекше, на стенах которой как стрелок, так и других строительных меток имеется гораздо больше, чем на любом другом белокаменном памятнике Владимиро-Суздальской земли.

• Илл. 2. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Местоположение строительных меток на северном фасаде. Фото автора, 2008 г.

Кроме гладко отесанных блоков, рисунки-граффити присутствуют и на блоках с резьбой. Пример — рисунок креста на медальоне с рельефом льва на западной пилястре южной стены южного притвора (илл. 4). Контурный равносторонний четырехконечный крест имеет на концах лопастей треугольные расширения, а над горизонтальной перекладиной расположена традиционная надпись «[НС] ХС», от которой хорошо читается лишь правый фрагмент. Хотя палеографических признаков для точной датировки недостаточно, все-таки геометрически правильное начертание букв и иконография креста свидетельствуют в пользу XIII в., но, конечно, не ранее 1234 г. — времени изготовления самого рельефа.

В левой части косяка портала южного притвора среди множества линий, крестов и не совсем понятных рисунков находится изображение че-

• Илл. 3. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Строительные метки на северном фасаде Георгиевского собора: *а* — метка в виде стрелки на восточном прясле; *б* — метка в виде стрелки на центральном прясле. Прориси автора, 2021 г.

• Илл. 4. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Рисунок креста на медальоне с рельефом льва на западной пилястре южной стены южного притвора. Фото автора, 2008 г.

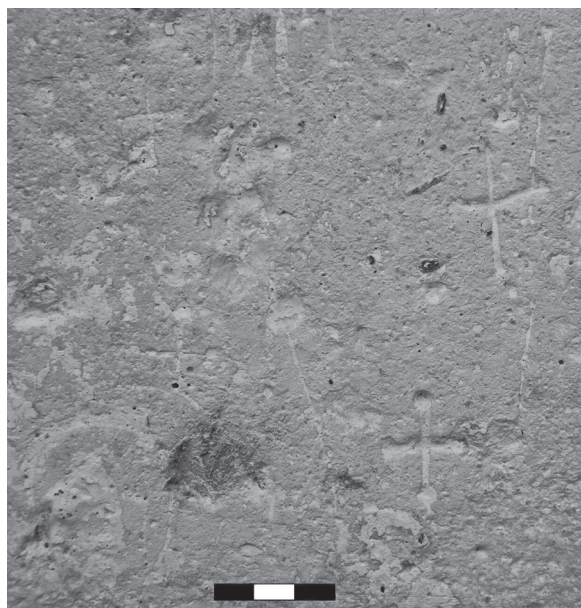

• Илл. 5. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Рисунок гробницы в левой части косяка портала южного притвора. Фото автора, 2008 г.

ловека в прямоугольном обрамлении (илл. 5). Этот рисунок был издан Н. Н. Ворониным без какого-либо комментария (илл. 1). Изображенный показан со сложенными на груди руками, нимба

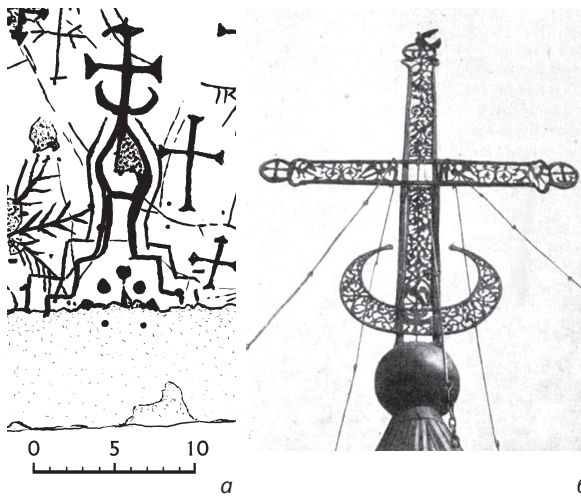
• Илл. 6. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Местоположение крестов-граффити на южной стене западного притвора. Фото автора, 2008 г.

• Илл. 7. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. «Греческие» кресты-граффити с круглыми расширениями на концах лопастей на южной стене западного притвора. Фото автора, 2008 г.

вокруг головы нет, обрамляющий его прямоугольник достаточно узок и напоминает гроб. Это впечатление усиливает крест, венчающий всю композицию. Вероятно, изображена могила или гробница какого-то реального лица. Рисунок вырезали острым инструментом, перекрыв какие-то тонко процарапанные ранее изображения. Ниже рисунка, несколько левее, каллиграфически выведена литера «С». Надпись либо осталась незаконченной, либо исчезла под сетью более поздних линий.

Несколько изображений крестов встречено на южной стене западного притвора. Белокаменный блок с шестью крестами-граффити расположен первым от западной угловой пилястры во втором от цоколя ряду кладки (илл. 6). Датировать эти рисунки сложно, т. к. отсутствуют какие-либо сопровождающие надписи, а иконографические типы крестов бытовали в течение длительного времени (илл. 7). Тем не менее два четких «греческих» креста с круглыми расширениями на концах лопастей по датированным аналогам, имеющимся на других белокаменных

• Илл. 8. Датированные кресты с круглыми завершениями на лопастях: а — Рождественский собор в Суздале. Крест на домонгольском рисунке-граффити храма на белокаменном блоке. Прорисовка автора, 2005 г.; б — Дмитриевский собор во Владимире. Крест XII в. главы. Фото (по: Воронин, 1961. С. 475. Рис. 225)

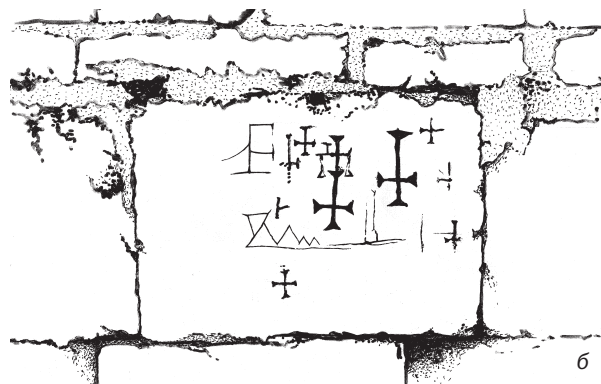
памятниках Владимира и Суздаля, могут быть отнесены к домонгольскому периоду. Один из этих аналогов находится на белокаменном блоке вторичного использования из кладки северо-восточного угла Рождественского собора в Суздале. Это рисунок креста, являющегося частью граффити домонгольского времени, изображающего одноглавый храм (илл. 8: а). Под главой этого храма (как бы на его фасаде) и расположен упомянутый крест, имеющий на концах лопастей круглые углубления. Следующий аналог — железный четырехконечный крест конца XII в. Дмитриевского собора во Владимире (илл. 8: б). На его лопастях также сделаны круглые завершения (Воронин, 1961. Рис. 225. С. 475).

Молитвенный смысл и содержание обнаруженных крестов не вызывают сомнений. Может быть, благодаря своему сакральному значению кресты-граффити оказались в большей степени сконцентрированными на стенах алтарных

апсид. Некоторые из них располагаются выше человеческого роста. Для этих недоступных с земли рисунков 1471 г. можно считать верхней временной границей.

Несколько блоков с крестами перевернуты на 180°. Это доказывает, что они находятся не на своих первоначальных местах, а граффити на их поверхностях уже существовали до перестройки 1471 г.

Примером может служить блок в южной части центральной апсиды (третий от южного угла в первом от цоколя ряду кладки) с четырьмя четко читаемыми перевернутыми крестами. Из них один — четырехконечный, а три — шестиконечные. На всех крестах имеются треугольные расширения на концах лопастей. Самый крупный (илл. 9: а) из этих крестов, «процветший», демонстрирует уверенную руку мастера, хорошо знакомого с работой по белому камню и его фактурой. Крест снабжен надписью «IC XC[С]». Палеографические признаки надписи и иконо-

- Илл. 9. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Кресты-граффити, перевернутые на 180°: а — процветший крест на центральной апсиде. Фото А. А. Медынцевой, 2008 г.; б — кресты в северной части северной апсиды. Прорись автора, 2021 г.; в — кресты в южной части северной апсиды. Фото А. А. Медынцевой, 2008 г.

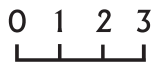

• Илл. 10. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Рисунок голгофского креста на северной апсиде. Фото А. А. Медынцевой, 2008 г.

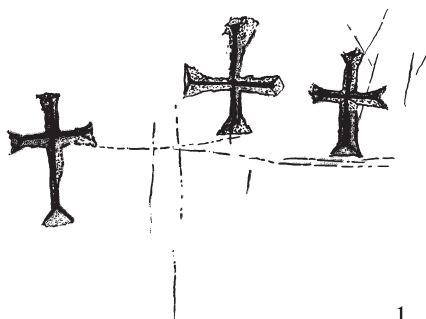
графия креста позволяют предположительно датировать это изображение XIII в.

Для наглядности можно привести еще два перевернутых блока на северной апсиде. Один расположен в девятом от цоколя ряду кладки, являясь вторым от северо-восточного угла собора (илл. 9: б). На его поверхности четко видны шесть четырехугольных крестов. Второй блок (также с шестью крестами) лежит во втором ряду кладки первым от южного угла апсиды (илл. 9: в).

На той же северной апсиде находится очень интересный рисунок крупного шестиконечного голгофского креста с треугольными расширениями на концах лопастей (илл. 10). Он вырезан на втором от северо-восточного угла собора блоке во втором от цоколя ряду кладки. Крест имеет надпись «IC XC», сделанную очень необычно: первая буква «I» в первом слове «IC» и последняя буква «C» во втором слове «XC» расположены горизонтально. Обе буквы «C» выполнены путем соединения под углом двух прямых линий, справа лишь немного заходящих одна за другую, а слева пересекающихся настолько значительно, что «C» в результате воспринимается как буква «X». Иконографически и палеографически этот крест с надписью очень близок некоторым домонгольским крестам Дмитриевского собора во Владимире и церкви Бориса и Глеба в Кидекше (илл. 11: а, б), причем несколько крестов с похожими расширениями лопастей в церкви Бориса

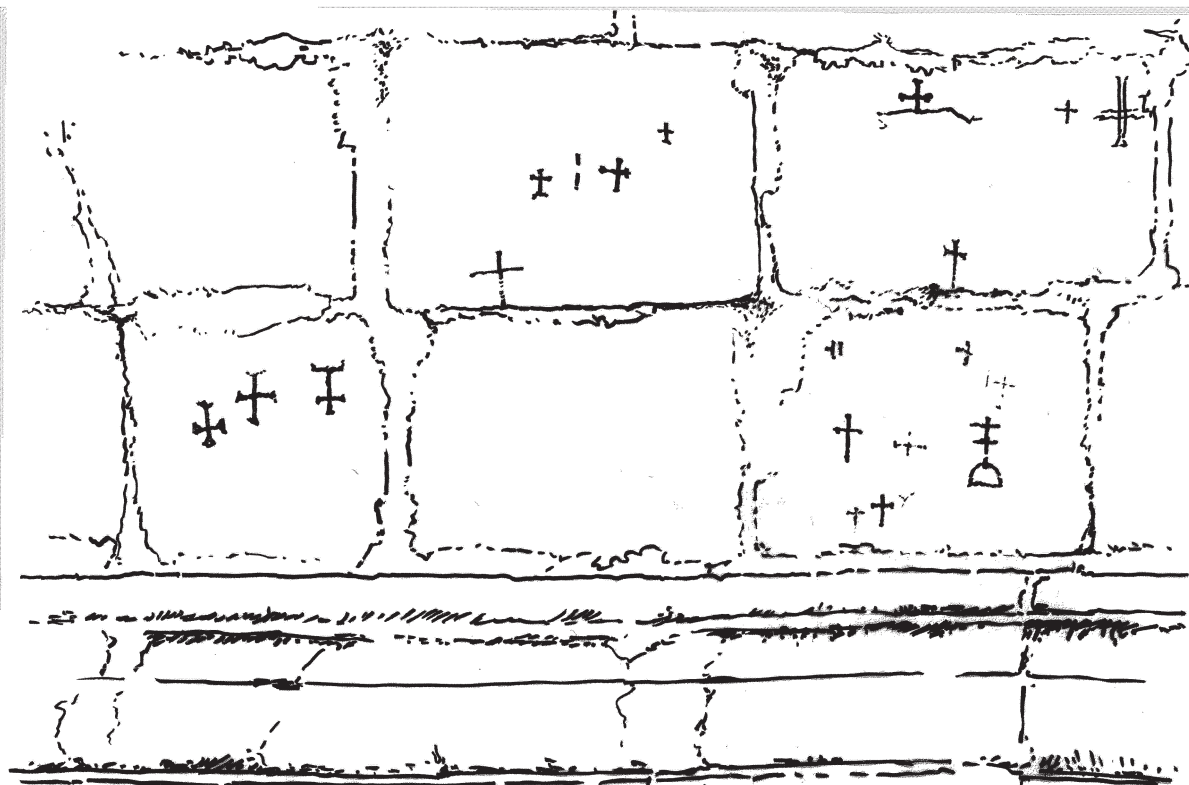
а

б

• Илл. 11. Датированные кресты-граффити с треугольными расширениями на концах лопастей: а — Дмитриевский собор во Владимире. Крест домонгольского времени на северной пилястре северной апсиды. Прорись автора, 2007 г.; б — церковь Бориса и Глеба в Кидекше. Кресты XII в. на внутренней стене центральной апсиды. Прорись автора, 2006 г.

• Илл. 12. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Кресты-граффити в центральной части центральной апсиды.
Прорись автора, 2021 г.

и Глеба в Кидекше были вырезаны на поверхности стены центральной апсиды внутри храма до росписи его фресками и, следовательно, уверенно датируются XII в. Исходя из вышесказанного, видится возможным сделать предположение, что граффити могло появиться еще на соборе Юрия Долгорукого до перестройки здания в 1234 г.

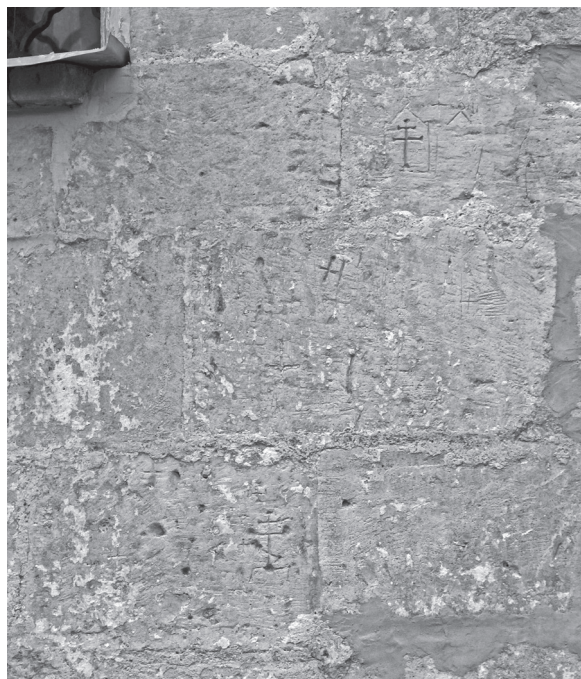
Целый комплекс крестов-граффити можно видеть и на центральной апсиде. Четыре соседних блока в первом и втором рядах кладки немного севернее от центра апсиды имеют на своих поверхностях изображения 18 крестов (илл. 12). Не менее девяти четких крестов находим на блоке под северным окном апсиды (илл. 13). Почти все они имеют треугольные расширения либо круглые углубления на концах лопастей, что дает возможность предположительно датировать их домонгольским временем. На этот же период палеографически указывает и надпись «НС ХС НН КА», расположенная рядом с одним из крестов. Немного правее на трех соседних по вертикали блоках (илл. 14) видны еще 22 креста:

большинство являются четырехконечными, есть среди них один шестиконечный и один восьмиконечный. Иконография крестов архаична, и по тем же признакам, что и у предыдущих, они также могут быть отнесены к домонгольскому времени. Вверху этой группы крестов два из них составляют одно целое с изображением храма (илл. 15): один украшает его фасад, второй венчает маленькую главку. Рисунок еще одного храма — справа от первого — сохранился хуже либо остался незаконченным.

На южной апсиде также имеются многочисленные рисунки-граффити с разнообразными крестами. Один из них (илл. 16), расположенный совместно еще с пятью крестами на третьем от цоколя и десятом от южного угла апсиды блоке, снабжен надписью «НС ХС НН КА» и имеет косую перекладину, наклон которой сделан не как обычно, слева направо, а в противоположном направлении. По написанию буквы «N» (т. е. «Н»), в которой наклонная перекладина не доходит до самого низа правой мачты, но все же

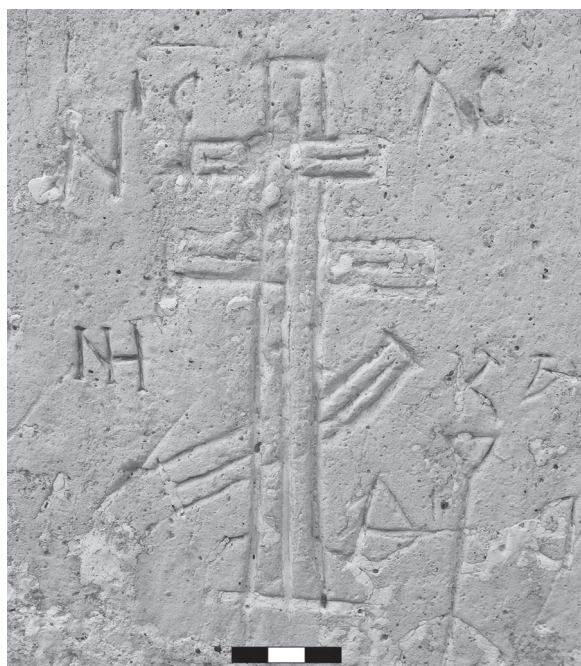
• Илл. 13. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Кресты-граффити на блоке под северным окном центральной апсиды. Фото автора, 2008 г.

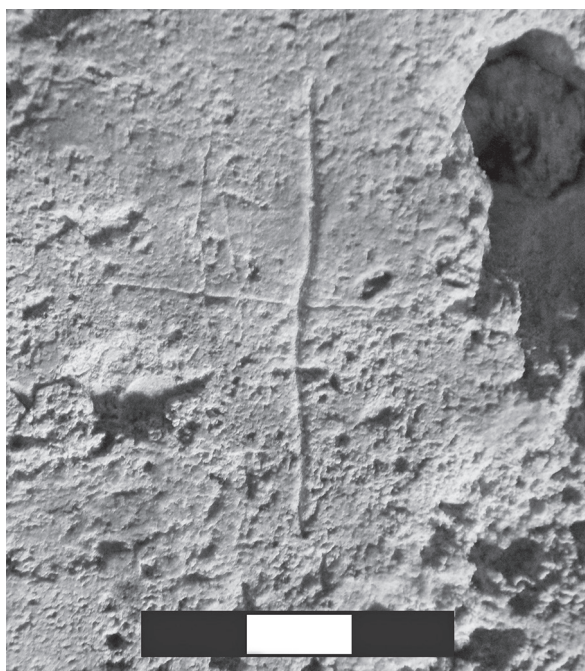
• Илл. 14. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Кресты-граффити на блоках справа от северного окна центральной апсиды. Фото автора, 2008 г.

• Илл. 15. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Рисунок храма справа от северного окна центральной апсиды. Фото автора, 2008 г.

• Илл. 16. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Крест с надписью на южной апсиде. Фото А. А. Медынцевой, 2008 г.

• Илл. 17. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Крест с надписью на северной грани северо-западного столба. Фото автора, 2008 г.

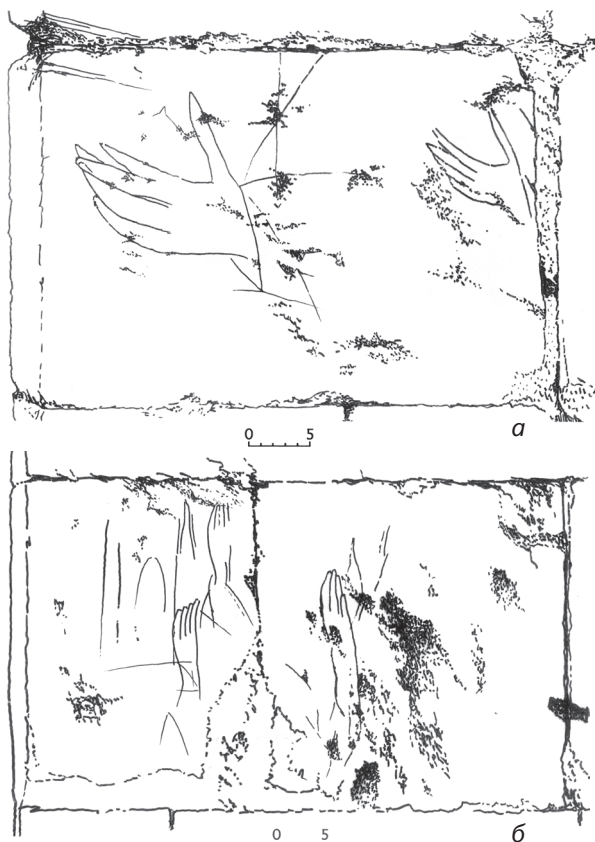
спускается ниже ее середины, надпись можно отнести к домонгольскому времени, т. к. такое написание «Н» соответствует уставу XII и XIII вв. (Щепкин, 1999. С. 127). Этой датировке не противоречит, а скорее подтверждает ее, серединное расположение перекладины буквы «Н» (т. е. «И») (Щепкин, 1999. С. 127).

Несколько рисунков-граффити было обнаружено и в интерьере храма. Они процарапаны неглубоко на двух гранях северо-западного столба.

Четырехконечный крест (илл. 17) находится на крайнем справа угловом блоке северной грани столба в третьем от пола ряду кладки на высоте 97,5 см. Над левой частью его горизонтальной перекладины видны две буквы «IC». Датировка затруднена.

В этом же ряду кладки слева на другом угловом блоке (илл. 18: а) тонкими линиями нанесены изображения двух рук в молитвенном положении. Они очень отличаются по размеру и, видимо, принадлежат независимым друг от друга рисункам, имевшим изначально фрагментарный характер. Общая композиция не читается.

На западной грани столба (илл. 18: б) на двух соседних блоках от ее левого угла во втором

• Илл. 18. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Изображения рук на северо-западном столбе: а — на северной грани столба; б — на западной грани столба. Прориси автора, 2021 г.

ряду кладки имеются изображения еще трех рук в поднятом вверх положении, как будто для молитвы. Как и в предыдущем случае, единая композиция отсутствует. Датировка рисунков проблематична.

В заключение можно отметить, что древние рисунки-граффити Георгиевского собора достаточно многочисленны, но в большинстве своем их представляют кресты.

Другие сюжеты редки, но и они, как правило, связаны с церковной тематикой или обрядностью (гробница, изображения храмов, рисунки рук в молитвенном положении).

Большая часть этих рисунков не поддается точной датировке, но они, как исторический источник, позволяют расширить наши представления об истории памятника, технологических приемах и особенностях религиозного поклонения.

Список литературы

- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I / отв. ред. В. А. Рыбаков. М.: изд-во АН СССР, 1961. 583 с.
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. II / отв. ред. В. А. Рыбаков. М.: изд-во АН СССР, 1962. 558 с.
- Медынцева А. А. Датированные надписи мастеров из Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // КСИА. 2013. Вып. 229. С. 202–207.
- Щепкин В. Н. Русская палеография / отв. ред. М. В. Щепкина. М.: Аспект Пресс, 1999. 274 с.

References

- Medyntseva A. A. Datirovannye nadpisi masterov iz Georgievskogo sobora v Yur'ev-Pol'skom // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2013. 229. P. 202–207.
- Shchepkin V. N. Russkaya paleografiya / ed. M. V. Shchepkina. Moscow: Aspekt Press, 1999. 274 p.
- Voronin N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov. I / ed. V. A. Rybakov. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 583 p.
- Voronin N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov. II / ed. V. A. Rybakov. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 558 p.

Illustrations

- Fig. 1. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Graffiti drawings. Tracing (after Voronin, 1962. P. 123. Fig. 73)
- Fig. 2. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Location of the construction marks on the northern façade. Photo by the author, 2008
- Fig. 3. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Construction markers on the northern façade of St. George's cathedral: *a* — arrow mark on the eastern curtain wall; *b* — arrow mark on the central curtain wall. Author's drawings, 2021
- Fig. 4. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Drawing of the cross on the medallion with the relief of a lion on the western pilaster of the southern wall of the southern narthex. Photo by the author, 2008
- Fig. 5. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Drawing of the tomb in the left part of the portal jamb of the southern narthex. Photo by the author, 2008
- Fig. 6. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. The location of the graffiti crosses on the southern wall of the western narthex. Photo by the author, 2008

Fig. 7. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. "Greek" graffiti crosses with rounded extensions at the ends of the blades on the southern wall of the western narthex. Photo by the author, 2008

Fig. 8. Dated crosses with round endings on the blades: *a* — the Nativity cathedral in Suzdal. Cross on the pre-Mongolian graffiti drawing of the church on the white stone block. Drawing by the author, 2005; *b* — St. Demetrius cathedral in Vladimir. The 12th-century dome cross. Photo (after: Voronin, 1961. P. 475. Fig. 225)

Fig. 9. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Graffiti crosses turned upside down by 180°: *a* — a flourishing cross on the central apse. Photo by A. A. Medyntseva, 2008; *b* — crosses in the northern part of the northern apse. Drawing by the author, 2021; *c* — crosses in the southern part of the northern apse. Photo by A. A. Medyntseva, 2008

Fig. 10. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Drawing of the Calvary's Cross on the northern apse. Photo by A. A. Medyntseva, 2008

Fig. 11. Dated graffiti crosses with triangular extensions at the ends of the blades: *a* — St. Demetrius cathedral, Vladimir. Pre-Mongolian cross on the northern pilaster of the northern apse. Drawing by the author, 2007; *b* — Church of Ss. Boris and Gleb in Kideksha. Crosses of the 12th century on the inner wall of the central apse. Drawing by the author, 2006

Fig. 12. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Graffiti crosses in the central part of the central apse. Drawing by the author, 2021

Fig. 13. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Graffiti crosses on the block under the northern window of the central apse. Photo by the author, 2008

Fig. 14. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Graffiti crosses on the blocks to the right of the northern window of the central apse. Photo by the author, 2008

Fig. 15. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Drawing of the church to the right of the northern window of the central apse. Photo by the author, 2008

Fig. 16. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. The cross with the inscription on the southern apse. Photo by A. A. Medyntseva, 2008

Fig. 17. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. The cross with the inscription on the northern face of the northwestern pillar. Photo by the author, 2008

Fig. 18. St. George's cathedral in Yuriev-Polsky. Images of hands on the northwest pillar: *a* — on the northern face of the pillar; *b* — on the western face of the pillar. Drawing by the author, 2021

S. N. Vakhtanov. Graffiti drawings of St. George's cathedral in Yuriev-Polsky

Abstract: The exploration of graffiti drawings in St. George's cathedral remains limited in contemporary research. The earliest drawings consist of construction marks, while the most abundant are depictions of crosses. Although other subjects are infrequent, they too relate to church themes or rituals, such as a tomb, a depiction of a church, and drawings of hands in a prayer position. While precise

dating is challenging for the majority of graffiti drawings, they contribute to our understanding of the monument's historical context, technological methods, and the intricacies of religious worship.

Keywords: St. George's cathedral in Yuriev-Polsky, mediaeval graffiti drawings, Vladimir-Suzdal white-stone architecture.

Vakhtanov Sergey Nikolaevich, senior research fellow at the Research Department, Suzdal Branch of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve, 20 Kremlevskaya St., 601293 Suzdal, Russian Federation, vakhtanov@vladmuseum.ru.

Баня средневекового Солхата XIV в.: основные архитектурные особенности

В. В. МАЙКО

В 2011 г. в ходе проведения охранных археологических раскопок на участке траншеи газопровода в г. Старый Крым (средневековый Солхат) в т. н. Георгиевской Долине к северу от современной одноименной улицы была полностью изучена средневековая баня (илл. 1: 1–3).

Этот пока уникальный для средневекового Солхата объект упоминался и коротко анализировался в литературе (Майко и др., 2012; Гаврилов, Майко, 2014. С. 168–176; Зиливинская, 2018. С. 83–84). Тем не менее полная публикация, позволяющая проследить все архитектурные особенности сооружения, до сих пор отсутствовала. Попытаемся ликвидировать этот пробел.

Сооружение, представляющее собой прямоугольник длиной 15,50 м, разделенный на четыре помещения, расположено по оси север — юг со очень небольшим отклонением (илл. 2). Ширина северной стены составляет 5,40 м, а южной — 5,30 м. Предваряя описание помещений, необходимо отметить, что исследованная постройка в качестве бани функционировала, вероятно, только в течение первых трех четвертей XIV в., а затем, в последней четверти этого же столетия, была полностью разобрана на высоту стен гиппокауста. Это, конечно же, делает невозможным ее реконструкцию, но план объекта восстанавливается максимально полно (илл. 1: 4). Стены сооружения сложены на качественном известковом растворе. Их толщина составляет от 0,78 до 0,90 м (илл. 3).

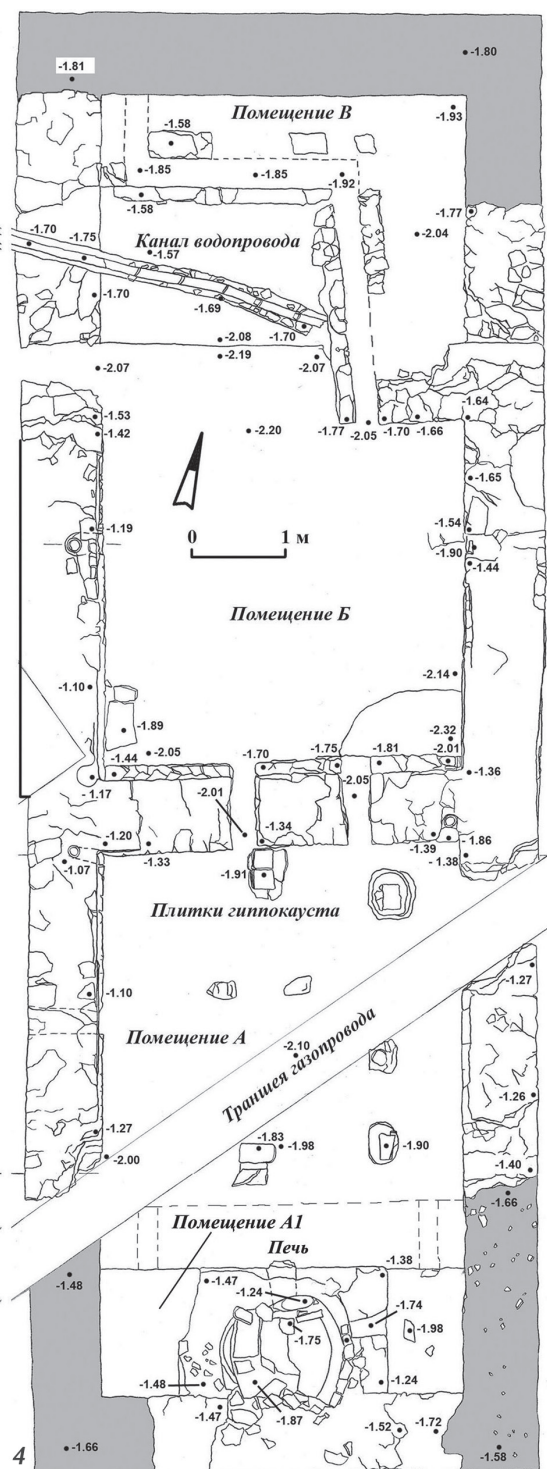
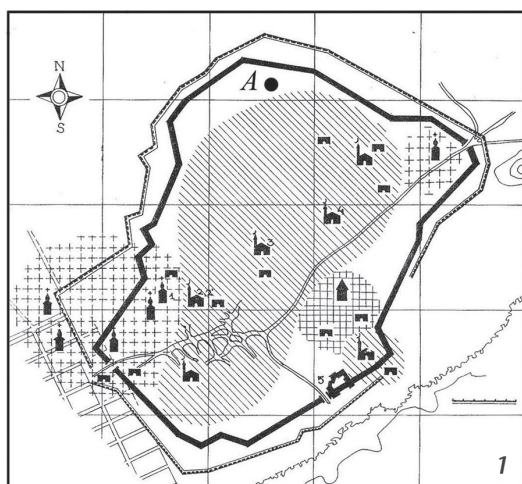
Самым южным является топочное помещение А1, запланированное в виде узкого прямоуголь-

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-411-1.64-81>

Аннотация. В статье впервые в полном объеме публикуются материалы охранных раскопок бани средневекового Солхата (г. Старый Крым). Работы, проводившиеся в 2011 г., до сего дня лишь кратко рассматривались в литературе. Постройка сохранилась только на высоту стен гиппокауста, что делает невозможной ее точную реконструкцию. Тем не менее подробно рассматриваются конструктивные особенности всех четырех помещений. Уделяется внимание и археологическому материалу, связанному с периодом функционирования объекта в качестве бани. Эти находки позволяют частично воссоздать элементы внутреннего устройства и отделки. Сделана попытка определить место солхатской бани в городской инфраструктуре золотоордынских городов.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крым, Солхат, XIV в., городская баня, архитектурные особенности, археологический материал.

Майко Вадим Владиславович — доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН, проспект Академика Вернадского, 2, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, 295007, vadimmaiko1966@mail.ru.

- Илл. 1. Баня Солхата. Месторасположение и план: А — месторасположение бани на плане Солхата М. Г. Крамаровского (1), карте селения Старый Крым 1795 г. (2) и современном снимке из ресурса Google (3); 4 — план бани

• Илл. 2. Баня Солхата. Общий вид; 1 — с юго-востока; 2 — с севера

ника внутренними размерами $1,35 \times 3,80$ м. Его южная стена толщиной 0,80 м, являющаяся южной стеной всей постройки, была практически полностью разобрана в древности (илл. 2: 1). Сохранились только восточный и западный отрезки. Один из них, длиной 0,90–0,85 м и толщиной 0,83 м, примыкающий к юго-восточному углу, сохранился на высоту двух рядов кладки — 0,18–0,20 м. Еще один фрагмент, примыкающий к юго-западному углу, длиной 0,84 м и толщиной 0,83–0,84 м, сохранился в высоту до 0,10 м. Юго-восточный и юго-западный углы были разобраны до уровня траншеи фундамента глубиной до 0,10 м, заполненной известковым раствором. До уровня этой траншеи были разобраны западная и восточная стены помещения А1 толщиной соответственно 0,75 и 0,80 м. Северная стена топочного помещения, отделяющая его от помещения А, также была полностью разобрана в древности (илл. 4: 2). От нее сохранился только отпечаток субструкции в виде тонкой светлой полосы толщиной не более 0,02–0,05 м. Тщательная зачистка этого отпечатка позволила не только установить ширину стены, составившую 0,60 м, но и выявить в ее восточной части основание сквозного дымоходного канала толщиной 0,25 м (илл. 4: 2), заполненного слоем углей и пепла. Совершенно очевидно, что аналогичный канал находился и с западной стороны, но был полностью разобран в древности. Толщина субструкции стены здесь не превышала 0,02 м.

По центру топки располагалась сама каменная печь подквадратной формы с крупным конусообразным в разрезе отверстием в центре (илл. 3: 8). Длина по оси север — юг составляла 2,15 м, а по оси запад — восток — 2,19 м при максимальном диаметре отверстия 1,00–1,10 м. Кладки стен печи сложены на известковом растворе также с добавлением достаточно крупных фрагментов керамики, вмонтированных в известковый раствор (илл. 4: 4). Толщина стен составляла 0,40 м по центру и 0,50 м по углам. В восточной (илл. 3: 6) и северной (илл. 3: 8) стенах печи зафиксированы два прямоугольных в разрезе сквозных канала конусообразной формы. Ширина каналов во внутренних панцирях составила соответственно 0,18 и 0,26 м, а возле выхода из кладки — 0,27 и 0,30 м. Вероятнее всего, подобный канал находился и в западной стене данной печи, но однозначно сказать это сложно. К сожалению, эта стена была практически полностью

разобрана в древности. Максимальная сохранившаяся высота кладки печи в северо-восточном углу составляла 0,74 м, что полностью соответствует высоте гиппокауста помещения А. Тем не менее реальная высота конструкции, характер ее перекрытия и наличие каких-либо наземных конструкций установлены быть не могут.

Отверстие печи было тщательно обмазано толстым (до 0,10 м) слоем извести. Основание его выложено, помимо этого, плитами сланца на известковом растворе, тщательно подогнанными друг к другу. Данная обкладка сохранилась частично и только в юго-восточном углу данной конструкции. Вследствие нагрева все кладки носили сильные следы пропеченности.

Совершенно очевидно, что изначально при строительстве бани сооружалась именно печь. Только после этого с западной и восточной стороны ее южной стены были пристроены каменные кладки, образовавшие все вместе южную стенку топки и всей бани. Затем при возведении западной, восточной и северной стен топочной камеры она получила законченный вид. При этом внешний панцирь северной стенки печи был вплотную пристроен к внутреннему панцирю северной стены топки. Логично предположить, что при этом сквозной канал в северной кладке печи прорезал и северную стену топочной камеры.

Оставшиеся после этого в топочной камере свободные пространства к востоку и западу от печи были выложены тонкими плитами сланца и использовались, вероятно, для размещения углей и пепла при чистке самой печи. При расчистке они были полностью заполнены слоем углей и пепла на глубину до 0,45 м. Не исключено, что эти пространства использовались и для подачи теплого воздуха в гиппокауст, поскольку соединялись с помещением А сквозными каналами, описанными выше, также прорезавшими северную стену топки.

К топочной камере с севера примыкает помещение А, возводившееся, наверняка, одновременно со стенами топки. Его площадь составляет 13,68 кв. м ($3,65 \times 3,75$ м). Западная стена помещения от северо-западного внутреннего его угла сохранилась в длину на 3,72 м. Ее южный край частично разрушен при прокладке траншеи газопровода. Максимальная сохранившаяся общая высота стены составляет 0,96 м. При этом максимальная сохранившаяся высота стены са-

• Илл. 3. Баня Солхата. Фасировки стен: 1, 2 — внутренний панцирь западных и восточных стен помещений; 3, 4 — южный и северный панцири стены, разделяющей помещения А и Б; 5 — разрез помещений А и Б по оси север — юг; 6, 7 — восточная и западная стены печи; 8 — северная стена и разрез печи

мого помещения, сложенной из обработанных блоков местного песчаника на известковом растворе, не превышает 0,22 м. Толщина самой стены составляет 0,72 м. Внутренняя поверхность покрыта тройным слоем штукатурки максимальной толщиной 0,03 м. Остальную сохранившуюся высоту стены составляет гиппокауст высотой соответственно 0,74 м. Стены его сложены из разнокалиберного местного песчаника на известковом растворе и не оштукатурены. Вследствие нагрева по всей высоте гиппокауста стены этого помещения приобрели следы закопченности. Толщина стены гиппокауста составляет 0,78–0,80 м. Разница в толщине западной стены помещения А и его гиппокауста обусловлена внутренним пазом толщиной соответственно 0,06–0,08 м, служившим для опоры плит перекрытия пола помещения, отделяющего его от гиппокауста. На расстоянии 1,64 м от внутреннего северо-западного угла помещения А в его западной стене зафиксирован канал дымохода толщиной 0,19–0,21 м. Высота данного канала полностью соответствует высоте гиппокауста. Его верх перекрыт стеной самого помещения. Вероятнее всего, он служил для выхода лишнего дыма с западной стороны за пределы бани (илл. 3: 1).

Восточная стена помещения А от северо-восточного внутреннего угла гиппокауста сохранилась в длину на 3,80 м. На участке, примыкающем к северо-восточному углу, она оказалась прорезанной при прокладке траншеи газопровода (илл. 3: 2). Максимальная сохранившаяся общая высота не превышает 0,74 м, что соответствует высоте гиппокауста. Восточная стена же самого помещения не сохранилась. Она была полностью разобрана на всю высоту до начала гиппокауста. Техника и характер кладки восточной стены гиппокауста помещения А полностью соответствуют таковым западной. Толщина ее составляет 0,78–0,82 м. Канал дымохода в этой стене не зафиксирован.

Северная стена помещения А сохранилась полностью. Ее длина между внутренними северными углами стен гиппокауста составляет 3,74 м. Максимальная сохранившаяся общая высота — 0,80 м. При этом стена самого помещения сохранилась на небольшом участке, примыкающем к западному углу, длиной 0,48 м при высоте 0,13–0,14 м (илл. 3: 3). Внутренняя ее поверхность оштукатурена аналогично запад-

ной стене. Высота северной стены гиппокауста помещения А составляет соответственно 0,67–0,66 м. Она сложена в технике, аналогичной западной и восточной стенам. Толщина самой стены составляет 0,74 м, а стены гиппокауста, учитывая паз для вымостки пола в помещении Б, — 0,96 м. При этом паз для вымостки пола в помещении А аналогичен по толщине пазу в западной стене и составляет 0,06 м. в северной стене помещения А зафиксировано два канала дымохода. Они полностью идентичны каналу дымохода в западной стене. Один из них расположен на расстоянии 1,34 м от внутреннего северо-западного угла гиппокауста. Его ширина составляет 0,26–0,28 м, а высота полностью соответствует высоте стены гиппокауста. Второй канал расположен на расстоянии 0,96 м от восточной стенки первого. Сложен он небрежнее и несколько смещен к западу. Его ширина составляет 0,22–0,29 м, а высота также соответствует высоте стены гиппокауста. В отличие от канала в западной стене, ложа данных каналов на уровне фундамента стены выложены были отдельными тонкими плитками сланца.

На уровне пола гиппокауста этого помещения зафиксированы были два ряда параллельных каменных подпорок по три в каждом для столбов подпорки вымостки пола (илл. 1: 4). Расстояние между рядами составило 0,90–1,00 м, между восточным рядом и внутренним панцирем восточной стены — 0,65–0,70 м, между западным рядом и соответствующей стеной — 1,50 м. Не исключено, что подпорок было больше, но все они не сохранились. Лучше всего сохранилась подпорка, расположенная непосредственно возле внутреннего панциря северной стены помещения А, примыкавшая к юго-восточному углу сквозного канала. Конструкция подпорок представляла собой сланцевые камни, на которые на известковом растворе были уложены нивелировочные каменные плитки, а на них в четыре рядка, образующие квадрат, по две в каждом была уложена плинфа (илл. 5: 8) размерами 0,20 × 0,22 м (илл. 4: 1). Сохранившаяся высота данной подпорки составляет всего 0,16 м.

В северо-западном (илл. 6: 2) и северо-восточном (илл. 6: 3) углах этого помещения находились несквозные каналы, в которых отмечены остатки керамических труб, прорезавших не только сами стены гиппокауста, но и стены самого помещения (илл. 6: 4). Вероятнее всего,

• Илл. 4. Баня Солхата. Общий вид конструктивных элементов: 1 — плинфа столба гиппокауста; 2 — известковое основание стены между помещениями А1 и А с восточным каналом дымохода; 3 — водопровод с внешней стороны восточных стен бани; 4 — фрагменты известкового раствора с включением керамики; 5 — ложе водопровода в помещении В; 6 — следы подачи дыма в помещение Б

эти каналы и трубы предназначались для вывода лишнего дыма и обогрева самих стен бани.

Площадь помещения Б, примыкающего к помещению А с севера, практически одинакова и составляет 13,75 кв. м (3,58 × 3,84 м). Западная стена помещения (илл. 3: 1) сохранилась полностью. Длина ее составляет 3,84 м при максимально сохранившейся высоте 0,96 м. При этом стена самого помещения, толщиной 0,78 м, сохранилась на высоту всего 0,20 м. Она, как и стена помещения А, с внутренней стороны покрыта тройным слоем штукатурки. Остальную сохранившуюся часть стены составляет гиппокауст высотой соответственно 0,76 м. Внутренний панцирь этой стены гиппокауста в отличие от внутреннего панциря западной стены гиппокауста помещения А покрыт более толстым слоем штукатурки. Толщина западной стены гиппокауста помещения Б составляет 0,82 м. в этой стене зафиксирован аналогичный помещению А паз для установки плит перекрытия пола помещения Б. Его уровень и толщина полностью соответствуют уровню и толщине паза в западной стене помещения А. При этом следует отметить, что уровень закопченности стены гиппокауста в помещении Б значительно меньше зафиксированного в помещении А. При зачистке земляного пола гиппокауста были четко прослежены два направления потока дыма из сквозных каналов в стене, разделяющей помещения А и Б (илл. 4: 6). Остальная же часть пола оказалась гораздо менее закопченной, нежели земляной пол гиппокауста помещения А, закопченный полностью (илл. 6: 1). На расстоянии 2,40 м от юго-западного угла помещения Б в толще западной стены зафиксирован несквозной канал для установки керамической трубы, аналогичный отмеченному в северных углах помещения А. Ширина канала составляет 0,18 м. Сохранилась и нижняя часть самой трубы.

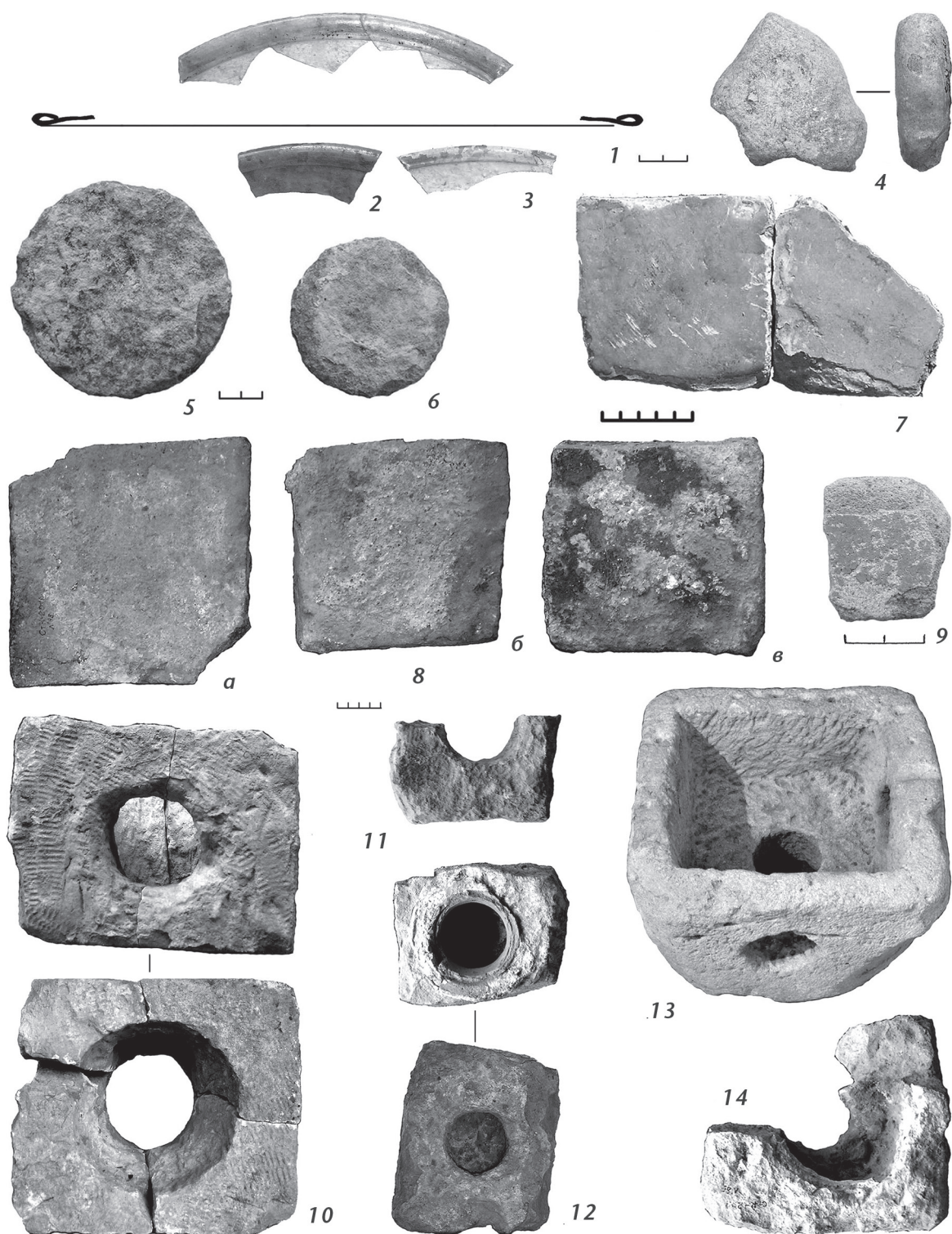
Восточная стена помещения Б также сохранилась полностью (илл. 3: 2). Однако, как и на участке восточной стены помещения А, стены самого помещения не сохранились. Отмеченная высота стены на южном участке, составляющая 0,74 м, соответствует высоте гиппокауста помещения Б. На северном участке возле северо-восточного угла сохранившаяся высота не превышает 0,38 м. и в этой стене зафиксирован аналогичный несквозной канал для установки керамической трубы. Расположен он на рассто-

янии 2,42 м от юго-восточного угла помещения непосредственно напротив канала в западной стене. Керамическая труба в нем не сохранилась.

Северная стена помещения Б оказалась практически полностью разобранной. Сохранился только участок длиной 0,90 м, примыкающий к северо-восточному углу. Высота его не превышает 0,40 м, а толщина составляет 0,82 м.

Северный панцирь стены, разделяющей помещения Б и А (илл. 3: 4), конструктивно несколько отличается от остальных панцирей стен гиппокауста солхатской бани. Максимальная его высота составляет 0,75 м. Выступающего паза для установки плит перекрытия пола помещения Б здесь предусмотрено не было. Его роль выполняла однопанцирная кладка толщиной до 0,18 м, пристроенная вплотную к внутреннему панцирю стены гиппокауста (илл. 3: 4). Кладка сложена небрежно на известковом растворе, смешанном с глиной. Верхняя отметка этой кладки в юго-западном углу практически соответствует уровню паза в западной стене помещения Б. Не исключено, что столь мощная подпорная кладка была вызвана тем, что в юго-восточном углу внутренний панцирь южной стены и внутренний панцирь восточной стены помещения Б дали серьезную трещину, обусловленную установкой всего внутреннего юго-восточного угла помещения Б на остатки грунтового погребения. Его уровень оказался на 0,34 м ниже фундамента южной стены гиппокауста помещения Б. В юго-западном и северо-восточном углах помещения Б сохранились фрагменты каменной вымостки. Уровень ее в обоих углах на 0,20 м выше уровня пола гиппокауста в этом помещении. Не исключено, что это остатки просевшей вымостки пола помещения Б.

С северной стороны к помещению Б примыкает помещение В. Площадь его составляет 10,11 кв. м (2,62 × 3,86 м). Западная стена сохранилась до внутреннего северо-западного угла. Длина ее равняется 2,60 м при ширине 0,90 м. Сохранившаяся высота не превышает 0,38 м. Совершенно очевидно, что помещение В — наиболее позднее в комплексе бани. Кладка его западной стены пристроена к северо-западному углу помещения Б. Помимо этого, основание западной стены помещения В на 0,18–0,20 м выше основания западной стены помещения Б. Аналогично устроена и восточная стена помещения В. От нее сохранился только фрагмент кладки дли-

• Илл. 5. Баня Солхата. Конструктивные детали и декоративные элементы: 1-3 — стекло; 4, 9 — кашин; 5-7, 10-14 — камень; 8 — керамика. 1-12, 14 — баня Солхата; 13 — Сугдея

ной 1,48 и шириной 0,84 м. Уровень ее фундамента также на 0,18–0,20 м выше уровня фундамента восточной стены помещения Б. Эта кладка через небольшой шов также пристроена к северо-восточному углу помещения Б. Северное окончание восточной стены помещения В, как и его северная стена, были разобраны до основания в древности. Как уже отмечалось, южная стена помещения В, смежная с помещением Б, за исключением юго-восточного угла, была полностью разобрана в древности. Уровень пола в помещении в соответствии на 0,18 м выше уровня пола гиппокауста в помещении Б. Вероятнее всего, гиппокауст был предусмотрен и в описываемом помещении. Однако о его высоте судить невозможно.

О возможном наличии гиппокауста свидетельствуют следующие факты. В восточной части помещения в расположен каменный канал, конструктивно отличающийся от каналов в помещениях А и Б. Ширина канала составляет 0,26 м. в восточной части помещения в он расположен практически перпендикулярно, с небольшим смещением к западу относительно северной стены помещения Б. Длина этого участка составляет 3,04 м. Далее канал под прямым углом поворачивает на запад. Ширина западного отрезка канала составляет 0,30–0,32 м, а длина — 2,90 м. Затем он поворачивает на север и входит в толщу северной стены помещения В. Западную обкладку канала дымохода образует однопанцирная кладка толщиной 0,20–0,25 м, сложенная из разнокалиберных камней песчаника на глине с добавлением известкового раствора. Ее максимальная сохранившаяся высота составляет не более 0,28 м. На крайнем северном участке канала дымохода она пристроена к внутреннему панцирю западной стены помещения В. Аналогичный характер имеет и восточная обкладка канала дымохода, лучше всего сохранившаяся на южном участке канала длиной 1,12 м. Очевидно, что для строительства этого канала в толще северной стены помещения Б было изначально предусмотрено отверстие, равное ширине канала. На расстоянии 0,90 м от внутреннего северо-восточного угла помещения Б кладка северной стены этого помещения обрывается, образуя восточный откос канала. Наиболее южная отметка западной обкладки канала полностью соответствует внутреннему панцирю северной стены помещения Б. Ложе канала, аналогичное каналам в юж-

ной стене помещения Б, было выложено тонкими плитками сланца и покрыто слоем гари и пепла (илл. 2: 2). Э. Д. Зиливинская полагает, что этот канал служил для отвода отработанной воды (Зиливинская, 2018. С. 84, прим. 3). На наш взгляд, исходя из большой степени закопченности ложа канала, он мог быть multifunctional и использоваться в том числе и для выхода дыма. Вместе с тем сохранившиеся внутренние панцири восточной и западной стен помещения в не несут следов гари.

В описываемом помещении в обнаружен и канал керамического водопровода, расположенный по оси запад — восток со смещением к северу (илл. 4: 5). Ширина канала составляет 0,12 м и полностью соответствует диаметру керамических труб. Ложе канала, помимо известковой заливки, было выложено тонкими плитками сланца, поверх которых располагались фрагменты керамических труб большего диаметра. Последние служили непосредственно для установки гончарных водопроводных труб. Своим восточным концом данный водопровод упирается в западную кладку канала дымохода, находясь на уровне верхних камней этой кладки. Помимо этого, по бокам канал водопровода был выложен небольшими сланцевыми камнями и плитками. Совершенно очевидно, что данный водопровод был предназначен для подачи воды от источника, расположенного, вероятно, к северо-западу от исследованной бани. За пределами помещения в с внешней стороны западной стены прослежены три сохранившиеся секции водопровода. Керамические трубы были скреплены качественным известковым раствором. Данный керамический водопровод, подходя к западной стене помещения В, проходил в толще этой стены на высоте 0,40 м от ее основания. В самом помещении в ложе канала находилось на специально оставленном останце материкового чернозема, ограниченного с северной и восточной стороны каменной обкладкой канала дымохода, а с южной и западной — стенами помещения. На площади канала дымохода и с его восточной стороны канал водопровода не прослежен. Исходя из сохранности помещения В, судить о том, как распределялась вода из данного водопровода по помещениям бани, сложно. Таким образом, и канал водопровода, и канал дымохода должны были располагаться только в гиппокаусте помещения В.

2

3

4

• Илл. 6. Баня Солхата. Стратиграфия заполнения и конструктивные элементы: 1 — стратиграфия заполнения помещения Б; 2, 3 — разводка керамических дымоходных труб в северо-западном и северо-восточном углах помещения А; 4 — отверстия для керамических дымоходных труб в западной стене помещений А и Б

Некоторую информацию для понимания механизма распределения воды в бане дает фрагмент водопровода, зафиксированный с внешней стороны постройки возле восточной стороны помещений А и Б (илл. 4: 3). Водопровод, проложенный под небольшим углом к стенам на расстоянии 0,14–0,20 м от них, представлял собой канал, в котором зафиксированы четыре секции керамических водопроводных труб, обмазанных известковым раствором, особенно обильно — на стыках. Ложе самого водопровода, помимо слоя извести, как и в случае с водопроводом в помещении В, выложено фрагментами керамических труб большего диаметра. Длину данного водопровода установить сложно. Его южный конец обрезан траншеей газопровода. с южной стороны этой траншеи на разобранном участке восточной стены он не зафиксирован. Общая сохранившаяся длина четырех секций составляет 1,40 м, далее в северном направлении он также не прослежен. Крайняя зафиксированная северная секция водопровода располагалась на 0,20 м ниже уровня верхней отметки восточной стены гиппокауста. Крайняя прорезанная южная секция водопровода располагалась на 0,20 м выше, соответственно, на уровне верхней отметки стены гиппокауста.

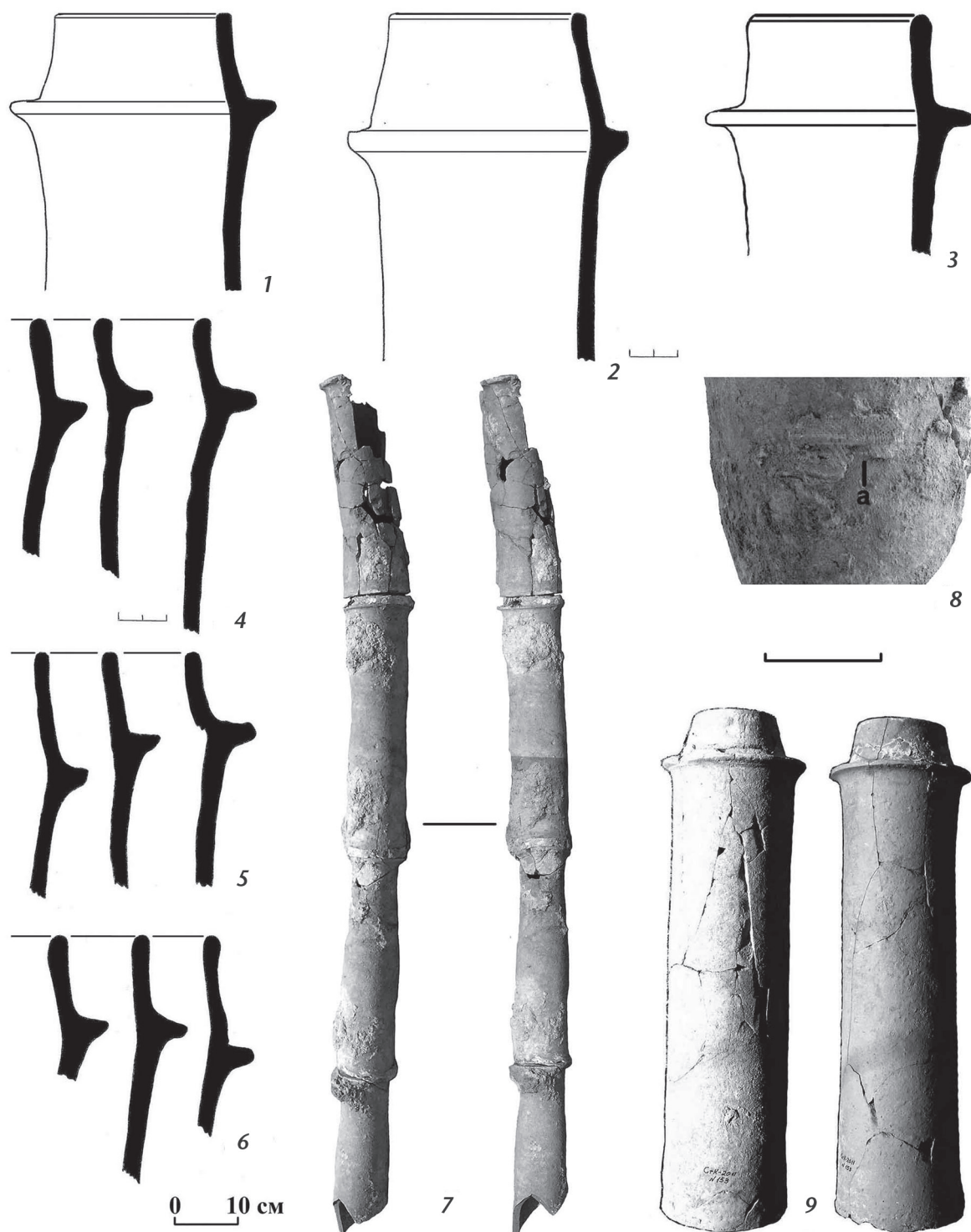
Таким образом, совершенно очевидно, что солхатская баня состояла из четырех основных для этой категории общественных золотоордынских построек комнат. Помещение А1 являлось топкой, помещение А служило для омовений, помещение Б использовалось в качестве мыльни, а помещение в функционировало в качестве раздевальни и места для отдыха.

Для правильного понимания периодизации солхатской бани решающее значение имеет стратиграфия заполнения описанных выше помещений. В целом она схожа и включает пять основных горизонтов (илл. 6: 1). Непосредственно под слоем плотного дерна толщиной до 0,10 м располагался горизонт серой плотной глины с примесями мелких камней. Толщина его составляет от 0,40 до 0,50 м (илл. 6: 1, I). Наименьшая его мощность, до 0,15 м, отмечена в помещении В. Это не случайно, поскольку к северу от этого помещения за пределами бани находится небольшой овраг, куда, вероятно, и происходил смыв этого первого культурного горизонта. По всей площади помещения данный слой перекрывал остатки стен. Археологический ма-

териал, происходящий из этого слоя, малочисленен. Среди находок, относящихся к периоду функционирования постройки в качестве бани, отметим несколько фрагментов гончарных труб (илл. 7: 4) и небольшую гальку подовальной формы, полностью покрытую толстым слоем прозрачной глазури. Не исключено ее использование в качестве элемента декоративного оформления сооружения.

Под слоем плотной серой глины располагался горизонт коричневой рыхлой глины с мелкими примесями извести (илл. 6: 1, II). Верхняя его отметка соответствует верхним отметкам сохранившихся стен помещений, а толщина составляет от 0,30 до 0,50 м возле западной стены помещения Б. Археологический материал, происходящий из этого горизонта, богат и разнообразен. Он не связан с периодом функционирования постройки в качестве бани и заслуживает отдельного рассмотрения. Именно в период формирования этого горизонта каменный завал стен в помещении был сnivelирован, канал дымохода в западной стене заложен каменной распределительной муфтой и полностью перекрывшими канал каменными плитками. Заложенными оказались и несквозные каналы с керамическими трубами в углах помещения. Очевидно, в этот период помещения Б и, особенно, северная часть помещения А бани использовались в качестве жилья. К находкам, связанным с периодом функционирования объекта в качестве бани, можно отнести только аналогичную вышеупомянутой небольшую гальку, покрытую толстым слоем глазури. Не исключено и ее использование в качестве детали орнаментального оформления бани. Обратим особое внимание на зафиксированный в этом слое в переотложенном состоянии фрагмент кашинной облицовочной плитки, покрытой глазурью голубого цвета (илл. 5: 9), наверняка использованной для оформления пола или стен помещений. Отметим и несколько также переотложенных фрагментов краев круглых оконных стекол (илл. 5: 2, 3).

Под горизонтом коричневой рыхлой глины располагался слой каменного завала стен помещений. Состоял он из разных по размерам каменных обработанных и необработанных блоков, перемешанных со слоем извести. Толщина этого горизонта в помещении А колебалась от 0,45 до 0,18 м. Наибольшая мощность завала

• Илл. 7. Баня Солхата. Дымоходные и водопроводные трубы: 1–6, 8 — из слоя разрушения помещений А–В; 7 — фрагмент водопровода с внешней стороны восточных стен; 9 — секции подводящего водопровода с западной стороны бани

зафиксирована в его северо-восточной части. В помещении Б этот слой был слабее насыщен обработанными блоками от кладки стен. Зафиксированы только мелкие камни кладки и щебень, перемешанные с известью. Наибольшая мощность горизонта, 0,40 м, зафиксирована по центру помещения, далее к краям он поднимается, образуя линзу (илл. 6: 1, III). При этом верхняя часть завала была сnivelирована, хотя и имела некоторый наклон к западу. В восточной части помещения в толщину слоя разрушения, включавшая исключительно известковый раствор и мелкие камни, не превышала 0,15 м. На участке материкового черноземного останца под керамическим водопроводом он располагался непосредственно на материковой поверхности. В топочном помещении А1 данному горизонту развала стен соответствовал слой, насыщенный известковым раствором с фрагментами вмонтированной в него керамики. Этот слой перекрывал каменную печь и доходил до уровня слоя углей в топочных камерах.

Археологический материал, происходящий из этого слоя, малочислен, но по большей части связан с периодом функционирования постройки в качестве бани. Прежде всего, это многочисленные фрагменты керамических труб, общее количество которых превышало 500 экземпляров (илл. 7: 1–3, 5, 6). Наибольшая их концентрация отмечена была в помещении В, а наименьшая — в помещении А. Отметим несколько фрагментов труб с сохранившимися фрагментами ткани, которой они были обернуты (илл. 7: 8а).

Среди блоков стен обнаружены каменные детали и муфты для разводки керамических труб в толще самих стен помещения. Установить, где они находились в момент функционирования бани, невозможно. с учетом каменной муфты, заложенной на последнем этапе в канал дымохода в западной стене помещения А (илл. 5: 10), подобных деталей в завале обнаружено три (илл. 5: 11, 12, 14). Еще один фрагмент небольшой каменной распределительной муфты найден в завале помещения Б. Все они разные по размерам и конфигурации, имели центральное большее по размерам конусовидное или цилиндрическое отверстие и одно цилиндрическое боковое. Подобные детали встречены и при исследованиях средневековой Сугдеи (илл. 5: 13).

Отметим также фрагмент плинфы со слегка приподнятыми углами. Если исходить из ана-

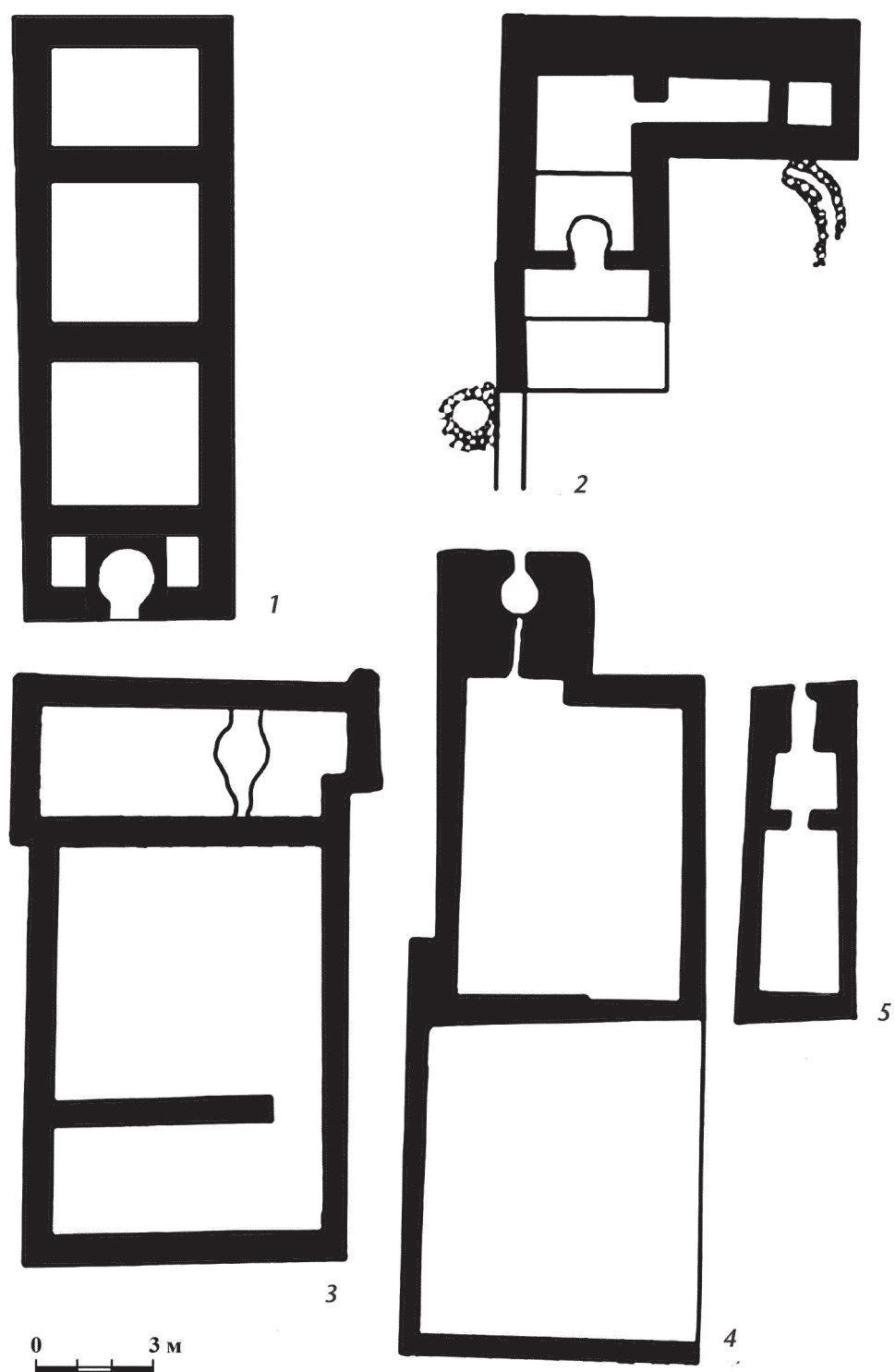
логий с судакской баней (Майко, Джанов, 2015. С. 188–189), то не исключено, что подобные плинфы перекрывали канал водопроводных труб, расположенный в толще самой стены помещения.

В этом же слое зафиксированы и достаточно многочисленные фрагменты плит столбов гиппокауста, изготовленных из небольших подквадратных тщательно обработанных плит плотного песчаника разной формы. Толщина их составляла не менее 0,10 м. Внутренняя поверхность всех зафиксированных фрагментов покрыта слоем плотной извести, заглаженной до блеска. Для реконструкции внутреннего убранства солхатской бани важен и фрагмент кашинного трехлепесткового изразца, покрытого прозрачной глазурью (илл. 5: 4). В помещении в в этом слое найдена круглая каменная пробка, диаметр которой соответствует большинству керамических водопроводных труб бани (илл. 5: 5), и несколько крупных фрагментов круглых оконных стекол (илл. 5: 1).

Несомненной удачей является обнаружение нескольких фрагментов подквадратных и прямоугольных плиток мраморовидного известняка толщиной до 0,08 м (илл. 5: 7) со следами известкового раствора. Не исключено, что они устанавливались поверх каменных плит перекрытия гиппокауста в качестве парадной вымостки пола в помещениях бани.

Ниже слоя каменного завала в стратиграфии помещения А расположен производственный слой глины, пережженной до ярко-оранжевого цвета. Мощность слоя составляет 0,20–0,23 м. Он однороден и, вероятно, накопился в процессе функционирования помещения А. Археологический материал, обнаруженный в слое, представлен только мелкими фрагментами труб. В помещении Б рассматриваемый слой не такой мощный и зафиксирован в основном по краям помещения, где его толщина достигает 0,25 м. Под основанием линзы каменного завала его мощность не превышает 0,05 м (илл. 6: 1, IV). В отличие от помещения А он сильнее насыщен фрагментами керамических труб.

Ниже слоя пережженной глины расположен производственный горизонт углей и пепла. Он непосредственно перекрывает земляные полы гиппокаустов помещений. Его максимальная толщина в помещении А составляет 0,10 м. Мощность его в помещении Б меньше и не превыша-

• Илл. 8. Бани Золотоордынского времени на территории Улуса Джучи. Планы: 1 — Солхат; 2 — Керчь; 3 — баня № 1 в Болгаре; 4 — Селитренное городище; 5 — баня в Большой Тоябе.
3–5 — по: Зиливинская, 2018. С. 279. Рис. 95, 1–3.

ет 0,05 м (илл. 6: 1, V). В помещении в этот слой в виде тонкой прослойки зафиксирован только в восточной части между восточной обкладкой выводящего канала и восточной стеной самого помещения. Здесь зафиксированы каменная круглая пробка меньшего диаметра (илл. 5: 6) и фрагменты круглых оконных стекол. Другой археологический материал не найден.

Для датировки исследованного сооружения первостепенное значение имеет распределение нумизматического материала, уже ставшее предметом специальных исследований (Майко, Гончаров, 2021), что избавляет от повторений. Можно достаточно уверенно утверждать, что баня была возведена в первой четверти XIV в. и в качестве таковой функционировала непродолжительное время до начала третьей четверти этого же столетия. Затем она до конца XIV в. использовалась, вероятно, в качестве жилья или хозяйственной постройки. В начале XV в. баня была полностью разобрана до уровня стен гиппокауста и больше не восстанавливалась.

Не менее важно определить место солхатской бани среди подобных объектов других городских центров Улуса Джучи. Единственной крымской аналогией является синхронная баня, раскопанная в средневековом Боспоре (Майко, 2012; 2014). Сохранилась она, правда, еще хуже солхатской и представляла собой г-образное сооружение, состоящее не менее чем из пяти помещений (илл. 8: 2). Согласно наиболее полной и аргументированной типологии бань Золотоордынского государства, предложенной Э. Д. Зиливинской, солхатская баня представляет собой пример здания античной традиции и относится к типу IB. Последний характеризуется капитальными стенами, образующими общий прямоугольный объем, с помещениями, расположенными в один ряд (Зиливинская, 2018. С. 91). Типологически близкие бани в Болгаре, Селитренном городище и Большой Тоябе (илл. 8: 3–5) отличались, в основном, количеством помещений и их площадью.

Простая конструкция и размеры солхатской бани указывают на то, что она не могла являться общественным городским сооружением, предполагающим если не крестообразную планировку, то, по крайней мере, сложную систему помещений, занимающих большую площадь. Помимо этого, согласно реконструкции исторической топографии средневекового Солхата,

предложенной М. Г. Крамаровским (Крамаровский, 1989. Рис. 2; 2019. Илл. 13), проанализированная баня расположена в северо-восточной части городища достаточно далеко от центра на расстоянии не более 200–210 м от северного участка возможного направления западной крепостной стены. С. Г. Бочаров размещает ее даже за пределами северных городских кварталов (Бочаров, 2021. С. 124. Рис. 2). Действительно, в ходе археологических разведок 2011 и последующих годов каких-либо построек, связанных с баней, зафиксировать не удалось.

Тем не менее предположение о том, что баня имела квартальный характер, полностью отвергать рано. По справедливому мнению специалистов, города Золотой Орды имели усадебно-уличный характер застройки, формировавшийся вокруг квартальной мечети. Сплошная застройка, характерная для большинства городов Востока, могла отсутствовать (Зиливинская, 2012. С. 175).

Таким образом, исследования 2011 г. в г. Старый Крым по трассе магистрального водопровода дали новый интересный материал для реконструкции исторической топографии средневекового Солхата. Удалось полностью исследовать баню, остающуюся пока единственным подобным сооружением средневекового Солхата. Она представляла собой сложную гидротехническую постройку, предполагающую подачу воды от источника водоснабжения по керамическому водопроводу к емкости, нагрев ее в печи и распределение по помещениям. Помимо этого, в гиппокаусте осуществлялся подогрев полов вымостки помещений и обогрев их самих с системой отвода дыма за пределы объекта.

Список литературы

- Бочаров С. Г. Эски-Крым: введение в историческую топографию города Крымского ханства // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 121–135.
- Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с.
- Зиливинская Э. Д. Структура золотоордынских городов во времена хана Узбека // Ислам и власть в Золотой Орде / ред., сост.: И. М. Миргалеев, Э. Г. Сайфетдинова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2012. С. 154–178.

Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. II. Гражданское зодчество. Казань: Отечество, 2018. 353 с.

Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.: Гос. Эрмитаж, 1989. С. 141–157.

Крамаровский М. Г. Pax Mongolica и чингисидская глобализация // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. С. 15–57.

Майко В. В. Средневековые бани Керчи и Солхата. К вопросу о месте в городской инфраструктуре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. XIII Боспорские чтения. Керчь: Керченская гор. тип., 2012. С. 304–308.

Майко В. В. Бани Крыма времен Узбека (на примере Солхата, Сугдеи и Боспора) // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма. Симферополь: [б. и.], 2014. С. 62–64.

Майко В. В., Гончаров Е. Ю. Нумизматический комплекс из раскопок бани средневекового Солхата // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. VIII Междунар. нумизмат. симп. Симферополь: Ариал, 2021. С. 139–148.

Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015. 448 с.

Майко В. В., Сейдалиев Э. И., Алядинова Д. Ю. Охранные исследования бани средневекового Солхата в 2011 г. // Археологічні дослідження в Україні 2011. Київ: Волинські старожитності, 2012. С. 80–82.

References

Bocharov S. G. Eski-Krym: vvedenie v istoricheskuyu topografiyu goroda Krymskogo khanstva // Povolzhskaya arkheologiya. 2021. 2 (36). P. 121–135.

Gavrilov A. V., Mayko V. V. Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (materialy k arkheologicheskoy karte goroda Staryy Krym). Simferopol': Biznes-Inform, 2014. 212 p.

Kramarovskiy M. G. Solkhat-Krym: k voprosu o naselenii i topografii goroda v XIII–XIV vv. // Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, 1989. P. 141–157.

Kramarovskiy M. G. Pax Mongolica i chingisidskaya globalizatsiya // Zolotaya Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoy imperii: katalog vystavki. Moscow: Fond Mardzhani, 2019. P. 15–57.

Mayko V. V. Srednevekovye bani Kerchi i Solkhata. K voprosu o meste v gorodskoy infrastrukture // Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Problemy urbanizatsii. XIII Bosporskie chteniya. Kerch': Kerchenskaya gorodskaya tipografiya, 2012. P. 304–308.

Mayko V. V. Bani Kryma vremen Uzbeka (na primere Solkhata, Sugdei i Bospora) // Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma. Simferopol': [s. n.], 2014. P. 62–64.

Mayko V. V., Goncharov E. Yu. Numizmaticheskiy kompleks iz raskopok bani srednevekovogo Solkhata // PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka. VIII Mezhdunarodnyy numizmaticheskiy simpozium. Simferopol': Aerial, 2021. P. 139–148.

Mayko V. V., Dzhанov A. V. Arkheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym. Simferopol': Aerial, 2015. 448 p.

Mayko V. V., Seydaliev E. I., Alyadinova D. Yu. Okhrannye issledovaniya bani srednevekovogo Solkhata v 2011 g. // Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2011. Kiev: Volins'ki starozhitnosti, 2012. P. 80–82.

Zilivinskaya E. D. Struktura zolotoordynskikh gorodov vo vremena khana Uzbeka // Islam i vlast' v Zolotoy Orde / ed., comp. I. M. Mirgaleev, E. G. Sayfedinova. Kazan': Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2012. P. 154–178.

Zilivinskaya E. D. Arkhitektura Zolotoy Ordy. II. Grazhdanskoe zodchestvo. Kazan': Otechestvo, 2018. 353 p.

Illustrations

Fig. 1. Solkhat bathhouse. Location and plan: A — location indicated on M. G. Kramarovskiy's plan of Solkhat (1), on the map of the village of Old Krym dated 1795 (2), and on contemporary image from Google (3); 4 — plan of the bathhouse

Fig. 2. Solkhat bathhouse. General view: 1 — from the south-east; 2 — from the north

Fig. 3. Solkhat bathhouse. Wall measurements: 1, 2 — inner shell of western and eastern walls of rooms; 3, 4 — southern and northern shell of the wall that divides rooms A and B; 5 — section of rooms A1 and A along the axis north–south; 6, 7 — eastern and western walls of the furnace; 8 — northern wall and section of the furnace

Fig. 4. Solkhat bathhouse. General view of the structural elements: 1 — plinth of hippocast column; 2 — lime base of the wall between rooms A1 and A with the eastern chimney duct; 3 — water duct from the outside of

the eastern walls of the bathhouse; 4 — fragments of lime mortar with ceramic inclusions; 5 — plumbing bed in room C; 6 — traces of smoke supply to room B

Fig. 5. Solkhat bathhouse. Structural and decorative elements: 1–3 — glass; 4, 9 — kashin (stonepaste); 5–7, 10–14 — stone; 8 — ceramic. 1–12, 14 — Solkhat bathhouse; 13 — Sugdeya

Fig. 6. Solkhat bathhouse. Stratigraphy of filling and structural elements: 1 — stratigraphy of room B filling; 2, 3 — ceramic chimney pipes in the north-west and north-east corners of room A; 4 — openings for ceramic chimney pipes in the western wall of rooms A and B.

Fig. 7. Solkhat bathhouse. Chimney and water pipes: 1–6, 8 — from A–C rooms destruction layer; 7 — a fragment of the water pipe from the outer side of the eastern walls; 9 — water supply sections from the western side of the bathhouse

Fig. 8. Baths of the Golden Horde era in the territory of Ulus Dzhuchi. Plans: 1 — Solkhat; 2 — Kerch; 3 — bathhouse no.1 in Bolgar; 4 — Seliterno fortified settlement (Gorodishche); 5 — bathhouse in Bolshaya Toyaba. 3–5 — after: Zilivinskaya, 2018. P. 279. Fig. 95, 1–3.

V. V. Mayko. The bathhouse of medieval Solkhat of the 14th century: principal architectural features

Abstract. This article presents, for the first time, a comprehensive publication of the rescue archaeological excavations of the mediaeval Solkhat (Old Crimea) bathhouse. Prior the excavations carried out in 2011 have only been briefly reviewed in the literature to date. The surviving remains of the bathhouse reach only to the height of the hypocaust walls, making precise reconstruction impossible. Nevertheless, the article thoroughly discusses the structural details of the four rooms. Furthermore, archaeological findings from the period when the complex served as a sauna are described, allowing partial reconstruction of interior furnishings and fittings. An attempt is made to determine the place of the Solkhat bathhouse in the urban infrastructure of Golden Horde cities.

Keywords: Golden Horde, Crimea, Solkhat, 14th century, city bathhouse, architectural peculiarities, archaeological material.

Mayko Vadim Vladislavovich, doctor of history, director of Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, 2 Vernadsky Ave., 295007 Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation, vadimmaiko1966@mail.ru.

А. А. Кудрявцев

Церковь Одигитрии выстроена на месте Фроловской воротной башни (Фроловские ворота) Смоленской крепостной стены (1596–1602 гг.). Башня стояла в центре северной части крепости перед Большим Днепровским мостом. В письменных источниках она обозначается также как «Ворота Днепровские», «что у Фроловского моста», «Королевские ворота». Изображения Фроловской башни сохранились на гравюрах 1629 г. и 1636 г., присутствует она и на иконе Авраамия и Меркурия Смоленских (Косточкин, 1964. С. 96–99; Модестов, 2003. С. 52–54, 119).

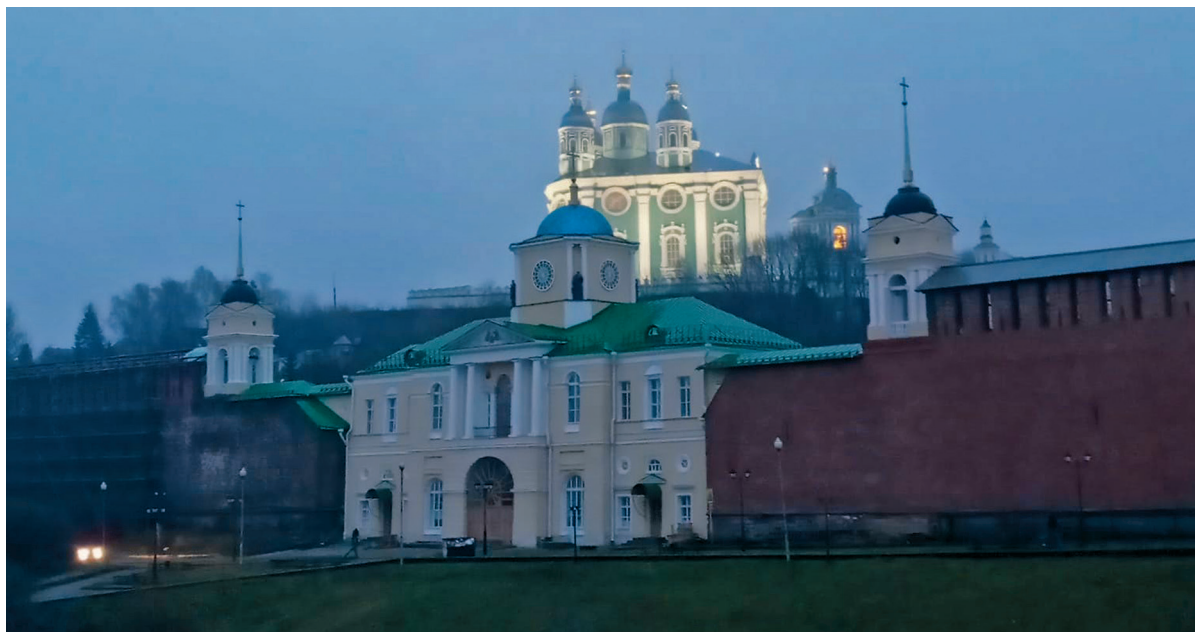
В 1727 г. у южного портала башни возвели деревянную надвратную церковь Рождества Богородицы на каменном подклете. Под ней был сделан воротный проезд. К середине XVIII в. Фроловская башня (Днепровские ворота) обветшала и грозила обрушением. В 1751–1753, 1758 и 1787 гг. были разобраны ее верхние ярусы. От ворот остался только первый ярус с каменным сводом. В 1793–1800 гг. вместо деревянного храма на оставшемся нижнем ярусе башни возведена ныне существующая каменная церковь Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии с двумя колокольнями по проекту губернского архитектора М. Н. Слепнева. Под церковью оставались проездные ворота, называемые Днепровскими (Модестов, 2003. С. 119–121).

В 1920-е гг. храм был закрыт. В ходе боев 1941 и 1943 гг. здание церкви Одигитрии сильно пострадало, были утрачены кровля с завершением, перекрытия и часть сводов. После восстановительных работ здание приспособили под

Аннотация. В статье представлены материалы архитектурно-археологических исследований в зоне проведения благоустройства на участках, примыкающих с запада и востока к надвратной церкви Одигитрии. В ходе работ на западном участке зафиксированы кирпичные основания стен ограды и постройки XIX в. К востоку от храма открыт валунный фундамент здания XVIII в. Установлено, что он стоит на непотревоженном культурном слое со щепой, датирующемся XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Смоленск, церковь Одигитрии, крепостная стена, фундаменты, изразцы.

Кудрявцев Андрей Алексеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117036, a-kudravtsev@yandex.ru.

• Илл. 1. Смоленск. Церковь Одигитрии. Вид с северо-запада. Фотография А. А. Кудрявцева, ноябрь 2021 г.

разнообразные общественные и административно-хозяйственные службы. В 1960–1962 гг. и в 1990 г. церковь была отреставрирована. С 1993 г. в ней размещается православная гимназия. В настоящее время под обозначением «Ворота Днепровские (церковь Одигитрии)» здание входит в состав объекта культурного наследия федерального значения «Крепостные стены и башни» (илл. 1).

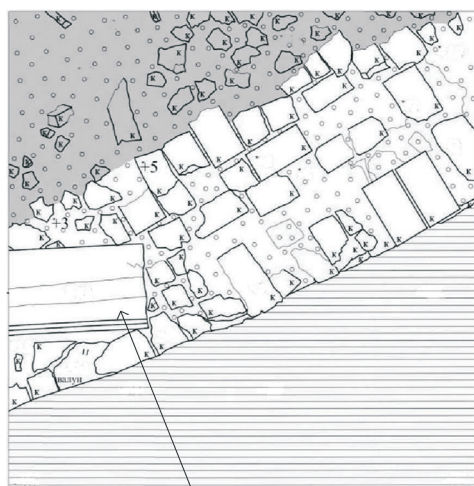
Первые научные обследования и археологические исследования Смоленской крепостной стены были проведены в начале XX в. (Писарев, Неклюдов, 1901; Покрышкин, 1904). Проводились они и в дальнейшем (Модестов, 2003. С. 29–117). Но фундаменты Фроловской башни и церкви Одигитрии археологически фактически не изучены. Ближайшими к ним являются шурфы А. М. Салимова 2010 г. у Волковой (Семенской) башни. В ходе этих работ была раскрыта кладка стены башни, а под балластными отложениями зафиксирован темно-коричневый культурный слой с включениями древесного тлена с примесью щепы и навоза. По данным керамических материалов этот слой был датирован XV–XVI вв. (Салимов и др., 2011. С. 320–325).

В 2019 г. Н. А. Кренке перед проведением масштабной реставрации Смоленской крепостной стены заложил серию шурфов у ряда прясел

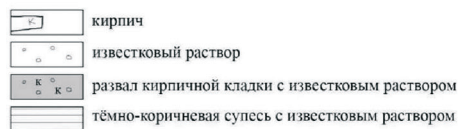
и башен для определения состояния их фундаментов. Семь шурфов примыкали к пряслу 1, которое расположено между церковью Одигитрии и Волковой башней. Они были доведены до уровня верха валунного фундамента крепостной стены. Один из них был выкопан у северо-восточного угла церкви Одигитрии, а другой был заложен у южного фасада прясла на расстоянии 240 см к востоку от стены церкви Одигитрии (Кренке, 2019). Как и в других местах, эти шурфы в соответствии с реставрационным заданием были доведены до уровня верха валунного фундамента.

Ближайшим раскопом к обследуемому участку является УС-III (ул. Соболева, раскоп 3), заложенный Д. А. Авдусиным в 1951 г. между церковью Одигитрии и улицей Соболева. Первоначально его площадь составила 36 кв. м. В 1952 г. площадь раскопа была увеличена до 64 кв. м. Мощность культурного слоя здесь составила 7 м. Наиболее ранние напластования в этом районе относятся к концу XI в. (Авдусин, 1952).

В ходе последней реставрации церкви Одигитрии на участках, расположенных у ее западного и восточного фасадов и ограниченных с севера крепостной стеной в 2021–2022 гг., силами Новгородского архитектурно-археологического отряда Института археологии РАН под

белокаменный блок

• Илл. 2. Смоленск. Церковь Одигитрии. Западный участок. Шурф 2. Основание кирпичной стены (ограды). Вид с юга. Чертеж Ю. С. Фомичевой, 2021 г.

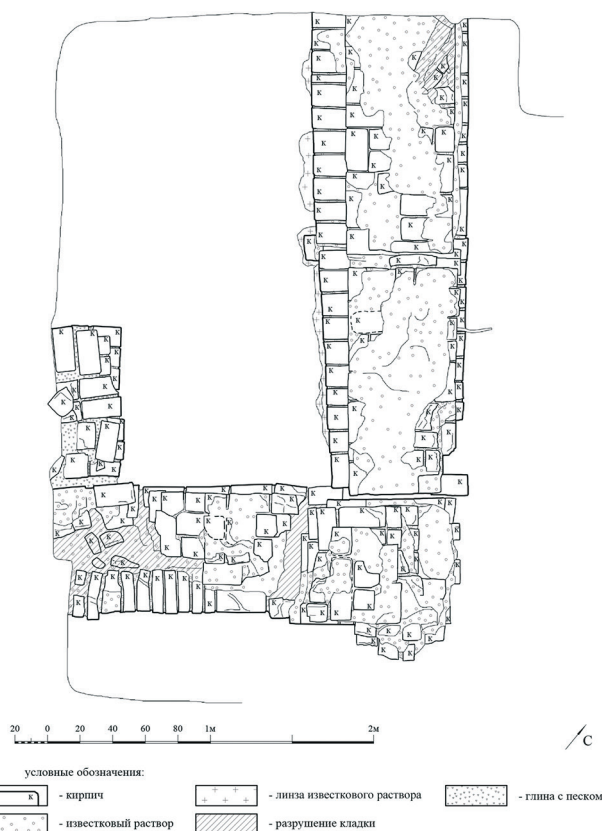
руководством автора настоящей статьи были проведены археологические исследования¹. Они предвзяли работы по благоустройству данной территории. По проекту планировались прокладка коммуникаций и понижение уровня дневной поверхности вплоть до нижнего уровня стен храма, так как в послевоенный период уровень проезжей части улицы Соболева был поднят примерно на 3 м и южный фасад храма оказался в глубоком приялке.

В 2021 г. для определения состояния культурного слоя на восточном и западном участках были заложены пять шурфов общей площадью в 20 кв. м на глубину заданной реставраторами технической отметки (1,5–2 м). Заполнение всех шурфов было представлено насыпными мешаными напластованиями со строительным мусором, которые образовались в ходе многочисленных реставраций церкви Одигитрии и устройства улицы Соболева в послевоенный период. Каких-либо непогрешенных куль-

турных напластований эпохи средневековья выявлено не было. В двух шурфах (№ 2 и 4), расположенных на западном участке, были зафиксированы части архитектурных объектов.

В шурфе 2 на глубине 170 см от дневной поверхности была расчищена кладка из четырех рядов кирпичей, скрепленных на растворе (размер кирпичей 27 × 13,5 см), — часть стены (ширина — 0,8 м), ориентированной по оси юго-запад — северо-восток, которая проходила через центральный сектор шурфа. При понижении уровня шурфа до проектной отметки удалось зафиксировать южный фасад стены: сохранилось три ряда кирпичей, скрепленных известковым раствором. Нижний ряд покоился на валунах небольшого размера. Слой на уровне кирпичной стены представлен темно-коричневой супесью с включениями известкового раствора и обломками кирпичей. Его можно интерпретировать как слой разрушения открытой стены (илл. 2). При разборе данных напластований выявлены фрагменты керамических сосудов XVII–XIX вв., а также осколки оконного стекла XVIII–XIX вв. Вероятно, открытый фрагмент стены является частью кирпичной ограды и может быть датирован в рамках XVIII–XIX вв.

¹ Автор выражает благодарность за научные консультации к. иск. М. В. Вдовиченко, д. и. н. Н. А. Кренке, д. иск. Вл. В. Седову (ИА РАН).

• Илл. 3. Смоленск. Церковь Одигитрии. Западный участок. Открытая часть постройки.
Чертеж А. О. Дмитриевой, 2022 г.

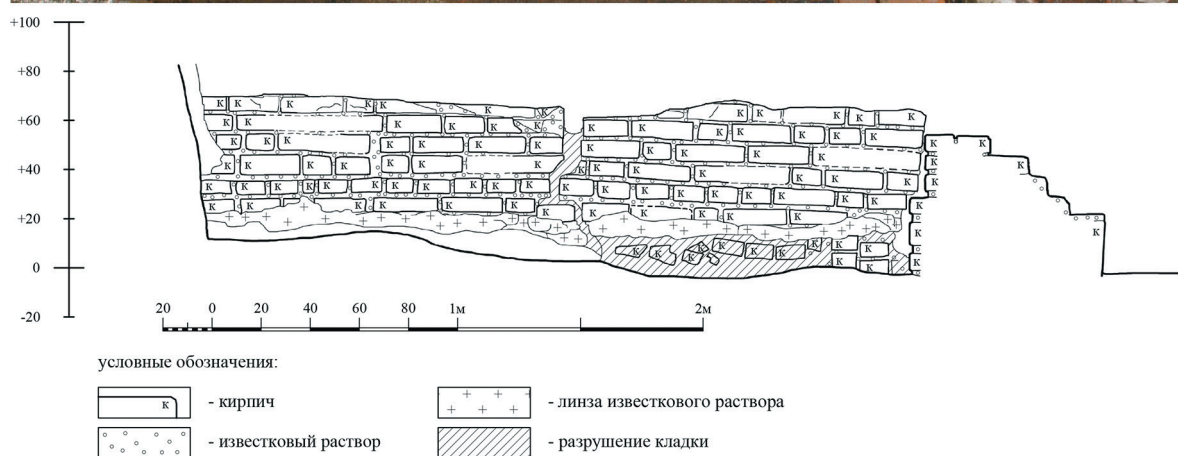
В шурфе 4, расположенном к северу от шурфа 2, была также прослежена стена из трех рядов кирпичей, положенных на известковом растворе, с аналогичной ориентировкой по оси юго-запад — северо-восток. В западном секторе шурфа при понижении его уровня были расчищены скопления валунов среднего размера, уложенных без раствора, которые примыкали к открытой стене с севера и юга. Они являются частью ее фундамента.

В 2022 г. по всей площади западного и восточного участков был выбран грунт вплоть до нижнего уровня стен церкви Одигитрии. При осуществлении земляных работ были проведены археологические наблюдения. Общая площадь обследованной территории составила 198 кв. м.

В ходе разбора верхних перемешанных напластований посредством тяжелой техники на

западном участке показали следы кирпичной стены, расположенной в 1,5 м к западу от стены церкви Одигитрии. Она была ориентирована по оси северо-запад — юго-восток. При дальнейшей ее расчистке был обнаружен угол ее основания и вторая стена, ориентированная по оси северо-восток — юго-запад. Часть этой стены с примыкающими валунами уже была зафиксирована в 2021 г. в шурфе 4.

Дальнейшее раскрытие данного архитектурного объекта показало, что он представляет собой часть кирпичной постройки в целом прямоугольной формы (илл. 3). Внутри нее была открыта еще одна отдельная кладка, ориентированная по оси север — юг. Ее кирпичи были скреплены не на растворе, а на глине с песком. Они уложены в технике ложковой кладки. Их размер $27 \times 12 \times 8$ см. Всего прослежено четы-

• Илл. 4. Смоленск. Церковь Одигитрии. Западный участок. Внутренний фасад восточной стены постройки. Чертеж А. О. Дмитриевой, 2022 г.

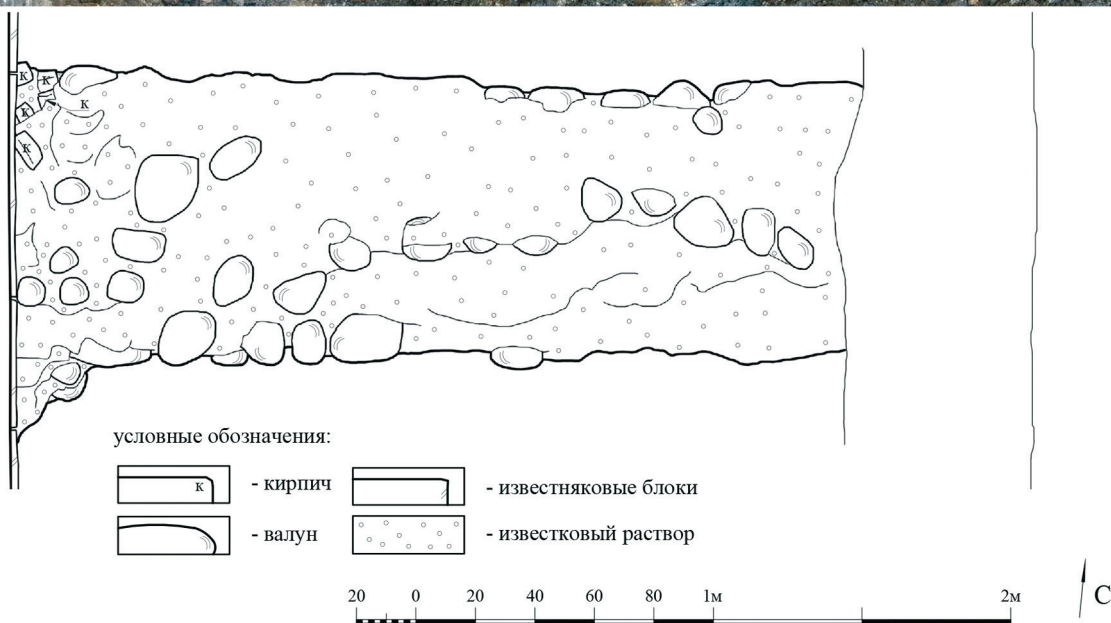
ре ряда кирпичной кладки. По всей видимости, это сооружение являлось частью печи кирпичной постройки.

В дальнейшем обе фундаментальные кирпичные стены были открыты до нижнего уровня их залегания. Восточная стена постройки была расчищена на протяжении 3,9 м, ее ширина составила 1 м. Ее поверхность покрыта известковым раствором и спрессованной кирпичной крошкой. Графически зафиксирован ее внутренний фасад (илл. 4). Всего прослежено шесть рядов кирпичной кладки: верхние четыре ряда оформлены в технике ложкового ряда. Размеры кирпичей: 27 × 12 × 6,8 см. Следующий ряд является тычковым, он значительно выдвинут наружу, образуя своеобразный выступ. Такой же выступ присутствует и с внешней стороны стены.

Ниже его сменяет ложковый ряд. Кладка лежит на массивной линзе известкового раствора, которая и является ее основанием (то есть у этой стены нет валунного фундамента).

У южной стены, ориентированной по оси северо-восток — юго-запад, также прослежено шесть рядов кирпичной кладки. Общая длина раскрытого в 2021–2022 гг. участка стены составила 3,6 м, ширина — 0,8 м. Ее верхние два ряда оформлены в технике ложкового ряда, третий ряд — тычковый. Его сменяет четвертый ложковый ряд кладки, который образует собой технический выступ. Следующий ряд оформлен в виде тычкового ряда (размер кирпичей 26 × 12 × 6 см). Он лежит на ложковом ряде кладки.

Стены были засыпаны перемешанным слоем светло-коричневой супеси со строительным му-

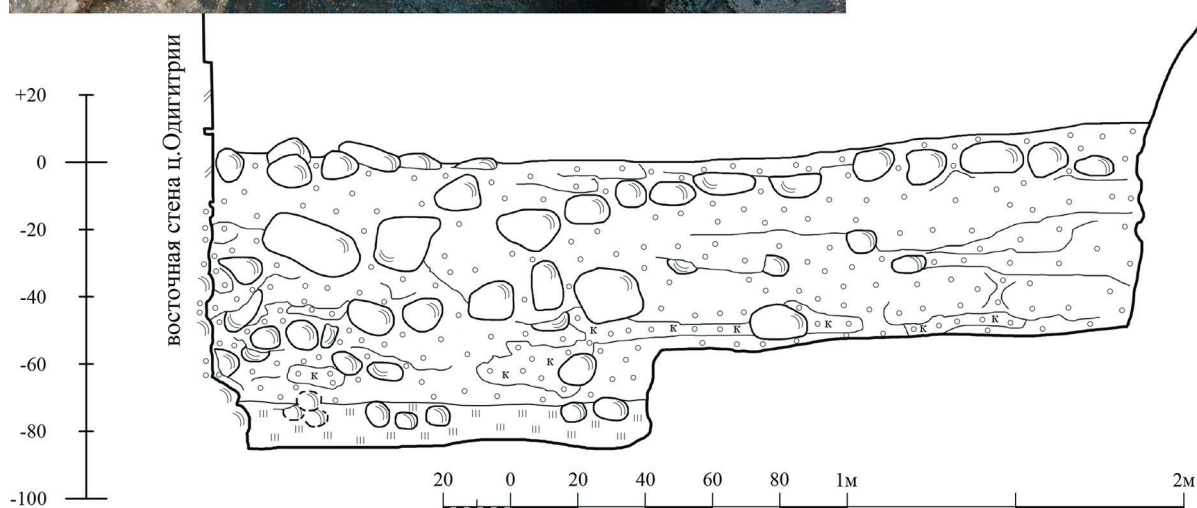

• Илл. 5. Смоленск. Церковь Одигитрии. Восточный участок. Валунный фундамент.
Чертеж А. О. Дмитриевой, 2022 г.

сором и кирпичным боем. Из него происходит незначительное количество фрагментов керамических сосудов XVII–XIX вв. При расчистке поверхности восточной стены выявлена медная монета — денга 1735 г.

Открытые основания кирпичных стен, судя по формату кирпича раствора, датируются XIX в.

По всей видимости, они соотносятся со стеной, зафиксированной южнее в шурфе 2. Вероятно, открытое сооружение могло являться основанием (кирпичным фундаментом) постройки при церкви Одигитрии (церковная лавка?). На фотографиях Армянской улицы начала XX в. (дореволюционное название улицы Соболева) к западу

условные обозначения:

	- валун		- известковый раствор + кирпичная крошка
	- белокаменные блоки		- известковый раствор
	- темно-коричневый влажный культурный слой со щепой		

• Илл. 6. Смоленск. Церковь Одигитрии. Восточный участок. Шурф 6. Южный фасад валунного фундамента.
Чертеж А. О. Дмитриевой, 2022 г.

от церкви Одигитрии присутствуют различные сооружения с аналогичной ориентировкой.

В шурфах 1 и 5, заложенных в 2021 г. на участке, примыкающем к восточному фасаду церкви Одигитрии, каких-либо архитектурных объектов не зафиксировано. В 2022 г. при снятии верхнего грунта по всей его площади была открыта нижняя часть восточной стены храма, состоящая из рядов крупных белокаменных блоков, а также ее отмостка — валуны среднего размера, скрепленные на известковом растворе.

Ниже уровня второго ряда белокаменных блоков в центральном секторе участка проявилась поверхность валунного фундамента, ориентированного по оси восток — запад и расположенного перпендикулярно восточной стене церкви. Длина его открытой части составила 3,8 м, а ширина — 1 м. Фундамент состоял из валунов среднего размера, скрепленных известковым раствором с включением битого кирпича. Он был открыт вплоть до восточной границы участка (илл. 5).

• Илл. 7. Смоленск. Церковь Одитритии. План с открытыми конструкциями и фундаментами, 2021–2022 гг.

Для выявления соотношения открытого фундамента с церковью Одитритии и определения его датировки вдоль его южного фасада в месте пересечения с церковью Одитритии был заложен шурф 6 прямоугольной формы (1,5 × 0,5 м). Сначала шурф был выкопан до подошвы валунного фундамента, а после на 15 см прокопан нижележащий темно-коричневый культурный слой со щепой.

В северном профиле шурфа 6 прослежен южный фасад валунного фундамента (илл. 6). Он представлен шестью рядами плотно лежащих валунов среднего размера, скрепленных известковым раствором с включениями битого кирпича. В западном профиле шурфа 6 был частично прослежен фундамент церкви Одитритии. Под белокаменными блоками и отмосткой расчищены валуны среднего размера, скрепленные известковым раствором. Данный фундамент также лежит на темно-коричневом культурном слое с органикой. При его переборке выявлены фрагмент белоглиняного голландского мундштука и часть терракотового изразца. На его лицевой стороне изображен чертополох (илл. 8: 3). Такой растительный орнамент характерен для терракотовых изразцов Смоленска, датирующихся XVII в. (Пронин, Соболев, 2013. С. 18–24).

Очевидно, что эти же напластования были зафиксированы А. М. Салимовым в шурфах 2010 г. у Волковой башни. Он их обозначает как «влажноватый» темно-коричневый слой (Салимов и др., 2011. С. 324). Находки фрагментов мундштука и терракотового изразца в шурфе 6 у восточного фасада церкви Одитритии подтверждают его датировку, установленную А. М. Салимовым по керамическим материалам.

Полученные в ходе работ на шурфе 6 данные позволяют заключить, что открытый валунный фундамент относится к постройке, которая была возведена раньше, чем нынешнее здание церкви Одитритии.

Открытый валунный фундамент, вероятно, является основанием одной из внутренних стен здания кордегардии (данная атрибуция предложена Н. А. Кренке). Это, по всей видимости, каменное сооружение присутствует на плане Смоленска 1778 г. Кордегардия стояла напротив бывшего моста через Днепр и несколько восточнее нынешнего здания церкви Одитритии. Косвенным подтверждением такому определению является находка медной монеты (денга 1745 г.), сделанная при расчистке валунного фундамента. Но не исключена и связь этого фундамента с работами по сооружению на ка-

менном подклете деревянной церкви в 1727 г. Во всяком случае, открытие этого фундамента говорит о наличии рядом и под церковью Одигитрии более ранней каменной постройки.

По окончании археологических работ фундамент был законсервирован при проведении работ по благоустройству.

В ходе полевых работ были выявлены еще несколько фрагментов терракотовых изразцов XVII в. с растительным орнаментом. Один из них найден при разборе верхних перемешанных напластований восточного участка. На его лицевой стороне изображена виноградная гроздь (илл. 8: 2). Другой изразец происходит из шурфа 3. На нем присутствует часть композиции с сердцевидными стеблями-завитками, завернутыми внутрь. Внутренняя рамка украшена косыми линиями (илл. 8: 1). В коллекции смоленских изразцов есть практически точный его аналог (Пронин, Соболев, 2013. С. 18, 22. Илл. 7: 2).

Археологические исследования 2021–2022 гг., проведенные у западного и восточного фасадов церкви Одигитрии, позволили открыть части сооружений XVIII–XIX вв., которые ранее не были зафиксированы археологически (илл. 7). При изучении валунного фундамента у восточного фасада было установлено, что этот архитектурный объект и сама церковь Одигитрии стоят на непотревоженном темно-коричневом слое со щепой и древесным тленом, который датируется XVI–XVII вв.

Список литературы

- Авдусин Д. А. Археологические раскопки в Смоленске // Смоленский альманах. Смоленск: Смолгиз, 1952. С. 219–227.
- Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М.: Наука, 1964. 176 с.
- Кренке Н. А. Отчет об охранных работах (наблюдениях) на объекте культурного наследия федерального значения «Смоленская крепостная стена к. XVI – нач. XVII вв.» при проведении предпроектных земляных работ перед началом реставрации стены в 2019 г. Прясло 1 (шурфы 1–6, 8) // Архив ИА РАН. 2019. Б/н.
- Модестов Ф. Э. Смоленская крепость. Смоленск: Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Смоленской области, 2003. 143 с.

- Писарев С. П., Неклюдов М. Н. О раскопках в Смоленске. Смоленск: изд. Смоленского Губ. стат. комитета, 1901. 33 с.
- Покрышкин П. П. Смоленская крепостная стена // ИИАК. Вып. 12. СПб.: тип. Гл. управления уделов, 1904. С. 1–25.
- Пронин Г. Н., Соболев В. Е. Смоленские изразцы XVI–XIX веков. Смоленск: Свиток, 2013. 240 с.
- Салимов А. М., Данилов В. В., Васильков П. Н. Новые архитектурно-археологические исследования фундаментов Смоленской крепости // Тверской археологический сборник. Вып. 8, т. 2. Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / под ред. И. Н. Черных. Тверь: Тверской гос. объедин. музей, 2011. С. 317–339.

References

- Avdusin D. A. Arkheologicheskie raskopki v Smolenske // Smolenskiy al'manakh. Smolensk: Smolgiz, 1952. P. 219–227.
- Kostochkin V. V. Gosudarev master Fedor Kon'. Moscow: Nauka, 1964. 176 p.
- Krenke N. A. Otchet ob okhrannykh rabotakh (nablyudeniyaх) na ob'ekte kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya "Smolenskaya krepostnaya stena k. XVI – nach. XVII vv." pri provedenii predproektnykh zemlyanykh rabot pered nachalom restavratsii steny v 2019 g. Pryaslo 1 (shurfy 1–6, 8) // Arkhiv IA RAN. 2019.
- Modestov F. E. Smolenskaya krepost'. Smolensk: Tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Smolenskoy oblasti, 2003. 143 p.
- Pisarev S. P., Neklyudov M. N. O raskopkakh v Smolenske. Smolensk: izdanie Smolenskogo Gubernskogo statisticheskogo komiteta, 1901. 33 p.
- Pokryshkin P. P. Smolenskaya krepostnaya stena // Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii. 12. St. Petersburg: tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1904. P. 1–25.
- Pronin G. N., Sobol' V. E. Smolenskie izraztsy XVI–XIX vekov. Smolensk: Svitok, 2013. 240 p.
- Salimov A. M., Danilov V. V., Vasil'kov P. N. Novye arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniya fundamentov Smolenskoy kreposti // Tverskoy arkheologicheskoy konferentsii i 12-go zasedaniya nauchno-metodicheskogo seminar "Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v drevnosti" / ed. I. N. Chernykh. Tver: Tverskoy gosudarstvennyy ob'edinenyy muzey, 2011. P. 317–339.

- Илл. 8. Смоленск. Церковь Одигитрии. Фрагменты терракотовых изразцов. 1 — шурф 3, верхний перемешанный слой; 2 — восточный участок, верхний перемешанный слой; 3 — шурф 6, темно-коричневый слой. Рисунки выполнены А. О. Дмитриевой.

Illustrations

- Fig. 1. Smolensk. Church of the Hodegetria. View from the northwest. Photo by A. A. Kudryavtsev, November 2021
- Fig. 2. Smolensk. Church of the Hodegetria. Western area. Pit 2. The base of a brick wall (fence). View from the south. Drawing by Yu. S. Fomicheva, 2021
- Fig. 3. Smolensk. Church of the Hodegetria. Western area. The open part of the construction. Drawing by A. O. Dmitrieva, 2022
- Fig. 4. Smolensk. Church of the Hodegetria. Western area. Interior façade of the eastern wall of the building. Drawing by A. O. Dmitrieva, 2022
- Fig. 5. Smolensk. Church of the Hodegetria. Eastern area. Boulder foundation. Drawing by A. O. Dmitrieva, 2022
- Fig. 6. Smolensk. Church of the Hodegetria. Eastern area. Pit 6. Southern façade of the boulder foundation. Drawing by A. O. Dmitrieva, 2022
- Fig. 7. Smolensk. Church of the Hodegetria. Plan with exposed structures and foundations, 2021–2022
- Fig. 8. Smolensk. Church of the Hodegetria. Terracotta tile fragments: 1 — excavation pit 3, upper disturbed layer; 2 — eastern section, upper disturbed layer; 3 — excavation pit 6, dark brown layer. Illustrations by A. O. Dmitrieva

A. A. Kudryavtsev. Architectural and archaeological research at the gate church of the Icon of the Mother of God Hodegetria in Smolensk in 2021–2022

Abstract. This article presents the findings of architectural and archaeological research conducted in the vicinity of the Hodegetria Gate Church, focusing on the western and eastern sites. The excavation at the western site revealed the brick foundations of 19th-century fence walls and buildings. At the eastern side of the church, a boulder foundation from the 18th century was discovered, resting on an undisturbed cultural layer containing wood chips dating back to the 16th and 17th centuries.

Keywords: Smolensk, Church of Hodegetria, fortress wall, foundations, tiles.

Kudryavtsev Andrey Alekseevich, candidate of history, research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117036 Moscow, Russian Federation, a-kudravtsev@yandex.ru.

Опыт виртуальной трехмерной реконструкции здания приказов XVII в. в Московском Кремле*

М. В. ВДОВИЧЕНКО, В. Е. ЕРЕМЕЕВ,
Е. К. ЗАТЯЕВА, Е. Н. ПРОРОКОВА,
Ю. С. ФОМИЧЁВА

В 2018–2021 гг. Институтом археологии РАН были проведены раскопки в Большом Кремлевском сквере, раскрывшие значительный фрагмент фундаментов здания приказов XVII в. и конструкции меньших размеров, сохранившиеся под землей от здания приказов конца XVI в. (Коваль и др., 2019; 2022; Макаров и др., 2020; 2021) (илл. 1). Проводившиеся одновременно с археологическими работами историко-архивные изыскания принесли исключительные результаты: были выявлены многочисленные подлинные документы XVII–XVIII вв., проливающие свет на обстоятельства постройки здания и позволяющие выполнить его виртуальную реконструкцию. Восстановлению сложной хронологии строительства здания была посвящена отдельная публикация одного из авторов этой статьи (Вдовиченко, 2022а), в другой работе была рассмотрена архитектура приказов в контексте художественных стилей и направлений второй половины XVII в. (Вдовиченко, 2022б).

Настоящая статья посвящена двум другим этапам архитектурно-археологического исследования приказов XVII в.: одному из первых шагов — привязке раскрытых под землей конструкций к плану Московского Кремля, опре-

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-411-1.93-110>

Аннотация. Статья посвящена двум этапам архитектурно-археологического исследования раскрытого раскопками 2018–2021 гг. здания приказов XVII в. Одними из первых шагов стали привязка раскрытых под землей конструкций к плану Московского Кремля, определение участка здания, к которому относится раскопанная часть фундаментов, его обоснование и графическая фиксация. Завершающим же этапом исследования явились обоснование реконструкции первоначального облика здания ко времени завершения его длительного строительства (1702–1703 гг.) и реконструкция его на более поздний период (1740-е гг.).

Ключевые слова: Московский Кремль, приемы трехмерной реконструкции, здание приказов, архитектурная декорация XVII века, ансамбль Ивановской площади Москвы.

Вдовиченко Марина Викторовна — кандидат искусствоведения, ученый секретарь, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, zakomara@yandex.ru.

Еремеев Владимир Евгеньевич — аспирант, кафедра «Реконструкция и реставрация в архитектуре», Московский архитектурный институт (государственная академия), ул. Рождественка, 11, стр. 2, Москва, Российская Федерация, 107031, ver_v_sebya@mail.ru.

Затяева Елизавета Константиновна — выпускница Московского архитектурного института, свободный специалист, eliza_zatyaeva@mail.ru.

Пророкова Евгения Николаевна — младший научный сотрудник лаборатории архитектурной археологии, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, jin-argh@yandex.ru.

Фомичёва Юлия Сергеевна — младший научный сотрудник лаборатории архитектурной археологии, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, migu@yandex.ru.

* Статья написана в рамках выполнения научно-исследовательской работы «Московский Кремль по материалам новейших археологических исследований: культурный слой, архитектурные сооружения, артефакты» (руководитель Н. А. Макаров, ИА РАН), № НИОКТР 122011100062-2.

• Илл. 1. Общий вид раскопанных конструкций приказов с запада. Фото 2020 г.

делению участка здания, к которому относится раскопанная часть фундаментов, его обоснованию и графической фиксации общего облика комплекса, а также одному из завершающих этапов — обоснованию варианта реконструкции первоначального облика здания ко времени завершения его длительного строительства (1702 г.) и реконструкции его на более поздний период (1740-е гг.).

Первое каменное здание приказов было сооружено в Кремле в конце XVI в. Оно располагалось на кромке холма буквой П, открытой в сторону Соборной площади. Здание было разобрано при строительстве комплекса новых приказов, начатом в 1675 г. и продолжавшемся

с перерывами до 1702 г. В начале 1760-х гг. и это здание приказов было разобрано перед планируемой в то время реконструкцией Кремля.

В раскопе 2018–2021 гг. (илл. 2) общей площадью 288 кв. м в западной части Большого Кремлевского сквера были расчищены кирпично-каменные конструкции, протянувшиеся по всей длине раскопа с запада на восток на 32,75 м и занявшие две трети его ширины (максимальная ширина кладки составляет 2,8 м, минимальная — 2,2 м). Конструкции уходили в западный, восточный и южный профили раскопа, но к северу от конструкции примыкающих кладок обнаружено не было. Это дало основание полагать, что раскрытая кладка является фрагментом се-

• Илл. 2. Общий вид раскопанных конструкций приказов с востока. Фото 2020 г.

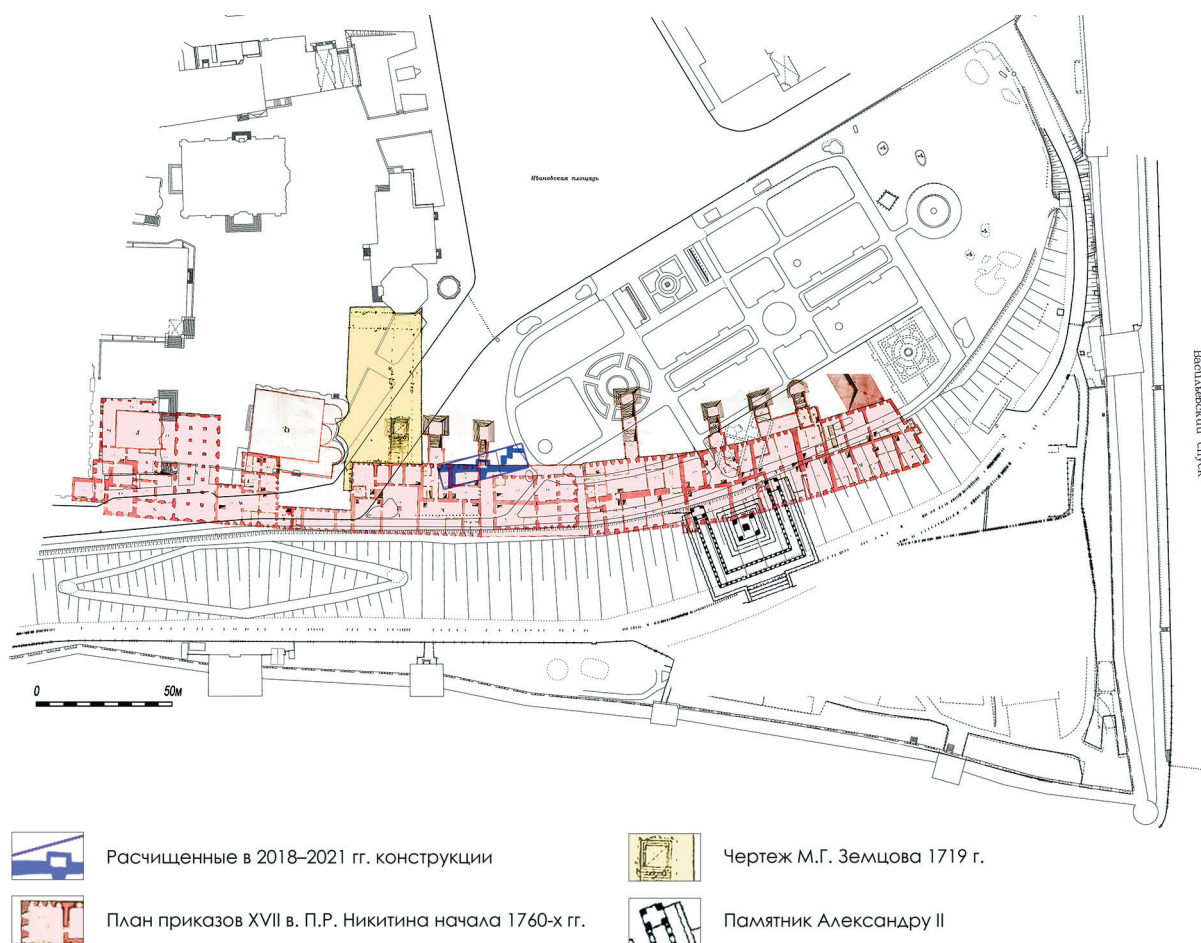
верной стены протяженного здания набережных приказов, представляющим северный наружный фасад фундамента и первые ряды цоколя. Раскрытая в раскопе конструкция соответствовала планам XVIII в., показывающим эту часть Кремля, на которых было обозначено здание приказов. Чтобы определить, какой части снесенного здания принадлежит раскрытая часть, были выполнены совмещения нескольких исторических чертежей с современным топографическим планом юго-восточного участка Кремля, на который при помощи современных методов позиционирования был нанесен участок раскопа с раскрытыми в нем конструкциями.

Достоверными графическими источниками, имеющими цифровые обозначения размеров (в саженях) и привязку к существующим зданиям, мы посчитали два архивных документа.

Один из них — чертеж М. Г. Земцова 1719 г., опубликованный в статье С. А. Белокурова 1906 г. (Белокуров, 1906. С. 170). Он сделан по случаю мощения части Ивановской площади и фиксирует в числе прочего расстояние от южной грани

колокольни Ивана Великого до стены «Канцелярии» (26 и 2/3 сажени), как обозначено на плане, и размеры ее крыльца со ступеньками (3 × 6 сажений) (Там же. С. 169–170). Обозначение абсиды Архангельского собора выполнено достаточно условно, но зафиксировано расстояние в 1 и 1/2 сажени между стеной абсиды собора и углом «Канцелярии». Наложив без труда этот чертеж на современный план, мы получаем примерное местоположение первого западного крыльца и северной стены протяженного здания приказов (илл. 3). Оно должно было располагаться на расстоянии около 58,5 м, если использовать «казенную» сажень в 213,36 см.

Чертеж Земцова можно сравнить со вторым достоверным документом — замечательно подробным обмерным чертежом начала 1760-х гг., хранящимся в ГИМ, — это «Генеральный план верхнего апартамента коллегиям и канцеляриям, находящимся в Кремле» (ГИМ. 54014/94. Л. 3653). Чертеж подписан Петром Романовичем Никитиным, учеником Д. В. Ухтомского, фактически возглавившим мастерскую после

• Илл. 3. Привязка раскрытых конструкций XVII в. к плану Московского Кремля и соотнесение с планом приказов 1760-х гг.

ухода учителя. Целая серия обмерных чертежей отдельных приказов середины 1750-х гг., подписанных разными учениками школы Ухтомского, хранится в РГАДА, часть из них опубликована в монографии 1954 г. (Михайлов, 1954. С. 67–69, 265–267, 272–275). Чертеж из ГИМа является сводным генеральным планом этих разрозненных чертежей, он опубликован в сокращенном виде в первый раз в статье Н. А. Баклановой (Бакланова, 1926. Рис. 3 между с. 56 и 57).

Этот чертеж был составлен в период между 1752–1755 гг. (время ремонта палат Вотчинной коллегии, предпринятого Д. В. Ухтомским, в ходе которого было снесено старое (равное по длине остальным) крыльцо приказа и построено парадное новое, более протяженное по сравнению с остальными, которое мы и видим

на чертеже (Михайлов, 1954. С. 66–73)) и 1763 г., когда П. Р. Никитин был отправлен в Тверь для составления регулярного плана города. Скорее всего, план был сделан в самом начале 1760-х гг., когда П. Р. Никитин после отставки в самом начале 1761 г. Д. В. Ухтомского возглавил московскую школу архитекторов (Там же. С. 268–272). Именно в этот период он мог подписывать своим именем общие чертежи, составленные командой подчиненных ему мастеров.

Совмещение современного топографического плана (с нанесенными конструкциями, найденными при раскопках) с чертежами Земцова и Никитина дает достоверный ответ, какой части здания принадлежит раскрытый фрагмент кладок XVII в. (илл. 3). Археологи раскрыли основание под третье с запада крыльцо, ведущее

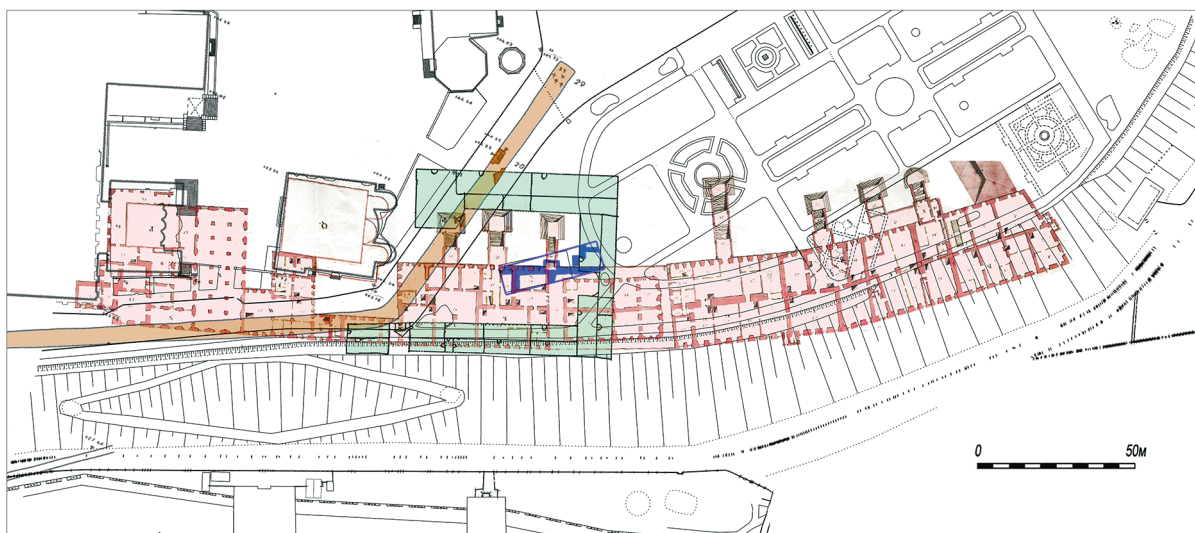
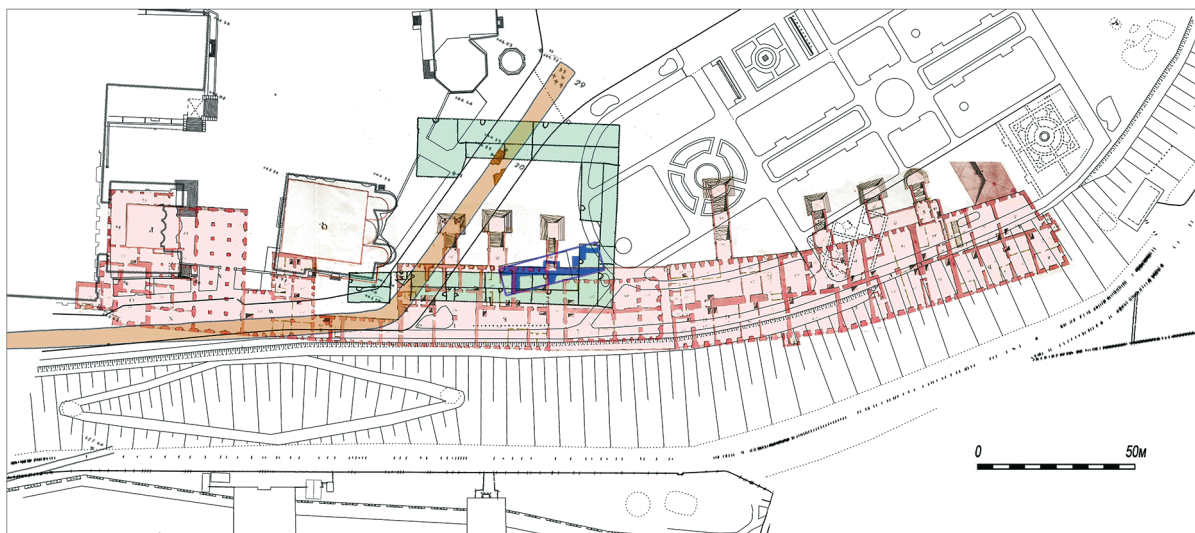
• Илл. 4. Общий вид раскопанных конструкций приказов XVI в. с запада: ступени крыльца и арка. Фото 2021 г.

на галерею вокруг церквей в комплексе приказов, и часть фундаментов зданий, примыкающих к нему справа и слева. По документам XVII в., к западу от крыльца был расположен Разрядный приказ, а к востоку, в помещениях под церквями, — приказ Большой Казны (или, в более поздних документах, Новгородский с четвертьми) (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19546. Л. 1–8).

План раскрытой кладки может быть сопоставлен не только с планом второго этажа коллегий Никитина, но и с хранящимся в РГАДА планом нижнего этажа Военной коллегии 1752 г. (РГАДА. Ф. 248. Сенат. Кн. 7951. Л. 317). При совмещении северной стены первого этажа с раскрытой в раскопе протяженной фундаментной кладкой становится возможным определить перпендикулярные кладки в качестве фундаментов под две поперечные несущие стены. Каменный «мешок» с внешними размерами 5,15 × 2,9 м, таким образом, оказывается конструкцией, расположенной под лестничным всходом на открытую галерею вокруг церквей и имевшей хозяйственное назначение.

На современном плане Московского Кремля восточная часть здания приказов попадает на резкое понижение рельефа — обрыв к Москве-реке. Расположение на нем здания выглядит неправдоподобно. Этот казус можно объяснить не вполне точным обмером поворота здания, который на самом деле был более крутым. Допустимо и другое объяснение. Установка памятника Александру II в конце XIX в. могла немного изменить конфигурацию склона Кремлевского холма. Вполне вероятно, что оба эти обстоятельства могли иметь место, поэтому восточная часть здания плохо соотносилась с современным планом (илл. 3).

Раскопками был раскрыт небольшой, но показательный белокаменный фрагмент здания приказов XVI в. Он расположен перпендикулярно кладке XVII в., и среди его элементов наиболее интересным является легко определяющееся крыльцо с массивными каменными сильно истертыми ступенями (илл. 4). Здание конца XVI в. было разобрано перед началом строительства приказов в 1675 г., однако, как видно, не цели-

Расчищенные в 2018–2021 гг. конструкции

План приказов XVI в.

План приказов XVII в. П.Р. Никитина начала 1760-х гг.

Остатки Старых приказов XVI в. по материалам раскопок 1960-х гг.

• Илл. 5. Привязка археологических конструкций XVI в. к плану Московского Кремля и соотнесение с планом приказов 1760-х гг. и схемой плана приказов XVI в. Вариант 1 — с совмещением раскрытого каменного крыльца с южным входом в корпус; вариант 2 — с совмещением раскрытого каменного крыльца с северным входом в корпус

ком. О его облике известно немного, но в фондах РГАДА хранится план (РГАДА. Ф. 27. Д. 484. Ч. 2. Л. 5), где в схематичном виде обозначены очертания здания и расставлены размеры, по которым можно приблизительно соотнести план с имеющимися чертежами здания XVII в. Здание было П-образное в плане, и корпус-переклады-

на буквы П имел сквозной проход и два входа внутрь с внутренней стороны. Если открывшиеся в раскопе ступени идентифицировать как южный вход, то станет возможным расположить здания друг относительно друга и нанести приказы XVI в. на современный план Кремля (илл. 5: вариант 1). Если археологические ступени интер-

претировать как северный вход, то все здание сдвинется к югу, но все еще в границах Боровицкого холма (илл. 5: вариант 2). Хотя степень точности и обоснованности значительно ниже, чем на чертеже с нанесением на современный план приказов XVII в., общее представление о взаиморасположении зданий составить возможно. В пользу общей достоверности версий расположения приказов XVI в. служат остатки фундаментов, раскрытых в археологической траншее 1960-х гг. (илл. 5). Их местоположение говорит о том, что в целом П-образное здание стояло именно так, но схема плана все же достаточно условна.

• Илл. 6. Московский Кремль. Трехмерная реконструкция приказов (ссылка на видеосюжет)

Об облике здания XVI в. известно совсем немного. По архивным источникам можно заключить, что оно было двухэтажным, со сквозным арочным проходом в сторону улицы, спускающейся к Тайницким воротам, и несколькими арочными (?) входами внутрь приказов из двора и со стороны Ивановской площади. На плане Мериана 1638 г. в основании здания изображена аркада, хотя ни на одном из других кремлевских планов она не встречается. Археологические работы раскрыли белокаменную арку с кирпичным обводом, располагающуюся в уровне фундамента с севера от крыльца (илл. 4). Учитывая уровень нижней ступени крыльца, большая часть арки должна была находиться под землей, служа разгрузочным элементом массивной кладки фундамента. Однако, судя по нескольким чертежам этого участка, восточный фасад приказов должен был располагаться на небольшом понижении рельефа, и арки в его основании могли находиться над землей и быть запечатленными на рисунке Мериана, который заслуживает до-

верия. Таким образом, аркада в основании стен приказов XVI в. могла существовать.

Если об облике приказов XVI в. мы имеем очень общее представление, то как выглядели фасады более поздних приказов в XVIII в. мы знаем по чертежу из коллекции Ф. В. Берхгольца¹. Чертеж исполнен настолько подробно, что с опорой на него и план П. Р. Никитина оказалось возможным создать трехмерную реконструкцию здания. При создании реконструкции выполнена трехмерная модель в программе 3DS Max (илл. 6).

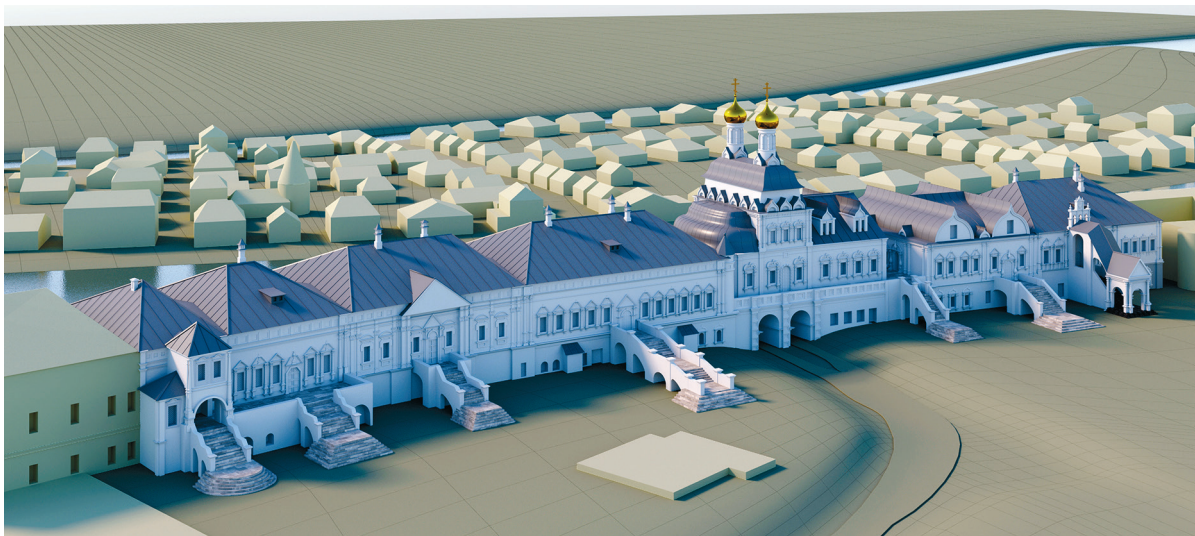
Масштаб реконструкции был задан планом Никитина, поскольку чертеж фасадов масштаба не имеет, хотя пропорционально выполнен, как оказалось, довольно точно. При совмещении плана и чертежа фасадов были определены вертикальные размеры реконструируемого здания. Общие объемы и декорация фасадов построены точно по чертежу. Лишь конфигурация крыш модели была немного скорректирована: на реконструкции они были выполнены над отдельными объемами, вопреки форме единой крыши, которая изображена над восточным крылом здания у Берхгольца.

Из-за фронтальности чертежа Берхгольца на нем показана только одна церковная глава, но на плане Никитина показаны два храма (о них известно и из документов)², и над ними должно было располагаться после 1720-х гг. по одной главе, как и было реконструировано в модели. К перестройкам XVIII в. относится также длинное, по сравнению с остальными, крыльцо Поместного приказа — здания, первым примыкающего к церквям с востока. Известно о перестройке здания командой Д. В. Ухтомского к готовящемуся перемещению в него Сената в 1752–1755 гг. (Михайлов, 1954. С. 66–73). Именно в это время, на наш взгляд, крыльцо было переделано и удлинено.

Фасадные декоративные формы отдельных приказов соответствуют художественным стилям тех периодов, в которые они были перестроены (илл. 7). Ремонты здания находят подтверждение

¹ Nationalmuseum (Stockholm). Inventory No. NMN THC 9076:55. См. об этом: Вдовиченко, 2022б. С. 429–430.

² Это церкви Черниговских чудотворцев и Александра Невского, престолы которых были перенесены сюда из снесенных церквей на Ивановской площади.

• Илл. 7. Трехмерная реконструкция приказов XVII в. на период 1740–1750-х гг. Общий вид с северо-востока

в письменных документах (Вдовиченко, 2022а; 2022б; Можаяев, Соловьева, 2023. С. 46–51). Так, наличники окон с сандриками в виде полукруглой бровки «Правительственной канцелярии» (третьего с востока (слева) объема), судя по форме, появились в 1730-х гг., в период распространения аннинского барокко, с большой долей вероятности — после пожара 1737 г. Характерные рамочные наличники с «ушами», подоконными досками, лучковыми сандриками и коринфские пилястры меньшего размера, чем колонки на соседних фасадах, крупный треугольный фронтон над входом — составляют узнаваемую схему фасадной декорации аннинского времени. В архивах сохранились документы, фиксирующие ремонт 1737 г., документацию на который составлял И. Ф. Мичурин, признанный мастер аннинского барокко (РГАДА. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1071. 1737–1753 гг. Дело о строении палат Вотчинной Коллегии. Л. 230 – 235 об.)¹.

¹ В документах говорится о том, что И. Ф. Мичурин осматривал все кремлевские строения после большого пожара и что составлял реестр необходимых материалов для починки Вотчинной коллегии, которая называлась ранее Поместным приказом и располагалась, по более ранним документам, в здании, первым примыкавшем к церквям с востока (см. табл. 1). Однако в документах 1750-х гг. это здание уже именовалось «Корпусом покоев Правительствующего Сената канторы», а Вотчинной коллегией называлось соседнее. Декорация

Изображение на рисунке Берхгольца гладкого треугольного фронтона «Правительственной канцелярии» вызывает сомнение в подлинности. Возможно, он был как-то дополнительно декорирован, однако рисовальщик не стал вдаваться в детали и изобразил его обобщенно. В модели мы следовали рисунку и оставили гладкий фронтон.

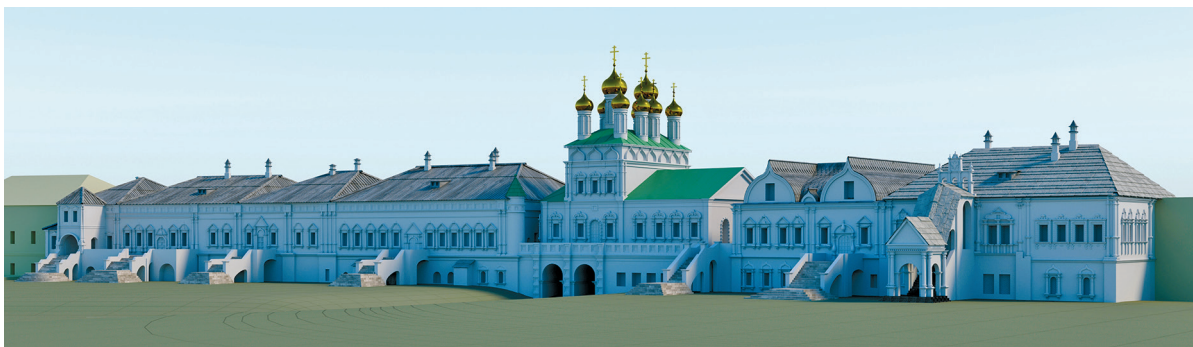
Кровли всех зданий на реконструкции на 1740-е гг. показаны железными, так как существует немалое число архивных свидетельств о замене тесовых кровель на железные при ремонтах XVIII в.² Остальные детали и материалы показаны на реконструкции на 1740-е гг. сохранившимися тот облик, который зафиксирован на период рубежа XVII–XVIII вв.

Сенатской канторы демонстрирует на чертеже Берхгольца формы XVII в., в отличие от здания Вотчинной коллегии — декорированного в духе аннинского барокко. Поэтому мы считаем, что И. Ф. Мичурин имел отношение именно к перестройке здания, названного на чертеже Берхгольца «Правительственной канцелярией».

² Одни документы говорят о переделке при ремонтах кровель на железные, другие — о том, что при разборке зданий приказов в начале 1770-х гг. с них были сняты железные кровли (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 984. 2-я часть Расходной книги по строительству нового Кремлевского Дворца 1770 года. Л. 21 – 21 об., 58 об. – 59).

• Илл. 8. Трехмерная реконструкция приказов XVII в. на период 1740–1750-х гг. Общий вид с юго-запада

• Илл. 9. Трехмерная реконструкция приказов XVII в. на период 1702–1703 гг. Общий вид с северо-запада

Если декорация северного фасада представлена на рисунке Берхгольца, то облик приказов с южной стороны сохранился только на гравюрах первой половины XVIII в., где здания показаны издали. Декорация южного фасада приказов на 3D-реконструкции на XVIII в. была перенесена с северного фасада (илл. 8).

Чертеж Берхгольца зафиксировал облик здания на период 1730–1740-х гг. (Вдовиченко, 2022б. С. 429–430). К этому времени в нем, по сравнению с первоначальным видом, произошли изменения. Некоторые первоначальные элементы на период рубежа XVII–XVIII вв. можно подтвердить документальными свидетельствами, другие восстанавливаются по аналогиям, поэтому мы сочли возможным осуществить вторую реконструкцию приказов — на период окончания строительства всего комплекса, на 1702–1703 гг. (илл. 6).

Эта модель была построена с опорой на архивные документы XVII — начала XVIII в. Основной, сохранившей многочисленные факты строительства, является «Книга 192 го году, как делали верх-

ней Помесной приказ» (1683–1685 гг.) (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 4890). Существует также значительный корпус документов, относящихся к зданию Посольского и Малороссийского приказов¹, и разрозненные свидетельства по отдельным зданиям, которые мы приводим в тексте статьи².

Первоначальное завершение церквей с двумя пятиглавиями восстановлено по гра-

- 1 Документов о разнообразных строительных работах на этих двух приказах много. Приведем основные из них: РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 68. Л. 1; РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 2670. Л. 63, 83–84, 86–87; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698. № 23. Л. 1; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698. № 15. Л. 1; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698. № 19. Л. 3, 5 (цит. по: Шахова, 2009); РГАДА. Ф. 141. 1697 г. Д. 861; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 46. Л. 2; РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1032. Л. 867 – 867 об., 899 – 899 об.; РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1282. Л. 548 – 548 об. (цит. по: Николаева, 2004. С. 39–40).
- 2 Благодарим коллег Е. А. Кадейшвили, В. В. Зубарева, М. В. Николаева за помощь в работе с документами.

• Илл. 10. Фрагмент северного фасада приказов XVII в. на период 1702–1703 гг.

вюре П. Пикара (около 1703–1708 гг.), а также по архитектурным сооружениям, близким по своему завершению церквям в приказах: Верхоспаскому собору (1677–1681 гг.) и не сохранившимся парным храмам Чудова монастыря (1680–1686 гг.) (илл. 9). Судя по подвышенной части в завершении церквей на рисунке Берхгольца, пятиглавия могли первоначально стоять на горке кокошников — традиционной для XVII в. композиции завершения бесстолпных церквей. Но на гравюре Пикара отчетливо видна четырехскатная кровля, которую мы и восстановили на реконструкции, расположив под ней один ряд килевидных кокошников в завершении фасадов (илл. 10).

Крыльцо Поместного приказа во второй реконструкции имеет длину, соответствующую длине остальных крылец на чертеже Никитина, как это должно было быть до ремонта 1750-х гг. Декорация северного и южного фасадов здания, названного на рисунке Берхгольца «Правительственной канцелярией», приведена в соответствие с декорацией соседнего Поместного при-

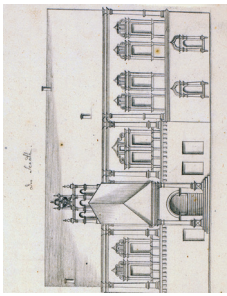
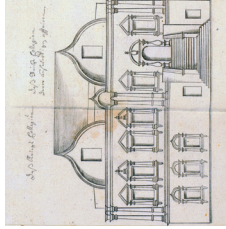
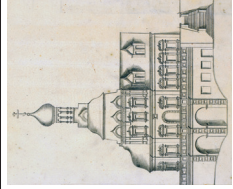
каза. Никаких достоверных сведений об этом не имеется, но логично предположить, что построенные в один строительный период здания первоначально были оформлены схожими декоративными формами.

С первого взгляда нетрадиционно на каменном сооружении выглядит крыша здания, названного на рисунке Берхгольца «Военной коллегией», в XVII в. строившегося как Разрядный приказ (см. табл. 1). Крыша показана на фасаде двумя стоящими рядом бочками-закомарами и соединяющим их перпендикулярным участком покрытия. В 3D-модели эти формы однозначно реконструируются как крещатая бочка¹ и достраиваются одним перпендикулярным объемом, так как двух продольных бочек быть не могло из-за неизбежного скопления осадков посередине. Мы реконструируем Военную коллегию без вывода объемов бочек на боковые фасады, потому что они отсутствуют на рисунке Берхгольца. Но в качестве возможного и законченного варианта крещатой конструкции мы публикуем эскизный набросок Военной коллегии с бочками на боковых фасадах (илл. 11).

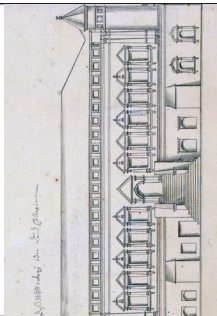
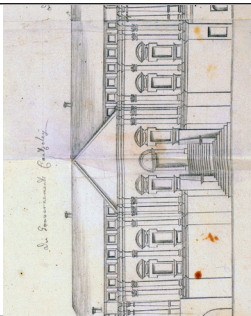
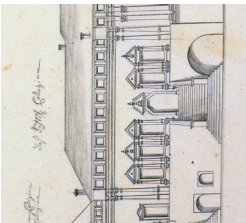
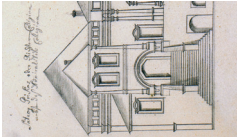
Перекрытие объемов бочками — прием, широко распространенный в деревянной архитектуре, где он имеет множество вариаций и бытует с XVI по XVIII в. преимущественно в храмовом строительстве (Бодэ, 2019. С. 247–326). В храмовой каменной архитектуре XVII в. бочки встречаются, но редко в качестве перекрытий основных объемов, в основном они используются во вспомогательных частях каменных храмов — крышах притворов (Покровский собор в Измайлове (1672–1682 гг.)), абсид (церковь Спаса на Сетуни (1676 г.)), покрытиях постаментов под барабанами (Вознесенский собор Давыдовой пустыни под Москвой (1676–1682 гг.)), каменных крылец (Благовещенская церковь в Тайнинском под Москвой (1675–1677 гг.)). Редчайший пример перекрытия бочками основного объема храма — Успенская церковь на Ильинской горе в Нижнем Новгороде (1672–1673, 1715 гг.). Бочка здесь вынужденно сделана немного уплощенной в своих очертаниях.

¹ «Двухскатное покрытие с выпуклыми криволинейными очертаниями и килевидным завершением... — одна из самых выразительных и самобытных форм в русском зодчестве» (Бодэ, 2019. С. 247).

• Таблица 1. Сопоставление названий отдельных зданий комплекса приказов в документах XVII–XVIII вв.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15625. Л. 1–7.	РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19546. Л. 1.	РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19546. Л. 1–8.	РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 4890. Л. 1 – 60 об.	РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1031. Л. 393.	Nationalmuseum (Stockholm). Inventory No. NMN THC 9076:55. Рисунок из коллекции Ф. В. Берхгольца (изображения)	ГИМ 54014/94. Л. 3653. «Генеральной план верхн[е]го апартамента кометиям и канцеляриям, находящимся в Кремле»
1675 г.	«Роспись новым приказом, что в Кремле, которые построены ис приказу Каменных дел. От Скорняшней полаты»:	«Роспись новым приказом, что в Кремле, которые построены ис приказу Каменных дел. От Скорняшней полаты»:	«Роспись новым приказом, что в Кремле, которые построены ис приказу Каменных дел. От Скорняшней полаты»:	1702 г.	1730–1740-е гг.	Между 1755 г. и началом 1760-х гг.
«Розряд» (Л. 1).	«1й Большие Казны 5 полат» (Л. 1).	«в 1х, что от церкви Архангела Михаила, Посольской» (Л. 2).	1683–1685 гг. «...указами Помесного приказу на нижних полатах на том же основании сделать верхние полаты» (Л. 1).	«Сенат» (Der Senath) ¹		«Корпус покоев Государственной Иностранной кометии канторе»
«Посольской с четвертьми» (Л. 1).	«2й Посольской с четвертьми 7 полат» (Л. 1).	«в 2х, что подле тех полат, Розряд» (Л. 2).		«Военная кометия, Иностранная кометия» (Daß Kriegs (?) Collegium, Daß Richs (?) Collegium derer auswertigen affairen)		«Корпус Государственной Военной кометии канторе»
«Большая Казна» (Подклет церквей, 1-й этаж) (Л. 1).	«3й к проезжим воротам Розряд 4 полаты» (Л. 1).	«в 3х, что у проезжих ворот Приказ Большие Казны и Новгородской с четъми» (Л. 2).				«Корпус Черниговского Александр Невского собора ж»

¹ Здесь и далее — перевод А. Е. Манькова (ПСТГУ).

«Поместной» (л. 1).	«По другую сторону проезжих ворот: 1й от ворот Поместной 4 полаты» (л. 1).	«на Мстиславском дворе, что от проезжих ворот, Поместной» (л. 3).	«По Указу Великих Государей вычищен колодезь, который в Помесном приказе под нижними полаты для воды, что брать воду ис того колодезя х каменному строенью Помесного приказу верхних полат» (л. 5).		«Вотчинная колегия» (Daß Wottschenij oder Landcollegium)		«Корпус покоев Правительствующего Сената канторы» и «Корпус покоев Губернской Межевой канцелярии»
«Стрелецкой» (л. 1).	«2й Стрелецкой 4 полаты» (л. 1).	«в других полатах и в которых колодезь, приказ Казанского Дворца» (л. 3).			«Правительственная канцелярия» (Die Gouvernements Cantzeley)		«Корпус покоев Государственной Вотчинной колегии» и «Полата, где имеется юнкерская школа и при ней архива»
«Казанской дворец» (л. 1).	«3й Казанской 4ж полаты» (л. 1).	«в краинних полатах, что подле вышписанных полат к Помесному приказу, Стрелецкой приказ» (л. 3).			«Юстиц колегия» (Daß Justitz Collegium)		«Корпус покоев Юстиц колегии» (секретарская, подьяческая)
				«...на старом Московском судном и на Адмиралтейском приказах...» (л. 393).	«Судной приказ» (Sudnoi Prikas oder Richter] Colligium) и «Адмиралтейская колегия» (нрзб] daß Admiralitets Collegium)		«Корпус покоев Юстиц колегии» (прихожая; судейская и при ней нужник; подьяческая)

• Илл. 11. Эскизная реконструкция западной части здания с крещатой бочкой, выходящей на боковые фасады.
Рисунок Е. Н. Пророковой

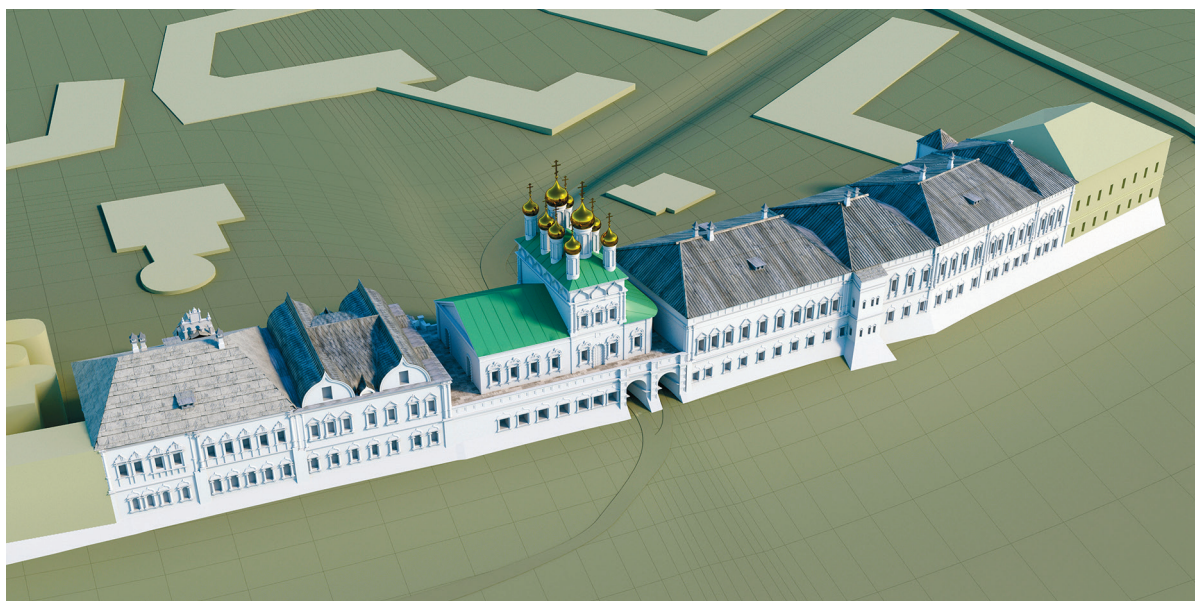
В гражданской каменной архитектуре XVII — начала XVIII в. бочки встречаются над воротами (Задние ворота в Коломенском, некрещатые бочки над воротами Знаменского подворья в Великом Новгороде) и в покрытиях жилых палат, которые до нашего времени сохранялись редко и известны в большинстве по изображениям.

Наиболее близкую параллель приказам среди гражданских зданий находим в деревянном дворце царя Алексея Михайловича в Коломенском, где два объема главной входной группы, приближающихся по размерам к Военной коллегии, были перекрыты, по сохранившимся изображениям XVIII в., аналогично — двумя поперечными бочками с одинарной продольной бочкой¹. В обеих бочках, представленных в Коломенском дворце в более законченном, чем в приказах, виде — с уменьшающимся основанием, представлено по два оконных проема. В каждой из бочек-закомар Военной коллегии расположено по одному окну, что может свиде-

тельствовать о присутствии за ними небольших помещений.

Вопрос происхождения в русской позднесредневековой архитектуре такой формы, как крещатая бочка, вряд ли может быть решен когда-либо бесспорно доказательно. Нам представляется очевидным, что эта форма теснейшим образом связана с каменным полуциркульным сводчатым перекрытием, которое преодолевает пределы циркульной окружности килевидным завершением. Можно предположить, что килевидный абрис, которым наполнена архитектура XVII в., — знак позднесредневековой маньеристической (или готической?) стилистики, но время появления килевидных форм в русской каменной архитектуре принято связывать с более ранним периодом — раннемосковским зодчеством XIV–XV вв. Однако самые первые килевидные формы, появившиеся на Руси, можно встретить еще раньше — в Рождественском соборе Суздаля начала XIII в., и они в этом памятнике имеют, как представляется исследователям, корни в византийской художественной культуре (Седов, 2011. С. 197–199; 2023. С. 284). Пересечение двух полуциркульных (коробовых) сводов под прямым углом — также основополагающий прием византийской строительной традиции,

¹ См. самое последнее, консолидирующее предыдущие, исследование по Коломенскому дворцу: Баранова и др., 2022. В книге приведена наиболее полная коллекция исторических изображений дворца.

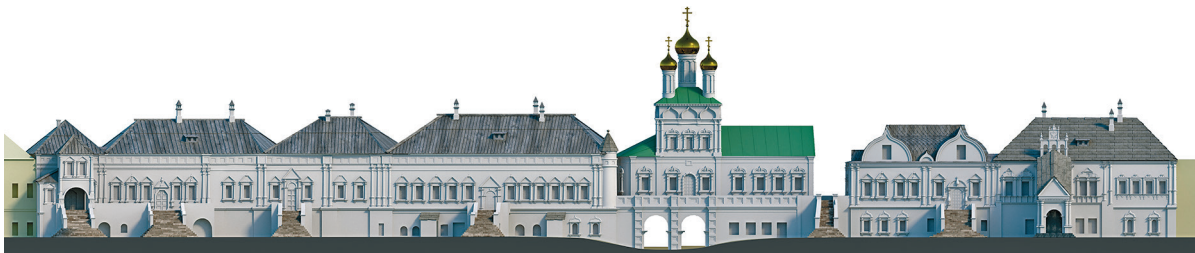
• Илл. 12. Трехмерная реконструкция приказов XVII в. на период 1702–1703 гг. Общий вид с юга и сверху

реализуемый в крестово-купольных храмах. Именно он воспроизводится в конструкции крещатой бочки, но в упрощенном виде, без купольного средокрестия.

Строительные материалы, представленные в настоящей реконструкции приказов, в большинстве своем находят подтверждение в архивных документах (илл. 12). В книге «...как делали верхней Помесной приказ», записи которой датированы 1683–1685 гг., находим многочисленные свидетельства о покупке материалов, оплате работ по их применению и т.д. Так, была запись, что «...куплено на строение Помесного приказу верхних полат на кровлю две тысячи триста тесниц...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 4890. Л. 25 об.), а через несколько страниц помещена запись о том, что куплено «...на кровлю на прибавку быков и тесу, и скалы гвоздей...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 4890. Л. 34). Далее читаем, что произошла оплата работ, в которых упомянуты тесовые кровли: «По указу Великих Государей дано от крышки Помесного приказу верхних полат, что покрыт тесом и скалою и жолобы по два бревна вместе снаврены и выделаны и конопатью и смолою залиты, и спуски воде учинены, плотником Панкратьевской Слободы Федьке Кореле с товарищи тритцать три рубли шеснатцать алтын четыре денги» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 4890. Л. 36).

В трехмерной реконструкции сведения о том, что крыши Поместного приказа были сделаны из теса, мы распространили на остальные приказы, находящиеся к востоку от церквей. Крыши храмов покрыли железом по аналогам, хотя прямых архивных свидетельств этому пока не найдено. Покрытия приказов, находящихся к западу, иные: крещатые бочки Военной коллегии (Разрядного приказа) мы реконструировали с покрытием деревянным лемехом, а крыши Посольского и Малороссийского приказов сделали из каменной лещадь, как говорят документы: «...над теми ж тремя полатами и кладовою полатою своды, обути и покрыть лещадью аршинною в закрой...» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. № 6. Л. 1 об.), «...на Посольском и на Малороссийском приказе велено зделать подрядом Григорью Устинову своды и покрыть лещадью...» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. № 46. Л. 1–2).

Лещадь более толстая, чем кровельная, была закуплена при строительстве Поместного приказа для выкладки внешних лестниц и рундуков: «...куплено к Помесному приказу на строение верхних полат Московского уезду села Нижнего Мячкова у крестьянина у Онтошки Степанова четыреста лещедей, в длину и в ширину в аршин, толщина по пяти вершков, да белого камня семьсот, в длину в аршин, в ширину по семи и по осми вершков, толщиною по пяти и по шти

• Илл. 13. Трехмерная реконструкция приказов XVII в. на период 1702–1703 гг. Северный фасад

• Илл. 14. Фрагменты фасадов трехмерной модели приказов XVII в. на период 1702–1703 гг.

вершков...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 4890. Л. 21) (илл. 13). Далее встречаем сведения о заливке лещеди смолой: «...котел смолу разогревать на заливку на крыльце лещедей...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 4890. Л. 38 – 38 об.), а также об использовании лещеди в покрытии «отхода» (нужника): «...на отход на крышку дватцать пять лещедей...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 4890. Л. 49). Кроме лещеди, в Книге находим свидетельства использования черепицы, которую мы разместили в положенном месте на реконструкции: «...каменщиком Иванову крестьянину Колычова Ярославского уезду Яковлевской слободы Кондрашке Васильеву с товарищи дано от крышки отхода, что покрыт лещедьми да от шатрика, что

зделан на всходе и черепицею обит...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 4890. Л. 51).

В документе 1697 г. о работах, ведшихся на Посольском и Малороссийском приказах О. Д. Старцевым, встречаем упоминание мощения чугунными плитами: «Перед Посольским же и перед Малороссийским приказы площадь и лестница и нижней рундук выслать чюгунными железными досками» (РГАДА. Ф. 141. 1697 г. Д. 861. Л. 3–4)¹. В документах 1702–1703 гг. о перестройках, проведенных Г. Устиновым, нет свидетельств снятия этих плит, поэтому мы представляем их на реконструкции.

¹ Цит. по: Выголов, 1955. С. 445.

Опыт виртуальной реконструкции здания приказов позволяет намного детальнее разобраться в особенностях архитектуры сложного сооружения, в которой отразились вкусы нескольких высокопоставленных заказчиков одновременно (Вдовиченко, 2022а. С. 42–43) (илл. 14). То, что в сложении облика каждого отдельного здания участвовал в большинстве случаев руководитель приказа, то, что в ряду зданий были поставлены два храма, что вводит в команду заказчиков и церковного представителя, делает этот Кремлевский комплекс столь выразительным и разнообразным по стилю. Пространственная реконструкция и привязка раскопанной части фундаментов к местности позволяют представить, как выглядела в XVII–XVIII вв. Ивановская площадь с юга: ее граница с этой стороны не была открыта, а фиксировалась протяженным двухэтажным зданием, насыщенным декорацией и разнообразными объемами. Настоящая реконструкция не должна восприниматься как окончательная. Ее, безусловно, можно улучшить, особенно если найдутся дополнительные архивные материалы. Однако настоящая реконструкция выполнена с учетом многих исторических свидетельств, известных к этому времени, поэтому ее можно считать в чем-то завершенной, подводящей итоги архитектурно-археологического исследования приказов на современном этапе.

Список литературы

- Бакланова Н. А. Обстановка московских приказов XVII в. // Труды ГИМ. Вып. 3. Разряд общий исторический. М.: ГИМ, 1926. С. 53–100.
- Баранова С. И., Беляев Л. А., Топычканов А. В. Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М.: Индрик, 2022. 376 с.
- Белокуров С. А. О Посольском приказе // ЧОИДР. Кн. 3. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1906. Отд. 4.
- Бодэ А. Б. Древние московские и новгородские корни в деревянном храмовом зодчестве Русского Севера. М.: Прогресс-Традиция, 2019. 596 с.
- Вдовиченко М. В. Архитектура Приказов XVII века в Московском Кремле: на границе художественных стилей // Архитектурное наследие. Вып. 77. СПб.: Коло, 2022а. С. 37–54.
- Вдовиченко М. В. Источники о сложении архитектурного облика набережных Приказов XVII в. // КСИА. 2022б. Вып. 267. С. 419–436.

- Выголов В. П. Творчество зодчего О. Д. Старцева: дис. ... канд. искусствоведения. М., 1955. 510 с. + 42 л.
- Коваль В. Ю., Макаров Н. А., Энговатова А. В., Панченко К. И., Модин Р. Н., Курмановский В. С., Васильева Е. Е. Отчет об археологических исследованиях (раскопках, шурфовках, наблюдениях) в Московском Кремле в 2018 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 60714. Альбомы иллюстраций к отчету: № 60715–60716. 2019.
- Коваль В. Ю., Модин Р. Н., Макаров Н. А. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 2021 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 71252. Приложения и альбомы иллюстраций к отчету: № 71253–71255. 2022.
- Макаров Н. А., Коваль В. Ю., Модин Р. Н., Курмановский В. С., Кузина И. Н., Васильева Е. Е. Отчет об археологических раскопках в Московском Кремле в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 64743. Приложения и альбомы иллюстраций к отчету: № 60744–60747. 2020.
- Макаров Н. А., Коваль В. Ю., Модин Р. Н., Курмановский В. С., Кузина И. Н., Панченко К. И. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 2020 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 68121. Приложения и альбомы иллюстраций к отчету: № 68122–68125. 2021.
- Михайлов А. И. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1954. 372 с.
- Можаяев А. В., Соловьева А. А. Москва Берхгольца. Московская часть архива Ф. В. Берхгольца. Архитектурная графика столицы 1740-х годов из собрания Национального музея Швеции. М.: Кучково поле Музеон, 2023. 296 с.
- Николаева М. В. Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть XVIII века. Подрядные записи. Т. 2. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
- Седов Вл. В. Килевидные арки в архитектуре византийского мира: Древняя Русь, Византия, Армения, Грузия // Российское византиноведение. Традиции и перспективы: тез. докл. XIX Всерос. науч. сессии византинистов / ред. С. П. Карпов и др. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 197–199.
- Седов Вл. В. Суздальский собор Рождества Богородицы XII–XIII вв. Историко-архитектурный очерк // Археология Суздальской земли. Т. 2. Культура, общество, искусство. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 261–286.
- Шахова А. Д. Палаты Посольского приказа в Кремле // Каптеревские чтения: сб. ст. Вып. 7. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2009. С. 85–92.

References

- Baklanova N. A. Obstanovka moskovskikh prikazov XVII v. // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. 3. Raz-

- ryad obshchiy istoricheskiy. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, 1926. P. 53–100.
- Baranova S. I., Belyaev L. A., Topychkanov A. V. Rezidentsiya Petra I v Kolomenskom: kompleksnoe istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Moscow: Indrik, 2022. 376 p.
- Belokurov S. A. O Posol'skom prikaze // Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh. 3. Moscow: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1906. Otd. 4.
- Bode A. B. Drevnie moskovskie i novgorodskie korni v derevyanom khramovom zodchestve Russkogo Severa. Moscow: Progress-Traditsiya, 2019. 596 p.
- Koval' V. Yu., Makarov N. A., Engovatova A. V., Panchenko K. I., Modin R. N., Kurmanovskiy V. S., Vasil'eva E. E. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh (raskopkakh, shurfovkakh, nablyudeniyakh) v Moskovskom Kremlе v 2018 g. // Arkhiv IA RAN. R-I. № 60714. Al'bomy illyustratsiy k otchetu: № 60715–60716. 2019.
- Koval' V. Yu., Modin R. N., Makarov N. A. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Moskovskom Kremlе v 2021 g. // Arkhiv IA RAN. R-I. № 71252. Prilozheniya i al'bomy illyustratsiy k otchetu: № 71253–71255. 2022.
- Makarov N. A., Koval' V. Yu., Modin R. N., Kurmanovskiy V. S., Kuzina I. N., Vasil'eva E. E. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Moskovskom Kremlе v 2019 g. // Arkhiv IA RAN. R-I. № 64743. Prilozheniya i al'bomy illyustratsiy k otchetu: № 60744–60747. 2020.
- Makarov N. A., Koval' V. Yu., Modin R. N., Kurmanovskiy V. S., Kuzina I. N., Panchenko K. I. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Moskovskom Kremlе v 2020 g. // Arkhiv IA RAN. R-I. № 68121. Prilozheniya i al'bomy illyustratsiy k otchetu: № 68122–68125. 2021.
- Mikhaylov A. I. Arkhitekto D. V. Ukhtomskiy i ego shkola. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, 1954. 372 p.
- Mozhaev A. V., Solov'eva A. A. Moskva Berkhgol'tsa. Moskovskaya chast' arkhiva F. V. Berkhgol'tsa. Arkhitekturnaya grafika stolitsy 1740-kh godov iz sobraniya Nacional'nogo muzeya Shvetsii. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2023. 296 p.
- Nikolaeva M. V. Chastnoe stroitel'stvo v Moskve i Podmoskov'e. Pervaya chetvert' XVIII veka. Podryadnye zapisi. 2. Moscow: Editorial URSS, 2004. 432 p.
- Sedov V. V. Kilevidnye arki v arkhitekture vizantiyskogo mira: Drevnyaya Rus', Vizantiya, Armeniya, Gruzija // Rossiyskoe vizantinovedenie. Traditsii i perspektivy: tezisy dokladov XIX Vserossiyskoy nauchnoy sessii vizantinistov / eds. S. P. Karpov et al. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. P. 197–199.
- Sedov V. V. Suzdal'skiy sobor Rozhdestva Bogoroditsy XII–XIII vv. Istoriiko-arkhitekturnyy ocherk // Arkheologiya Suzdal'skoy zemli. 2. Kul'tura, obshchestvo, iskusstvo. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 2023. P. 261–286.
- Shakhova A. D. Palaty Posol'skogo prikaza v Kremlе // Kapterevskie chteniya: sbornik statey. 7. Moscow: Institut vseobshchey istorii Rossiyskoy akademii nauk, 2009. P. 85–92.
- Vdovichenko M. V. Arkhitektura Prikazov XVII veka v Moskovskom Kremlе: na granitse khudozhestvennykh stiley // Arkhitekturnoe nasledstvo. 77. St. Petersburg: Kolo, 2022a. P. 37–54.
- Vdovichenko M. V. Istochniki o slozhenii arkhitekturnogo oblika naberezhnykh Prikazov XVII v. // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2022b. 267. P. 419–436.
- Vygodov V. P. Tvorchestvo zodchego O. D. Startseva: dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, 1955. 510 p. + 42 l.

Illustrations

- Fig. 1. General view of the excavated 17th-century Prikazy structures from the west (2020)
- Fig. 2. General view of excavated 17th-century Prikazy structures from the east (2020)
- Fig. 3. Alignment of uncovered 17th-century Prikazy structures with the Moscow Kremlin plan and correlation with the 1760s Prikazy plan
- Fig. 4. General view of the excavated 16th-century Prikazy structures from the west: porch steps and arch (2021)
- Fig. 5. Correlation of 16th century archaeological structures with the Moscow Kremlin plan and correlation with the 1760s Prikazy plan and 16th-century Prikazy plan scheme. Variant 1: combining the opened stone porch with the southern entrance to the building. Variant 2: combining the opened stone porch with the northern entrance to the building
- Fig. 6. Three-dimensional reconstruction of Prikazy (video link)
- Fig. 7. Three-dimensional reconstruction of 17th-century Prikazy for the period 1740–1750s: general view from the northeast
- Fig. 8. Three-dimensional reconstruction of 17th-century Prikazy for the period 1740–1750s: general view from the southwest
- Fig. 9. Three-dimensional reconstruction of 17th-century Prikazy for the period 1702–1703: general view from the northwest
- Fig. 10. Fragment of the northern façade of the 17th-century Prikazy for the period 1702–1703
- Fig. 11. Sketch reconstruction of the western part of the building with a cross bochka roof overlooking the side façades (drawing by E. N. Prorokova)

Fig. 12. Three-dimensional reconstruction of 17th-century Prikazy for the period 1702–1703: general view from the south and above

Fig. 13. Three-dimensional reconstruction of 17th-century Prikazy for the period 1702–1703: northern façade

Fig. 14. Fragments of façades from the three-dimensional model of 17th-century Prikazy for the period 1702–1703

Table 1. Comparative analysis of the names of buildings within the complex of Prikazy in 17th–18th century documents

M. V. Vdovichenko, V. E. Ereemeev, E. K. Zatyayeva, E. N. Prorokova, Yu. S. Fomicheva. Virtual three-dimensional reconstruction of 17th-century Prikazy building in the Moscow Kremlin: an empirical study

Abstract. This article presents a comprehensive exploration of architectural and archaeological research conducted on 17th-century Prikazy building discovered during excavations spanning 2018 to 2021. The study comprises two primary phases: initially aligning the subterranean structures with the Moscow Kremlin's layout, establishing the affiliation of the excavated foundations, and providing graphical documentation, followed by the ultimate stage focusing on reconstructing the original appearance of the building at the time of completion its extended

construction period (1702–1703) and subsequent renovations in the 1740s.

Keywords: Moscow Kremlin, techniques of three-dimensional reconstruction, Prikazy building, architectural decoration of the 17th century, ensemble of Ivanovskaya Square in Moscow.

Vdovichenko Marina Viktorovna, candidate of art studies, academic secretary, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, zakomara@yandex.ru.

Ereemeev Vladimir Evgenyevich, postgraduate student at the Department of Reconstruction and Restoration in Architecture, Moscow Architectural Institute (State Academy), 11 Rozhdestvenka Street, p. 2, Moscow, Russian Federation, 107031, ver_v_sebya@mail.ru.

Zatyayeva Elizaveta Konstantinovna, graduate of Moscow Architectural Institute (State Academy), freelancer, eliza_zatyayeva@mail.ru.

Prorokova Evgeniya Nikolaevna, junior research fellow at Laboratory of Architectural Archaeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, jn-arx@yandex.ru.

Fomicheva Yuliya Sergeevna, junior research fellow at the Laboratory of Architectural Archaeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, migu@yandex.ru.

Т. А. Дудина

● в Москве в последние десятилетия нечасто слышится имя знаменитого псковича Юрия Петровича Спегальского, выдающегося деятеля отечественной культуры. А еще в восьмидесятых его произносили с трепетом и восхищением. И если труды Спегальского о каменном зодчестве Псковской земли сегодня известны и востребованы среди историков архитектуры, то важный аспект его деятельности во славу псковского изразца ушел в тень. А ведь выполненное Спегальским исследование декора псковских изразцовых печей XVII в. имеет самостоятельное значение, поскольку об их богатстве и разнообразии практически ничего не было известно. Итогом его трудов стали графические реконструкции печей, воссоздающие их облик по находкам изразцов в Пскове, которые представлены в статье.

Напомним биографию Спегальского — исследователя древнего зодчества Пскова, реставратора, главного архитектора Псковской реставрационной мастерской, человека, без преувеличения отдавшего всю жизнь изучению культурного наследия Пскова.

Юрий Павлович Спегальский (1909–1969) родился в Пскове в семье рабочего-лепщика. Свою трудовую деятельность он начал уже в школьные годы, совмещая занятия в школе с работой каменщика. Эта рабочая специальность была им выбрана не случайно: он проявлял постоянный интерес к строительному делу, в особенности к каменной кладке и возведению каменных конструкций. Спегальский организовал в школе ученический кружок краеведения, в котором делал доклады по

Аннотация. Статья привлекает внимание читателей к полузабытой теме в творческом наследии выдающегося деятеля отечественной культуры Ю. П. Спегальского. Это тема изразечного дела, конструкций и декоративного убранства печей в псковских жилых домах XVII в. Спегальский собирал материалы по псковским печам XVII в. на протяжении сорока лет, зарисовывал их и изучал. Итог его большого труда по этой теме облечен не только в подробные рассуждения на страницах книг и статей, но и в блистательно выполненную серию графических реконструкций печей. В их изучении Спегальский был первопроходцем, убедительно доказав, что Псков являлся одним из центров искусства керамики в Средневековой Руси. Статья строится во многом на комментариях, сделанных самим Спегальским к его графическим реконструкциям.

Ключевые слова: Ю. П. Спегальский, Псков, дом Печенко, изразцы, псковские печи XVII в., графические реконструкции

Дудина Татьяна Александровна — заведующая Отделом хранения архитектурно-графических фондов XVIII–XIX веков, Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева, ул. Воздвиженка, 5/25, Москва, Российская Федерация, 119019, dudinamuar@gmail.com.

памятникам Пскова, и один из них вышел в краеведческом альманахе «Познай свой край». Это была первая научная работа Спегальского о са­мобытности древней псковской архитектуры.

Увлеченный ею, он в 1928 г. поступил на архитектурный факультет Ленинградского инженерно-строительного института. После окончания института работал в Ленинградской государственной инспекции по охране памятников и в Архитектурно-художественных мастерских. Живя и работая в Ленинграде, Спегальский не отрывался от родного Пскова, продолжал изучать его памятники и вскоре приступил к практической реставрационной работе по их восстановлению. В 1936–1937 гг. он реставрировал Гремячую башню, в 1939–1940 гг. — вторые палаты Меншикова (дом Яковлева), причем во время их реставрации не упускал случая поработать как каменщик и штукатур. Война застала Спегальского в Ленинграде, где он стал работать в бригаде верхолазов, занимался маскировкой и обмерами высотных памятников города, их ремонтом.

В 1944 г. Ю. П. Спегальский приехал в Псков восстанавливать разрушенный город и возглавил областную инспекцию по охране памятников. Участвовал в качестве эксперта в работе Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков: устанавливал ущерб, нанесенный памятникам архитектуры Пскова. В 1945–1948 гг. реставрировал ряд памятников. Здесь ему пригодился опыт военных лет: он производил ремонтные работы на нескольких псковских храмах верхолазным способом, без лесов (например, восстанавливал главы Троицкого и Спасо-Преображенского соборов). В 1946 г. организовал и возглавил Псковские архитектурно-реставрационные мастерские, существующие по сей день и занимающиеся изучением и восстановлением псковских памятников. Спегальский сам за короткое время создал порядка десяти проектов реставрации, проводил работы по консервации аварийных памятников (например, соборов Снеготорского и Ивановского монастырей), начал реставрацию церкви Николы со Усохи, Варвары в Петровском посаде и других памятников. В этом же 1946 г. Спегальский выпустил свою первую книгу «Псков. Историко-художественный очерк».

Под руководством Спегальского была проведена работа по систематизации и постановке

под государственную охрану всех памятников средневековой архитектуры Пскова. Эта работа послужила основой для созданного Спегальским в 1945–1947 гг. первого в реставрационной практике проекта охранных зон и архитектурных заповедников в Пскове. Его проекты предусматривали сохранение уцелевших в годы войны памятников архитектуры и бережное включение их в структуру современного города. Проект архитектурных заповедников предусматривал особые зоны застройки вокруг памятников, их благоустройство, помогающее добиться наибольшего архитектурно-художественного эффекта от памятников, а также сохранение (в отдельных случаях — возрождение) древней планировки исторического ядра города, связывающей в единую систему памятники, расположенные в охранных зонах. При любом профессиональном или общественном обсуждении перепланировки Пскова он неизменно выступал с позиций охраны памятников и сохранения историко-архитектурного облика города. Разработанный им проект охранных зон стал составной частью послевоенного перспективного плана развития Пскова.

В 1947 г. Спегальский поступил в аспирантуру Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Академии художеств СССР. В 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию «Псковская каменная жилая архитектура XVII века». В 1951–1958 гг. — научный сотрудник Ленинградского отделения Академии архитектуры, позже — Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. При этом он не переставал заниматься архитектурой древнего Пскова, и в 1963 г. вышли две его книги: «Псковские каменные жилые здания XVII в.» и «Псков. Художественные памятники». В своей реставрационной практике и научных трудах Спегальский начал комплексное изучение гражданского зодчества Пскова, им было выявлено и подробно описано более двухсот каменных гражданских построек.

В эти же годы Спегальский принимал участие в реставрации Исаакиевского, Петропавловского, Смольного соборов, Александровской колонны и других памятников архитектуры Ленинграда.

В 1968 г. он вернулся в Псков, где стал работать главным архитектором Псковских реставрационных мастерских, осуществляя разработанный им «Перспективный план реставрации, восстановления и консервации памятников ар-

хитектуры Пскова», который явился основным документом для практической деятельности по комплексной реставрации памятников города. Через год неожиданная смерть положила конец его практическим деяниям и научным исследованиям. Он похоронен в родном городе на Мироносицком кладбище. Последняя крупная работа Спегальского «Жилище Северо-Западной Руси XI–XIII вв.» была издана посмертно (1972). В 1986 г. в квартире Спегальского в Пскове был открыт музей, а в 1990 г. на стене его дома была установлена мемориальная доска с горельефным портретом. Древняя улица Михайловская в Пскове, где родился архитектор, переименована в улицу Спегальского. Отдал дань реставратору и ученому и Петербург: в 2001 г. на доме по Малой Конюшенной, где Спегальский прожил более двадцати лет, была установлена мемориальная доска в память об этом.

Ю. П. Спегальский всю жизнь посвятил Пскову и его памятникам. Он исследовал древние памятники псковской архитектуры, обмерял их, создавал проекты реконструкции, порой и сам работал на лесах при восстановлении памятников в послевоенные годы. Большое место в жизни Спегальского занимало прикладное искусство, которое он не только ценил и пропагандировал, но творил своими руками. Но помимо профессиональной реставрационной деятельности, научных изысканий и реконструкций, помимо создания предметов прикладного искусства в круг интересов Спегальского входила одна тема, которой он был увлечен со школьных лет, — это изразцы, конструкция и декоративное убранство печей в псковских жилых домах. Для Спегальского печи — во всех смыслах колоритная история, «работающая» на изучение художественной и бытовой культуры Средневековой Руси и популяризацию архитектурного наследия древней Псковской земли. Он собирал материал по печам XVII в. в течение сорока лет. Это была его страсть и — в хорошем смысле — слабость, всепоглощающая добродетельная зависимость от изразечного дела, ярко вошедшего в культурное наследие Отечества. И во многом это его глубоко личная история.

По воспоминаниям Ю. П. Спегальского, он еще мальчишкой нашел неподалеку от церкви собора Снетогорского монастыря кусок старинного изразца, на котором разобрал надпись, сделанную рукой древнего мастера: «Тимо-

ха-печник». А потом и в самом храме, и на берегу реки и на прибрежной отмели ему стали попадаться обломки ярких цветных изразцов. На одном из них был изображен единорог, на другом — птица Сирина. «Я был околдован всем этим, и на всю жизнь! — писал он. — У меня сложилось впечатление, что берега реки в этих местах усеяны остатками чего-то сказочного, никем еще не разгаданного. С этим ощущением тесно сплеталось другое: ощущение уюта и тепла, казалось, пронизывающего все: и эту землю с ее одуряюще пахнущими травами и цветами, и все эти таинственные древности, такие необыкновенно родные и близкие мне...» (Аршакуни, 1987б. С. 44).

Но в целом воспоминания о детстве были у Спегальского не столь радостными. Его отец — мастер декоративно-орнаментальной лепки — погиб на Первой мировой войне. Вскоре мать вышла замуж за врача, который оказался человеком деспотичного нрава, далеким от искусства и архитектуры. Он не только не понимал увлечения подростка псковской стариной, но относился к этому нетерпимо. Отношения отчима с пасынком из года в год становились невыносимее. В конце концов произошел разрыв, поводом для которого послужила уничтоженная отчимом находка Спегальского — тот самый древний изразец с изображением птицы Сирина. И он принял решение уйти из дома и не принимать более от отчима никакой материальной помощи (Там же. С. 45–46). «На следующий день, — писал он, — я уже чистил кирпич, месил глину, подогревал воду и подносил для старого добродушного печника, который взял меня к себе в помощники... А еще через день получил свой первый заработок» (Там же. С. 46–47).

К слову сказать, Ю. П. Спегальский всю жизнь уважал печное мастерство, освоенное в юношеские годы. Например, в 1964 г., когда его отправили на уборку картошки в подшефный колхоз в деревню Шустрочей Ленинградской области, он вместо работы в поле складывал в жилых домах печи, за отсутствие которых, вернее — за неисправность старых, колхоз не раз платил штраф. «Польза была для нашего начальства — оно хорошо зарекомендовало себя перед райкомом», — писал он. И добавлял уже про свою личную пользу, про традиционные подношения мастеру от благодарных колхозников: «Я наконец действительно подышал свежим воздухом,

попил настоящего молока, поел настоящего хлеба...» (Там же. С. 176).

Но вернемся в двадцатые годы. Спегальский поселился в полуразрушенном доме Печенко, привел в порядок одно из помещений и сам сложил в нем печь. Постепенно вокруг него образовался круг молодых товарищей, разделявших его увлечение псковскими древностями. Они обследовали руины старых домов, совершали дальние походы по области. Из этих походов и поездок Спегальский привозил старые печные изразцы, не пренебрегал и обломками, измерял их и зарисовывал в цвете в натуральную величину. В этом видится и его прозорливость, и систематический склад ума. Перед отъездом в Ленинград он сдал собранную им коллекцию изразцов в псковский музей, но она пропала, не оцененная дирекцией музея. Значительно позже один изразец из дома Печенко Спегальский увидел в новгородском музее. Но сохранились тщательно выполненные им рисунки утраченных изразцов. На них представлены разные по времени производства образцы, отличающиеся между собой по стилю и технике: ранние красные, муравленные и ценинные (полихромные) изразцы XVII в., есть изразцы с очень слабым рельефом и расписные гладкие XVIII столетия. Среди рисунков были акварельные копии изразцов из церкви Георгия со Взвоза, из развалин кожевенного завода, из Поганкиных палат, но по большей части — изразцы и обломки изразцов из неизвестных памятников (Юрий Павлович Спегальский, 1976. С. 14–15). Эти ранние графические работы 1924–1928 гг. представляют собой большую историческую ценность, поскольку на них зафиксированы никому не известные погибшие изразцы, не попадавшие ранее в поле зрения исследователей псковских древностей.

И в дальнейшем к графической фиксации изразцов он относился чрезвычайно серьезно. В 1945–1946 гг., когда Спегальский жил в доме настоятеля Мирожского монастыря, он обнаружил остатки печи XVIII в. в надвратной Стефановской церкви и попросил свою жену О. К. Аршакуни зарисовать в цвете изразцы и их обломки. Аршакуни вспоминала, что эта работа приобрела для нее особенный интерес после того, как Спегальский из этих отдельных изразцов скомпоновал несколько больших фрагментов верхней, средней и нижней части печи, которые также были зарисованы (Аршакуни, 1987б. С. 72).

В это время Спегальский мечтал возродить в Пскове искусство керамики — создать керамическую мастерскую по изготовлению печных поливных изразцов, черепицы и художественной посуды. Он подготовил для них множество эскизов росписей. Необходимо подчеркнуть, что на основании фактических материалов исследования он сделал вывод, что полива псковских изразцов изготовлялась на месте из тех цветных кварцевых песков, которые залегают на правом берегу реки Великой, за Снятной горой. Эти пески представляют собой тончайшую кварцевую пыль и окрашены окисями металлов, т. е. являются почти готовой поливой (Аршакуни, 1978а. С. 55).

В последний год жизни Ю. П. Спегальский мысленно возвращался в детские годы и вновь переживал свое открытие мира изразцов: «...Приснилось, будто я забрался с какими-то еще мальчишками в заброшенное строение XVII века и в развороченной стене нашел набросанные внутрь стены, в кладку, как мусор для заполнения, изразцы XVII века и даже посуду. Там была даже расписная бутылка... Утром я стал думать и пришел к заключению, что те дни лета 1925 года, когда я выкапывал обломки печи внизу “дома Печенко”, и некоторые дни лета 1926 года, когда я охотился за такими обломками, клеил их и рисовал, были счастливейшими днями моей жизни, и это, конечно, не просто потому, что мне было интересно это занятие, как какая-то игра. Очевидно, это занятие оказалось именно тем, что глубоко соответствовало всей моей натуре...» (Булкин, Овсянников, 1983. С. 6–7).

На основании натурного обследования памятников архитектуры, изучения форм сохранившихся печей XVII в. и их орнамента и анализа собранной им коллекции изразцов Ю. П. Спегальский работал над воссозданием первоначального облика псковских печей и в 1955–1956 гг. создал целый комплекс графических реконструкций печей, который сегодня хранится в Музее архитектуры им. А. В. Щусева. Это было также связано с многолетним интересом Спегальского к оформлению интерьеров псковских жилых домов XVII в., в которых изразцовые печи являлись одним из главных компонентов убранства.

Особое внимание Ю. П. Спегальский уделил дому Печенко (назван по имени его последнего владельца). И в этом тоже чувствуется не только его профессиональный, но и личный интерес: этот дом до революции принадлежал дедушке

• Илл. 1. Ю. П. Спегальский. Реконструкция печи столовой палаты в доме Печенко в Пскове. 1955–1956 гг.

Спегальского по материнской линии Ф. И. Печенко (Аракчеева, 1999. С. 7–13), а сам он нашел здесь приют в трудные 1920-е гг., о чем говорилось выше. Ну а в 1949 г. он обследовал здание, будучи руководителем Псковских реставрационных мастерских.

Дом Печенко, обезображенный перестройками и утратами, искажившими его первоначальный облик, в трудах Спегальского предстает одним из самых значительных жилых зданий Пскова XVII столетия. Он посвятил ему отдельную книгу (Спегальский, 1973), в которой предложил реконструкцию каменных двухэтажных палат с третьим деревянным этажом. Существование верхних деревянных этажей на псковских жилых зданиях XVII в. было одним из главных выводов диссертации Ю. П. Спегальского, защищенной в 1951 г., где также приводились доводы в пользу комфортабельности и высоких художественных достоинств интерьеров псковских жилых домов, направленные «против космополитических измышлений о якобы вечной отсталости русского

народа». Об этом автор горячо говорил и на защите диссертации (Аршакуни, 1978б. С. 113–114).

Г-образный в плане дом Печенко состоит из двух разновременных частей. Более старая в глубине двора — каменная одноэтажная, 1660-х — 1670-х гг., вторая часть, возведенная через 15–20 лет, — более крупная с двумя каменными этажами. Спегальский предложил реконструкцию новых палат, разделенных просторными сенями, и дал расположенным по их сторонам большим комнатам условные названия, настаивая на своем мнении: «Без затруднений и достаточно убедительно устанавливается назначение помещений» (Спегальский, 1973. С. 43). Значительная часть книги о доме Печенко посвящена реконструкции его печей. Спегальский понимал, что материалов для сугубо научной реконструкции псковских печей недостаточно, и справедливо полагался на свою «насмотренность» и художественную интуицию. В этом отношении характерны его рассуждения о реконструкции печей в доме Печенко, подробно анализирующие каждую из них.

По мысли Ю. П. Спегальского, слева от сеней окнами во двор находилась столовая палата, перекрытая деревянным потолком. Печь этой комнаты он представил круглой, сложенной из изразцов «большой руки» белого, розового и бледно-желтого оттенков. Мотивы ее изразцов редко встречались в Пскове: изящно прорисованный растительный орнамент включал изображения птиц, клюющих ягоды. Роспись печи выполнена в бледно-зеленом, как бы сильно разбеленном, изумрудно-зеленом и темно-синем тонах (илл. 1). В этой комнате, как виделось Спегальскому, стоял большой, от пола до потолка, керамический киот в деревянном резном обрамлении.

Печь столовой палаты в графической реконструкции была скомпонована автором условно (ГНИМА. Р V 6590/1-5). Ю. П. Спегальский считал эту печь с изразцами «большой руки» «не очень распространенным произведением псковского мастера». Наиболее интересны для него были парные, зеркально повторяющиеся изразцы с птицами, которые он расположил в средней части печи (один из таких изразцов был найден совершенно целым). В верхнюю часть печи он поместил «гладкий нащельник», покрытый красновато-коричневой глазурью, «кусоч которого был найден вместе с прочи-

• Илл. 2. Ю. П. Спегальский. Реконструкция печи кабинета хозяина в доме Печенко в Пскове. 1955–1956 гг.

ми остатками этой печи, но применения которому в других частях ее не подыскалось». Значительно меньше остатков сохранилось от нижней половины основной части печи. Внимание Спегальского привлекла небольшая плитка, напоминающая те, которыми завершались ножки печи, но отличающаяся от них гораздо меньшими размерами. Он предположил, что такие плитки подкладывались под балясины в их завершение. «Хотя от самих балясин автор не нашел ни кусочка, можно не сомневаться, что балясины вместе с нижними и верхними плитками примерно соответствовали по высоте ряду изразцов “большой руки”, стоявших за ними в глубине впадины. К сожалению, мы не можем установить ни размера, ни рисунка этих изразцов с желательной определенностью. Лишь очень небольшой обломок, найденный автором среди других остатков печи столовой палаты, можно признать (и то без полной уверенности) за остаток именно такого изразца». Спегальский докомпоновал полочку под яру-

сом балясин и фигурные элементы, перекрывающие пролеты между балясинами, для которых использовал мотив подобного изразца XVII в. из города Александрова. «Вследствие всех указанных неточностей, — писал он, — представленную здесь реконструкцию печи нужно считать только предварительной, требующей дальнейшего уточнения» (Спегальский, 1973. С. 53–60).

За столовой палатой в глубине дома располагался кабинет хозяина, в котором тоже была печь. Цвета ее росписи были самые обычные: фон светло-бирюзовый, детали орнамента расписаны синей, белой, бледно-желтой и красно-коричневой эмалями. Сюжеты ее росписей хорошо знакомы — крупные вазы с цветами и овальные картуши (илл. 2).

В кабинете хозяина Ю. П. Спегальский нашел обломки изразцов, принадлежавших к числу широко распространенных (ГНИМА. Р V 6592/1-4). Четыре обломка соответствовали изразцам из печей Теремного двора, а еще два он считал подобными изразцам печи в Лопухинском корпусе Новодевичьего монастыря. Однако, по мнению Спегальского, печь Новодевичьего монастыря не могла служить основанием для реконструкции печи кабинета хозяина: «В печи Новодевичьего монастыря несколько раз повторяются два ряда изразцов с изображением ваз. Есть основания сомневаться, чтобы декор более ранних печей с такими вазами, в их числе и псковских, был так построен. Рисунок двух рядов изразцов с изображениями ваз говорит о том, что над вазами в печах более ранних, к которым, вероятно, относились и псковские, был еще растительный орнамент... Судя по пропорциям рисунка двух нижних рядов, не известная нам верхняя часть этой композиции занимала тоже два ряда, то есть весь орнамент распространялся на четыре ряда облицовки. Отсюда следует, что это была облицовка верхней части печи, обычно состоявшая из четырех рядов изразцов “большой руки”. Каков был рисунок нижней части, не установлено, но, во всяком случае, можно утверждать, что изразцов с вазами не было, могла быть только композиция, укладывавшаяся в два ряда изразцов “большой руки”. Такую композицию автор и поместил на реконструкции» (Спегальский, 1973. С. 60–63). Поскольку эта печь, по мнению Ю. П. Спегальского, относилась к самому распространенному типу, она в других жилых домах Пскова могла

• Илл. 3. Ю. П. Спегальский. Реконструкция печи «веселой» палаты в доме Печенко в Пскове. 1955–1956 гг.

быть набрана не только из ценных изразцов, но и из муравленых, при этом пропорции ее основных частей оставались постоянными.

Большую комнату по правую сторону сеней Спегальский назвал «веселой» палатой, она, очевидно, гипотетически предназначалась им для отдыха, бесед и дружеских возлияний. По найденным обломкам изразцов можно было судить о том, что украшением этого просторного помещения была фигурная изразцовая печь с орнаментом на бирюзовом фоне (илл. 3). Низ и верх печи опоясывали орнаментальные полосы с узорами из фантастических растений и птиц на белом фоне (илл. 4). Лопasti этого орнамента окаймлены желтыми закраинами, которые не дают им сливаться с белым и бирюзовым фонами. Остальные покрыты густым растительным орнаментом в синем, голубом, желтом и зеленом тонах, таков по колориту и фриз над свесом карниза с изображением единорогов и львов. Обосновывая появление в реконструкции этого

• Илл. 4. Ю. П. Спегальский. Реконструкция печи «веселой» палаты в доме Печенко в Пскове. Фрагмент нижней части. 1955–1956 гг.

сюжета, Спегальский писал, что изразцы с единорогом и львом, служившие поясовыми в завершении печи, часто находятся в Пскове (Спегальский, 1973. С. 63).

Про печь «веселой палаты» Спегальский сообщает, что ее «можно реконструировать с полной уверенностью почти во всех деталях... даже если от нее осталось всего два-три обломка изразцов» (ГНИМА. Р V 6591/1-4). Благодаря тому, что ее украшал орнамент, распространенный в XVII в., рисунок изразцов с птицами, взятый с найденных в Пскове целых изразцов и обломков, Спегальский «дополнил» свою реконструкцию на основе изразцов из декора ярославской церкви Иоанна Предтечи в Толчкове. При этом, «выполняя реконструкцию печи, автор позволил себе изменить рисунок ярославских и иосифо-волоколамских изразцов нижнего ряда этой части печи, имеющий уж слишком «фряжские»

• Илл. 5. Ю. П. Спегальский. Реконструкция печи повалуши в доме Печенко в Пскове. 1955–1956 гг.

детали, и приблизить его к обычному характеру орнамента псковских печей XVII века. Верхний ряд целиком докомпонован автором. Орнаментация низа основного объема печи восстановлена по одному лишь обломку». Спегальский «по своему собственному выбору» предложил реконструировать и изразцы в промежутках между ножками, «рисунок пояска в завершении печи тоже взят по произвольному выбору» (Спегальский, 1973. С. 52–53).

Спегальский также реконструировал печь в повалуше (палате для приема гостей) старой части дома Печенко, которую он датировал последней четвертью XVIII в. (ГНИМА. Р V 6593/1-6). Изразцовая печь повалуши — необычного типа по своему композиционному замыслу и характеру исполнения (илл. 5), она отличалась пышным растительным орнаментом и яркостью расцветки, которую подробно описывал сам автор реконструкции: «Необычны и эмали росписи этих изразцов: красная — крапلاкового цвета, густого и в то же время

• Илл. 6. Ю. П. Спегальский. Реконструкция печи повалуши в доме Печенко в Пскове. Фрагмент средней части. 1955–1956 гг.

яркого, с малиновым оттенком и со слабым люстром цвета червонного золота; зеленая — сероватая неяркая, бархатистого тона, в которой можно заметить множество мелких изумрудных и охристых крапинок; синяя — блестящая, как стекло, очень красивого глубокого индигового цвета, не встречающегося на других псковских изразцах» (Спегальский, 1973. С. 31–32) (илл. 6). В отдельных деталях росписи Спегальский находил сходство с узорами псковских керамид XVI в. (Спегальский, 1960). Он не считал это случайным совпадением и полагал, что автором декора печи повалуши был псковский мастер, видевший керамиды.

О печи в повалуше из старого дома он пишет, что в 1925–1926 гг. в этом помещении, перебрав мусор, извлек из него куски керамических сборных частей печи и много обломков изразцов ее облицовки, и добавляет, что в мусор попали обломки не всех их видов: «Не оказалось в нем ни одного кусочка ножек печи, изразцов, стоявших в промежутках между ножками, и изразцов

нижнего ряда средней части печи. От изразцов, составлявших большие прямоугольные ширинки в верхней части печи, в мусоре нашлись куски только двух, хотя они были девяти видов. От поясков, разделявших ширинки, не осталось ни одного обломка» (Спегальский, 1973. С. 28, 30). Спегальский говорит, что такая неполнота материала затрудняла реконструкцию печи, но не сделала ее невозможной. Форма, размеры и орнамент ножек были известны ему по находкам в других местах Пскова; рисунок изразцов нижнего ряда восстановлен им в соответствии с изразцами второго ряда. «Конечно, в реконструкции ширинки, состоявшей из девяти изразцов, из которых мы знаем лишь два, неизбежна значительная доля произвольности. Но все же общий характер ее орнамента и росписи достаточно ясно определяется по найденным частям. Таким образом, лишь поясовые изразцы, разделявшие ширинки, остаются совершенно неизвестными. На местах вертикальных поясов пришлось изобразить изразцы, найденные не в доме Печенко... Горизонтальные пояски докомпонованы автором, так же как и изразцы между ножками. Нужно отметить еще, что нет полной уверенности в том, что два уступа нижней половины печи и свес верхнего карниза состояли из одинаковых изразцов, хотя нашлись обломки таких переходных частей только одного вида. Но это уже не имеет очень большого значения для общей реконструкции печи» (Там же. С. 30). Все эти оговорки не помешали Спегальскому сделать реконструкцию самой необычной и эффектной печи дома Печенко. Более того, он настаивал на том, что «нашел более правильным показать набор печи в том виде, как его создал мастер-печник», хотя, по его же словам, резко различающаяся цветовая гамма росписи относится к двум наборам печных изразцов.

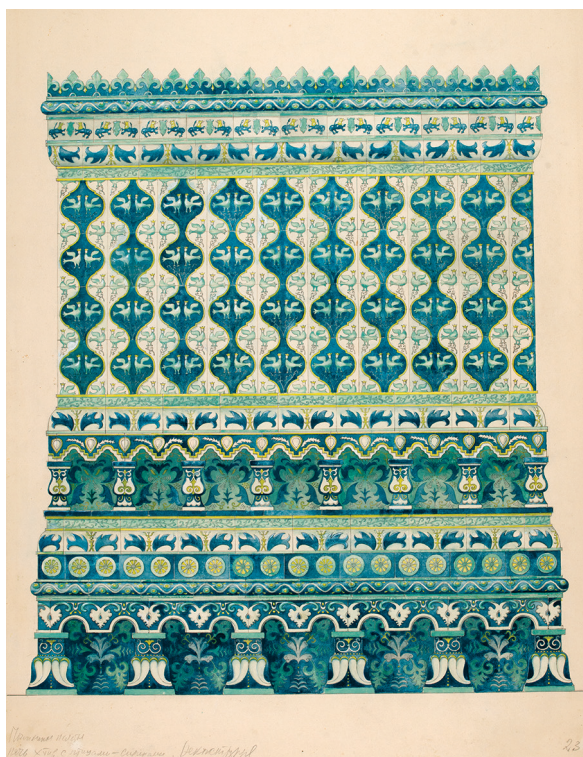
Тем не менее реконструкция этой печи вызывает вопросы, которые относятся к палитре этих наборов, традиционно исключавшей те самые необычные эмали росписей. По мнению С. И. Барановой и О. Н. Глазуновой, необычная окраска, о которой говорит Спегальский, — «красная — крапلاкового цвета, густого и в то же время яркого, с малиновым оттенком и со слабым люстром цвета червонного золота», — могла быть следствием воздействия пламени

на готовые изразцы, например, в ходе пожара¹. Такие изразцы известны археологам (Баранова, 2011. С. 44). Подобный эффект возникает иногда во время пожара, когда зеленая полива меняет цвет на разные оттенки красного от вишневого до малинового, а металл, содержащийся в ней, придает поверхности блеск, некое подобие люстра. Меняют оттенки и глазури других цветов. Это встречается нечасто, но известны случаи, когда практически целые печные комплекты приобретали новую «расколеровку», притом довольно ровную (см., в частности, комплект печи, собранной в 2018 г. при раскопках К. В. Воронина в Москве в Малом Знаменском переулке). Глазурь при этом не вспучивается, не трескается, а только меняет цвет с добавлением блеска. Основа керамического изделия, само глиняное тесто, если и меняет свойства, то незначительно, визуально почти незаметно. Если при этом не иметь весь комплекс находок и не знать характеристики слоя, то вполне можно принять получившиеся оттенки глазури за изначальные.

Помимо дома Печенко Спегальского привлекли печи Поганкиных палат, которые выделялись крупными размерами и большой шириной, хотя их высота не отличалась от общепринятой в Пскове. Ю. П. Спегальский тщательно просчитывал и выверял их пропорции относительно размеров и высоты помещений. Ширина для каждого типа печи определялась ее декором. Он сделал вывод, что печи Поганкиных палат были скомпонованы и выполнены специально для данных помещений. Он создал реконструкцию двух печей — с птицами Сиринами (ГНИМА. Р V 6594/1-3) (илл. 7) и с розетками (ГНИМА. Р V 6595/1-3) (илл. 8). Обе печи — с росписями зеленого, темно-синего и лимонно-желтого тонов по белому фону (Аршакуни, 1987а. С. 54).

О. К. Аршакуни пишет: «Работая над реконструкцией орнаментального декора печей, Ю. П. Спегальский не ставил перед собой цели безошибочно повторить утерянные части рисунка орнамента древних изразцовых печей, так как такая цель недостижима, и, разумеется, не считал свои докомпоновки орнамента бесспорными. Задача, которую исследователь совершенно отчетливо и сознательно поставил перед собой,

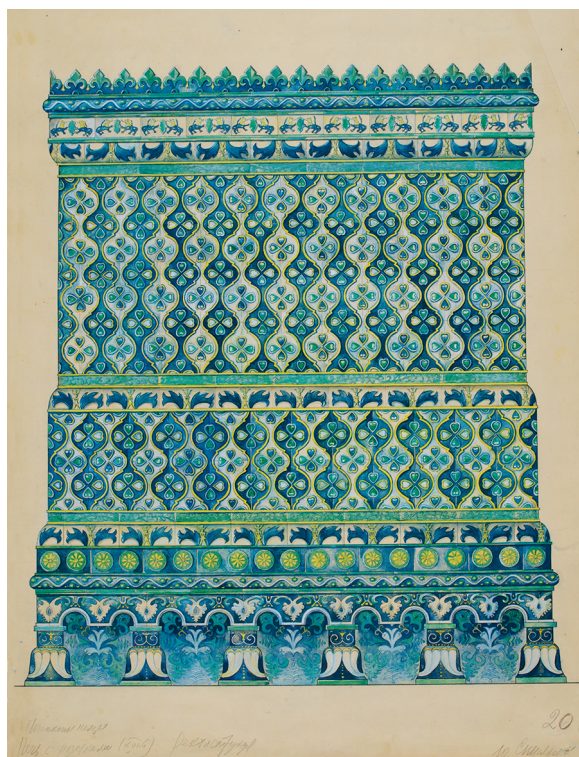
¹ Приношу благодарность С. И. Барановой и О. Н. Глазуновой за консультацию по этому вопросу.

• Илл. 7. Ю. П. Спегальский. Реконструкция печи с птицами Сиринами в Поганкиных палатах в Пскове. 1955–1956 гг.

была иной и решалась впервые: дать в графических реконструкциях представление о том общем впечатлении, которое производил декор древнерусской печи. Докомпоновка изразцов и частей печи, заполнение пробелов в рисунке их декора служили для этого лишь средством» (Там же. С. 57).

Многолетняя исследовательская работа, практические знания, обмеры и зарисовки позволили Ю. П. Спегальскому в процессе создания графических реконструкций псковских печей исчерпывающим образом интерпретировать материал, относящийся к ним. Каждой детали, каждому обломку изразца находилось место в его реконструкциях. В процессе изучения и реставрации архитектурных памятников, осмысления подлинных изразцов и их фрагментов и переноса сложившегося в голове проекта реконструкции на бумагу Спегальский сделал важные открытия в истории доселе малоизвестного псковского изразца, которые расширили представления о русском изразечном деле в це-

• Илл. 8. Ю. П. Спегальский. Реконструкция печи с розетками в Поганкиных палатах в Пскове. 1955–1956 гг.

лом. Например, среди реконструкций есть печи с баясинами, которые считались характерными для русских печей XVIII в. Проанализировав находки изразцов в Пскове, Спегальский предположил, что изразцовые пояса с баясинами существовали на печах уже в XVII столетии, причем в то время они располагались в нижней половине основной части печи.

Ю. П. Спегальский также установил в цветовом решении псковских печей прием выделения орнаментальных поясов фоном, отличающимся от общего фона печи (печь в «веселой» палате дома Печенко и печь во Вторых палатах Меншиковых).

Спегальский высказал предположение и о зависимости изразцового декора печи от назначения помещения, в котором она стояла. Например, в доме Печенко в столовой палате — ярко освещенной, в которой все внимание сосредоточивалось на богато убранном пиршественном столе, — печь при всей ее изысканной красоте не слишком отрывалась от общего фона и не

мешала восприятию главного, тогда как печь в «веселой» палате, освещенной мягким рассеянным светом, отличалась цветистостью орнамента и могла соперничать своим убором с яркими одеждами людей, наполняющих палату. Особенностью печей, стоящих в парадных залах палат Поганкиных, являлась броскость рисунка и резковатая контрастность расцветки, что было связано с большими размерами помещений и сравнительно слабым освещением. Печи с более мягким декором не могли бы достаточно выделяться в композиции интерьера (*Аршакуни*, 1987а. С. 56–57).

Размышления Ю. П. Спегальского об убранстве интерьеров жилых домов древнего Пскова нашли отражение и в его известной серии литографий с реконструкциями видов жилых комнат в доме Печенко.

Исследования Спегальского о псковских печах содержат и новые данные об их внутреннем устройстве. Он определил происхождение керамических изделий, которые являются остатками сборных керамических частей отопительных печей XVII в. «Нам очень мало известно о богатстве и разнообразии печей XVII века на Руси и, в частности, в Пскове, какое имело место в действительности, — писал Спегальский. — Данные, которыми располагает наша наука в этой области, явно не полны. Причем эта неполнота не в отсутствии находок (обломки изразцов и даже целые завалы остатков разрушенных печей XVII века в Пскове не редкость), а в невнимании к ним». И действительно, никто прежде не обращал внимания на фрагменты керамических изделий, применению которых не находилось объяснения. Исследования, произведенные Спегальским, позволили признать такие фрагменты остатками сборных керамических отопительных печей. Это оказались кольца, путем сборки которых можно было получать прочные, гладкие внутри трубы любой требующейся длины для жаровых колодцев, и дуги, служившие для облицовки топочных отверстий печи. Спегальский посвятил им отдельную публикацию (*Спегальский*, 1968).

Ю. П. Спегальский не ограничился только графическими реконструкциями псковских печей, он воссоздал одну из них по своей реконструкции в материале и в натуральную величину. О. К. Аршакуни приводит отрывки из его писем 1954 г.: «...Сижу дома. Весь вечер

провел за грунтовкой изразцов по новому, кажется очень хорошему, способу. Но с 7 до 11 загрунтовал их десятка три-четыре, а расписывать ведь гораздо дольше... Вчера в 12-м часу окончил грунтовку. Осталось еще изразцов штук 70. Завтра, если хватит олифы, закончу все, в воскресенье с утра займусь росписью и посмотрю, как пойдет...» Созданием печи Спегальский занимался по вечерам и в выходные дни в течение полутора лет. «Печь получилась замечательная! — пишет Аршакуни. — Она стала украшением нашего жилища. Началось “паломничество”. Ею приходили любоваться друзья и знакомые, выражали восторг и удивление» (*Аршакуни*, 1987б. С. 124–125).

Именно после этого монументального акта рукомерства Ю. П. Спегальский приступил к созданию графических реконструкций псковских печей XVII в. и трудился над ними в течение двух лет.

Спегальский был великолепным графиком, любил рисовать. В Ленинграде в блокадную зиму 1941–1942 гг. Ю. П. Спегальский создал серию рисунков «Псков XVII века». Эту тему продолжил цикл «По Пскову XVII века», выполненный в технике литографии и изданный в 1974 г. (*Спегальский*, 1974). Во вступительном слове к этому изданию академик Д. С. Лихачев справедливо писал: «Ю. П. Спегальский посвятил всю свою жизнь изучению псковских архитектурных памятников. Он был исследователем истории псковской архитектуры, работал по реставрации псковских памятников и был талантливым художником, запечатлевшим в своих живописных и графических произведениях древний Псков. По своему значению графические реконструкции Ю. П. Спегальского по древнему Пскову равняются тому, что было сделано А. Васнецовым для старой Москвы». Спегальский также создал множество эскизов расписных керамических изделий, узоров рукавиц и многое другое. Он сам оформлял свои книги, например, обложку и заставки к своей первой опубликованной книге «Псков. Историко-художественный очерк» 1946 г., которые отличает тонкая изящная графика.

Графические реконструкции печей занимают особое место в творческом наследии Ю. П. Спегальского и как ученого, и как художника и воспринимаются как единая творческая серия. Они прекрасны по мастерству испол-

нения, по виртуозному владению акварелью. Умение не просто мысленно восстановить первоначальный вид предмета, но и убедительно представить его в блистательном графическом исполнении — это, безусловно, редкий дар. В реконструкциях Спегальского сходятся информационно-логическое и эмоционально-образное постижение предметов материального мира. Они завораживают и невольно заставляют поверить в существование великолепных псковских печей XVII в., отличающихся богатством цвета и интересным орнаментальным декором. В их изучении Спегальский был первопроходцем, убедительно доказав, что Псков являлся одним из центров искусства керамики в Средневековой Руси.

Эти реконструкции печей не раз демонстрировались на выставках в Пскове, к некоторым из них издавались каталоги, правда, без иллюстраций (Выставка произведений..., 1971; Юрий Павлович Спегальский, 1976). В 1976 г. в Москве в Музее архитектуры им. А. В. Щусева прошла выставка «Декор псковских изразцовых печей XVII века. Реконструкции архитектора Ю. П. Спегальского», после которой его вдова О. К. Аршакуни подарила музею полный комплект графических реконструкций, включающий 25 чертежей.

Список литературы

- Аракчеева Ж. М. Дворяне Печенко — предки Ю. П. Спегальского // Псков: памяти Юрия Павловича Спегальского. 1909–1969 / ред.: О. К. Волочкова, М. А. Кузьменко, Т. В. Медникова. Псков: изд-во обл. гос. центра народного творчества, 1999. 235 с.
- Аршакуни О. К. Народное зодчество Пскова. Архитектурное наследие Ю. П. Спегальского. М.: Стройиздат, 1987а. 199 с.
- Аршакуни О. К. Предчувствие: воспоминания о Юрии Павловиче Спегальском. Л.: Лениздат, 1987б. 208 с.
- Баранова С. И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: Московский гос. объедин. музей-заповедник, 2011. 432 с.
- Булкин В. А., Овсянников О. В. Ученый, зодчий, каменщик. Л.: Лениздат, 1983. 112 с.
- Выставка произведений Юрия Павловича Спегальского (1909–1969): каталог выставки в Псковском ист.-худож. и архитектур. музее-заповеднике. Псков: [б. и.], 1971. 20 с.

- Спегальский Ю. П. Псковские керамические кiotы // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 117–120.
- Спегальский Ю. П. О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 74–77.
- Спегальский Ю. П. Дом Печенко. Псков: Лениздат, 1973. 80 с.
- Спегальский Ю. П. По Пскову XVII века: [альбом рисунков] / сост. и авт. поясн. текста к рис. архит.-худож. О. К. Аршакуни; авт. вступ. ст. Д. С. Лихачев. Л.: Лениздат, 1974. 168 с.
- Юрий Павлович Спегальский. Декор псковских изразцовых печей XVII века: каталог выставки в Псковском гос. ист.-худож. и архитектур. музее-заповеднике / сост. и авт. вступ. ст. О. К. Аршакуни. Псков: [б. и.], 1976. 16 с.

References

- Arakcheeva Zh. M. Dvoryane Pechenko — predki Yu. P. Spegal'skogo // Pskov: pamyati Yuriya Pavlovicha Spegal'skogo. 1909–1969 / ed.: O. K. Volochkova, M. A. Kuz'menko, T. V. Mednikova. Pskov: izdatel'stvo oblastnogo gosudarstvennogo tsentra narodnogo tvorchestva, 1999. 235 p.
- Arshakuni O. K. Narodnoe zodchestvo Pskova. Arkhitekturnoe nasledie Yu. P. Spegal'skogo. Moscow: Stroyizdat, 1987a. 199 p.
- Arshakuni O. K. Predchuvstvie: vospominaniya o Yurii Pavloviche Spegal'skom. Leningrad: Lenizdat, 1987b. 208 p.
- Baranova S. I. Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitel'ya. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy ob"edinenyy muzey-zapovednik, 2011. 432 p.
- Bulkin V. A., Ovsyannikov O. V. Uchenyy, zodchiy, kamenshchik. Leningrad: Lenizdat, 1983. 112 p.
- Spegal'skiy Yu. P. Pskovskie keramicheskie kioty // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 1960. 81. P. 117–120.
- Spegal'skiy Yu. P. O nekotorykh priemakh ustroystva otopitel'nykh pechey XVII v. (po nakhodkam v Pskove) // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 1968. 113. P. 74–77.
- Spegal'skiy Yu. P. Dom Pechenko. Pskov: Lenizdat, 1973. 80 p.
- Spegal'skiy Yu. P. Po Pskovu XVII veka: [al'bom risunkov] / comp. O. K. Arshakuni; intr. D. S. Likhachev. Leningrad: Lenizdat, 1974. 168 p.
- Vystavka proizvedeniy Yuriya Pavlovicha Spegal'skogo (1909–1969): katalog vystavki v Pskovskom istoriko-khudozhestvennom i arkhitekturnom muzee-zapovednike. Pskov: [s. n.], 1971. 20 p.
- Yuriy Pavlovich Spegal'skiy. Dekor pskovskikh izraztsovykh pechey XVII veka: katalog vystavki v Pskovskom gosudarstvennom istoriko-khudozhestvennom i arkhitekturnom muzee-zapovednike / comp., intr. O. K. Arshakuni. Pskov: [s. n.], 1976. 16 p.

Illustrations

- Fig. 1. Yu. P. Spegalsky. Reconstruction of the dining chamber stove in the Pechenko's House, Pskov, 1955–1956
- Fig. 2. Yu. P. Spegalsky. Reconstruction of the master's study stove in the Pechenko's House, Pskov, 1955–1956
- Fig. 3. Yu. P. Spegalsky. Reconstruction of the “cheerful” chamber stove in the Pechenko's House, Pskov, 1955–1956
- Fig. 4. Yu. P. Spegalsky. Fragment of the lower part of the “cheerful” chamber stove in the Pechenko's House, Pskov, 1955–1956
- Fig. 5. Yu. P. Spegalsky. Reconstruction of the “povalusha” stove (a stove in the sitting room) in the Pechenko's House, Pskov, 1955–1956
- Fig. 6. Yu. P. Spegalsky. Fragment of the middle part of the “povalusha” stove in the Pechenko's House, Pskov, 1955–1956
- Fig. 7. Yu. P. Spegalsky. Reconstruction of the stove with the Sirin birds in the Pogankin's Chambers, Pskov, 1955–1956
- Fig. 8. Yu. P. Spegalsky. Reconstruction of a stove with rosettes in the Pogankin's Chambers, Pskov, 1955–1956

T. A. Dudina. Graphic reconstructions by Yu. P. Spegalsky of Pskov tiled stoves of the 17th century

Abstract. This article sheds light on a somewhat overlooked aspect of the distinguished heritage of Yu. P. Spegalsky, a prominent figure in national culture. Specifically, it delves into the theme of tiling, designs, and decorative ornamentation found on stoves in 17th-century residential buildings in Pskov. Over a span of 40 years, Spegalsky meticulously collected, sketched, and studied materials related to Pskov stoves from the 17th century. The result of his extensive labour on this subject is evident not only in well-argued publications but also in a splendidly executed series of graphic reconstructions of these stoves. As a pioneer in this field of study, Spegalsky convincingly demonstrated that Pskov was one of the mediaeval Rus' centres of ceramic art. The article heavily relies on Spegalsky's own remarks concerning his graphic reconstructions.

Keywords: Yu. P. Spegalsky, Pskov, Pechenko House, tiles, 17th-century Pskov kilns, graphic reconstructions.

Dudina Tatyana Aleksandrovna, head of the Department of storage of architectural and graphic collections of the XVIII–XIX centuries, A. V. Shchusev State Research Museum of Architecture, 5/25 Vozdvizhenka St., 119019 Moscow, Russian Federation, dudinamuar@gmail.com.

Каталог мозаичной смальты из раскопок на территории Рюрикова городища в Великом Новгороде

В. П. МАКАРОВА

СРЕДИ археологических находок в Великом Новгороде и его окрестностях встречаются тессеры из смальты, которые были частью мозаичного декора древних храмов. В Новгороде сохранился лишь один храм с мозаичным декором — Софийский собор. Возможно, были и другие, так как смальту регулярно находят в разных раскопах Великого Новгорода (Неревский, Троицкий, Нутный и др.). На сегодняшний день в фондах Новгородского музея-заповедника хранится более 330 отдельных тессер и фрагментов, найденных в Великом Новгороде и области (не учитывая смальту, привезенную из других регионов). Есть также фрагменты мозаичных плит из Софийского собора с включенными в них инкрустированными тессерами.

Около 197¹ тессер и фрагментов было найдено на Рюриковом городище. А именно: 129 тессер было обнаружено при раскопках культурного слоя самого Городища и 68 — при раскопках находившейся на Городище церкви Благовещения (1103 г.), в которой, очевидно, и были мозаичные композиции, набранные из этих тессер.

В данном каталоге собраны тессеры, найденные на территории Рюрикова городища, где в 1103 г. была построена каменная церковь Благовещения. Церковь, по-видимому, была декорирована орнаментальной мозаикой из смальты. Фрагменты этой мозаики в виде тессер были рассеяны по территории древнего храма и по

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-411-1.124-153>

Аннотация. В данном каталоге собрана смальта, найденная на территории Рюрикова городища, где в 1103 г. была построена каменная церковь Благовещения. Церковь, по-видимому, была декорирована орнаментальной мозаикой из смальты, выполненной в технике *opus sectile*. Фрагменты этой мозаики в виде тессер были рассеяны по территории древнего храма и по площади Рюрикова городища после разрушения церкви в 1342–1343 гг. и строительства на ее месте новой. Целью данной статьи является публикация каталога и описание коллекции смальты с территории Рюрикова городища, а также выделение основных параметров при описании и классификации тессер орнаментальной мозаики.

Ключевые слова: мозаика, смальта, тессеры, церковь Благовещения на Городище, Рюриково городище, Великий Новгород, каталог.

Макарова Валерия Павловна — магистр, сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18-А, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186, makarova.valeria@gmail.com.

¹ После написания статьи было найдено еще несколько тессер, но они не попали в каталог.

площади Рюрикова городища после разрушения церкви Благовещения в 1342–1343 гг. и строительства новой, частично сохранившейся до наших дней церкви.

Первые раскопки на Рюриковом городище предпринял М. И. Полянский в 1901 г., заложив несколько шурфов и траншей. Одним из результатов работ стал хороший план части Городища, однако главной целью тех работ был поиск свинцовых печатей (Носов и др., 2017. С. 4–5). Затем, в 1910 г., состоялись четырехдневные раскопки Н. К. Рериха и Н. Е. Макаренко. Е. Н. Носов отмечает важный вклад Н. К. Рериха в «образное восприятие Городища» (Там же, 2017. С. 6), талантливо описанного художником. Но с археологической точки зрения результаты этих работ ничего не дали, а отчетов не сохранилось (Каргер, 1941. С. 20). В 1929 г. состоялись первые на Городище археологические раскопки А. В. Арциховского. Раскопки были «совсем маленькие», по его личным воспоминаниям (Носов и др., 2017. С. 6). В 1934 г. М. К. Каргер провел на Городище раскопки, одной из задач которых было найти под церковью XIV в. (которая позже, во время Великой Отечественной войны, будет разрушена) остатки первоначальной церкви Благовещения 1103 г. (Каргер, 1941. С. 20). В последующие годы раскопки на Рюриковом городище проводили преимущественно на территории поселения, задачей исследователей было проанализировать характер культурного слоя, датировки и последовательность заселения Городища. С 1975 г. ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова начал систематические раскопки на памятнике, которые продолжаются и в настоящее время. Среди находок, как уже писалось выше, есть тессеры и фрагменты тессер из смальты. В 1966, 1969 и 1970 гг. М. К. Каргер продолжил раскопки церкви Благовещения 1103 г. О находках смальты в отчетах этих сезонов не упоминается. Следующим большим исследованием церкви Благовещения стали раскопки ИА РАН под руководством Вл. В. Седова в 2016–2017 гг. в рамках проекта консервации и музеефикации храма (Седов, 2019). В этой работе автор принимала непосредственное участие. При разборе руин древней церкви было найдено 68 тессер и фрагментов из смальты (Макарова, 2019), на некоторых из них сохранились следы раствора. Наличие мозаичного декора в интерьере церкви не вызывает сомнения, однако каменных плит для инкрустации мозаики

пока найдено не было.

Мозаику византийского круга можно условно разделить на два типа по форме тессер (они зависят от используемой техники). Первый тип — классический — состоит из небольших квадратных тессер одинакового размера. Они словно пиксели формируют живописные изображения, порой очень сложные, с различными оттенками цветов. Второй тип — орнаментальная мозаика, которую в искусствоведении называют *opus sectile*. Для этой техники характерны тессеры разной геометрической формы и разных размеров (в среднем они крупнее тессер классического типа). Это могут быть квадраты, ромбы, треугольники, прямоугольники, многоугольники разных форм, круги и проч. Тессеры объединяют в геометрический повторяющийся орнамент, иногда в отдельный небольшой элемент (звезда, цветок и т. п.).

Мозаика второго типа чаще всего встречается в декоре полов, иногда она украшает малые архитектурные формы: архиерейский трон, престол или скамьи синтрона. В Новгородском Софийском соборе сохранились каменные плиты с такой орнаментальной мозаикой, украшающие стены центральной абсиды. Также в Софийском соборе Киева абсида украшена мозаичными выкладками второго типа — в технике *opus sectile*. Мозаика первого типа в древнерусских храмах встречается в основном в сплошной «рописи» стен, вернее — их участков (полностью мозаикой не был украшен ни один древнерусский храм). Редкое исключение — декор омфалия церкви Благовещения в Чернигове (1186 г.), где сохранился фрагмент мозаичного изображения павлина (Матвеев, 2016. С. 209).

Целью данной статьи является публикация каталога, то есть — наиболее полное описание коллекции смальты с территории Рюрикова городища и выделение основных параметров при описании и классификации тессер орнаментальной мозаики.

Форма и размеры тессер. Тессеры для мозаики (и современной, и древней) колют из смальты вручную, причем колют из более крупных заготовок — «блинов» смальты, поэтому их геометрические формы обычно не очень ровные, а стороны даже небольшой квадратной или прямоугольной тессеры могут отличаться по длине на несколько миллиметров. Однако при описании размеров тессер мозаики *opus sectile* нужно

• Илл. 1. Сохранившаяся *in situ* мозаичная плита на юго-восточном столбе центральной абсиды, вид с севера. Фото: А. А. Гиппиус, С. М. Михеев, 2017 г.

уделять внимание длинам граней, а не только максимальной длине и ширине тессеры. Ведь тессеры в технике *opus sectile* образуют орнаменты, располагаясь соразмерными гранями друг к другу.

В каталоге в графе «Размеры» указаны длины всех первоначальных граней тессер. Если тессера имеет сколы, не позволяющие измерить длину грани, то размер не указывается. А вот толщину тессер можно измерить даже по небольшому фрагменту, если только он не был сколот в продольной плоскости.

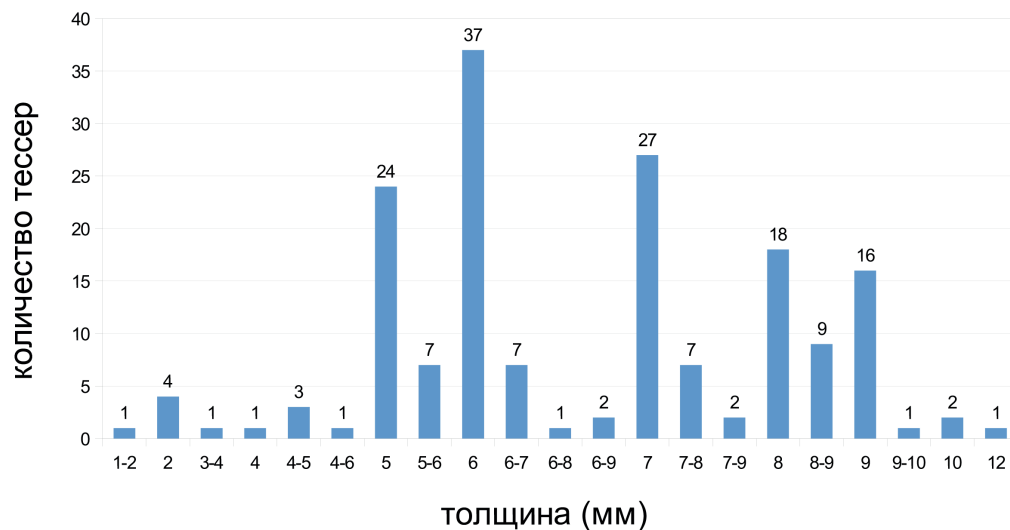
Размеры тессер, найденных на Рюриковом городище, не превышают 47 мм: самая большая по длине тессера — это вытянутый шестиугольник (№ 124 в каталоге; илл. 4: 8, 5: 6) общей длиной 47 мм. Средняя грань квадратов: 14 мм, самая крупная квадратная тессера: 30 × 26 × 26 × 27 мм.

• Илл. 2. Сохранившаяся *in situ* мозаичная плита на северо-восточном столбе центральной абсиды, вид с юга. Фото: А. А. Гиппиус, С. М. Михеев, 2017 г.

Средняя грань треугольников: 21 мм, самая крупная треугольная тессера: 39 × 41 × 41 мм. Средние грани прямоугольников: 18 × 12 мм, самая крупная прямоугольная тессера: 40 × 14 × 38 × 14 мм. Средняя грань ромбов: 23 мм. Размер граней неправильных прямоугольников не превышает 28 мм. Также есть пять тессер заметно меньшего размера (они не учитывались в подсчете средних значений), только одна из них имеет оригинальную форму — квадрат 1 × 1 × 1 × 1 мм, остальные — фрагменты. Толщина этих тессер не превышает 2 мм. Трудно представить такие тонкие тессеры в одном орнаменте с более толстыми. Скорее всего, они были частью отдельного мозаичного элемента, выполненного в классической мозаичной технике, как, например, цветок в верхнем секторе арочного панно под полукружием арок плит Софийского собора в Новгороде (илл. 1, 2).

Толщина мозаичных тессер Рюрикова городища

• Илл. 3. Диаграмма толщин тессер из Рюрикова городища

Толщину тессер стоит выделять в отдельную категорию. В отличие от формы тессеры, которую мастер делает вручную, толщина ее зависит от химических свойств стекольной массы, которая растекается при остывании. На краях растекшегося «блина» толщина смальты немного меньше. Но основная площадь имеет равномерную толщину. Толщина тессер Рюрикова городища (за исключением пяти очень тонких тессер, о которых шла речь выше) варьируется от 4 до 10 мм, средняя толщина — примерно 5–9 мм (илл. 3).

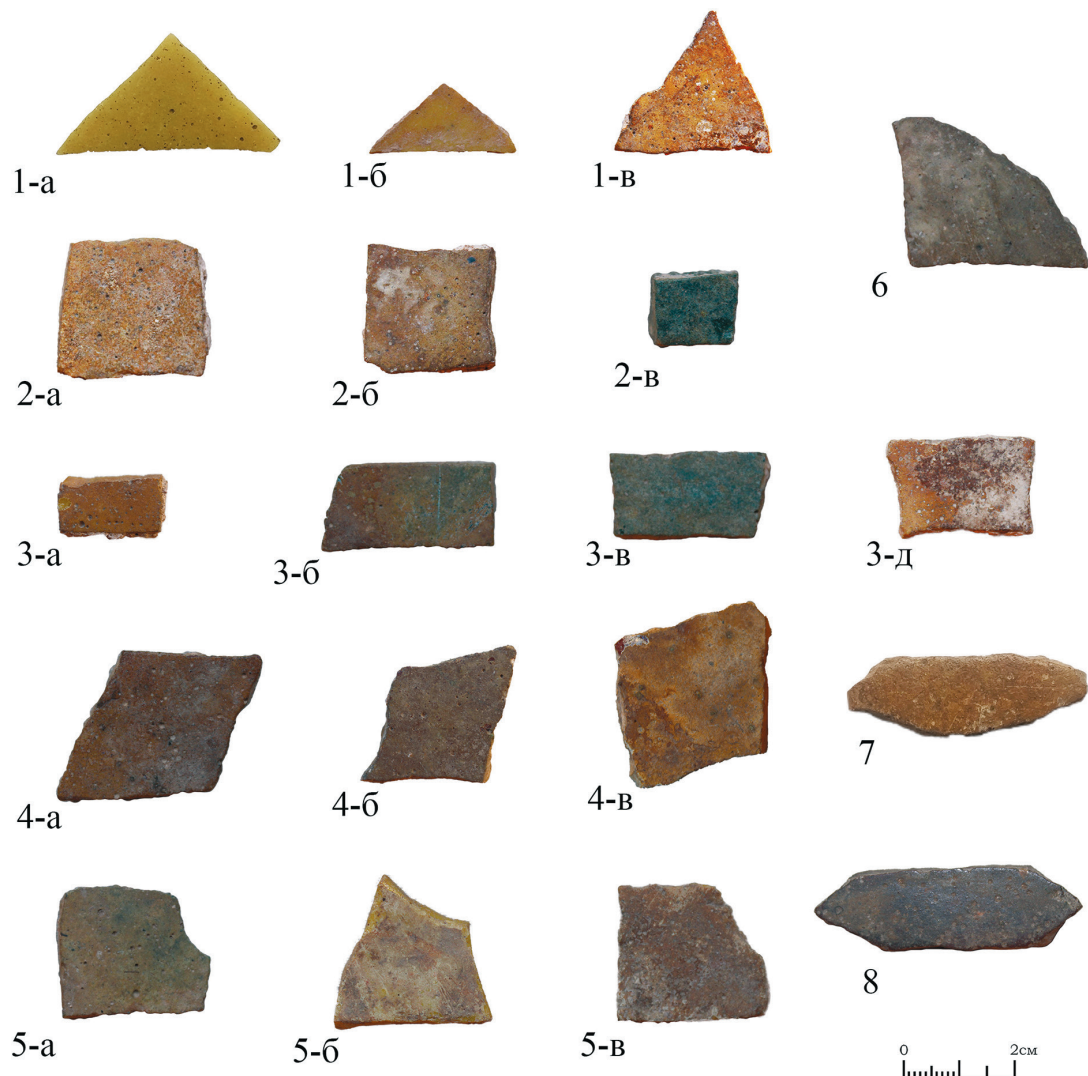
Самыми распространенными формами тессер в древнерусской орнаментальной мозаике являются треугольники (равнобедренные с тупым углом) и квадраты. Некоторые отдельные формы тессер могут указывать на наличие определенного орнамента. Например, на сохранившейся *in situ* плите в Софийском соборе есть орнамент с ромбами, формирующими лепестки цветка (илл. 2). В других орнаментах, сохранившихся *in situ*, на фото, графических иллюстрациях или на фрагментах плит с инкрустированными тессерами (которые хранятся в музейных фондах), ромбы не встречаются. Также есть ограниченное количество орнаментов с использованием тессер миндалевидной формы и имеющих форму вытянутого шестиугольника

и прямоугольника — обычно они формируют что-то вроде сетки. Например, орнамент на вертикальных «столбах» на плитах из Софии Новгородской (илл. 1, 2). Среди тессер, найденных на Рюриковом городище, можно выделить следующие формы:

- треугольники — 48 + 10 (?);
- прямоугольники — 28 + 6 (?);
- квадраты — 28 + 8 (?);
- ромб — 3 + 1 (?);
- миндалевидная форма — 1;
- вытянутый шестиугольник — 1;
- четверть круга — 1;
- неправильные четырехугольники — 11 + 2 (?);
- неправильная форма — 2 + 1 (?).

Ромбы Рюрикова городища (3 штуки) имеют почти симметричную форму. Но среди древнерусских тессер из других регионов встречаются и ромбы с ярко выраженной асимметрией.

Большинство из четырехугольников неправильной формы, видимо, были криво сколоты при обработке, и получившаяся форма случайна. Но у некоторых из них один угол скошен вогнутой дугой (№ 130 в каталоге, илл. 4: 5-а). Возможно, что это не случайная форма, а квадратная тессера, примыкающая в орнаменте к кругу. Однако пока количество таких

• Илл. 4. Сортимент мозаичных тессер из раскопок на Рюриковом городище: 1 — треугольники; 2 — квадраты; 3 — прямоугольники; 4 — ромбы; 5 — неправильные четырехугольники; 6 — четверть круга; 7 — миндалевидная форма; 8 — вытянутый шестиугольник. Фото: М. В. Вдовиченко, В. П. Макарова

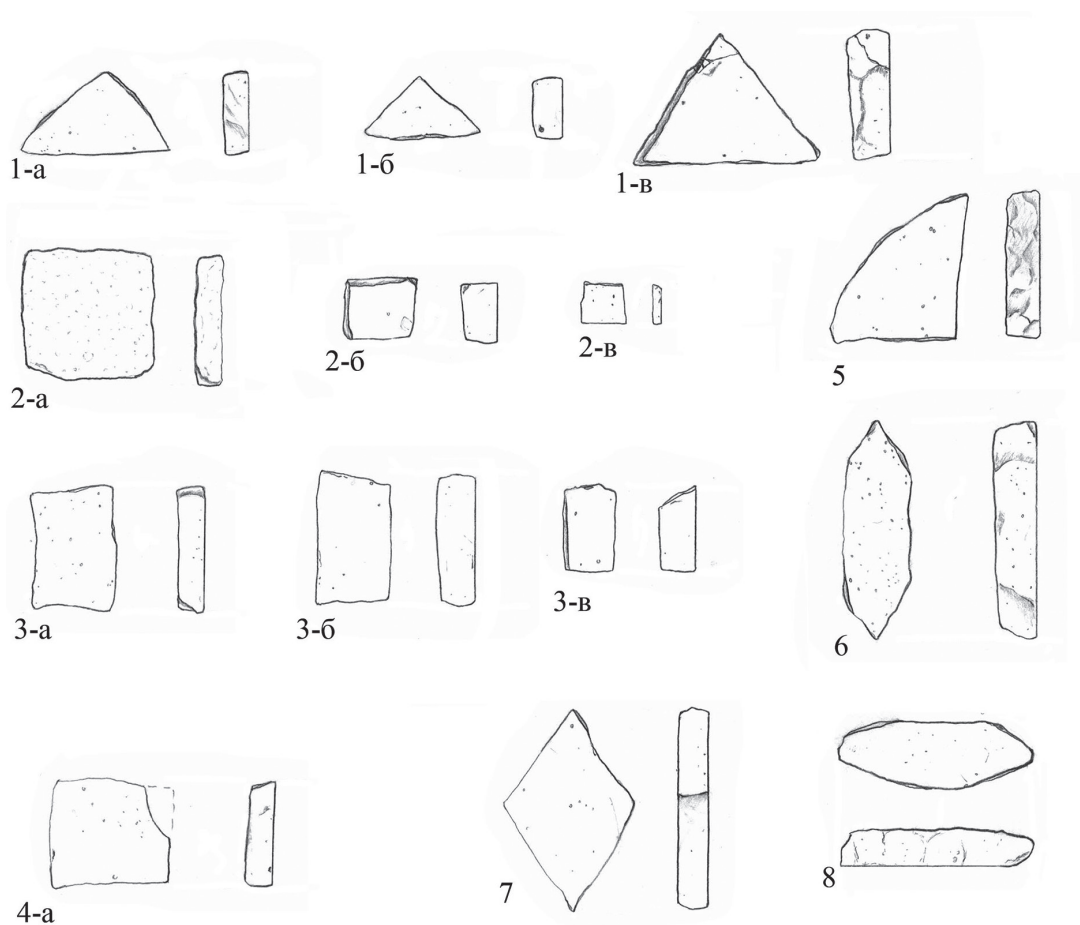
находок не позволяет выделять их в отдельную категорию.

Одна из тессер, найденных при раскопках церкви Благовещения на Рюриковом городище (№ 127 в каталоге), имеет интересную особенность: перекрестие царапин, которое дублируется на верхней и нижней поверхности тессеры (Макарова, 2017. С. 162). Сама тессера имеет неправильную форму, и можно предположить, что перекрестие служило разливкой для обработки тессеры до формы квадрата. Но смальта скололась не по заданным линиям, и получилась

тессера неправильной формы — что, однако, не помешало использовать ее в мозаике.

Тессеры неправильных форм, которые можно было бы принять за производственный брак, нередко встречаются в древней мозаике. Строгое соблюдение форм, видимо, не было принципиально важно для древних мозаичистов. Да и в современной мозаике, особенно на крупных панно, допускаются неровные тессеры. Такие несовершенства, напротив, придают работе «живость».

Цвета тессер. Цветовая гамма древнерусской мозаики очень разнообразна и может на-

• Илл. 5. Сортимент мозаичных тессер из раскопок на Рюриковом городище: 1 — треугольники; 2 — квадраты; 3 — прямоугольники; 4 — неправильный четырехугольник; 5 — четверть круга; 6 — вытянутый шестиугольник; 7 — ромб; 8 — миндалевидная форма. Рисунки: В. П. Макарова

считывать десятки оттенков¹. Однако и это характерно для классической техники мозаики, когда с помощью небольших квадратных тессер («пикселей») передаются сложные композиции, сюжеты, изображения святых и проч. А для орнаментальной мозаики нехарактерно большое разнообразие цветов. Конечно, цвета тессер на одном мозаичном панно могут отличаться, но в этом нет изобразительной задачи, как, напри-

мер, в случае с изображением ликов или складок ткани на одеждах. Поэтому в данном каталоге тессеры не сортируются по разным оттенкам цветов стекольной массы. Указываются лишь основные группы цветов: зеленые тессеры, бордовые, желтые, светло-желтые. В данном случае светло-желтый цвет — это цвет группы, внутри которого оттенки тоже немного отличаются. Сортировать смальту по оттенкам будет правильнее с использованием химических анализов стекольной массы, но это не входит в задачи данного каталога.

Также при описании цвета можно отметить так называемую глушенность стекольной массы, разделив смальту на условно *неглушенную* «прозрачную» или *глянцевую* (хотя вся смальта — не прозрачный материал) и *глушенную* (матовую).

¹ В описании смальты Софии Киевской В. Н. Лазарев, ссылаясь на исследования В. И. Левицкой, приводит следующие цифры: синий — 21 оттенок, золото — 25, серебро — 9, зеленый цвет — 34, желтый — 23, красный — 19, коричневый — 25, фиолетовый — 6, серый — 9 (Лазарев, 1960. С. 143).

На примере бордового цвета разницу стекольной массы можно описать так: цвет неглушенных бордовых тессер похож на камень гранат, а цвет глушенных бордовых тессер иногда описывается в литературе как «печеночный». Тессер из глушенной смальты на Рюриковом городище пока не найдено, или же патины не позволяет достоверно определить цвет массы. Иногда тессеры покрыты таким слоем патины, что сложно даже назвать основной цвет смальты — бордовый или зеленый. Из-за патины некоторые тессеры имеют непримечательный вид и делаются похожими на простой камешек. Но, в отличие от камня, тессера имеет ровную гладкую поверхность, одинаковую толщину и часто заметную и выразительную геометрическую форму.

Патина у желтых тессер светлого оттенка и не мешает определить, что смальта желтая или светло-желтая. У тессер бордового и зеленого цветов часто есть тонкая темная прослойка на нижней поверхности, чего почти никогда не встречается у тессер желтого цвета. Эта прослойка образуется от осадка добавок-глушителей при остывании смальты после варки.

Среди тессер, найденных на Рюриковом городище, преобладают желтые, зеленые и бордовые. Желтых тессер и фрагментов найдено 82 шт., зеленых — 64, бордовых — 34, светло-желтых — 17, и по одной тессере черного и белого (с желтым подтоном) цвета. Среди тессер из Великого Новгорода встречаются также голубые, но на Рюриковом городище ни одной голубой тессеры пока не обнаружено.

Остатки раствора и округлые края тессер. На некоторых тессерах с Рюрикова городища сохранился известковый раствор без добавления цемента (то есть битого кирпича, в данном случае — плинфы), на котором они были инкрустированы в каменные плиты. Следует сказать, что и в других случаях для инкрустации тессер в плиты использовали белый известковый раствор.

На стенах же мозаики выкладывались на трех слоях грунта (Лазарев, 1973. С. 14), и на смальте может остаться часть третьего слоя. Раствор на тессерах из раскопок в Великом Новгороде встречается нечасто. Г. М. Штендер, говоря о мозаиках Софийского собора в Новгороде, отмечал, что он очень непрочный (Штендер, 1968. С. 104). Однако на тессерах с Рюрикова городища раствор все же встречается, что говорит о его качестве.

При изготовлении тессер края «блина» (заготовки смальты) оставляют необработанными, поэтому иногда одна из граней тессеры имеет гладкую закругленную форму, немного сужающуюся по толщине. Среди тессер Рюрикова городища 9 имеют такой край. Например, у тессеры миндалевидной формы (№ 125 в каталоге, илл. 4: 7, 5: 8) один из ее «заостренных» концов берет начало от края блина-заготовки. Участок совсем не большой, но закругленный край можно определить безошибочно.

Судя по археологическим находкам на Рюриковом городище церковь Благовещения 1103 г. была украшена не только фресковой живописью, но и мозаикой из смальты. На данный момент, как уже было сказано выше, найдено не менее 197 тессер и фрагментов, рассеянных как на территории Городища, так и среди руин церкви. На некоторых тессерах сохранился раствор, цемента в его составе нет. Мозаика, судя по найденным тессерам, была выполнена в технике *opus sectile* и принадлежит типу орнаментальной мозаики, когда тессеры относительно крупных размеров и разнообразных геометрических форм формируют декоративный орнамент. Возможно, орнаментальный декор был дополнен небольшими элементами, выполненными в классической мозаичной технике (из небольших квадратных по форме тессер одинакового размера). Возможно, мозаика была инкрустирована в каменные плиты, подобно мозаикам, сохранившимся в алтаре Софийского собора Великого Новгорода. Цвета и формы тессер также схожи с тессерами в декоре Софийского собора. Однако фрагментов плит для инкрустации на Городище пока не найдено. Также нет и свидетельств, указывающих на то, что мозаикой была декорирована именно алтарная часть церкви.

При описании тессер из смальты следует уделять внимание длинам сохранившихся граней и толщине тессеры; помимо цвета стекольной массы отмечать, глушенная она или нет. Отдельно следует отмечать наличие округлой грани у тессеры, т. е. сохранившегося края изначальной заготовки смальты, а также наличие сохранившегося раствора.

На момент составления каталога некоторые тессеры не были переданы в музей, поэтому у них полевые шифры. В каталоге опубликова-

ны только целые или почти целые тессеры. Если длина одной из граней тессеры отсутствует, то это значит, что она (грань) повреждена и оригинальный размер не установить. Фрагменты тессер, форму или первоначальный размер которых нельзя определить, не включены в каталог, но их достоверные данные (цвет, толщина) включены в статистические подсчеты.

В третьем столбце каталога приведены описания тессер по следующим пунктам: 1 — тессера (целая) или фрагмент тессеры; 2 — форма тессеры; 3 — технический цвет смальты; 4 — размер граней тессеры; 5 — толщина тессеры; 6 — раскоп, где была найдена тессера: в ц. Благовещения или же на территории Городища; 7 — год, когда была найдена тессера.

В каталог не вошли также две тессеры: одна треугольная (?) из черного стекла и одна трапециевидная (?) керамическая плитка (поливная?). Стеклоянная тессера не сохранила раствор и имеет большой скол, поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что это мозаичная тессера, а не просто фрагмент изделия из толстого стекла. Керамическая плитка полностью покрыта патиной, поливы не видно, но плитка имеет явные следы формовки и по весу заметно легче смальты. Возможно, в церкви Благовещения на Городище была мозаика не только из смальты, но и из поливных плиток, или же плитками была выложена часть пола. М. К. Каргер находил поливные плитки при раскопках церкви в 1960-х гг. (Жервз, 2019. С. 90).

• КАТАЛОГ МОЗАИЧНОЙ СМАЛЬТЫ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА

I. Треугольники			
1	НГМ КП 48447/20	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 12 × 12 × 17 5. Толщина (мм) 8–9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
2	НОЭ-14 РГ-II-2(85)	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 9 × 13 × 16 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2014	
3	НОЭ-01 РГ-622	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 29 × 35 × 22 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2001	
4	НГМ КП 48447/51	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 14 × 16 × 20 5. Толщина (мм) 7–8 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	

5	НГМ КП 48447/47	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: белый 4. Размеры (мм) 12 × 17 × 12 5. Толщина (мм) 7–8 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	Примечания: цвет имеет желтоватый подтон
6	НГМ КП 25402/220-1-10 А-26/220-3	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 25 × 24 × 23 5. Толщина (мм) 7–8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1967	Примечания: подъемный материал
7	НГМ КП 25402/721-1-3 А-26/721-2	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 25 × 18 × 18 5. Толщина (мм) 6–9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
8	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-16	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 20 × 25 × 18 (дуга) 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
9	НГМ КП 48447/5	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 19 × 28 × 20 5. Толщина (мм) 5–6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
10	НГМ КП 48447/33	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 24 × 25 × 28 5. Толщина (мм) 5–6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
11	НГМ КП 48447/54	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 13 × 19 × 14 5. Толщина (мм) 4–6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	

12	НГМ КП 48447/63	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2017	
13	НГМ КП 48447/22	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
14	НОЭ-01 РГ-524	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2001	
15	НГМ КП 48447/64	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 16 × 30 × 17 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2017	
16	НГМ КП 48447/31	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 15 × 12 × 11 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
17	НГМ КП 48447/66	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 37 × 25 × 27 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
18	НОЭ-09 РГ-57	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) 39 × 41 × 41 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2009	

19	НОЭ-06 РГ-293	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) 28? × 30 × 35 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2006	
20	НОЭ-04 РГ-3	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) 22 × 23 × 31 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2004	Примечания: подъемный материал
21	НГМ НВ 21142 967	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 10 × 12 × 15 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1989	Примечания: подъемный материал
22	НОЭ-07 РГ-275	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 22 × 25 × 32 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2007	
23	НОЭ-06 РГ-759	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) 16 × 19? × 14? 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2006	
24	НОЭ-08 РГ-806	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 15 × 19 × 23 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2008	
25	НГМ КП 48447/56	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 15 × 15 × 23 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2017	

26	НГМ КП 48447/55	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 20 × 25 × 17 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2017	
27	НГМ КП 48447/7	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 18 × 17 × 16 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
28	НГМ КП 48447/40	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 20 × 23 × 27 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
29	НГМ КП 35043/551	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) 28 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: есть округлый край (край заготовки смальты)
30	НГМ КП 48447/11	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
31	НГМ КП 48447/18	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 23 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
32	НГМ КП 48447/30	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: 4. Размеры (мм) 14 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	

33	НГМ КП 48447/16	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 20 × 30 × 28 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
34	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-19	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 11 × 7 × 10 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
35	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-18	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 17 × 17 × 25 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
36	НИАМ 18036-3-1	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1966	Примечания: подъемный материал, окатан
37	НГМ КП 48447/37	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 24 × 25 × 23 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
38	НГМ КП 48447/1	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 10 × 16 × 11 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
39	НГМ КП 48447/67	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 20 × 14 × 16 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	

40	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-3	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 122 × 16 × 15 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
41	НГМ КП 25402/220-1-10 А-26/220-10	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 17 × 11 × 24 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
42	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-21	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник? 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
43	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-4	1. Тессера из смальты 2. Треугольник? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 15 × 17 × 25 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
44	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-33	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник? 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) 13 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
45	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-29	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник? 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) 11 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
46	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-8	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал

47	НГМ НВ 21142 968	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Треугольник? 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 10 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1989	Примечания: подъемный материал
48	НОЭ-07 РГ-713	1. Тессера из смальты 2. Треугольник? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 30 × 32 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2007	
49	НИАМ 18036-3-3	1. Фрагмент? тессеры из смальты 2. Треугольник? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 6 × 10 × 8 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	
II. Прямоугольники			
50	НГМ КП 48447/46	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: зеленый? 4. Размеры (мм) 21 × 20 × 21 × 20 5. Толщина (мм) 8–9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
51	НГМ КП 48447/17	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 24 × 19 × 27 × 19 5. Толщина (мм) 8–9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
52	НГМ КП 48447/2	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 19 × 12 × 17 × 11 5. Толщина (мм) 8–9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	

53	НГМ КП 48447/25	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 11 5. Толщина (мм) 7–8 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
54	НГМ КП 48447/43	1. Тессера из смальты 2. Треугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 14 × 21 × 19 × 13 5. Толщина (мм) 6–8 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
55	НГМ КП 48447/48	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 10 × 15 × 18 × 14 5. Толщина (мм) 6–7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
56	НГМ КП 48447/12	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 23 × 16 × 25 × 17 5. Толщина (мм) 5–6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
57	НГМ КП 48447/28	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 15 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
58	НОЭ-03 РГ-440	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 24 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2003	
59	НГМ КП 48447/3	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 21 × 17 × 22 × 13 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	

60	НГМ КП 48447/44	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 29 × 13 × 26 × 12 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
61	НГМ КП 48447/19	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник? 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 18 × 17 × 19 × 18 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
62	НГМ КП 48447/14	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 28 × 22 × 23 × 25 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
63	НГМ КП 48447/34	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 18 × 9 × 17 × 8 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
64	НИАМ КП 18518 А-90/199	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 22 × 12 × 20 × 14 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: есть округлый край (край заготовки смальты)
65	НГМ КП 48447/21	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 15 × 21 × 21 × 10 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
66	НОЭ-09 РГ-176	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: 4. Размеры (мм) 27 × 13 × 26 × 16 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2009	

67	НОЭ-09 РГ-604	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: светло-серый 4. Размеры (мм) 20 × 12 × 20 × 11 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2009	
68	НОЭ-07 РГ-1153	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 22 × 12 × 20 × 12 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2007	
69	НИАМ 18036-9	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 8 × 14 × 8 × 14 5. Толщина (мм) 8–9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1966	Примечания: подъемный материал
70	НИАМ 18036-7	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 14 × 15 × 10 × 9 5. Толщина (мм) 7–8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1966	Примечания: подъемный материал
71	НИАМ 18036-5	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 13 × 7 × 12 × 9 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1966	Примечания: подъемный материал
72	НГМ КП 25402/544-1-2 А-26/544-2	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: желтый? 4. Размеры (мм) 11 × 8 × 8 × 12 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
73	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-22	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 6 × 8 × 6 × 8 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал

74	НГМ КП 25402/721-1-3 А-26/721-1	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 13 × 9 × 12 × 9 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
75	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-26	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 10 × 7 × 9 × 7 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1976	Примечания: подъемный материал
76	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-1	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 40 × 14 × 38 × 14 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
77	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-7	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 9 × 6 × 9 × 4 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
78	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-14	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 11 × 8 × 11 × 8 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
79	НОЭ-09 РГ-264	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник? 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 34 × 12 × 33 × 16 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2009	
80	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-17	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 10 × 7 × 10 × 5 5. Толщина (мм) 12 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал

81	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-10	1. Тессера из смальты 2. Прямоугольник? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 12 × 7 × 12 × 7 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
82	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-20	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Прямоугольник? 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) 7 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
83	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-24	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Прямоугольник? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 8 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
III. Квадраты			
84	НГМ КП 48447/27	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 24 × 23 × 26 × 25 5. Толщина (мм) 8–9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
85	НГМ КП 48447/53	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 15 × 17 × 17 × 14 5. Толщина (мм) 7–8 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
86	НГМ КП 48447/13	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 23 × 22 × 22 × 22 5. Толщина (мм) 7–8 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	

87	НГМ КП 48447/32	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 20 × 17 × 20 × 15 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
88	НГМ КП 48447/24	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 21 × 18 × 21 × 22 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
89	НГМ КП 48447/61	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 23 × 26 × 25 × 23 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2017	
90	НГМ КП 48447/26	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 11 × 12 × 9 × 11 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
91	НГМ КП 48447/58	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 16 × 16 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2017	
92	НГМ КП 48447/36	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 8 × 8 × 9 × 8 5. Толщина (мм) 3 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
93	НОЭ-98 РГ-87	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 1 × 1 × 1 × 1 5. Толщина (мм) 2 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1998	

94	НОЭ-07 РГ-1142	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2007	
95	НОЭ-06 РГ-906	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 27 × 25 × 26 × 25 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2006	Примечания: тяжелый на вес
96	НИАМ 18036-1	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 30 × 26 × 26 × 27 5. Толщина (мм) 9–10 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1966	Примечания: подъемный материал
97	НГМ КП 25402/544-1-2 А-26/544-1	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 11 × 10 × 13 × 10 5. Толщина (мм) 6–7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
98	НИАМ 18036-6	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 14 × 12 × 14 × 12 5. Толщина (мм) 6–7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1966	Примечания: подъемный материал
99	НИАМ 18036-2	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 13 × 13 × 13 × 13 5. Толщина (мм) 5–6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1966	Примечания: подъемный материал
100	НГМ КП 25402/220-1-10 А-26/220-2	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 17 × 17 × 16 × 17 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал

101	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-27	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) 22 × 22 × 24 × 10 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
102	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-31	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 10 × 10 × 10 × 9 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
103	НГМ КП 25402/220-1-10 А-26/220-7	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 14 × 13 × 11 × 15 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
104	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-25	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 8 × 10 × 10 × 9 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
105	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-23	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 10 × 10 × 12 × 11 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
106	НИАМ 18036-4	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 15 × 18 × 16 × 18 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1966	Примечания: подъемный материал
107	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-13	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: 4. Размеры (мм) 10 × 10 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал

108	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-9	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 12 × 10 × 9 × 11 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
109	НГМ КП 25402/293-1-5 А-26/293-3	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 15 × 17 × 15 × 16 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
110	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-15	1. Тессера из смальты 2. Квадрат 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 14 × 16 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
111	НГМ НВ 21142 969-2 НОЭ-89 РГ-113	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Квадрат? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 17 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1989	
112	НГМ КП 48447/59	1. Тессера из смальты 2. Квадрат? 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 14 × 13 5. Толщина (мм) 5 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2017	
113	НГМ КП 25402/187 А-26/187	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Квадрат? 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 7–9 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	
114	НОЭ-06 РГ- 1130	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Квадрат? 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 20 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2006	

115	НОЭ-97 РГ-1167	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Квадрат? 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 1997	
116	НГМ КП 25402/555 А-26/555	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Квадрат? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 11 × 15 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
117	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-2	1. Тессера из смальты 2. Квадрат? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
118	НГМ КП 25402/220-1-10 А-26/220-9	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Квадрат? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
IV. Ромбы			
119	НГМ КП 25402/220-1-10 А-26/220-8	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Ромб? 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 4 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
120	НГМ КП 48447/39	1. Тессера из смальты 2. Ромб 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 25 × 25 × 24 × 21 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	

121	НГМ КП 48447/10	1. Тессера из смальты 2. Ромб 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 27 × 23 × 24 × 26 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
122	НГМ КП 48447/38	1. Тессера из смальты 2. Ромб 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 20 × 20 × 24 × 20 5. Толщина (мм) 6–7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	Примечания: возможно, цвет зеленый (сложно определить из-за сильной патины)
V. Четверти круга			
123	НГМ КП 48447/23	1. Тессера из смальты 2. Четверть круга 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 27 × 31 × дуга 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
VI. Вытянутые шестиугольники			
124	НГМ КП 48447/65	1. Тессера из смальты 2. Вытянутый прямоугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 30 × 10 × 14 × 24 × 15 × 10 (длина и ширина: 47 × 14) 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2017	
VII. Миндалевидная форма			
125	НОЭ-11 РГ-268	1. Тессера из смальты 2. Миндалевидная форма 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) макс. длина и ширина 42 × 19 5. Толщина (мм) 6–7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. 2011	Примечания: есть округлый край (край заготовки смальты)

VIII. Неправильные четырехугольники			
126	НГМ КП 48447/8 СД-1738 ГК 18381969	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Неправильный четырехугольник 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 18 × 22 5. Толщина (мм) 8–9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
127	НГМ КП 48447/50 СД-1790 ГК 18381888	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Неправильный четырехугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 22 5. Толщина (мм) 8–9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
128	НГМ КП 48447/4 СД-1734 ГК 18381983	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Неправильный четырехугольник 3. Цвет: светло-желтый 4. Размеры (мм) 19 5. Толщина (мм) 6–7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
129	НГМ КП 48447/15 СД-1745 ГК 18381929	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Неправильный четырехугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 23 × 25 5. Толщина (мм) 6–7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
130	НГМ КП 48447/45 СД-1785 ГК 18381911	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Неправильный четырехугольник? 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 22 × 25 5. Толщина (мм) 5–6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	Примечания: один из углов имеет старый скол по вогнутой дуге. Возможно, это специальная форма для присоединения к округлому элементу
131	НГМ КП 48447/49 СД-1788 ГК 18381970	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Неправильный четырехугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 18 × 9 × 17 5. Толщина (мм) 9 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	

132	НГМ КП 48447/29 СД-1759 ГК 18381912	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Неправильный четырехугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 25 × 25 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
133	НГМ КП 48447/9 СД-1739 ГК 18381941	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Неправильный четырехугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 28 × 25 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: ц. Благовещения на Городище 7. 2016	
134	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-30	1. Тессера из смальты 2. Неправильный четырехугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 12 × 15 × 27 × 12 5. Толщина (мм) 5–6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал, есть округлый край (край заготовки смальты)
135	НГМ КП 25402/220-1-10 А-26/220-6	1. Тессера из смальты 2. Неправильный четырехугольник 3. Цвет: бордовый 4. Размеры (мм) 14 × 14 × 20 × 16 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
136	НГМ КП 25402/545-1-34 А-26/545-6	1. Тессера из смальты 2. Неправильный четырехугольник 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) 11 × 12 × 10 × 9 5. Толщина (мм) 6 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
137	НГМ КП 18518 А-90/271 РГ-68	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Неправильный четырехугольник? 3. Цвет: желтый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 2 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал

IX. Неправильные формы			
138	НГМ КП 25402/293-1-5 А-26/293-1	1. Тессера из смальты 2. Неправильная форма 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 20 × 25 5. Толщина (мм) 4–5 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
139	НГМ КП 25402/293-1-5 А-26/293-2	1. Тессера из смальты 2. Неправильная форма 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) 14 × 12 × 10 × 17 5. Толщина (мм) 8 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал
140	НГМ КП 25402/220-1-10 А-26/220-1	1. Фрагмент тессеры из смальты 2. Неправильная форма? 3. Цвет: зеленый 4. Размеры (мм) - 5. Толщина (мм) 7 6. Раскоп: Рюриково городище 7. –	Примечания: подъемный материал

Список литературы

- Жервэ А. В. Поливные керамические плитки из раскопок церкви Благовещения на Городище // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 90–99.
- Каргер М. К. Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: краткие отчеты и сведения. Л.: изд-во АН СССР, 1941. 328 с.
- Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М.: Искусство, 1960. 213 с.
- Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. М.: Искусство, 1973. 456 с.
- Макарова В. П. Находки мозаичной смальты из раскопок ц. Благовещения на Городище (XII в.) в 2016 г.: к вопросу о мозаичной смальте в Великом Новгороде и окрестностях // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31. Материалы XXXI научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода / отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород: Любавич, 2017. С. 158–163.
- Макарова В. П. Мозаичная смальта XII в. из раскопок церкви Благовещения на Городище 1103 г. // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 100–105.
- Матвеев В. Н. Омфалий в декоре полов церковей домонгольской Руси // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. ст. Вып. 6. СПб.: НП-Принт, 2016. С. 206–217.

Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.

Седов Вл. В. Основные результаты раскопок церкви Благовещения на Городище в 2016–2017 гг.: археология и архитектура // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 10–34.

Штендер Г. М. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода / ред. В. Н. Лазарев [и др.]. М.: Наука, 1968. С. 83–107.

References

- Gervais A. V. Polivnye keramicheskie plitki iz raskopok tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 90–99.
- Karger M. K. Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR 1934–1936 gg.: kratkie otchety i svedeniya. Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. 328 p.
- Lazarev V. N. Mozaiki Sofii Kievskoy. Moscow: Iskusstvo, 1960. 213 p.
- Lazarev V. N. Drevnerusskie mozaiki i freski XI–XV vv. Moscow: Iskusstvo, 1973. 456 p.
- Makarova V. P. Nakhodki mozaichnoy smal'ty iz raskopok ts. Blagoveshcheniya na Gorodishche (XII v.) v 2016 g.: k voprosu o mozaichnoy smal'te v Velikom Novgorode

i okrestnostyakh // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhеologiya. 31. Materialy XXXI nauchnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 85-letiyu arkhеologicheskogo izucheniya Novgoroda / ed. E. N. Nosov. Velikiy Novgorod: Lyubavich, 2017. P. 158–163.

Makarovа V. P. Mozaichnaya smal'ta XII v. iz raskopok tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche 1103 g. // Arkhitekturnaya arkhеologiya. 2019. 1. P. 100–105.

Matveev V. N. Omfaliy v dekore polov tserkvey domongol'skoy Rusi // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sbornik nauchnykh statey. 6. St. Petersburg: NP-Print, 2016. P. 206–217.

Nosov E. N., Plokhov A. V., Khvoshchinskaya N. V. Ryurikovo gorodishche. Novye etapy issledovaniy. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2017. 288 p.

Sedov V. I. Osnovnye rezul'taty raskopok tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche v 2016–2017 gg.: arkhеologiya i arkhitektura // Arkhitekturnaya arkhеologiya. 2019. 1. P. 10–34.

Shtender G. M. K voprosu ob arkhitekture malykh form Sofii Novgorodskoy // Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura Novgoroda / ed. V. N. Lazarev [et al.]. Moscow: Nauka, 1968. P. 83–107.

Illustrations

Fig. 1. Preserved *in situ* mosaic slab on the southeast pillar of the central apse, view from the north. Photo by A. A. Gippius, S. M. Mikheev, 2017

Fig. 2. Preserved *in situ* mosaic slab on the north-eastern pillar of the central apse, view from the south. Photo by A. A. Gippius, S. M. Mikheev, 2017

Fig. 3. Diagram of tesserae thicknesses from Ryurik Gorodishche (settlement)

Fig. 4. The range of mosaic tesserae from excavations on Ryurik Gorodishche: 1 — triangles; 2 — squares; 3 —

rectangles; 4 — rhombuses; 5 — irregular quadrangles; 6 — quarter circles; 7 — almond-shaped form; 8 — elongated hexagon. Photo by M. V. Vdovichenko, V. P. Makarova

Fig. 5. The range of mosaic tesserae from the excavations at the Ryurik Gorodishche: 1 — triangles; 2 — squares; 3 — rectangles; 4 — irregular rectangle; 5 — quarter circle; 6 — elongated hexagon; 7 — rhombus; 8 — almond-shaped form. Drawings by V. P. Makarova.

V. P. Makarova. Catalogue of mosaic smalt from excavations in Ryurik Gorodishche in Veliky Novgorod

Abstract. This catalogue presents the smalt found within the confines of the Ryurik Gorodishche (settlement), the location of the renowned Church of the Annunciation, built in 1103. The church probably featured decorative mosaics made of smalt using the *opus sectile* technique. Fragments of these mosaics, in the form of tesserae, were scattered across the old church site and the area of Ryurik Gorodishche after the church's destruction in 1342–1343, followed by the construction of a new church. The main purpose of this article is to publish the catalogue and provide a detailed description of the smalt collection from the Ryurik Gorodishche, while also establishing a classification system for the tesserae of ornamental mosaics.

Keywords: mosaics, smalt, tesserae, Church of the Annunciation on the Gorodishche, Ryurik Gorodishche, Veliky Novgorod, catalogue.

Makarova Valeriya Pavlovna, M. A., Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 18-A Dvortsovaya Emb., 191186 St. Petersburg, Russian Federation, makarova.valeria@gmail.com.

Керамические плитки из раскопок Белгорода Киевского: вопросы атрибуции, хронологии и происхождения мастеров

В. Н. МАТВЕЕВ

ДРЕВНЕРУССКИЙ город Белгород (современное село Белгородка) располагался к юго-западу от Киева на берегу реки Ирпень. Первые археологические исследования были проведены здесь еще в 1877 г. В. Б. Антоновичем и И. П. Хрущевым (Линьова, 1991. С. 57). Полноценные раскопки состоялись уже в начале XX в. под руководством В. В. Хвойки, которому удалось исследовать остатки двух каменных храмов¹ и нескольких деревянных построек. В 1961 г. церковь Апостолов была исследована П. Д. Барановским и В. А. Богусевичем (Асеев, 1970. С. 33), а полное исследование обеих построек было проведено в 60-х гг. XX в. как часть больших раскопок в Белгороде под руководством Г. Г. Мезенцевой (Мезенцева, 1980. С. 40). Раскопки храма Апостолов были осуществлены в 1966–1967 гг. кафедрой истории искусств Киевского художественного института под руководством Ю. С. Асеева (Асеев, 1970. С. 33), а Малого храма — в 1968–1969 гг. экспедицией московского Института археологии под руководством Б. А. Рыбакова (Рыбаков, Николаева, 1970. С. 286).

Полученные в результате изучения обоих храмов данные позволили в целом определить их место в истории древнерусской архитектуры и очертить, хотя бы примерно, тот круг памятни-

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-411-1.154-171>

Аннотация. В ходе работ по изучению архитектурного комплекса на детинце древнерусского Белгорода в начале XX в. и в конце 1960-х гг. была собрана большая коллекция разнообразных керамических плиток, по которым можно проследить весьма широкие архитектурные связи белгородских мастеров. Они простираются от Византии до северо-восточной Руси, от Волыни и до Рязани, что свидетельствует об аккумуляции в Белгороде всех лучших образцов керамических плиток того времени. Остается только пожалеть, что памятники дошли до нас в таком плохом состоянии и многие данные об их первоначальном декоре уже навсегда утеряны.

Ключевые слова: Белгород Киевский, храм Апостолов, Малый храм, керамические плитки, мозаика, опус сектиле.

Матвеев Василий Николаевич — младший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190000, vmatveev88@inbox.ru.

¹ Церковь Апостолов была вскрыта почти полностью, Малый храм был изучен фрагментарно путем закладки траншей вдоль стен существующей на момент исследований поздней деревянной церкви.

ков, в который входят белгородские постройки. Это определение было сделано исследователями (*Раппопорт*, 1988. С. 272; *Торшин*, 1996. С. 54) на основании сравнения планов построек и использованных в них строительных материалов. Керамические плитки при этом упоминаются вскользь, да и в целом богатый плиточный декор белгородских построек еще пока не становился предметом отдельного исследования. Задачами данной статьи являются сведение воедино всех разрозненных по публикациям, отчетам и музейным собраниям данных о плиточном убранстве построек Белгорода и, на основании этого, попытка очертить круг построек, в которых использовались аналогичные плитки, а в конечном итоге — попытка решения вопроса о происхождении мастеров, которые изготовили плитки, использовавшиеся в постройках Белгорода.

Храм Апостолов

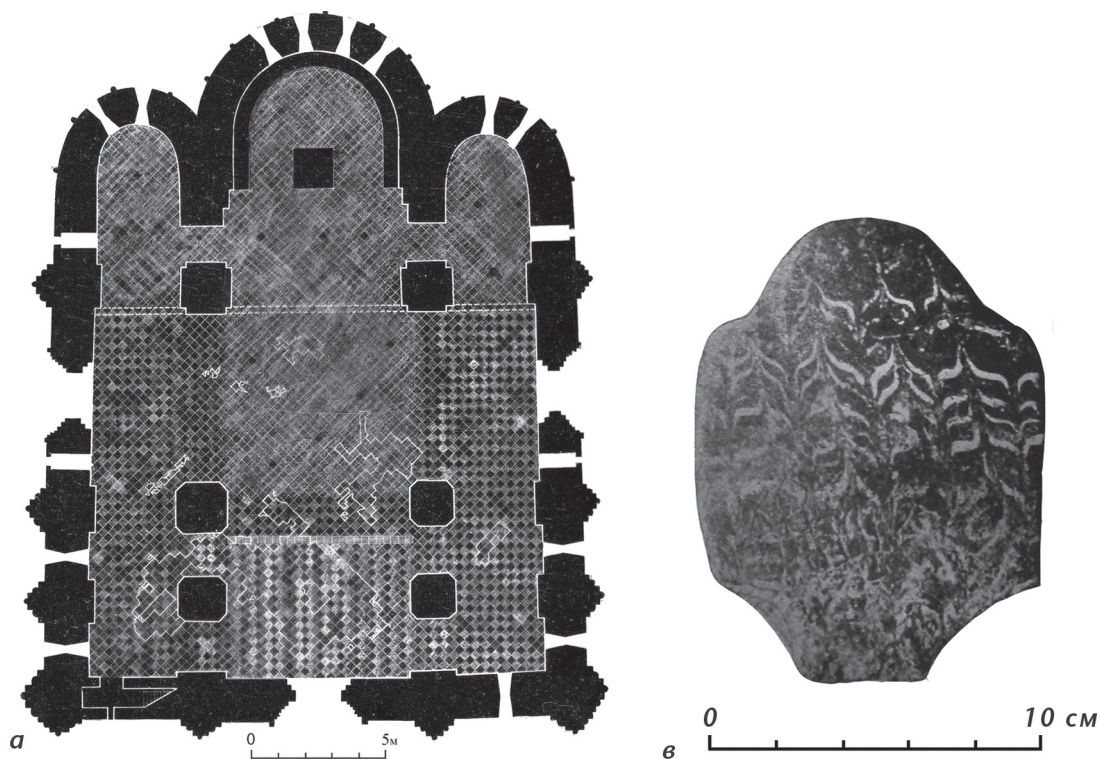
Памятник был построен по заказу князя Рюрика Ростиславича в 1197 г., в Ипатьевской летописи он описан так: «Церковь выотою же и величеством, и прочим украшением всем на диво удобрена» (ПСРЛ, 1908. Т. II. Стлб. 706). Археологические раскопки подтвердили летописное сообщение о богатом декоре храма, в убранстве которого плитки использовались как для пола, так и, вероятно, стен.

Пол был открыт раскопками В. В. Хвойки (*Хвойка*, 2008. С. 100) и исследован П. Д. Барановским, В. А. Богусевичем и Ю. С. Асеевым (илл. 1: а, б). Он был выложен плитками квадратной формы одинаковых размеров (сторона 25–27 см, толщина 2–3 см), покрытых поливой трех цветов (желтого, зеленого и темно-коричневого) и уложенных под углом 45° к стенам на слое глины (*Асеев*, 1970. С. 33). Монотонную равномерную выкладку оживляли идущие параллельно стенам цветные дорожки, образованные чередованием разных цветов поливы. В южном нефе это были желтый и темно-коричневый, в северном — желтый и зеленый, в центральном и в апсидах — темно-коричневый и темно-зеленый (*Асеев*, 1970. С. 33). Судя по плану раскопок Хвойки (Дело..., 1909. С. 74), цветные полосы не шли от стены к стене, а образовывали несколько секторов. Из-за плохой сохранности древнерусских полов у нас нет возможности судить о том, насколько широко распространен был такой прием. В памятниках, где выкладка пола

из квадратных плиток сохранилась лучше всего (Спасская церковь в Переславле Южном (*Каргер*, 1954. С. 12) и бесстолпный храм на детинце в Смоленске (*Воронин*, *Раппопорт*, 1967. С. 295)), цветные дорожки проходят через всю площадь храма, но в обоих случаях это маленькие однонефные постройки. О возможной выкладке пола секторами в трехнефном храме Бориса и Глеба на Смядыни пишут Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт (*Воронин*, *Раппопорт*, 1979. С. 52), однако там эти участки выкладок разделялись треугольными плитками, а в церкви Апостолов они найдены не были. На данный момент достоверных аналогов выкладке пола секторами в церкви Апостолов в Белгороде не найдено, поэтому судить о происхождении этой орнаментальной схемы нет возможности.

Плитки, лежащие в апсидах, идентичны плиткам наоса как по своим размерам, так и по технике изготовления: они были сформованы в неразъемной рамке с дном, о чем свидетельствуют округлый переход от вертикальных торцов к нижней постели и закраина на переходе к верхней. Обжиг равномерный, керамическая масса однородного бежевого цвета. Отличительной чертой плиток из апсид является их декор (илл. 5: б): в монохромную поливу были вплавлены стеклянные фрагменты вытянутой формы другого цвета (*Полонская*, 1911. С. 58.). Плитки с таким декором были найдены, кроме храма Апостолов, еще только в трех постройках. Первая — храм Гнилецкого монастыря под Киевом (рубеж XII–XIII вв.), где они были найдены *in situ* в северо-восточном углу здания (*Харламов*, 1985. С. 119). Вторая — церковь в Карачеве, которая, вероятно, была построена князем Святославом Всеволодовичем (*Поляков*, 1996. С. 7), т. е. относилась ко времени до 1194 г., и в руинах которой была найдена одна такая плитка (илл. 5: а) (*Миненко*, *Яганов*, 2014. С. 218). Также плитки с таким декором были обнаружены под руинами Малого храма, и, скорее всего, относились к убранству найденной под его остатками (илл. 3: н; илл. 5: в) деревянной церкви¹. Широкие датировки церквей в Карачеве и в Гнилецком монастыре, а также развала в руинах Малого храма в Белгороде не позволяют определить, в каком из памятников

¹ Подробнее о плитках Малого храма и деревянной церкви см. ниже.

• Илл. 1. Собор Апостолов: а — план (Непомнящих, 2010. С. 146); б — вид пола во время раскопок В. В. Хвойки (Полонская, 1911. Табл. I); в — плитка из деревянной постройки вблизи собора Апостолов (Полонская, 1911. С. 63)

такой орнаментальный мотив появился впервые. Можно только отметить, что почти все постройки, в которых использовались эти плитки, связаны с одной группой мастеров. Храм в Карачеве, скорее всего, был сооружен единой киево-черниговской артелью Святослава Всеволодовича (*Раннопорт*, 1984. С. 106), которая в 90-х гг. XII в. разделяется на несколько групп. Одна из них строит храмы Василия в Овруче (около 1190 г.), Апостолов в Белгороде (1197 г.) и Пятницы в Чернигове (нач. XIII в.), а вторая — Малый храм в Белгороде и церковь Гнилецкого монастыря¹ (Там же). Датировка деревянной церкви не ясна, предположительно, относится она к последней четверти XII в. Следует отметить, что все плитки с таким декором связаны с одним кругом мастеров, работавших в Киевской и Черниговской землях на рубеже XII–XIII вв. У нас нет достаточных оснований утверждать, что все они были созданы одним конкретным человеком: возможно, в артелях, сооружавших храм Апостолов и церковь Гнилецкого монастыря, работали разные плиточники, — но использование в близкое время очень редкого приема декорирования свидетельствует об их связи. Отсутствие таких плиток в других объектах, возведенных этой артелью или ее частями, может объясняться условиями заказа или тем, что они просто не были обнаружены.

В отличие от хорошо сохранившегося и тщательно зафиксированного декора пола, плиточное убранство стен известно гораздо хуже. Во время раскопок В. В. Хвойки стены храма Апостолов, по описаниям, еще сохранялись на высоту до 2 м (*Раскопки...*, 1912. С. 103), но их графическая фиксация отсутствует, а имеющиеся фотографии не передают деталей, из-за чего судить о них можно только по кратким словесным описаниям. При раскопках в 60-х гг. XX в. кладки стен уже не было, и ценная информация об их декоре оказалась безвозвратно утрачена.

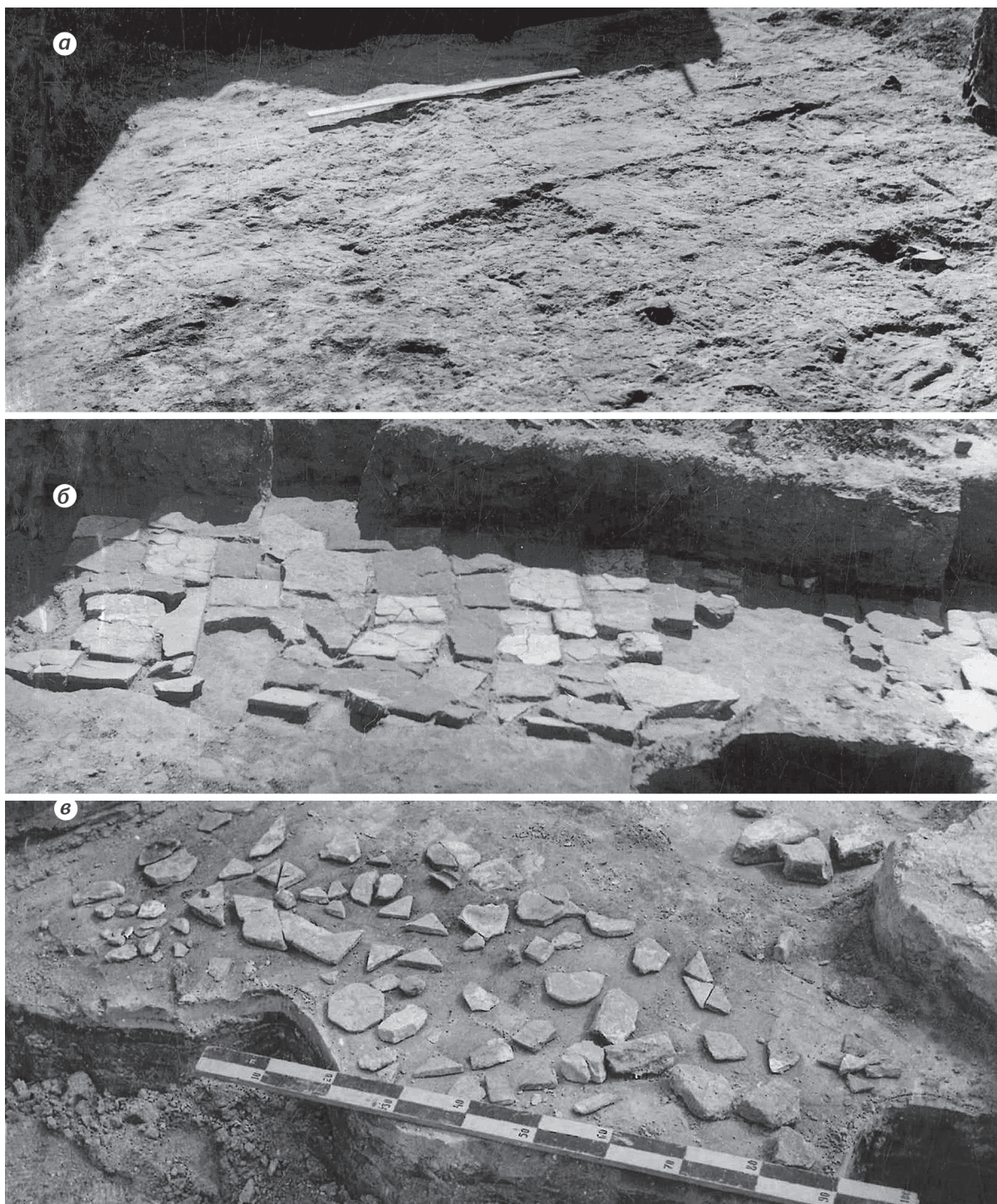
По сведениям Н. Д. Полонской, «внутренние стены были облицованы плитками, покрытыми мозаичными узорами, преимущественно пальметками и стилизованными лилиями <...> Встречаются и плитки другого типа — одноцветные, разной формы и цвета, из которых, различно ком-

бинируя их, можно было составлять геометрические узоры» (*Полонская*, 1911. С. 59). Все они размещались в нижней части стен, под фресками на уровне не выше человеческого роста, и очевидно являлись заменой росписей, имитирующих ткань или плиты мрамора (*Орлова*, 1976. С. 84). Такие росписи отделяли находящихся в храме от изображений святых или священных событий, причем как метафизически, так и утилитарно, чтобы они не истирались телами и одеждой людей (*Сарабянов*, 2013. С. 175). Убранство керамическими плитками внутренних поверхностей стен не известно ни в каком другом памятнике на территории Руси, но присутствует в архитектуре Константинополя (*Gerstel*, 2012. Р. 53–56), где они употреблялись в первую очередь как карнизы или панели для инкрустации и исчезли из употребления с конца XI в. Монохромные плитки разных форм подражали стеновым мозаикам *opus sectile*, которые на Руси использовались только два раза: это выкладки из крупной смальты над синтронами в Софийских соборах Киева (*Логвин*, 2001. С. 162) и Новгорода (*Штендер*, 1968. С. 104), относящиеся к первой половине — середине XI в. Скорее всего, прием покрытия стен интерьера плитками имеет местное происхождение и, с большой долей вероятности, был изобретен мастерами князя Рюрика, как, например, золотые фоны фресок на стенах церковью Апостолов в Белгороде и Василия в Овруче.

Есть сведения, что орнаментированные плитки, «подделанные под мрамор и другие камни» (*Раскопки...*, 1912. С. 103), были размещены и на наружных поверхностях стен. Если это описание соответствует действительности, то имеются в виду плитки с разнообразными разводами по поливе, часто встречающиеся в декоре полов храмов Руси. И как последние являются имитацией мраморных плит пола, так стеновые орнаментированные плитки наверняка подражали мраморной облицовке фасадов, изредка используемой для декора стен в византийской архитектуре (*Оустерхаут*, 2005. С. 248).

Более подробно описано убранство наружной стороны западной стены, на которой были размещены прямоугольные плитки размером 24 × 10,5 см и толщиной 5,5 см, покрытые одноцветной поливой (*Полонская*, 1911. С. 59). Аналог такого орнаментального приема на Руси найти легко — это выкладки на стенах церковью в Гродно: Бориса и Глеба на Коложе (*Воронин*, 1954.

¹ Даты постройки этих двух памятников приблизительно, они датируются концом XII — началом XIII в.

• Илл. 2. Раскопки Б. А. Рыбаковым малого храма: а — отпечатки керамических плиток на заливке пола малого храма (Рыбаков, Николаева, 1969. Л. 8); б — выкладка керамическими плитками подошвы фундамента южной стены малого храма (Рыбаков, Николаева, 1969. Л. 11); в — заливка пола деревянного храма с керамическими плитками (Рыбаков, Николаева, 1968. Л. 7)

С. 90–91), Нижней (Там же. С. 110) и, вероятно, Пречистенской (Чернявский, 1988. С. 75). Исследователями уже давно отмечена связь церкви Апостолов с архитектурой Гродно: по мнению П. А. Раппопорта, артель мастеров, строившая храм Апостолов, либо возглавлялась выходцем из Гродно Петром Милонегом (Раппопорт, 1987. С. 21–22), либо вся была из этого региона, ведь строительство там прекращается как раз к началу работ у князя Рюрика Ростиславича (Раппопорт, 1988. С. 277). Е. Н. Торшин отмечает, что еще одним признаком работы гродненских мастеров являются западные восьмигранные столбы (Торшин, 1996. С. 56). При этом такие важные признаки гродненского зодчества, как вставленные в стены полированные камни и выкладки из плиток с элементами плетения в качестве декора полов, в храме Апостолов отсутствуют. Также надо отметить, что плитки на стенах церквей в Гродно образовывали фигуративные композиции (кресты), а вот в каком порядке они были выложены на фасадах церкви Апостолов, неизвестно. Из этого следует, что если какой-то гродненский мастер и принимал участие в работах в храме Апостолов, то перед ним были поставлены совершенно другие условия заказа: плитки на стенах были размещены, но другой формы и размеров. Сомнения вызывает и чрезвычайно большая толщина плиток, которая, судя по тексту Н. Д. Полонской, составляет 5,5 см. Она не чрезмерная, в архитектуре Руси можно найти примеры плиток с такой же толщиной на хорах Софийского собора в Киеве (Тоцька, Ёрко, 1976. С. 121) и на Крылоской горе в Галиче (Матвеев, 2016. С. 127). Однако размеры этих изделий дают возможность предположить использование не плиток, а плинфы с поливой. На Руси есть пример использования ее для декора пола — в апсиде Спасского собора в Новгород-Северском (Большаков и др., 1989. С. 51), но размер ее там — 20 × 21 см, а толщина — 3–4 см. Из-за отсутствия более подробных данных убедительных доказательств, какой именно материал (плитки или плинфа) использовался для декора фасада западной стены, нет. Однако если все же какой-либо строительный материал с поливой был использован, то это говорит о наличии в составе артели мастера, который работал параллельно с укладкой стеновых плинф, а не был приглашен позже.

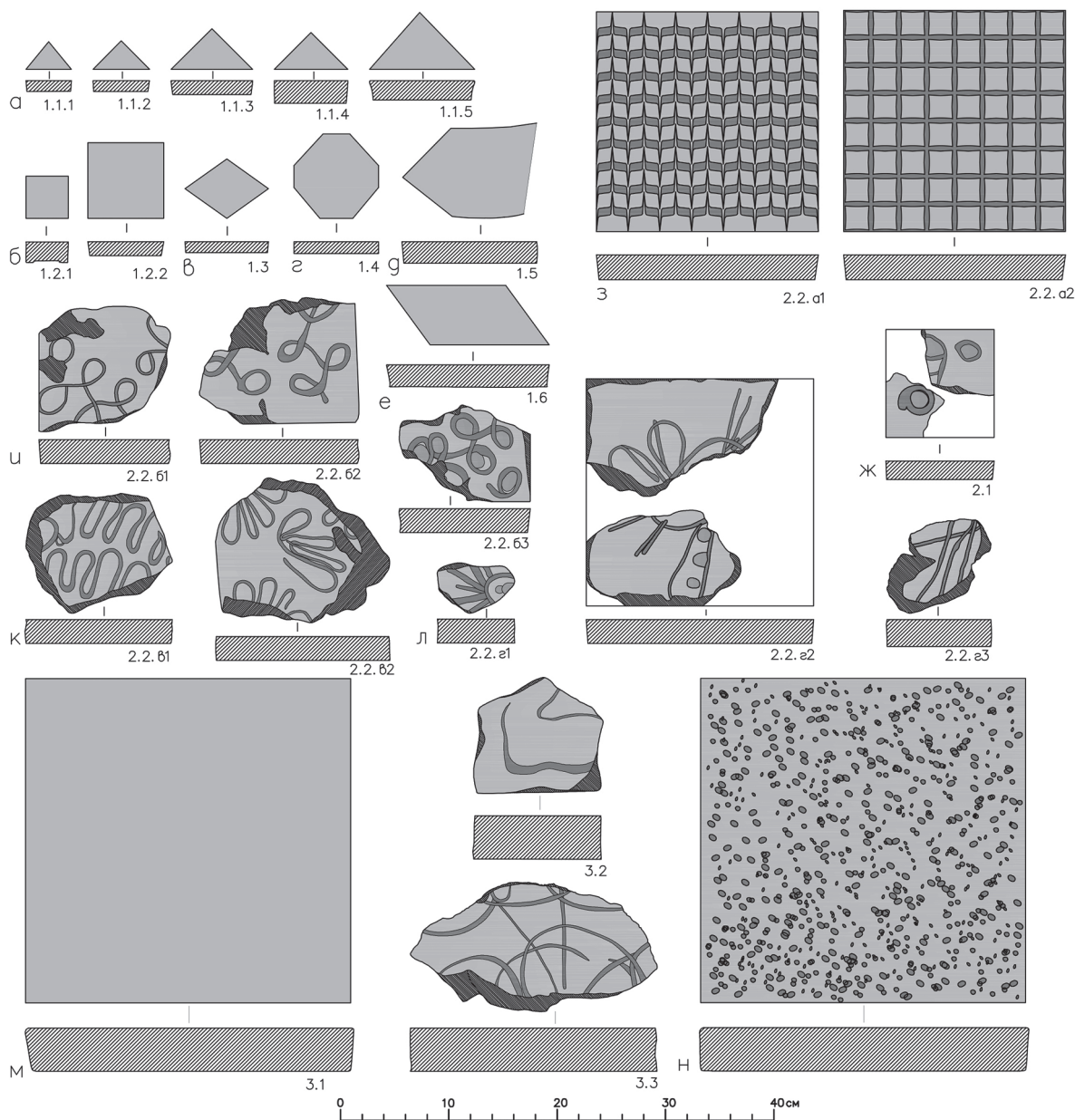
Также есть упоминание необычного приема декора плиток «всевозможных рисунков и цве-

тов», в которых «эмаль заливалась в борозды на кирпиче» (Раскопки..., 1910. С. 182), т. е. инкрустации. Однако сообщение очень туманно и без подробностей, и непонятно, где бы они могли быть использованы. Эта техника чрезвычайно редко использовалась, известно только три случая ее применения: в церкви-усыпальницы в Полоцке (Матвеев, 2017а. С. 344), церкви Спаса в Галиче (Матвеев, 2017б. С. 158) и церкви на Окопном кладбище в Смоленске (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 296). Но поскольку изображений плиток нет и как точно они выглядели, неизвестно, то невозможно что-либо достоверно утверждать об их происхождении или связях.

Плиточное убранство храма Апостолов было чрезвычайно богатым. Пол наоса был декорирован квадратными плитками, образующими несколько секторов, аналогов чему найти не удалось. В апсидах лежали плитки с «пестрым декором», встречавшиеся только в двух памятниках рубежа XII–XIII вв., в Киевской и Черниговской землях и деревянной церкви в Белгороде. Это позволяет предположить либо работу одного конкретного мастера, либо использование декоративной схемы, характерной для определенного узкого круга мастеров, связанных сперва с единой киево-черниговской артелью, а потом унаследованной ее двумя разделившимися частями. Монохромные экстерьерные плитки, с большой долей вероятности, являются свидетельством работы мастера из Гродно, где зафиксирован такой прием декора фасадов. Интерьерные расписные стеновые плитки, насколько можно судить о них по скурым словесным описаниям, заменяли полилиту, мозаичные — подражали выкладкам опус сектиле. Эти элементы декора уникальны и, возможно, были выполнены гродненскими мастерами (которые единственные устанавливали плитки на стены) по специальному поручению князя, желавшего, чтобы его храм подражал Софийским соборам периода расцвета Руси или византийским церквям.

Малый храм

Памятник был обнаружен В. В. Хвойкой к юго-востоку от храма Апостолов под поздней деревянной церковью, а вся площадь храма (илл. 4), за исключением уничтоженного воронкой от бомбы юго-западного угла, была вскрыта в 1968–1969 гг. Б. А. Рыбаковым (Рыбаков, Николаева, 1969. С. 9).

• Илл. 3. Плитки из раскопок на месте малого храма (прорисовка автора)

Пол Малого храма представлял собой находившуюся на нескольких слоях подсыпок плотную известковую заливку толщиной 1,5–2 см, которая сохранилась *in situ* на трех участках. Два располагались в апсиде: на северном фрагменте были зафиксированы отпечатки плиток с размером стороны 30–33 см, на южном — найдена *in situ* плитка размером 24 × 27,5 × 3 см с росписью

по поливе разводами «под мрамор» зеленого, желтого и белого цвета (Рыбаков, Николаева, 1968. С. 3). Третий располагался в центральном нефе (илл. 2: а) и имел наибольший размер (площадь 4 × 3 м), на нем были зафиксированы отпечатки плиток размером 36 × 28/29 × 5 см, фрагменты некоторых найдены *in situ* (Рыбаков, Николаева, 1970. С. 286). На основании того, что отпечатки

плиток имеют разные размеры и рядность их сбита, авторы раскопок предполагают, что для выкладки пола плитки и их фрагменты были использованы вторично, как и плинфа в стеновой кладке и заполнении фундаментных рвов (Рыбаков, Николаева, 1969. С. 5).

Еще при раскопках В. В. Хвойки в юго-восточном углу фундамента в большом количестве были найдены плитки ромбовидной, треугольной, шестиугольной и восьмиугольной формы (П-ский, 1911. С. 175). При раскопках Б. А. Рыбакова (Рыбаков, Николаева, 1969. С. 7) выяснилось, что основание фундаментного рва здесь было выстлано большими фрагментами шиферных плит и хорошо подогнанными большими керамическими плитками (илл. 2: б) с зеленой, желтой и белой поливой, по размерам ($36 \times 29/30 \times 5$ см) совпадающими с отпечатками в наосе, и плитками меньшего размера (сторона 20,5 см, толщина 2 см) с орнаментом в виде «скобок». Все они были уложены не на материке, а на культурном слое, выкладка располагалась только под южной стеной храма и не выходила под другие его части (Там же. С. 8). Очевидно, что плитки обоих типов, найденные в основании фундаментного рва, использовались вторично, как и плитки пола Малого храма, а значит, изначально все они были изготовлены для другого здания — более раннего деревянного храма и, вероятно, других деревянных построек.

Все здание сооружено исключительно из вторично использованных материалов и в целом имеет крайне низкое качество постройки (Там же. С. 7). Б. А. Рыбаков и Т. В. Николаева относят памятник ко времени землетрясения 1197 г. (Рыбаков, Николаева, 1968. С. 11). Однако вызывает сомнение, что одновременно с роскошным храмом Апостолов была построена и такая низкокачественная постройка. Учитывая датировку Малого храма концом XII — первой третью XIII в. (Pannoport, 1988. С. 279), можно предположить его строительство после землетрясения 1230 г., когда Белгород не играл уже такой важной роли в Киевской земле. Возможно, дату его постройки можно отнести и ко времени после 1240 г., что объяснило бы использование только вторичных материалов.

Деревянные постройки под Малым храмом

Под Малым храмом были обнаружены остатки двух срубных построек (илл. 4). Одна, более крупная, располагалась под его апсидой и, скорее всего, являлась остатком предшествующей

деревянной церкви. Вторая, меньшего размера, находилась под его западной стеной и была, по мнению Б. А. Рыбакова, частью кельи, принадлежавшей белгородскому епископу Максиму, умершему в 1189 г. (Рыбаков, 1969. С. 331). Остатки пола и керамические плитки были найдены только в пределах первой постройки (деревянной церкви) ниже плотного слоя глины толщиной 7–8 см, лежащего непосредственно под известковой заливкой пола Малого храма. Пол деревянной церкви представлял собой плотную заливку (илл. 2: в) известкового раствора розового цвета с примесью цемьянки толщиной 2 см, на которой были найдены маленькие и тонкие плитки квадратной, треугольной, ромбической и шестиугольной формы с монокромной желтой, зеленой и коричневой поливой (Рыбаков, Николаева, 1968. С. 4). На одном из горелых бревен были обнаружены 4 плитки с орнаментом «скобки», что доказывает их принадлежность также полу деревянной церкви. К декору этой же постройки относились и плитки с петлевидными разводами, найденные в вышележащих переотложенных слоях при раскопках В. В. Хвойки (Хвойка, 2008. С. 104) и Б. А. Рыбакова (Рыбаков, Николаева, 1968. С. 5), а также большеформатные плитки, которыми позже был выложен пол Малого храма. Поверхность некоторых из этих плиток была декорирована так же, как в апсидах храма Апостолов.

Прочие деревянные постройки

Плитки в Белгороде были найдены еще в нескольких сгоревших деревянных постройках, скорее всего светских, располагавшихся в основном вокруг церкви Апостолов.

1. Вблизи церкви. Крестовидные (илл. 1: в) с орнаментом «скобки» (Полонская, 1911. С. 63).
2. К северу. Тонкие орнаментированные (Полонская, 1911. С. 62)
3. В 20 м к востоку. Мозаичные (Хвойка, 2008, С. 105).
4. К западу (колодец). В верхней части заполнения постройки — тонкие орнаментированные, в нижней — массивные, аналогичные обнаруженным на полу Малого храма (Полонская, 1911. С. 63).

В Малом храме и деревянных постройках на детинце Белгорода использовался в целом схожий набор плиток, все разнообразие которых Н. Д. Полонской и В. В. Хвойкой было разделено на две следующие группы.

• Илл. 4. План малого храма по раскопкам Б. А. Рыбакова (сведен автором из двух планов: Рыбаков, Николаева, 1968. Л. 3, 4), расцветка автора: а — фундаменты малого храма; б — отпечатки плиток пола малого храма; в — открытые *in situ* плитки; г — известковая заливка пола малого храма; д — заливка пола деревянного храма; е — открытые *in situ* части стен деревянных построек; ж — остатки фундамента поздней деревянной церкви, разрушенной в 1941 г.

1. Небольших размеров, тонкие, сходные со стеновыми плитками из храма Апостолов (Полонская, 1911. С. 60.). В. В. Хвойка (Хвойка, 2008. С. 104), а за ним и Б. А. Рыбаков (Рыбаков, 1969. С. 331) считали, что плитки декорировали не только пол, но также и стены деревянной церкви

под Малым храмом. Это очевидно не так, потому что на плитках нет следов раствора, а значит, они крепились в слой песка или глины, который мог лежать только горизонтально. Кроме того, на некоторых образцах полива истерта, что также свидетельствует об их расположении на полу.

Материалы из этой группы Н. Д. Полонская и В. В. Хвойка разделили на две подгруппы: «мозаичные» (т. е. квадратной, треугольной, ромбической и шестиугольной формы), покрытые тонким слоем монокромной поливы (Полонская, 1911. С. 60), и квадратной формы расписные (орнамент в виде переплетающейся плетенки, петель, скобок) по толстому (несколько миллиметров) слою поливы (Там же).

2. Массивные плитки квадратной формы, покрытые толстым слоем монокромной поливы, на которой в некоторых случаях зафиксирован орнаментальный декор в виде разводов (Там же), на торцах следы налипшего известкового раствора с цемянкой (Хвойка, 2008. С. 104), что подтверждает их первоначальное расположение на полу деревянного храма.

В действительности эти плитки относятся к трем разным группам, сильно отличающимся друг от друга¹.

Группа 1. Элементы мозаик. Все они имеют слегка скошенные и немного вогнутые торцы. Эти плитки были изготовлены в разъемной рамке без дна, о чем свидетельствуют характерные горизонтальные полосы на торцах и закраина внизу от выступивших излишков теста. Керамическая масса бежевого цвета равномерно промешана, примесь — мелкий песок. Полива монокромная, желтая и коричневая. Плитки имеют различные формы:

1) *прямоугольный равнобедренный треугольник* (илл. 3: а) пяти вариантов размеров (катеты × гипотенуза × толщина): 3,3 × 4,2 × 1 см; 3,7 × 5,2 × 1 см; 4,8 × 6,7 × 2,1 см; 5,3 × 7,5 × 1,3 см; 7–7,3 × 9,7 × 1,8 см;

2) *квадрат* (илл. 3: б). Тип 1 имеет размер стороны 7 см и толщину 1,3 см, плитки покрыты темно-коричневой поливой. Тип 2 (4 × 3,8 см, толщина 1,9 см) отличается слегка выпуклой верхней постелью и наличием небольшого бортика на нижней;

3) *ромб* (илл. 3: в), его размеры 7,7 × 5,5 см, толщина не сохранилась, полива коричневая;

4) *восьмиугольник* (илл. 3: г), ширина 7,8 см,

толщина 1,1 см. Плитка имеет неравные стороны (2,1 и 3,9 см), на торцах заметны характерные следы подрезки, тесто отличается слоистостью;

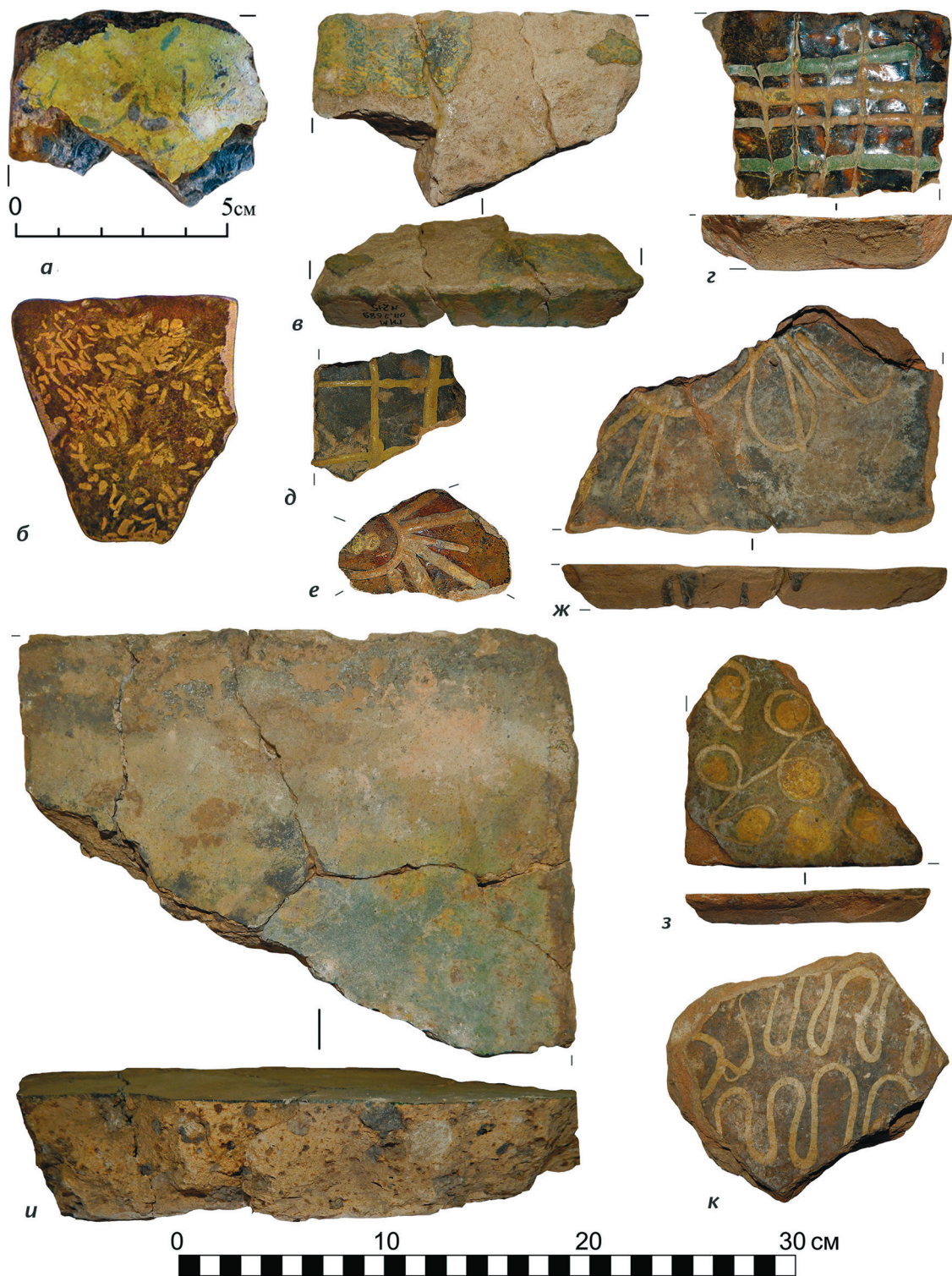
5) *стреловидная* (илл. 3: д), ширина 7,4 см, толщина 2 см. Края подрезаны, в тесте есть лакуны, от подрезки на торцах горизонтальные следы, полива коричневая;

6) *трапеция* (илл. 3: е), длина 14,5–15 см, ширина 5,5 см, толщина 2,2–1,7 см. Торцы скошены, немного вогнуты, края в некоторых случаях смещены и деформированы, полива коричневая.

Все эти плитки являются частью мозаичных выкладок в технике опус сектите, которые получили на Руси наибольшее распространение в Галицкой и Гродненской землях (Матвеев, 2019. С. 211–213). Набор плиток из Белгорода существенно менее разнообразный, чем в этих двух регионах, здесь нет столь характерных для них элементов окружностей. Квадраты и треугольники разных размеров и цветов составляли полы опус сектите в их классическом варианте, при котором основным орнаментальным мотивом был простой геометрический орнамент без круговых элементов (Guidobaldi, 2011. Р. 419). На Руси подобный набор плиток можно найти в памятниках Полоцкой земли: церкви-усыпальнице (Матвеев, 2017а. С. 344) и храме на Верхнем замке (относятся к первой и второй половине XII в. соответственно). Отдельно надо отметить ромбовидные плитки, которые кроме Белгорода были найдены еще только в Михайловской церкви (первая четверть XII в.) в Витебске (Калядзінскі, 1995. С. 60). Восьмиугольные плитки могли подражать выкладке из смальт в Благовещенской церкви (1186 г.) в Чернигове (Рыбаков, 1949. Рис. 38) или более ранней из мраморных плиток в Десятинной церкви (конец X в.) (в обоих случаях 4 шестиугольника образовывали восьмигранник), которые в качестве образца имели византийские мозаики VII–VIII вв. Аналоги этой группе плиток, как видно, можно найти в памятниках, имеющих широкую датировку XII в.

Группа 2. Орнаментированные плитки квадратной формы двух вариантов размеров: малого формата (сторона 11 см при толщине 1,7 см) и большого (сторона 21 см при толщине 2,1–2,5 см). Все они были изготовлены в неразъемной рамке без дна, орнамент на поливу наносился густой суспензией, после чего плитка повторно обжигалась (Тищенко, 1970. С. 84).

¹ Рассматриваемые в статье плитки происходят из раскопок Б. А. Рыбакова и хранятся в фондах Государственного Исторического музея в Москве. Автор выражает благодарность хранителю коллекции С. Ю. Каинову за помощь в работе.

• Илл. 5. Фотографии плиток: а — из храма в Карачеве (<http://karachev.cerkov.ru/index.php/arxeologiya/>); б — из апсиды храма Апостолов (Полонская, 1911. Табл. III); в–к — из раскопок малого храма (фото автора)

Плитки малого формата (илл. 3: ж) изготовлены из керамического теста бежевого цвета с примесью мелкого песка, покрыты темно-коричневой поливой с орнаментом в виде желтых пятен в белых обводах.

Плитки большого формата сформованы из керамической массы двух видов: слоистой, плохо промешанной, красного цвета с примесью извести и более однородной, бежевого цвета, с примесью песка. Покрыты поливой коричневого цвета с различными вариантами орнамента:

- а) в виде бежевых, зеленых и желтых «скобок» разного размера и плотности или в виде решетки желтого цвета (илл. 3: з; илл. 5: г, д). Плитки со «скобками» найдены в Успенском соборе Елецкого монастыря в Чернигове (первая четверть XII в.¹)², Кирилловской церкви в Киеве (середина XII в.)³, «Старой кафедре» (вторая половина XII в.) на окраине Владимира-Волинского (*Раннопорт*, 1977. С. 260), развале на мысу Среднего города (конец XII в.) во Владимире-на-Клязьме⁴, а также, как случайные находки, в Старой Рязани (*Монгайт*, 1955. С. 129) и в городе Ярославля в Киеве⁵. Все эти памятники связаны с киево-черниговским кругом памятников, за исключением развала на мысу Среднего города во Владимире-на-Клязьме;
- б) в виде узких и массивных перевитых, массивных перевитых с цветными пятнами по центру петель (илл. 3: и; илл. 5: з). Плитки с таким орнаментом обнаружены в Успенском соборе Елецкого монастыря в Чернигове, «Старой кафедре»⁶, Благовещенской церкви

в Чернигове⁷, в развале⁸ на городище Плиснеск (XII–XIII вв.), на мысу Среднего города во Владимире-на-Клязьме⁹ и при раскопках на Рейтарской ул. в Киеве¹⁰;

- в) в виде узких и массивных зигзагов, в некоторых случаях с пятнами (илл. 3: к; илл. 5: к). Плитки с таким же орнаментом найдены в «Старой кафедре», на хорах церкви Петра и Павла (вторая половина XII в.) и в Спасском соборе в Чернушках (конец XII в.) в Смоленске (*Матвеев*, 2021. С. 153). Варианты орнаментов б) и в) присутствуют в памятниках второй половины — конца XII в., кроме собора Елецкого монастыря, относящегося к более раннему времени;
- г) центрические композиции (илл. 3: л; илл. 5: е, ж). Такой декор очень необычен, аналоги ему можно найти только в двух памятниках: в «Старой кафедре» на Волыни и в развале на Крылосской горе в Галиче¹¹.

К этой же группе относятся плитки крестовидной формы размером 13 × 10 см с орнаментом «скобки» из деревянной постройки вблизи церкви Апостолов (илл. 1: в). Аналогичные изделия были найдены во многих других памятниках на Руси, их размеры на протяжении столетия почти не менялись (см. табл. 1), покрыты они были монокромной поливой, в некоторых случаях с орнаментом: на образце из Десятинной церкви — в виде петель, из Успенского собора Елецкого монастыря — в виде мраморовидных разводов. Все плитки такой формы связаны с памятниками киево-черниговской традиции, их нет ни в Галиче, ни в памятниках северо-восточной Руси.

Из приведенного обзора следует, что большая часть орнаментированных плиток была найдена в постройках, относящихся ко второй половине XII в., а наиболее близким по типам орнаментального декора плиток памятником оказывается «Старая кафедра» на Волыни. На основании этого можно датировать плитки второй

¹ При указании датировки следует иметь в виду, что почти везде плитки найдены не *in situ* и датируются по общей датировке церкви, в которой были обнаружены. При этом не исключена возможность того, что плитки относились к более позднему относительно времени постройки храма полу, однако проверить это невозможно.

² Фонды Черниговского исторического музея, Чернигов.

³ Фонды национального заповедника «София Киевская», Киев.

⁴ Фонды Владимиро-Суздальского музея-заповедника, Владимир.

⁵ Фонды Института археологии НАН Украины, Киев.

⁶ Фонды сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург.

⁷ Фонды Государственного Исторического музея, Москва.

⁸ Фонды Института археологии НАН Украины, Киев.

⁹ Фонды Владимиро-Суздальского музея-заповедника, Владимир.

¹⁰ Фонды Института археологии НАН Украины, Киев.

¹¹ Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

• Таблица 1. Крестообразные керамические плитки в памятниках древнерусской архитектуры

Датировка памятника	Памятник	Размеры плиток	Ссылка на публикацию
70-80-е гг. XI в.	Церковь-усыпальница в Чернигове	???	Коваленко, Раппопорт, 1991. С. 151
80-90-е гг. XI в.	Двухкамерный терем под Борисоглебским собором	15 × 13 × 1,9	Холостенко, 1963. С. 6
Конец XI в.	Развал на Замковой горе в Пинске	14 × 13	Равдина, 1963. С. 111
Конец XI в.	Спасская церковь в Переяславе	12 × 9 × 1,3	Коллекция НГОИМЗ, ПС-53/73-9
1-я четв. XII в.	Церковь-усыпальница в Полоцке	12,5 × 10 × 1,4	Матвеев, 2017а. С. 344
Конец XI — 1-я четв. XII в.	Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове	13 × 9,5 × 1,4	Холостенко, 1961. С. 57
1108 г.	Трапезная Киево-Печерской лавры	12 × 10	Трофименко, Гончар, 2002. С. 20
XII в. ¹	«Ротонда Ольги»	12 × 9	Харламов, 1985. С. 110
XII в.	Ремонтные вставки в Десятинной церкви	???	1000-летие... 1988. С. 317
2-я пол. XII в.	«Старая кафедра» под Владимиром-Волынским	24 × 3	Раппопорт, 1977. С. 261
Конец XII в.	Коложская церковь в Гродно	12 × 9,5 × 1,8/2	Воронин, 1954. С. 94

группы серединой — второй половиной XII в. Многие виды орнамента на плитках из Белгорода встречаются также и на образцах, найденных в развале на мысу Среднего города во Владимире-на-Клязьме. На основании этого сходства Н. Н. Воронин предположил, что во Владимире работал белгородский (или киевский) мастер-плиточник, полученный Всеволодом для своего и епископского строительства (Воронин, 1961. С. 481), но изучение обеих коллекций плиток вынуждает не согласиться с этой гипотезой. Во-первых, сходные виды декора встречаются не только в этих двух объектах; во-вторых, на плитках во Владимире размещены только «скобки» и узкие петли, а остальные многочисленные варианты декора, которые есть в Белгороде, не используются; в-третьих, орнамент во Владимире нанесен на небольшие массивные квадратные плитки с размером стороны 9 см и толщиной около 3,5 см, что совсем не соответствует формату белгородских. И главное — в наборе во Владимире есть фигурные плитки со сложной сюжетной композицией и многочисленными элементами окружностей, чего нет в Белгороде. В целом же плитки из Владимира явно связаны с архитектурой западных земель Руси (Галича

и Гродно), в которых отсутствуют орнаментированные плитки, в таком большом многообразии встречающиеся в Белгороде. Наличие в обоих центрах плиток со схожим орнаментом, зафиксированном и на изделиях из более ранних построек, скорее всего, является свидетельством использования распространенной схемы декора в конце XII в.

Группа 3. Размеры этих плиток — 27–31 см при толщине 3–5 см, преобладает 4,5 см (илл. 3: м; илл. 5: и). Изготовлены они в неразъемной рамке с дном, о чем свидетельствуют закраина на переходе от верхней постели к торцам и скругленный переход от торцов к нижней постели. Сами торцы немного скошены, на некоторых есть следы подрезки. Формовка плиток очень грубая, контуры всего изделия нечеткие. Тесто светло-бежевое, с включениями очень больших фрагментов кварца размером до 2 см, в некоторых случаях видны включения пятен извести и металлических окислов. Обжиг равномерный, несмотря на большую толщину, черных пятен в центре черепка нет. На нижней постели фиксируются следы белого известкового раствора от подготовки под пол. Плитки покрыты слоем поливы до 3 мм толщиной. Полива в основном

¹ Автор придерживается поздней датировки этого объекта, предложенной Д. Д. Ёлшиным. См.: Ёлшин, 2010. С. 161.

монохромная, на одном фрагменте есть также орнамент в виде «паутины». Выделяется подгруппа плиток толщиной 3 см, сделанных более аккуратно, на них нет налипшего раствора, а полива декорирована цветными «мраморовидными» разводами. Полных аналогов этим плиткам найти не удалось, но можно отметить плиты, найденные на хорах Софийского собора в Киеве, размером 70 × 70 см при толщине до 6 см (Тоцька, Єрко, 1976. С. 121), которые покрыты монохромной поливой. Относятся они к рубежу XI–XII вв. Находка массивных плиток в фундаменте Малого храма говорит о том, что они были изготовлены заранее, то есть относились к периоду до каменного храма и были изготовлены для деревянной церкви, которая использовалась длительное время.

Первая деревянная церковь в Белгороде появилась еще в конце X в., когда здесь была основана епархия. Неизвестно, когда именно были заложены те деревянные церкви, остатки которых были обнаружены под обоими каменными храмами, но плиточный декор, судя по всему, появился в них достаточно поздно. В. В. Хвойка относил плитки из деревянной церкви под Малым храмом к первой половине XI в. (Хвойка, 2008. С. 104), но для такой ранней датировки нет оснований. По Б. А. Рыбакову, найденные под Малым храмом деревянные постройки, вероятно, были связаны с умершим в 1189 г. епископом Максимом, строителем комплекса был один из Ростиславичей (Рыбаков, 1969. С. 332). В них были найдены разнообразные плитки, датирующиеся по аналогиям в других памятниках Руси широко XII в., но наличие плиток конца века позволяет отнести весь комплекс к этому времени, что подтверждает датировку Б. А. Рыбакова. Чрезвычайно разнообразный набор плиток сложно отнести к творчеству какого-то конкретного мастера или их группы, для этого пока еще не хватает данных. К тому же находки их в переотложенном состоянии не позволяют достоверно определить, из какой именно постройки происходили плитки.

При строительстве Малого храма для устройства его пола были повторно использованы только массивные плитки, остальные же, вероятно, из-за их хрупкости, строителям негодились.

Собрание керамических плиток, найденное при раскопках памятников Белгорода, уклады-

вается в небольшие хронологические рамки нескольких десятилетий. Большое разнообразие используемых там плиток как находит себе аналогии в синхронных времени строительства памятниках, так и отсылает к более древним мотивам, вплоть до ранневизантийских мозаик. И если про мастеров, причастных к созданию плиток в храме Апостолов, можно выдвинуть некоторые предположения, то, к сожалению, авторство плиток из деревянной церкви и Малого храма пока остается неизвестным. В любом случае архитектурный комплекс детинца Белгорода представляет собой выдающееся явление в истории архитектуры древней Руси.

Список литературы

- Асеев Ю. Собор Апостолів у Білгороді // Образотворче мистецтво. 1970. № 1 (січень – лютий). С. 32–33.
- Большаков Л. Н., Коваленко В. П., Ратнопорт П. А. Новые данные о памятниках древнего зодчества Чернигова и Новгород-Северского // КСИА. 1989. Вып. 195. С. 51–56.
- Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М.: изд-во АН СССР, 1954. 206 с. (МИА; № 41) (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; т. III).
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.: изд-во АН СССР, 1961. 584 с.
- Воронин Н. Н., Ратнопорт П. А. Смоленский детинец и его памятники // СА. 1967. № 3. С. 287–302.
- Воронин Н. Н., Ратнопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука, 1979. 413 с.
- Дело императорской археологической комиссии о раскопках В. В. Хвойка в Киевском уезде и губернии // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1909. Д. 96. 79 с.
- Ёлшин Д. Д. О «монументальной архитектуре» древнего Киева в X в. // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 150–164.
- Калядзінскі Л. У. Віцебскі храм св. Міхаіла // Известия Академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 1995. № 1. С. 59–65.
- Каргер М. К. Раскопки в Переяславле Хмельницком // СА. 1954. Т. 20. С. 5–30.
- Коваленко В. П., Ратнопорт П. А. Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце // Южная Русь и Византия: сб. науч. тр. / ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 142–157.
- Ліньова Е. А. З історії вивчення древнього Белгорода // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини

- ни: тези доповідей першої науково-практичної обласної конференції, присвяченої 140-річчю з дня народження В. В. Хвойки. Білогородка: [б. и.], 1991. С. 56–58.
- Логвин Г. Н. Собор Святої Софії в Києві. Київ: Мистецтво, 2001. 351 с.
- Матвеев В. Н. Древнерусские керамические плитки с Крылосской горы (Галич) в государственном Эрмитаже // Российская археология. 2016. № 4. С. 124–137.
- Матвеев В. Н. Декор пола храма-усыпальницы Евфросиниевского монастыря в Полоцке // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 32. Материалы 62-го заседания. М.; Псков: ИА РАН, 2017а. С. 341–349.
- Матвеев В. Н. Коллекция плиток из церкви Спаса в Галиче в собрании Государственного Эрмитажа: формы, технология производства и опыт реконструкции орнамента пола // Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья / отв. ред. О. М. Иоаннисян; науч. ред. Д. Д. Елшин. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2017б. С. 151–162. (Тр. Гос. Эрмитажа; LXXXVI).
- Матвеев В. Н. Керамические мозаики в декоре полов храмов Руси и Польши в XI–XIII вв. Вопрос о взаимном влиянии // Colloquia Russica. Series I. Vol. 9. Rus' and Poland (10th–14th centuries). Krakow: Historia Iagellonica, 2019. С. 207–220.
- Матвеев В. Н. Полы храмов Смоленска XII–XIII вв. // Российская археология. 2021. № 4. С. 144–159.
- Мезенцева Г. Г. Археологические исследования Белгорода Киевского // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, сентябрь 1980 г.). М.: Наука, 1980. С. 40–41.
- Миненко В. В., Яганов А. В. Археологические исследования на территории Карачевской крепости XII–XVII вв. в 2012 г. // КСИА. 2014. № 232. С. 213–219.
- Монгайт А. Л. Старая Рязань. М.: изд-во АН СССР, 1955. 228 с. (МИА; № 49) (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; т. IV).
- Непомнящих В. Ю. Вивчення історії дослідження Білгорода Київського // Археологія і давня історія України. Вип. 1. Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2010. С. 144–150.
- Орлова М. А. О приемах украшения цокольных частей интерьеров древнерусских храмов и их происхождении // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 184–190.
- Оустерхаут Р. Византийские строители / пер. Л. А. Беляева. Киев; М.: Корвин пресс, 2005. 332 с.
- ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1908. 938 стб.
- Полонская Н. Д. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909–1910 годов в местечке Белгородке // Труды Мо-сковского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда. Т. 1. М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1911. С. 47–66.
- Поляков Г. П. Домонгольский Карачев: (по письменным источникам и данным археологии) // Страницы истории Карачева: материалы ист.-краевед. конф., посвящ. 850-летию города Карачева / отв. ред. В. В. Крашениников. Брянск: [б. и.], 1996. С. 4–8.
- П-ский Н. Раскопки в Белгородке // ИИАК. Прибавление к вып. 39. СПб.: тип. Гл. Упр. Уделов, 1911. С. 173–183.
- Равдина Т. В. Поливные керамические плитки из Пинска // КСИА. 1963. Вып. 96. С. 110–112.
- Раскопки в Белгородке // ИИАК. Прибавление к вып. 34. СПб.: тип. Гл. Упр. Уделов, 1910. С. 179–187.
- Раскопки в Белгородке // ИИАК. Прибавление к вып. 44. СПб.: тип. Гл. Упр. Уделов, 1912. С. 103.
- Раннопорт П. А. «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского // СА. 1977. № 4. С. 253–265.
- Раннопорт П. А. О некоторых нерешенных вопросах истории киевского зодчества // Древнерусский город: материалы Всесоюз. археолог. конф., посвящ. 1500-летию города Киева. Киев: Наукова думка, 1984. С. 105–106.
- Раннопорт П. А. Пётр Міланег — гродзенскі дойлід XII стагоддзя // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1987. № 4. С. 21–22.
- Раннопорт П. А. Киевское зодчество рубежа XII–XIII вв. // Литература и искусство в системе культуры / ред. Б. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. С. 272–281.
- Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I / ред. Н. Н. Воронин. М.: изд-во АН СССР, 1949. С. 7–93. (МИА; № 11).
- Рыбаков Б. А. Раскопки в Белгороде Киевском // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 330–332.
- Рыбаков Б. А., Николаева Т. В. Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище Института археологии АН СССР // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 3832. 12 с. 1968.
- Рыбаков Б. А., Николаева Т. В. Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище Института археологии АН СССР // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 4075. 24 с. 1969.
- Рыбаков Б. А., Николаева Т. В. Раскопки в Белгороде Киевском // АО 1969 г. М.: Наука, 1970. С. 285–287.
- Сарабянов В. Д. Мраморировки в древнерусских храмовых росписях XI–XII столетия // Путем орнамента: Исследования по искусству Византийского мира: сб. ст. / сост. и отв. ред. А. Л. Саминский. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 174–191.
- Тищенко О. Р. До питання про техніку виготовлення давньоруських полив'яних керамічних плиток // Археологія.

1970. XXIV. С. 75–87.

Торшин Е. Н. К вопросу о происхождении архитектурных форм церкви Василия в Овруче и собора Апостолов в Белгороде // Проблемы изучения древнерусского зодчества: по материалам архитектур.-археолог. чтений, посвящ. памяти П. А. Раппопорта (15–19 января 1990 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 54–57.

Тоцька І. Ф., Єрко О. Ф. До історії північної галереї Софії Київської // Археологічні дослідження стародавнього Києва / ред. П. П. Толочко. Київ: Наукова думка, 1976. С. 119–130.

Трофименко Г., Гончар В. Літописна трапезна печерського монастиря в Києві // Архітектурна спадщина України. 2002. № 5. С. 13–28.

1000-летие русской художественной культуры. М.: [б. и.], 1988. 447 с.

Харламов В. А. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. / ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1985. С. 106–120.

Холостенко Н. В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 3. М.: изд-во АН СССР, 1961. С. 51–67.

Холостенко Н. В. Черниговские каменные княжеские терема XI в. // Архитектурное наследство. Т. 15. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1963. С. 3–17.

Хвойка В. В. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев: [б. и.], 2008. 160 с.

Чернявский И. М. Новый памятник гродненской архитектурной школы XII в. // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. / отв. ред.: А. И. Комеч, О. И. Подобедова. М.: Наука, 1988. С. 73–76.

Штендер Г. М. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода / ред. В. Н. Лазарев. М.: Наука, 1968. С. 83–107.

Gerstel S. Facing Architecture: Views on Ceramic Revetments and Paving Tiles in Byzantium, Anatolia, and the Medieval West // From Minor to Major: The Minor Arts in Medieval Art History / ed. C. Hourihane. Princeton: University Press, 2012. P. 43–65.

Guidobaldi A. G. The Marble Floor Decoration in Constantinople: Prolegomena to a Corpus // 11th International Colloquium on Ancient Mosaics (October 16th – 20th, 2009, Bursa, Turkey). Istanbul: Uludag Üniversitesi Mozaik Araştırmaları Uygulama ve Araştırma Merkezi, 2011. P. 413–436.

References

1000-letie russkoy khudozhestvennoy kul'tury. Moscow: [s. n.], 1988. 447 p.

Aseev Yu. Sobor Apostoliv u Bilgorodi // Obrazotvorche mistetstvo. 1970. 1 (sichen' – lyutyi). P. 32–33.

Bol'shakov L. N., Kovalenko V. P., Rappoport P. A. Novye dannye o pamyatnikakh drevnego zodchestva Chernigova i Novgorod-Severskogo // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 1989. 195. P. 51–56.

Chernyavskiy I. M. Novyy pamyatnik grodnenskoy arkhitekturnoy shkoly XII v. // Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura X — pervoy poloviny XIII v. / eds. A. I. Komech, O. I. Podobedova. Moscow: Nauka, 1988. P. 73–76.

Delo imperatorskoy arkheologicheskoy komissii o raskopkakh V. V. Khvoyka v Kievskom uezde i gubernii // Nauchnyy arkhiv Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk. F. 1. 1909. D. 96. 79 p.

Gerstel S. Facing Architecture: Views on Ceramic Revetments and Paving Tiles in Byzantium, Anatolia, and the Medieval West // From Minor to Major: The Minor Arts in Medieval Art History / ed. C. Hourihane. Princeton: University Press, 2012. P. 43–65.

Guidobaldi A. G. The Marble Floor Decoration in Constantinople: Prolegomena to a Corpus // 11th International Colloquium on Ancient Mosaics (October 16th – 20th, 2009, Bursa, Turkey). Istanbul: Uludag Üniversitesi Mozaik Araştırmaları Uygulama ve Araştırma Merkezi, 2011. P. 413–436.

Jolshin D. D. О “monumental'noy arkhitekture” drevnego Kievа v X v. // Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: k 60-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Nikolaevicha Nosova. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2010. P. 150–164.

Kalyadzinski L. U. Vitsebski khram sv. Mikhaila // Izvestiya Akademii nauk Belarusi. Seriya humanitarnykh nauk. 1995. 1. P. 59–65.

Karger M. K. Raskopki v Pereyaslavle Khmel'nitskom // Sovetskaya arkheologiya. 1954. 20. P. 5–30.

Kharlamov V. A. Issledovaniya kamennoy monumental'noy arkhitektury Kievа X–XIII vv. // Arkheologicheskie issledovaniya Kievа 1978–1983 gg. / ed. P. P. Tolochko. Kiev: Naukova dumka, 1985. P. 106–120.

Kholostenko N. V. Arkhitekturno-arkheologicheskoe issledovanie Uspenskogo sobora Eletskego monastyryа v Chernigove // Pamyatniki kul'tury. Issledovanie i restavratsiya. 3. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. P. 51–67.

Kholostenko N. V. Chernigovskie kamennye knyazheskie terema XI v. // Arkhitekturnoe nasledstvo. 15. Moscow: Gosudarst-

- vennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, 1963. P. 3–17.
- Khvoyka V. V. Drevnie obitateli srednego Pridneprov'ya i ikh kul'tura v doistoricheskie vremena (po raskopkam). Kiev: [s. n.], 2008. 160 p.
- Kovalenko V. P., Rappoport P. A. Novyy pamyatnik vizantiyskogo zodchestva na Chernigovskom detintse // Yuzhnaya Rus' i Vizantiya: sbornik nauchnykh trudov / ed. P. P. Tolochko. Kiev: Naukova dumka, 1991. P. 142–157.
- Lin'ova E. A. Z istorii vivchennya drevn'ogo Belgoroda // Problemi vivchennya ta okhoroni pam'yatok arkheologii Kiiivshchini: tezi dopovidey pershoi naukovo-praktichnoi oblasnoi konferentsii, prisvyachenoj 140-richchyu z dnya narodzhennya V. V. Khvoyki. Bilogorodka: [s. n.], 1991. P. 56–58.
- Logvin G. N. Sobor Svyatoy Sofii v Kievi. Kiev: Mistetstvo, 2001. 351 p.
- Matveev V. N. Drevnerusskie keramicheskie plitki s Kryloskoy gory (Galich) v gosudarstvennom Ermitazhe // Rossiyskaya arkheologiya. 2016. 4. P. 124–137.
- Matveev V. N. Dekor pola khrama-usypal'nitsy Evfrosinievskogo monastyrya v Polotske // Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V. V. Sedova. 32. Materialy 62-go zasedaniya. Moscow; Pskov: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2017a. P. 341–349.
- Matveev V. N. Kolleksiya plitok iz tserkvi Spasa v Galiche v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha: formy, tekhnologiya proizvodstva i opyt rekonstruktsii ornamenta pola // Monumental'noe zodchestvo Drevney Rusi i Vostochnoy Evropy epokhi Srednevekov'ya / eds. O. M. Ioannisyanyan, D. D. Jolshin. St. Petersburg: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2017b. P. 151–162. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha; LXXXVI).
- Matveev V. N. Keramicheskie mozaiki v dekore polov khramov Rusi i Pol'shi v XI–XIII vv. Vopros o vzaimnom vliyaniy // Colloquia Russica. Series I. 9. Rus' and Poland (10th–14th centuries). Krakow: Historia Iagellonica, 2019. P. 207–220.
- Matveev V. N. Poly khramov Smolenska XII–XIII vv. // Rossiyskaya arkheologiya. 2021. 4. P. 144–159.
- Mezentseva G. G. Arkheologicheskie issledovaniya Belgoroda Kievskogo // Tezisy dokladov sovsetskoy delegatsii na IV Mezhdunarodnom kongresse slavyanskoy arkheologii (Sofiya, sentyabr' 1980 g.). Moscow: Nauka, 1980. P. 40–41.
- Minenko V. V., Yaganov A. V. Arkheologicheskie issledovaniya na territorii Karachevskoy kreposti XII–XVII vv. v 2012 g. // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2014. 232. P. 213–219.
- Mongayt A. L. Staraya Ryazan'. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. 228 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 49) (Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov; IV).
- Nepomnyashchikh V. Yu. Vivchennya istorii doslidzhennya Bilgoroda Kiivs'kogo // Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini. 1. Kiev: Institut arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukraini, 2010. P. 144–150.
- Orlova M. A. O priemakh ukrasheniya tsokol'nykh chastey inter'erov drevnerusskikh khramov i ikh proiskhozhdenii // Srednevekovaya Rus'. Moscow: Nauka, 1976. P. 184–190.
- Ousterhaut R. Vizantiyskie stroiteli / transl. by L. A. Belyaev. Kiev; Moscow: Korvin press, 2005. 332 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey. II. Ipat'evskaya letopis'. St. Petersburg: tipografiya M. A. Aleksandrova, 1908. 938 col.
- Polonskaya N. D. Arkheologicheskie raskopki V. V. Khvoyko 1909–1910 godov v mestechke Belgorodke // Trudy Moskovskogo predvaritel'nogo komiteta po ustroystvu XV arkheologicheskogo s'ezda. 1. Moscow: tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova, 1911. P. 47–66.
- Polyakov G. P. Domongol'skiy Karachev: (po pis'mennym istochnikam i dannym arkheologii) // Stranitsy istorii Karacheva: materialy istoriko.-kraevedcheskoy konferentsii, posvyashchennoy 850-letiyu goroda Karacheva / ed. V. V. Krashenninikov. Bryansk: [s. n.], 1996. P. 4–8.
- P-skiy N. Raskopki v Belgorodke // Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii. Pribavlenie k vyp. 39. St. Petersburg: tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1911. P. 173–183.
- Ravdina T. V. Polivnye keramicheskie plitki iz Pinska // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 1963. 96. P. 110–112.
- Raskopki v Belgorodke // Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii. Pribavlenie k vyp. 34. St. Petersburg: tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1910. P. 179–187.
- Raskopki v Belgorodke // Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii. Pribavlenie k vyp. 44. St. Petersburg: tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1912. P. 103.
- Rappoport P. A. "Staraya kafedra" v okrestnostyakh Vladimira-Volynskogo // Sovetskaya arkheologiya. 1977. 4. P. 253–265.
- Rappoport P. A. O nekotorykh nereshennykh voprosakh istorii kievskogo zodchestva // Drevnerusskiy gorod: materialy Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii, posvyashchennoy 1500-letiyu goroda Kieva. Kiev: Naukova dumka, 1984. P. 105–106.
- Rappoport P. A. Pyotr Milaneg — grodzenski doylid XII stogodzya // Pomniki gistoryi i kul'tury Belarusi. 1987. 4. P. 21–22.
- Rappoport P. A. Kievskoe zodchestvo rubezha XII–XIII vv. // Literatura i iskusstvo v sisteme kul'tury / ed. B. B. Piotrovskiy. Moscow: Nauka, 1988. P. 272–281.
- Rybakov B. A. Drevnosti Chernigova // Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov. I / ed. N. N. Voronin. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. P. 7–93. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 11).
- Rybakov B. A. Raskopki v Belgorode Kievskom // Arkheologicheskie otkrytiya 1968 g. Moscow: Nauka, 1969. P. 330–332.

- Rybakov B. A., Nikolaeva T. V. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Belgorodskom gorodishche Instituta arkheologii AN SSSR // Arkhiv Instituta arkheologii RAN. F-1. R-1. № 3832. 12 p. 1968.
- Rybakov B. A., Nikolaeva T. V. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Belgorodskom gorodishche Instituta arkheologii AN SSSR // Arkhiv Instituta arkheologii RAN. F-1. R-1. № 4075. 24 p. 1969.
- Rybakov B. A., Nikolaeva T. V. Raskopki v Belgorode Kievskom // Arkheologicheskie otkrytiya 1969 g. Moscow: Nauka, 1970. P. 285–287.
- Sarab'yanov V. D. Mramorirovki v drevnerusskikh khramovykh rospisyakh XI–XII stoletiya // Putem ornamenta: Issledovaniya po iskusstvu Vizantiyskogo mira: sbornik statey / comp., ed. A. L. Saminskiy. Moscow: MAKS Press, 2013. P. 174–191.
- Shtender G. M. K voprosu ob arkhitekture malykh form Sofii Novgorodskoy // Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura Novgoroda / ed. V. N. Lazarev. Moscow: Nauka, 1968. P. 83–107.
- Tishchenko O. R. Do pitannya pro tekhniku vigotovlennyya davn'orus'kikh poliv'yanikh keramichnikh plitok // Arkheologiya. 1970. XXIV. P. 75–87.
- Torshin E. N. K voprosu o proiskhozhdenii arkhitekturnykh form tserkvi Vasilii v Ovruche i sobora Apostolov v Belgorode // Problemy izucheniya drevnerusskogo zodchestva: po materialam arkhitekturno-arkheologicheskikh chteniy, posvyashchennykh pamyati P. A. Rappoport (15–19 yanvarya 1990 g.). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1996. P. 54–57.
- Tots'ka I. F., Erko O. F. Do istorii pivnichnoi galerei Sofii Kiivs'koi // Arkheologichni doslidzhennya starodavn'ogo Kiev / ed. P. P. Tolochko. Kiev: Naukova dumka, 1976. P. 119–130.
- Trofimenko G., Gonchar V. Litopisna trapezna pechers'kogo monastirya v Kievi // Arkhitekturna spadshchina Ukraini. 2002. 5. P. 13–28.
- Voronin N. N. Drevnee Grodno. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954. 206 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 41) (Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov; III).
- Voronin N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi. 1. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 584 p.
- Voronin N. N., Rappoport P. A. Smolenskiy detinets i ego pamyatniki // Sovetskaya arkheologiya. 1967. 3. P. 287–302.
- Voronin N. N., Rappoport P. A. Zodchestvo Smolenska XII–XIII vv. Leningrad: Nauka, 1979. 413 p.

Illustrations

Fig. 1. The Cathedral of the Apostles: *a* — plan (Nepomnyashchikh, 2010. P. 146); *b* — view of the flooring during the

excavations by V. V. Khvoyka (Polonskaya, 1911. Table I); *g* — a tile from a wooden building near the Cathedral of the Apostles (Polonskaya, 1911. P. 63)

Fig. 2. Excavations of the small church by B. A. Rybakov: *a* — imprints of ceramic tiles on the floor of the small church (Rybakov, Nikolaeva, 1969. L. 8); *b* — ceramic tiling of the foundation footings of the southern wall of the small church (Rybakov, Nikolaeva, 1969. L. 11); *g* — filling the floor of the wooden church with ceramic tiles (Rybakov, Nikolaeva, 1968. L. 7)

Fig. 3. Tiles from the excavations at the site of the small church (drawing by the author)

Fig. 4. Plan of the small church according to the excavations by B. A. Rybakov (the author has compiled from two plans: Rybakov, Nikolaeva, 1968. L. 3, 4), colouring by the author: *a* — foundations of the small church; *b* — imprints of tiles of the floor of the small church; *g* — open *in situ* tiles; *z* — lime filling of the floor of the small church; *d* — filling of the floor of the wooden church; *e* — open *in situ* parts of the walls of wooden buildings; *ж* — remains of the foundation of the late wooden church, destroyed in 1941

Fig. 5. Photos of tiles: *a* — from the church in Karachev (<http://karachev.cerkov.ru/index.php/arxeologiya/>); *b* — from the apse of the Church of the Apostles (Polonskaya, 1911. Table III); *g-k* — from the excavations of the small church (photo by the author)

Table 1. Cross-shaped ceramic tiles in the monuments of Mediaeval Rus' architecture

V. N. Matveev. Ceramic tiles from the excavations of Belgorod Kievsky: attribution, chronology, and master origins

Abstract. The article explores a significant collection of ceramic tiles discovered during excavations of the architectural complex in Mediaeval Rus' Belgorod cradle (detinets) in the early 20th century and late 1960s. These tiles reveal extensive architectural connections of Belgorod craftsmen, spanning from Byzantium to north-eastern Russia, and from Volhynia to Ryazan. Regrettably, the poor condition of these historical monuments resulted in the loss of crucial data regarding their original ornamentation.

Keywords: Belgorod Kievsky, Church of the Apostles, Small church, ceramic tiles, mosaics, opus sectile.

Matveev Vasily Nikolaevich — junior research fellow, State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Nab., 190000 St. Petersburg, Russian Federation, vmatveev88@inbox.ru.

К вопросу об интерпретации белокаменного резного блока со «зверем» из храма Иоанна Предтечи в Городищах под Коломной

А. Б. МАЗУРОВ

НЕДАЛЕКО от Коломенского кремля, примерно в 1 км выше по течению по р. Коломенке расположено древнее село Городищи (ныне — микрорайон г. Коломны), известное своим храмом, четверик которого является одним из древнейших частично сохранившихся памятников раннемосковской архитектуры. Храмовый комплекс, включающий четверик, трапезную и колокольню, имеет сложную строительную историю (илл. 1). Древнейшая часть выполнена из рваного белого камня и полубута (мнения относительно ее датировки будут приведены ниже), стены этой части четверика сохранились примерно на половину высоты. Кладки трех апсид сохранились почти полностью. В начале или первой половине XVI столетия верхняя половина храма была полностью перестроена. Фасады приобрели завершение в виде трифолия, с килевидным завершением средней (повышенной) части. Первоначально одноглавая, церковь обрела три главы (к центральной были добавлены две малых по углам над солеей). В начале XVIII столетия возводится отдельно стоящая шатровая колокольня, которая в 1876 г. соединяется с четвериком теплой трапезной с двумя престолами.

Впервые в письменных источниках село Городищи с каменным храмом Зачатия Иоанна Предтечи (весьма редкое в Древней Руси посвящение) упоминается в 1577/78 гг. как загородная «домовая» вотчина-резиденция епископов Коломенских и Каширских (Писцовая книга..., 1872. С. 385) и сохранялось в качестве таковой вплоть до секуляризации церковных владений в 1764 г.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-411-1.172-184>

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы интерпретации одного из известных памятников декоративно-монументальной пластики XIV в. — резного блока со «зверем» из храма Иоанна Предтечи в Городищах под Коломной. Три четверти века господствовало ошибочное понимание изображения как единорога. Однако обращение к предметному миру древнерусской культуры (привески, накладки, монеты, перстни-печатки, печати и др.) позволило выявить широкий круг аналогий и даже указать возможные конкретные прототипы (монетовидные привески со зверем и накладку домонгольского времени). Более корректно определение изображения как синкретического «лютого зверя» (видовая принадлежность которого достоверно не определяется), широко распространенного в народной культуре. Выдвинута гипотеза о происхождении блока с рельефом из городского Успенского собора Коломны второй четверти XIV в., вторично использованного после разборки собора в 1378 г. при строительстве храма в Городищах.

Ключевые слова: раннемосковская архитектура XIV в., декоративно-монументальная пластика, Коломна, храм Иоанна Предтечи в Городищах, единорог, лютый зверь.

Мазуров Алексей Борисович — доктор исторических наук, профессор, президент Государственного социально-гуманитарного университета, ул. Зеленая, 30, Коломна, Российская Федерация, 140410; ректор Свято-Филаретовского института, Токмаков пер., 11, Москва, Российская Федерация, 105066; mazurow.ab.1970@mail.ru.

• Илл. 1. Храм Иоанна Предтечи в Городищах (г. Коломна). Современный вид после реставрации начала 2000-х гг.

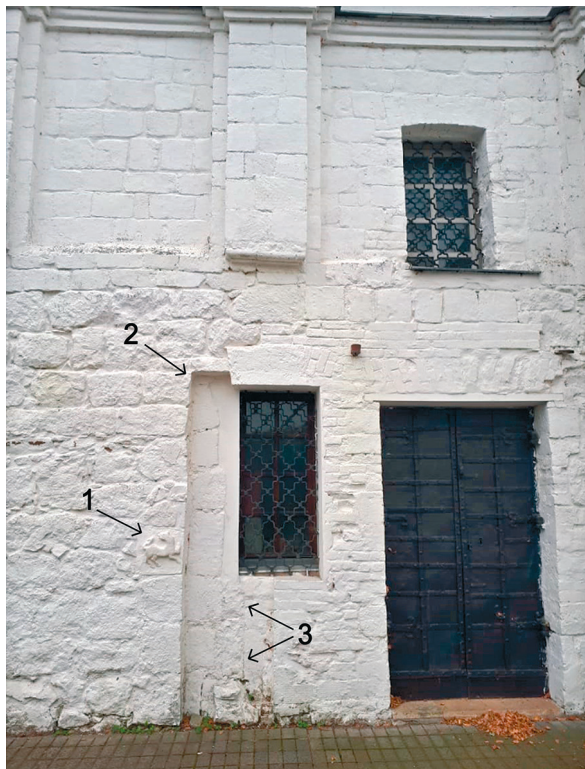
Епархия в Коломне была основана при митрополите Феогносте по инициативе великого московского князя Семена Гордого в конце 1352 — начале 1352 г. Учреждение епархий сопровождалось пожалованиями земельных владений, которые должны были обеспечить ее существование. Городищи принадлежит к числу самых первых вотчин, полученных владыкой от князя (Мазуров, 2001. С. 228). Можно осторожно предположить, что ближе к городу и потому особо ценное княжеское село уже во второй четверти XIV в. имело деревянный храм, посвященный небесному покровителю Ивана Калиты — Иоанну Предтече. Значение подобных загородных резиденций мы неплохо знаем благодаря селу Голенищеву под Москвой, которое стало для митрополита Киприана в начале XV в. убежищем от городской суеты, местом молитвенных трудов и переписки книг, «понеж место бе тихо, и безмолвно, и покойно от всяких плищей». Из городищенской церкви сохранился храмовый образ конца XIV в. — «Иоанн Предтеча — Ангел пустыни» (ныне — в ГТГ) (Мазуров, 2001. С. 307).

Хронология древнейшего храма долгое время вызывала дискуссию. Н. Д. Иванчин-Писарев в 1844 г. высказал довольно умозрительное мнение, что древнейший четверик возведен при Всеволоде Большое Гнездо (Иванчин-Писарев, 1844. С. 133–134). В 1920-х гг. Н. И. Некрасов и Ю. П. Кивокурцев, уже опираясь на натурные и археологические исследования, пытались от-

нести нижнюю часть четверика к домонгольскому времени (XII в.) (Кивокурцев, 1930. С. 66–71; Некрасов, 1928. С. 164–165). А. И. Некрасов определил городищенский храм как памятник владими́ро-суздальской архитектуры и трактовал его появление как представительство в низовьях Москвы-реки интересов князей «Залесской Руси». Н. Н. Воронин отнес весь объем четверика от низа до верха к рубежу XV–XVI вв., увидев типологическое сходство с храмом Трифона в Напрудном (Воронин, 1949. С. 219–223; 1962. С. 204–205). Окончательную ясность в датировку и интерпретацию памятника внесли исследования М. Х. Алешковского и Б. Л. Альтшуллера в 1970-е гг. Храм был вписан в группу раннемосковских церквей (Никольский храм в селе Каменском Наро-Фоминского района Московской области; Благовещенский собор Московского Кремля; коломенские храмы: Иоанна Предтечи, монастырские — Богородице-Рождественский Бобренева и Богоявленский Голутвина монастырей) с встроенными в углы четверика пилонами (переходили в параболические арки, несущие через переходной конус барабан), образующими крестообразно организованное внутреннее пространство. Единственный почти полностью сохранившийся подобный храм — Никольский в селе Каменском. Появление указанной группы церквей было связано с деятельностью строительной артели мастеров балканского происхождения. Датировка всей группы определялась

• Илл. 2. Белокаменный блок со «зверем». ИКМЗ «Коломенский кремль»

• Илл. 3. Северный фасад древнего четверика храма: 1 — копия резного блока со «зверем»; 2 — изначальная ниша-углубление; 3 — следы срубленного портала

второй половиной XIV столетия (*Альтшуллер*, 1977. С. 172–173). С современных позиций и с учетом новейших исследований датировку можно было бы сузить до последней трети или даже четверти XIV в., однако это потребует отдельной публикации.

Однако внимание общественности и ученых привлекали не только и не столько своеобразие строительной техники и древность храма, сколько белокаменный рельеф с изображением животного-«зверя» (размеры его 32 × 44 см, высота рельефа 2–2,5 см), сохранившийся в кладке северного фасада (илл. 3). Расположен он был слева от северного входа и окна (в существующих формах пробитых в XVIII в.), на высоте чуть более 1 м, будучи вмонтирован в кладку на изначальном растворе (илл. 3). Особенностью расположения является нахождение рельефа на границе изначальной ниши-углубления на северном фасаде, в которой был размещен (со смещением от центральной оси) портал (его следы после срубки сохранились). Вероятно,

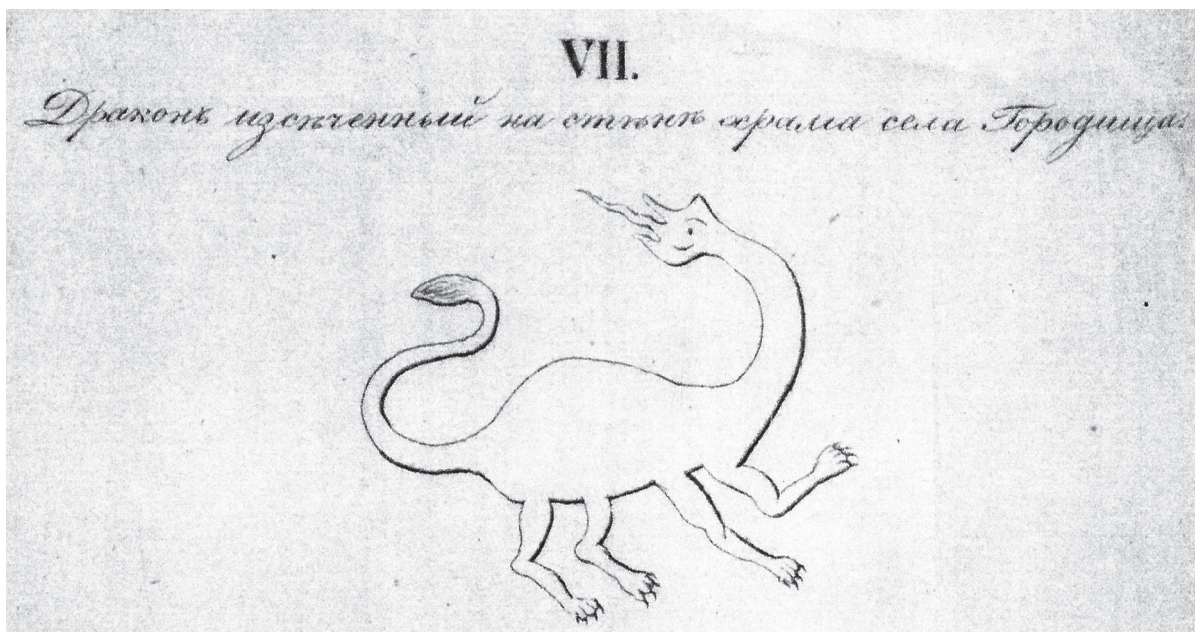
в нишу заподлицо был устроен деревянный переход-тамбур от теплого деревянного храма или комплекса деревянных строений епископского двора, расположенных к северу от храма.

В 1940 г. работниками Коломенского краеведческого музея во избежание вандализма блок со «зверем» был изъят из кладки и помещен в основную экспозицию, где и находится по сей день (илл. 2). На его место помещена цементная копия (илл. 4), ныне побеленная и смотрящаяся вполне органично.

Первые отзывы об одиночном рельефе принадлежат известному палеологу 1830–40-х гг. Н. Д. Иванчину-Писареву. Он трактовал его как изображение дракона или грифона (что маловероятно, по причине отсутствия крыльев), выдвинув фантастическую гипотезу — это изображение якобы выполнено по приказу монголо-татар, оставивших его «в память их владычества». К книге Иванчина-Писарева был приложен неизвестно кем выполненный рисунок «дракона» (*Иванчин-Писарев*, 1844. С. 133–134, приложение, рис. VII). Изображение носит весьма вольный характер, очень слабо соответствуя оригиналу (илл. 5). При рассмотрении, скорее, возникает ассоциация с динозавром (которые ранее трактовались как древние драконы) — диплодоком (зауроподом). Динозавры были открыты в 1820–30-е гг., а зауропод как вид описан в 1842 г. в Англии. Так что полностью исключить намеренное искажение невозможно. На рисунке следует обратить внимание на волнистый длинный и тонкий заостренный язык, далеко выходящий

• Илл. 4. Изготовленная из бетона копия резного блока со «зверем», ныне замещающая подлинник в стене храма. Фото 1970-х гг.

• Илл. 5. Рисунок из книги Н. Д. Иванчина-Писарева, вольно изображающий «зверя», находящегося на резном блоке

из пасти. Именно эта деталь сыграет потом злую шутку, породив легенду о единороге. А. И. Некрасов трактовал изображение на камне как «бегущего барса» — герба владими́ро-суздальских князей, представленного на памятниках архитектуры (Некрасов, 1928. С. 164–165). Н. Н. Воронин опротестовал интерпретацию Некрасова и определил изображенного животного как единорога (одновременно указав, что владими́ро-суздальская пластика единорога не знала). Он писал, что имеются следы якобы отколотого рога. Изучение блока показывает, что рельеф сохранился целиком. Не только известняк, но и дореволюционная раскраска (коричневая — у «зверя», голубая — у фона) не повреждены. Нет никаких следов скола в районе головы. Вероятно, Н. Н. Воронин сделал ошибочное умозаключение при сравнении блока (который он видел уже в Коломенском краеведческом музее) с рисунком, помещенным в книге Н. Д. Иванчина-Писарева. Эта ошибка и породила длительную (почти три четверти века!) историографическую традицию трактовки городищенского рельефа как единорога. Н. Н. Воронин отнес блок к более раннему храму XIV в., стоявшему в Городищах или в самой Коломне. Впоследствии блок был использован в кладке вторично

(Воронин, 1949. С. 223). Взгляды Н. Н. Воронина получили распространение в работах по градостроительству и архитектуре Коломны (Фехнер, 1963. С. 63) и популярных путеводителях по Коломне (Голубева, Гужов, 1970. С. 63, 70). Интерпретацию городищенского рельефа как единорога поддержал и другой классик архитектурной археологии — Г. К. Вагнер. Хотя ему были известны результаты исследований М. Х. Алешковского и Б. Л. Альтшуллера, а также то обстоятельство, что блок находился в кладке на первоначальном растворе, Г. К. Вагнер не без колебаний отнес его к XVI столетию. Отмечая его инородность по отношению и к владими́ро-суздальской, и к ранне-московской архитектуре, исследователь считал его принадлежащим к московской эмблематике Грозненского времени. Указав в качестве аналогий большую и малую государственные печати Ивана Грозного (илл. 8), Вагнер связал появление рельефа с Казанскими походами Ивана Грозного (все они начинались из Коломны), и конкретно — с 1552–53 гг. (Вагнер, Чугунов, 1980. С. 18–20, 23; Вагнер, 1980. С. 86–87). Впрочем, в другом месте своей работы он уже датировал его временем между XIV и XVI вв., «оставляя более точную датировку до будущего времени». «Так или иначе, — писал Г. К. Вагнер, — но в исто-

• Илл. 6. Миниатюра 473 Радзивилловской летописи (л. 191 об.) к статье 1151 г. с изображением единорога

рии русской скульптуры он (городищенский рельеф. — А. М.) остается в качестве переходного звена, связывающего старую скульптурную систему с нарождающейся новой, в которой зооморфным мотивам осталось все менее и менее места» (Вагнер, 1980. С. 87).

Авторитета Н. Н. Воронина и Г. К. Вагнера было достаточно, чтобы за рельефом из Городищ на многие десятилетия закрепилось определение единорога. Так ли это? Истоки образа единорога в средневековой эмблематике Руси — книжные. Они связаны с широко распространенной в древнерусской письменности и, одновременно, в мировой литературе всего средневековья «Повестью о Варлааме и Иоасафе». В одной из невероятно популярных притч («О сладости мира сего»), рассказанных Варлаамом Иоасафу, как раз и фигурирует единорог. Древнерусский перевод «Повести...» появился в Киеве не позже начала XII в., хотя ее полные пять списков датируются лишь XVI в. (Повесть..., 1987. С. 350–351). Единорог (в Древней Руси существовали такие вариации названия: «ин-рог», «индрик», «козьльрог», «всем зверям отец») в притче Варлаама является символом смерти: разъяренный, страшно ревущий и рычащий, свирепо беснующийся (Древнерусская притча, 1991. С. 44). Таким

«образом смерти» единорог является, например, и в миниатюре к статье 1151 г. Радзивилловской летописи конца XV в. о чудесном спасении Андрея Боголюбского (Радзивилловская летопись, 1994. Л. 191 об.) (илл. 6). Вообще же изображения единорогов в росписях, на иконах, миниатюрах, изразцах многочисленны. Одно из самых ранних и точно датированных — на пластине Васильевских врат 1336 г. (илл. 7), где максимально детально проиллюстрирована притча «О сладости мира сего» (именно эта надпись содержится в верхней части пластины) (История русского искусства, 2019. С. 510. Илл. 677). Изображения единорога содержатся на малой и большой государственных печатях Ивана Грозного (илл. 8) (Соболева, 1991. С. 211), которые приводил в качестве аналогий Г. К. Вагнер. Однако в действительности никакой близости и подобия с городищенским рельефом тут не наблюдается. Везде (как, например, на миниатюре из византийской Псалтири Барберини XI в.; илл. 9) рог единорога вырастает из лобной части или между ушей коня. Ничего подобного у «зверя» из коломенского храма нет, как нет и следов утраты (скола) рога. Все вышеперечисленное заставляет однозначно отказаться от его трактовки как «единорога», для которой нет никаких оснований.

• Илл. 7. Пластина Васильевских врат 1336 г. с иллюстрацией притчи «О сладости мира сего»

Полученный отрицательный вывод не снимает вопроса о понимании изображения. Поскольку никаких аналогий в белокаменной пластике не обнаруживается, для этого необходимо, на наш взгляд, расширить взгляд за счет предметного мира всей древнерусской культуры. Накопившийся благодаря археологии материал по древнерусской эмблематике позволяет заново поставить вопрос об интерпретации этого изображения. Оказывается, среди предметов, изготовленных ювелирами, в памятниках нумизматики и сфрагистики обнаруживается немало как весьма близких, так и более отдаленных аналогий анализируемому рельефу.

Обзор их начнем с очень близких и хронологически более ранних, чем «зверь» из Городищ, находок домонгольского времени. Немалое сходство с ним обнаруживает бронзовая литая накладка XII–XIII вв. из раскопок 1996 г. Н. Н. Грибова на Саровском городище (Грибов, 1997.

С. 98) (илл. 10). Небольшое (около 4,5 × 3,8 см) изделие имело два отверстия, через которые оно крепилось (заклепками?) к основе. Несмотря на очевидные отличия (голова зверя не повернута назад, разница в расположении ног), существуют детали, которые очень сближают два изображения. Это трактовка пасти, из которой высовывается утрированно большой язык (становится окончательно ясно, что верхний отросток на морде городищенского рельефа невозможно трактовать как рог), оформление хвоста с загибом и довольно очевидное завершение ног копытцами (особенно четко видно на накладке у правой передней ноги).

Еще более близким кажется сходство со значительной серией древнерусских привесок с изображением зверя, проанализированной Т. Г. Сарачевой (2003. С. 102–115). Прежде всего обращает на себя внимание удивительная универсальность изображений (илл. 11). Они происходят из почти двух десятков пунктов, как из курганных могильников: Автуничи, Высокино, Горышкино, Посад, Степановское, Малая Горка, так и из городищенского слоя: Гать, Лесное,

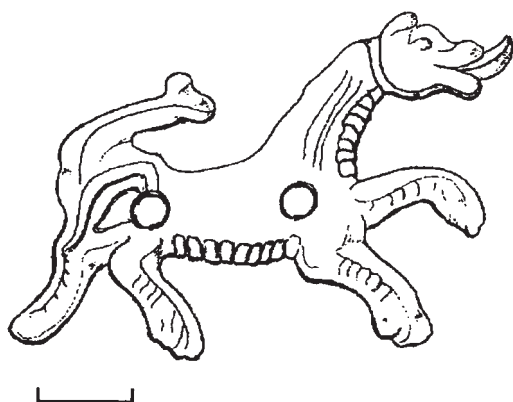

• Илл. 8. Государственные печати Ивана Грозного:
1 — малая; 2 — большая

• Илл. 9. Миниатюра из византийской Псалтири Барберини XI в. с изображением единорога

Серенск, Жокино, а также из Смоленска. Сразу пять таких привесок обнаружены кургане № 4 могильника Дарьино-1 в Одинцовском районе Московской области на берегу р. Слезни (правый приток р. Москвы) (Фатков и др., 2019. С. 50–51, 55. Рис. 6: 12–16) (илл. 12). Есть

• Илл. 10. Бронзовая литая накладка XII–XIII вв. из раскопок 1996 г. Н. Н. Грибова на Саровском городище

• Илл. 11. Привески с изображением зверя.
По: Сарачева, 2003. С. 106.

сведения о находках в Киевской и Нижегородской областях (Коршун, 2011. С. 79). Отметим их широкое географическое распространение: от Прибалтики, округи Чудского озера и Верхнего Поволжья до Среднего Поднепровья, и от Смоленска до Нижнего Новгорода. Основной массив находок локализуется в бассейне Верхней и Средней Оки. Общее количество привесок, с учетом новых находок, насчитывает более 40 экземпляров. Хронологически эти привески датируются второй половиной XI — первой половиной XIII в., но основная масса относится к предмонгольскому столетию. С точки зрения технологии они делятся на литые (причем в разных формах) и штампованные (тисненные). Это монетовидные привески в форме округлой металлической пластины с петлей для подвешивания. По краю идет бордюр из шариков ложной зерни, ограниченный двумя выпуклыми линиями. Иногда бордюр образован одной (внешней) линией и пояском коротких обращенных к центру линий. В круг вписано изображение зверя. Он может быть обращен как вправо, так и влево (в действительности речь идет типологически об одном и том же образе, но в зеркальном отражении). Контуры тела чаще всего переданы выпуклыми полосками. Есть варианты с фигурой зверя в виде плоского рельефа

• Илл. 12. Привески с изображением зверя из кургана № 4 могильника Дарьино-1 в Одинцовском р-не Московской области. По: Фатков и др., 2019. С. 55.

без каких-либо деталей. Голова повернута назад, с проработанными мордой и ухом. Лапы в основном трехпалые, переданы линиями, передняя лапа поднята вверх. На шее у основной части привесок у зверя присутствует ошейник, выделенный полоской с ложной зернью внутри. По мнению некоторых исследователей, это дает возможность предположить, что перед нами — собака. Хвост животного оформлен в виде симметричных завитков. Под брюхом — схематичное изображение лилии-трилистника. В чем же сходство этой представительной (а значит, весьма популярной у потребителя — широкой массы населения Древней Руси) группы привесок с городищенским рельефом? Прежде всего, это общий абрис четвероногого животного с обращенной назад головой. К более мелким, но значимым деталям относится поднятая передняя лапа у всех экземпляров привесок. На некоторых привесках мы видим трехчастное оформление морды с высунутым языком, копытца на ногах, хвост в виде завитка (илл. 11: 7–8).

Думается, серию широко распространенных древнерусских привесок со зверем и накладку с Саровского городища правомерно рассматривать как непосредственные или опосредованные прототипы городищенского рельефа.

Более отдаленные аналогии обнаруживаются в находках с Городища близ Новгорода, где располагалась княжеская резиденция. Это два миниатюрных декоративных бронзовых гвоздика от ларца или сундука с изображением льва (илл. 13), найденных во время раскопок и сборов у Благовещенской церкви (Седов и др., 2018). Перед нами царь зверей в застывшей геральди-

• Илл. 13. Миниатюрные декоративные гвоздики из раскопок и сборов у церкви Благовещения на Городище близ Новгорода

ческой позе. Лев повернут влево, вписан в круг. Лапы когтистые, правая приподнята, левая стоит на ободке, как и задние лапы. Хвост пропущен под левой ногой и поднят вверх, касаясь распущенным на четыре части кончиком верхней части ободка. Грива передана несколькими штрихами. Голова повернута к хвосту, различимы глаз и ухо. Предметы датируются временем после 1113 г., с открытой верхней датой. Публикаторы находки видят истоки подобной иконографии в византийском прикладном искусстве.

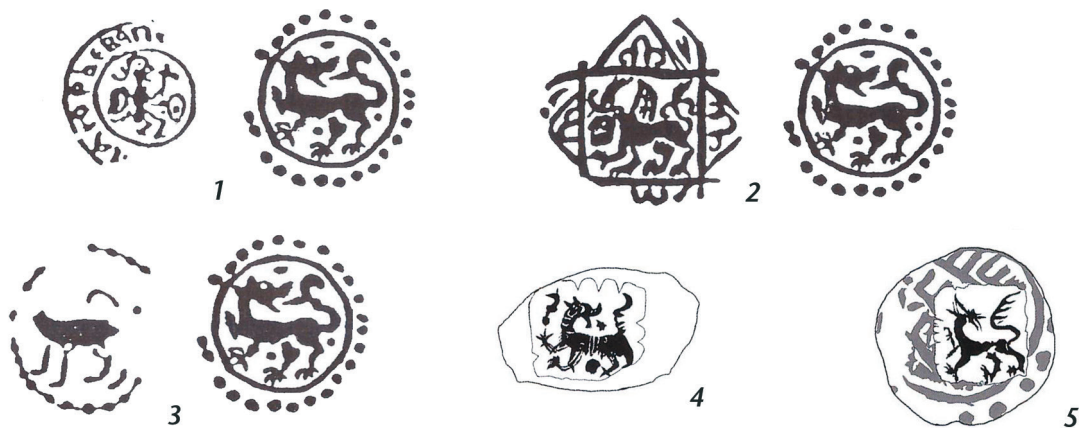
Продолжим дальнейший обзор аналогий. Часть из них уже была приведена Т. Г. Сарачевой (2003. С. 112. Рис. 6). Однако новые находки и важные детали требуют их обсуждения. Большая категория близких изображений обнаруживается на памятниках нумизматики. Самые ранние из них относятся к XIV в. Во-первых, это медное пуло из наших раскопок в Коломне (илл. 14: 2). На одной стороне — четвероногий зверь вправо с обращенной назад головой, раскрытой пастью, поднятой передней лапой и загнутым в петельку хвостом, на другой — гексаграмма. Если о происхождении пула можно только строить предположения (золотоордынское, что более вероятно, или русское?), то надчеканка на дирхеме хана Бердибека (1357–58 гг.) (илл. 14: 1) как будто бы является древнерусской. Это тот же зверь, но уже влево (на штемпеле был вправо!), с узнаваемыми деталями — загнутым хвостиком и поднятой передней лапой (есть и отличия — два уха). Дирхем найден недалеко от Коломны. Присутствие на локализуемых в самом городе или его окрестностях монетах изображений, очень похожих на

• Илл. 14. Медное пуло с изображением зверя (2) и дирхем хана Бердибека с надчеканкой в виде зверя (1)

городищенский рельеф, дает основание предположить их восхождение к этому образу.

Хронологически более поздние сюжеты содержатся на монетах самого конца XIV — первой половины XV в. В частности, в чеканке конца XIV — начала первого десятилетия XV в. князя Юрия Дмитриевича Галицко-Звенигородского мы видим четвероногого зверя влево (на штемпеле был вправо), с повернутой назад головой, с когтистыми лапами, поднятой правой ногой, раздвоенным хвостом, одно окончание которого оформлено в виде завитка (Волков и др., 2010.

• Илл. 15. Четвероногий зверь в памятниках нумизматики конца XIV — XV в.

• Илл. 16. Четвероногий зверь на печатях, монетах, накладках, перстнях-печатках XIV–XVI вв.

По: Сарачева, 2003. С. 112.

С. 115. Табл. X: 115–117) (илл. 15: 1–3). Основные разновидности клейм с четвероногим зверем на монетах конца XIV — XV в. рассмотрел В. В. Зайцев (2016. С. 30. Рис. 29). На некоторых из них опознаются кони — кругогривые или с намеченной гривой. Часть из них (с повернутой назад головой) напоминают городищенский рельеф, причем одно изображение как будто имеет гриву (т. е. это конь) (илл. 15: 4–5).

В новгородской сфрагистике также обнаруживаем четвероногого зверя (илл. 16: 6). Сходство с анализируемым рельефом на печатях весьма отдаленное. Впрочем, отдельные детали важны для понимания. Так, на печати Великого Новгорода окончание морды зверя трактовано как трехчастное: губы и язык переданы как одинаковые выступы-линии (илл. 16: 6, справа). Так же, как и губы, трактован язык зверя и на резном блоке из окрестностей средневековой Коломны.

Наконец, широкий круг аналогий зверя (чаще всего без поворота головы назад) представлен на перстнях-печатках, накладках и костяной печати XV–XVI вв. (илл. 16). Однако они мало что дают для уяснения специфики анализируемого артефакта.

Таким образом, четвероногий зверь — весьма распространенный мотив в древнерусском декоративно-прикладном искусстве. Выявлен широкий круг среди привесок, накладок, монет, печатей, перстней-печаток. В основном подобные изображения помещались на предметах, имевших хождение в широких народных массах, где они были, следовательно, особенно популярны. Крайние, максимально широкие хронологические даты указанной иконографии — вторая половина XI — XVI в. Наиболее точные аналогии городищенскому рельефу обнаруживаются в древнерусских привесках второй половины

XI — первой половины XIII в. (основная масса их относится к предмонгольскому полувеку) и бронзовой накладке XII–XIII вв., которые допустимо рассматривать в качестве его прототипа.

Вряд ли продуктивны споры об установлении видовой принадлежности «зверя». В подобных изображениях пытались видеть и лося, и оленя, и коня, и единорога, и собаку, и волка, и льва, и барса. Все дело в том, что удивительная однотипность изображений восходила к одному архетипу — это «зверь дивный, лютый», трактуемый как оберег. При этом и сам мастер-изготовитель, и потребитель (зритель) мог наделять этого зверя любыми качествами, видя в нем любое из перечисленных существ. В этой упрощенности, синкретичности и многозначности скрыта главная особенность образа. Совершенно исключать какое-то опосредованное влияние на коломенский рельеф и владимирского барса, и коня-единорога нельзя.

Отдельно следует обсудить время и место изготовления рельефа со зверем. Этому мешают множество обстоятельств, в частности, одиночный его характер (ведь недаром Г. К. Вагнер относил его к спорным памятникам!). Из аналогий, связанных с расположением блока, вспоминаются лишь львы на порталах суздальского собора Рождества Богородицы 1222–1225 гг. (Вагнер, 1980. С. 64. Рис. 31). Возможно, в городищенском храме у каждого портала справа и слева были парные резные изображения. Однако проверить указанное предположение невозможно (соответственные участки стен уничтожены при перестройках, а другие блоки пока не найдены). Есть, однако, некоторые твердые факты, на которые мы можем опереться при попытках установления датировки. Для группы памятников, к которым относится городищенский храм Иоанна Предтечи, нехарактерна белокаменная резьба (за исключением деталей оформления порталов) вообще и фасадная в частности. При исследованиях Никольского храма в с. Каменском и коломенских храмов не обнаружено каких-либо резных фрагментов, тем более с зооморфной резьбой. Между тем в Коломне во второй четверти XIV в. (вероятно, при Иване Калите) в традициях владимиросуздальского зодчества был воздвигнут Успенский собор, имевший белокаменные резные пояса на пилястрах (Мазуров, 2019. Рис. 34: 1–2. С. 32, 34, 42–43). Не исключено, что он имел и резьбу

на фасадах. Можно осторожно предположить, что при разборке этого храма в 1378–79 гг. какие-то блоки были отложены и затем использованы вторично при строительстве храма в Городищах. Близкая подобной гипотеза много ранее была предложена Н. Н. Ворониным, который говорил об использовании блока из другого, более раннего храма. Как ни зыбко наше предположение, оно имеет под собой основания. Во-первых, хронологически сближается время массового бытования привесок со зверем и коломенского рельефа. Во-вторых, тем самым мы учитываем особенности раннемосковского зодчества конца XIV — начала XV в., для которого зооморфные образы совершенно не характерны.

Список литературы

- Альшиуллер Б. Л. Бесстолпные храмы XIV века в Коломне // СА. 1977. № 4. С. 156–173.
- Вагнер Г. К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV вв. М.: Искусство, 1980. 267 с.
- Вагнер Г. К., Чугунов С. В. По Оке от Коломны до Муром. М.: Искусство, 1980. 183 с.
- Волков И. В., Зайцев В. В., Лейбов В. Л. Серебряные монеты Московских удельных князей. Конец XIV — начало второго десятилетия XV в.: каталог-определитель. М.: Древлехранилище, 2010. 142 с.
- Воронин Н. Н. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2 / под ред. А. В. Арциховского. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1949. С. 217–237. (МИА; № 12).
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.: в 2 т. Т. 2. М.: изд-во АН СССР, 1962. 558 с.
- Голубева Е. П., Гужов А. И. Путеводитель по Коломне. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Московский рабочий, 1970. 130 с.
- Грибов Н. Н. Охранные раскопки в Нижегородской области // Археологические открытия 1996 года. М.: ИА РАН, 1997. С. 97–98.
- Древнерусская притча. М.: Советская Россия, 1991. 524 с.
- Зайцев В. В. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М.: МБА, 2016. 303 с.
- Иванчин-Писарев Н. Д. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М.: в тип. А. Семена, 1844. 166 с., 7 л. ил.
- История русского искусства: в 22 т. Т. 4. Искусство середины XIII — середины XIV века. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2019. 720 с.

- Кивокурцев Ю. П. Памятник домонгольской эпохи близ Коломны // Труды кабинета истории материальной культуры. Вып. 5. М.: 1-й Московский гос. ун-т, 1930. С. 66–71.
- Коршун В. Отражение мифологии скандинавов в изобразительном искусстве X–XI вв. и ее влияние на языческую металлопластику Древней Руси // Домонгол. Альманах древней культуры и искусства. Вып. 2. М.: Знак, 2011. С. 57–81.
- Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.: Александрия, 2001. 542 с.
- Мазуров А. Б. Архитектурно-археологические исследования в Коломне (1947–1984 гг.) // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2019. № 1 (33). С. 3–45.
- Некрасов А. И. Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии. М.: изд-во 1-го Московского гос. ун-та, 1928. 315 с. (На обл. загл.: «Города Московской губернии»).
- Писцовая книга г. Коломны и уезда 1577/78 гг. // Писцовые книги Московского государства. Ч. 1, отд. 1 / Императорское Рус. Геогр. о-во. СПб.: [б. и.], 1872. С. 291–611.
- Повесть о Варлааме и Иоасафе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI — первая половина XIV в. Л.: Наука, 1987. С. 349–352.
- Радзивилловская летопись. СПб.: Глагол; М.: Искусство, 1994. 518 + 415 с.
- Сарачева Т. Г. Древнерусские привески с изображением зверя // Российская археология. 2003. № 4. С. 102–115.
- Седов Вл. В., Андриенко А. В., Вдовиченко М. В., Кудрявцев А. А. Бронзовые гвоздики с изображением льва с новгородского Городища // Нескончаемое лето: сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной / отв. ред. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород: Любавич, 2018. С. 214–215.
- Соболева Н. А. Русские печати. М.: Наука, 1991. 239 с.
- Фат'ков А. М., Миненко В. В., Слепова Я. Р., Чирков М. В., Аникин И. С. Археологические исследования курганного могильника Дарьино-1 // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2019. С. 48–65.
- Фехнер М. В. Коломна. М.: Госстройиздат, 1963. 143 с. (Архитектура городов СССР).
- Gribov N. N. Okhrannye raskopki v Nizhegorodskoy oblasti // Arkheologicheskie otkrytiya 1996 goda. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 1997. P. 97–98.
- Drevnerusskaya pritcha. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1991. 524 p.
- Fat'kov A. M., Minenko V. V., Slepova Ya. R., Chirkov M. V., Anikin I. S. Arkheologicheskie issledovaniya kurgannogo mogil'nika Dar'ino-1 // Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar. 15. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2019. P. 48–65.
- Fekhner M. V. Kolomna. Moscow: Gosstroyizdat, 1963. 143 p. (Arkhitectura gorodov SSSR).
- Istoriya russkogo iskusstva. 4. Iskustvo serediny XIII — serediny XIV veka. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2019. 720 p.
- Ivanchin-Pisarev N. D. Progulka po drevnemu Kolomenskomu uезdu. Moscow: v tipografii A. Semena, 1844. 166 p., 7 l. il.
- Kivokurtsev Yu. P. Pamyatnik domongol'skoy epokhi bliz Kolomny // Trudy kabineta istorii material'noy kul'tury. 5. Moscow: 1-y Moskovskiy gosudarstvennyy universitet, 1930. P. 66–71.
- Korshun V. Otrazhenie mifologii skandinavov v izobrazitel'nom iskusstve X–XI vv. i ee vliyaniye na yazycheskuyu metalloplastiku Drevney Rusi // Domongol. Al'manakh drevney kul'tury i iskusstva. 2. Moscow: Zakn, 2011. P. 57–81.
- Mazurov A. B. Srednevekovaya Kolomna v XIV — pervoy trety XVI v. Kompleksnoye issledovaniye regional'nykh aspektov stanovleniya edinogo Russkogo gosudarstva. Moscow: Aleksandriya, 2001. 542 p.
- Mazurov A. B. Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniya v Kolomne (1947–1984 gg.) // Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta. 2019. 1 (33). P. 3–45.
- Nekrasov A. I. Khudozhestvennyye pamyatniki Moskvy i gorodov Moskovskoy gubernii. Moscow: izdatel'stvo 1-go Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1928. 315 p.
- Pistovaya kniga g. Kolomny i uyezda 1577/78 gg. // Pistovye knigi Moskovskogo gosudarstva. 1, 1. St. Petersburg: [s. n.], 1872. P. 291–611.
- Povest' o Varlaame i Ioasafe // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. 1. XI — pervaya polovina XIV v. Leningrad: Nauka, 1987. P. 349–352.
- Radzivilovskaya letopis'. St. Petersburg: Glagol; Moscow: Iskustvo, 1994. 518 + 415 p.
- Saracheva T. G. Drevnerusskie priveski s izobrazheniem zverya // Rossiyskaya arkheologiya. 2003. № 4. P. 102–115.
- Sedov Vl. V., Andrienko A. V., Vdovichenko M. V., Kudryavtsev A. A. Bronzovye гвоздики s izobrazheniem l'va s novgorodskogo Gorodishcha // Neskonchaemoe leto: sbornik statey v chest' E. A. Rybinoy / ed. V. K. Singkh. Moscow; Velikiy Novgorod: Lyubavich, 2018. P. 214–215.

References

Soboleva N. A. *Russkie pechati*. Moscow: Nauka, 1991. 239 p.

Vagner G. K. *Ot simvola k real'nosti. Razvitie plasticheskogo obraza v russkom iskusstve XIV–XV vv.* Moscow: Iskustvo, 1980. 267 p.

Vagner G. K., Chugunov S. V. *Po Oke ot Kolomny do Muroma*. Moscow: Iskustvo, 1980. 183 p.

Volkov I. V., Zaytsev V. V., Leybov V. L. *Serebryanye monety Moskovskikh udel'nykh knyazheniy. Konets XIV — nachalo vtorogo desyatiletia XV v.: katalog-opredelitel'*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2010. 142 p.

Voronin N. N. *K kharakteristike arkhitekturnykh pamyatnikov Kolomny vremeni Dmitriya Donskogo // Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy. T. 2 / ed. A. V. Artsikhovskiy*. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. P. 217–237. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 12).

Voronin N. N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vv. 2*. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 558 p.

Zaytsev V. V. *Russkie monety XIV–XVII vv. Ocherki po numizmatike*. Moscow: MBA, 2016. 303 p.

Illustrations

Fig. 1. The Church of St. John the Baptist in Gorodishchi (town of Kolomna). Modern view following restoration in the early 2000s

Fig. 2. The white-stone block featuring the “beast”. The “Kolomna Kremlin” Museum-reserve

Fig. 3. The northern façade of the ancient quatrefoil church: 1 — a replica of the block with the beast; 2 — the original niche; 3 — traces of the dismantled portal

Fig. 4. A concrete replica of the carved block with the “beast”, currently replacing the original in the church’s wall. Photo taken in the 1970s

Fig. 5. A drawing from N. D. Ivanchin-Pisarev’s book, portraying the “beast” on the carved block in a free manner

Fig. 6. Miniature 473 of the Radzivil Chronicle (L. 191 ob.), accompanying the article from 1151, featuring a depiction of a unicorn

Fig. 7. A plate from St. Basil (Vasilievsky) Gates of 1336, illustrating a parable entitled “Of This World’s Sweetness”

Fig. 8. State seals of Ivan the Terrible: 1 — small; 2 — large

Fig. 9. Miniature from the 11th-century Byzantine Barberini Psalterium, displaying an image of a unicorn

Fig. 10. A cast bronze overlay from the 12th–13th centuries, discovered during N. N. Gribov’s 1996 excavations at the Sarov gorodishche (fortified settlement)

Fig. 11. Pendants bearing the image of the beast. After: Saracheva, 2003. P. 106.

Fig. 12. Pendants depicting the beast from burial mound No. 4 at Daryino-1 in the Odintsovo district of the Moscow region. After: Fatkov et al., 2019. P. 55.

Fig. 13. Miniature ornamental nails from excavations and collections at the Church of the Annunciation on Gorodishche near Novgorod.

Fig. 14. A copper pula featuring the image of the beast (1) and a dirham of khan Berdibek with a mint in the form of the beast (2)

Fig. 15. The four-legged beast in numismatics from the late 14th to the 15th centuries

Fig. 16. The four-legged beast on 14th–16th-century stamps, coins, plates, and rings. After: Saracheva, 2003. P. 112.

A. B. Mazurov. Regarding the interpretation of the white stone carved block depicting a “beast” from the Church of St. John the Baptist in Gorodishchi, near Kolomna

Abstract. This article addresses the interpretation of a renowned decorative-monumental sculpture from the 14th century — a carved block featuring a “beast” — found in the Church of St. John the Baptist in Gorodishche near Kolomna. For the past seventy-five years, it has been mistakenly regarded as a unicorn. However, a meticulous exploration of the objective world of Medieval Rus’ culture, including pendants, plates, coins, signet rings, and seals, has unveiled a broad array of analogies and even allowed for the identification of potential specific prototypes such as coin-like pendants depicting the beast and overlays from the pre-Mongolian period. The more accurate definition of the image is as a syncretic “fierce beast” (whose exact species remains uncertain) that was prevalent in folk culture. The article hypothesises that the relief block originated from the Kolomna Dormition Cathedral, dating back to the second quarter of the 14th century, and was subsequently repurposed after the cathedral’s dismantling in 1378 during the construction of a church in Gorodishche.

Keywords: Early-Moscow architecture of the 14th century, decorative-monumental plastic art, Kolomna, Church of St. John the Baptist in Gorodishche, unicorn, fierce beast.

Mazurov Aleksey Borisovich, doctor of history, professor, president of the State University of Humanities and Social Studies, 30 Zelenaya St., 140410 Kolomna, Russian Federation; rector of St. Philaret’s Institute, 11 Tokmakov Lane, 105066 Moscow, Russian Federation, mazurov.ab.1970@mail.ru.

«Северо-двинская» школа изразцового дела: истоки возникновения и художественные особенности (на материале коллекции изразцов Великоустюгского музея-заповедника)

С. И. БАРАНОВА, Л. А. СКУПЧЕНКО

● русский изразец позднего Средневековья и Нового времени обнаруживает, вопреки обширности территории, существенное единообразие в развитии (Баранова, 2007). Самобытность даже давно существовавших школ (например, школа Пскова) была утрачена, по-видимому, в связи с распространением технологий через Москву начиная со времени господства красных, муравленых и особенно многоцветных изразцов. Эти утверждения основаны на знакомстве со всем кругом введенных в оборот изразцов. Сами изразцы позволяют наблюдать генезис технологий, орнаментов, архитектурных стилей местных изразцовых групп. На сопоставлении со столичными прототипами основана гипотеза московского происхождения изразцов Углича, Ярославля, других городов Поволжья, отдельных локальных школ (Вяжищский монастырь). В их числе и Великий Устюг.

Углубленное рассмотрение изразцов практически в каждом городе обнаруживает собственные версии композиций и местные нюансы декора, отличающиеся (иногда незначительно) от московских.

Эту картину, особенно ярко выраженную, мы наблюдаем в Устюге. На самобытность местного изразцового производства обратили внимание уже в XIX в. В альбомах Императорского общества поощрения художников отмечен характерный тип клейма устюжских изразцовых орнаментов (Симаков, 1882); его изображение включено в сборник художественно-промышленных рисунков в 1892 г. (происхождение клейма не ука-

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-411-1.185-201>

Аннотация. На материалах архива А. В. Филиппова анализируется введенное им в 1930-х гг. определение «северо-двинская изразцовая школа». Привлечена коллекция изразцов из Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (5000 предметов), в настоящее время активно вводимая в научный оборот. Определены черты «северо-двинской» школы с центром в Великом Устюге, ее формирование и развитие. Школа возникла в эпоху высшего расцвета изразца в Московском государстве в XVII в. и существовала весь XVIII в. Ее изразец почти не менялся в XVIII в., оставаясь в рамках особого северодвинского стиля, созданного местными мастерами. Школу отличает своеобразие — возможно потому, что она мало связана с общей линией развития столичного изразца.

Ключевые слова: стиль барокко, искусство русской провинции, история изразца, русская печь, А. В. Филиппов.

Баранова Светлана Измайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, Москва, Российская Федерация, 125933, svetlanbaranova@yandex.ru.

Скупченко Людмила Анатольевна — научный сотрудник отдела хранения фондов, Великоустюгский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Набережная ул., 64, Великий Устюг, Российская Федерация, 162390, m.shilnikovskaya@yandex.ru.

зано)¹. В 1915 г. сотрудница Румянцевского музея Л. И. Свионтовская² выступила в Московском обществе по исследованию памятников древности с докладом «Великий Устюг»³ (Кириллова, 2001. С. 5).

Особенно плодотворной стала научная поездка летом 1927 г. в Великий Устюг известного исследователя русского изразца А. В. Филиппова, результаты которой он представил 30 мая 1928 г. в докладе «Северо-Двинская школа изразцового дела XVII–XVIII веков» на заседании группы керамики Комитета декоративных искусств ГАХ⁴. Сюжет описан в монографии «Керамическая установка», где приведена часть документов, включая фотографии, зарисовки, обмеры печей и отдельных изразцов (Керамическая установка, 2017. С. 280–287). В Великом Устюге А. В. Филиппову удалось зарегистрировать и описать 93 существовавших и 16 разобранных печей, от которых сохранились изразцы, а также получить сведения о 14 бесследно исчезнувших (Чебыкина, 2013. С. 161). Кроме того, его внимание привлекли изразцы в наружных облицовках 11 церквей, которые ясно показали в орнаментальном решении зависимость Устюга от Ростова Великого и Ярославля. Ученый отметил, что все печи обладают оригинальными чертами местного стиля и производства. Так впервые было сформулировано понятие «Северо-Двинская школа изразцового дела XVII–XVIII веков», которое в редуцированном виде («северо-двинская школа») использовано во втором выпуске увража А. В. Филиппова «Древнерусские изразцы XVII в.» (Филиппов, 1940).

¹ Альбом, 1892 г., находится в коллекции Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника.

² Людмила Ивановна Свионтовская (1887–1972). Искусствовед, специалист по декоративно-прикладному искусству и художественным промыслам, музейный работник, коллекционер.

³ <http://rusfolklor.ru/archives/13914> (дата обращения 06.06.2023).

⁴ Алексей Васильевич Филиппов (1892–1956) — крупнейший отечественный специалист по керамике, художник, исследователь, технолог-производственник, реставратор, историк искусства. Подробнее см.: Керамическая установка, 2017.

По мнению исследователя, «понятием Северо-Двинской школы» можно объяснить те «оригинальность и неповторимость румпы изразцов Великого Устюга, которые помогли установить по этому и ряду других признаков существование на севере одного из крупных самостоятельных центров изразцового производства» (Филиппов, 1940). Материалы архива А. В. Филиппова раскрывают смысл определения, позволяют оценить собранный материал и ввести его в контекст современного изучения русского изразца. Ученый явно хотел продолжить работу, но не сделал этого. Другие ученые уже не использовали это определение, даже когда обращались к материалу (как в известном альбоме С. А. Маслиха, где опубликовано много отмывок с устюжских изразцов) (Маслих, 1976).

Определение «северо-двинская» связано с топонимикой своего времени: с 1918 г. Великий Устюг был центром Северо-Двинской губернии. Северо-Двинским именовался и музей в Великом Устюге, оказавший А. В. Филиппову содействие и предоставивший ему предметы из коллекции для изучения с последующей передачей в музей Москвы⁵. В адрес музея Северо-Двинской культуры 13 ноября 1928 г. была отправлена заявка Политехнического музея (за подписью членов правления В. Вильямса и Э. Запольского) после выступления А. В. Филиппова⁶, и в ней содержалась просьба передать «в коллекцию изразцового производства образцы изразцов Северо-Двинской школы, как имеющие свои технические и художественные особенности». К заявке прилагались схемы печных клейм из двух, четырех и семи изразцов и описание изразцов наружных облицовок.

Устюжские изразцы хранятся сегодня в собраниях Политехнического музея, Русского музея, Государственного Эрмитажа, ГИМ, РЭМ, МГОМЗ, Государственного музея-заповедника «Останкино и Кууско», ЦМиАР, ВОГМЗ, КОГКМ и др. Как правило, эти комплексы недостаточно изучены и требуют уточнения атрибутивных характери-

⁵ Журнал № 7 заседаний коллегии МСДК. МКАУ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 — 14 об.

⁶ Отношение Государственного Политехнического музея от 13 ноября 1928 года. МКАУ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 33. Л. 3940.

стик¹. До настоящего времени не использовался в полной мере и потенциал коллекции изразцов Великоустюгского государственного музея-заповедника (далее — ВУГМЗ), которая насчитывает 4879 предметов основного фонда, 121 — научно-вспомогательного и продолжает пополняться. Изразцы Великого Устюга публиковали фрагментарно, в изданиях по истории, архитектуре, декоративно-прикладному искусству города и Русского Севера (Чебыкина, 2013. С. 161; Митурич, 2013. С. 149).

Публикации материалов архива А. В. Филиппова дали толчок изучению коллекции. Была установлена принадлежность ряда печных комплектов и отдельных изразцов из собрания ВУГМЗ интерьерам частных домов и утраченных памятников архитектуры. Так, сравнительный анализ изображений на снимке и предметов коллекции позволил по сколам, утратам, своеобразным дефектам эмали установить полное соответствие стенных изразцов печи из Петропавловской церкви на фото А. В. Филиппова (Керамическая установка, 2017. С. 272. Илл. 65) и 17 предметов из собрания музея. В среднем ярусе печи использовано клеймо из десяти изразцов, детали орнамента которого впоследствии А. В. Филиппов применил в построении модели бесшовной облицовки (Керамическая установка, 2017. Илл. 79; Маслих, 1983. Илл. 192). Материалы его архива, успешный поиск документальных источников, а также каталогизация музейной коллекции позволяют детальнее представить особенности местной художественно-производственной традиции, подтвердив сложение на Севере крупного самостоятельного центра изразцового производства и региональной версии изразцового декора, определяемой как *северо-двинская школа* (Баранова, 2020. С. 15).

Первые ранние, красные рамочные изразцы, изготовленные в Москве², появились в декоре Вознесенской церкви (1648). Дальнейшее широ-

кое применение изразцов связано с тем, что архитектурный облик Устюга начал складываться во второй половине XVII в., в период активного использования многоцветных изразцов в убранстве зданий. Каменные (кирпичные) церкви, возведенные в этот период на средства богатых устюжских купцов, членов московской гостиной сотни, заменили деревянные. Увлечение многоцветными изразцами как элементом архитектурного убранства в Устюге продолжалось до середины XVIII в.: Вознесенская церковь (1648), Троицкий собор Троице-Гледенского монастыря (1659), соборы Иоанна Устюжского (1663) и Прокопия Праведного (1668), Власьевская (Богоявленская, 1689) церковь, Спасо-Преображенский собор (1689–1696), Ильинская церковь (1695; 1736–1745), церковь Антония и Феодосия Киево-Печерских (1696–1703), Димитриевская церковь в Дымкове (1700–1708), Сретенско-Мироносицкая церковь (1714–1722), кельи и пилоны ворот ограды Иоанно-Предтеченского монастыря (первая половина XVIII в.), церковь Николы Гостунского (1682–1685; конец 1720-х гг.), Леонтьевская церковь (1738–1741), изразцовые капители основного объема Симеоновской церкви и отдельно стоящей колокольни (1757–1765)³.

Их изразцовый декор свидетельствует о знакомстве с московским стилем, но в московском наборе нередко изразцы, обнаруживающие новые элементы сюжета. В коллекции ВУГМЗ сохранились печные изразцы, идентичные деталям наружных облицовок памятников архитектуры конца XVII — начала XVIII в. Стенные изразцы (Митурич, 2013. Илл. 31, 32) изготовлены из красножгущейся глины, в их цветовом решении использованы эмали четырех цветов и прозрачная коричневая глазурь разных оттенков. Лицевая пластина изразцов имеет размеры 21,1 × 20,3 см и 20,8 × 18,9 (частично сколота) см; румпа московского типа, массивная и с двойным ободком, почти квадратная в сечении в верхней части. Углы румпы прямые, наружные стенки сохранили следы формовки с использованием досок. Внутренняя поверхность изразцов со следами копоты, в одном из них пробито круглое

¹ В ряде коллекций для изразцов устюжского производства место создания указано обобщенно — «Север», «Российская империя». Нередки сомнительные датировки предметов в собраниях музеев, где предметы XVIII в. датируются XIX — началом XX в.

² О московском происхождении изразцов Вознесенской церкви писали С. А. Маслих и Н. И. Немцова. См.: Маслих, 1976. С. 13; Немцова, 1991. С. 91.

³ Подробнее см.: Баранова, Лисенкова, 2012. Важным вкладом в изучение изразцового декора памятников Великого Устюга стала диссертация Ю. Ю. Лисенковой. См.: Лисенкова, 2012.

• Илл. 1. Изразец печной стеной. Из коллекции печных рельефных полихромных изразцов. Конец XVII в. ВУМЗ-29167/2. Собрание Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Великий Устюг. Первая публикация

отверстие для вьюшки, что позволяет предположить их использование в печи. Документального подтверждения тому, кто был заказчиком и исполнителем первых печей, облицованных полихромными изразцами местного производства, пока не обнаружено, но, без сомнения, выполнены они были по московскому образцу. Профильные карнизные изразцы с листом аканта, муравлений (8,4 × 18,5 × 11 см) и полихромный (7,8 × 18,4 × 16,3 см), и поясковый изразец со львами (Митурич, 2013. Илл. 36) также имеют румпу московского типа и орнаменты, аналогичные московским¹. Те же особенности характерны для муравлений и поливных полуколонок с мотивом виноградной лозы (размер изразца с сохранившейся румпой 17,7 × 9,5 × 14,1 см), ана-

логичных фрагментам наличников первой четверти XVIII в. (Лисенкова, 2012). Таким образом, устюжские печные наборы конца XVII — начала XVIII в. мало отличались от московских изделий, являясь по большей части привозными.

В собрании ВУГМЗ хранятся печные изразцы с растительным орнаментом, заключенным в двухконтурную рамку со штриховым заполнением (илл. 1), которые являются частью клейма из четырех изразцов. Изразцы изготовлены из красножгущейся глины, имеют массивнуюлицевую пластину, отступающую от края румпы высотой 8,5 см, с четкими очертаниями углов и двойным ободком по верхнему краю, почти квадратную в верхней части. Орнамент клейма на лицевой пластине построен на белой и нежно-бирюзовой эмали фона. В основе композиции — ваза с двумя S-образными ручками, в ней букет с ягодами и остроконечными листьями. По бокам на склонившихся стеблях — листья-цветы с рядом бусин в середине; под вазой два тюльпана. На двух изразцах — изображение митры-короны без креста с жемчужной обнизью по верху.

В комплекте имеются три угловых изразца с характерным типом румпы (край двух противоположных стенок имеет наклон к боковой стороне). У полностью сохранившегося изразца на боковой стороне размещается половина орнамента. У двух угловых изразцов боковая сторона стесана. Вероятно, в облицовке печи они требовались как стеновые.

Цветовая вариация лицевой пластины, характерная для памятников конца XVII столетия, при которой центральная фигура размещается на белом фоне, наблюдается и у второго набора изразцов этого периода. Вероятно, они также были использованы в печной облицовке, о чем говорит наличие копоти на внутренней поверхности румпы и потеки темно-зеленой краски на лицевой пластине. Аналог описан Ю. Ю. Лисенковой как часть архитектурного декора ширинок пилонов ограды Иоанно-Предтеченского монастыря. Автор считает типичным использование в фасадном декоре храмов Великого Устюга во второй четверти XVIII в. четырехцветных рельефных изразцов с изображением «геральдических» мотивов, в том числе рисунков цветка-бутона на толстом стебле под короной (Лисенкова, 2012. Илл. 152). По мнению автора, такие же изразцы могли декорировать и корпус братских келий

¹ Аналогичные изразцы использованы в облицовке печей Коломенского дворца и Новодевичьего монастыря. См.: Баранова, 2014; Шиманова, 2018.

названного монастыря. Фотографии и натурное обследование изразцов ограда позволяют установить однородный фон лицевой пластины, без белого медальона в центре, что подтверждает более позднее решение орнамента: «1742. В монастыре Иоанно Предтече заложена каменная колокольня; тогда же начали обнести монастырь, вместо деревянной, каменной оградой» (Ардашев, 1857. С. 351).

Таким образом, в коллекции музея представлены ранние печные изразцы с растительно-«геральдическим» орнаментом, получившим дальнейшее развитие в устюжском изразцовом искусстве. По-видимому, в облицовке первых полихромных изразцовых печей в Великом Устюге в конце XVII — первой четверти XVIII в. использовались элементы фасадных клейм. Изразцы этого периода имеют следы формовки с помощью деревянной матрицы, в изготовлении их возможно участие мастеров изразцовых центров, близких к Москве.

Устюжская печная керамика XVIII в. Начало XVIII столетия ознаменовалось расцветом каменного зодчества в обширных границах Великоустюжской и Тотемской епархии. Одной из первых среди удаленных от центра епархии храмов получила изразцовый декор церковь Благовещения Пресвятой Богородицы в Туглиме (1710). Во фризе памятника были применены стенные изразцы с мотивами малого вазона, частей композиции большого вазона и птиц (в настоящее время полностью утрачены). В сохранившихся изразцах, декорирующих колокольню, встречаются также ковровые изразцы с миниатюрным вазоном с цветами и бутонами на изогнутых стеблях, составляющими композицию в двухконтурной кубчатой рамке со штриховым заполнением (Кондратьева, Паничева, 1987. С. 375). Беспаливные печные изразцы с аналогичным орнаментом поступили в собрание музея в 2019 г. вместе с другими фрагментами печной облицовки, собранными на территории Троице-Гледенского монастыря.

При сохранении орнаментальной композиции фасадного изразца изменились форма и размер лицевой пластины — от почти квадратной к прямоугольной, соответствующей размерам кирпича. Изразец имеет размеры 21,3 × 18 × 10,2 см, румпу высотой 8,7 см, без ободка по верхнему краю; углы румпы прямые,

наружная поверхность со следами формовки с помощью деревянного предмета. По-видимому, при точном воспроизведении элементов орнамента образца мастера применили удобный и знакомый из кирпичного дела способ формирования румпы. При этом орнамент изразца имеет сглаженный невысокий рельеф. Фрагменты изразцов с аналогичным орнаментом имеют более глубокий рельеф, их румпа сформована с выраженными углами, сужением к верхней части и двойным ободком по краю. Высота румпы — 9,3 и 9,1 см. Существование на территории памятника изразцов с разной степенью проработки рельефа и разными типами румпы объясняется, по всей вероятности, применением изготовленной по образцу собственной формы для оттиска. В облицовке печи, сохранившейся в подклете Троицкого собора, обнаружены восемь таких изразцов, образующих ковровый орнамент.

В нижнем и среднем ярусе печной набор обладает чертами печей ренессансного типа (Немцова, 1989. С. 6–7) и составлен из одиночных терракотовых и поливных двух- и трехцветных изразцов. Сохранились отдельные стенные изразцы, полуколонки с мотивом виноградной лозы, использованные в качестве пояса-валика, и угловые, подзоры, ножки с квадратным в сечении стволом с овальным медальоном, базой и капителью в форме карниза (илл. 2). По типу и орнаментальному решению их следует отнести к первой половине XVIII в., не ранее 1707 г., когда Троицкий собор был освящен после завершения строительства иконостаса и приведения в порядок внутреннего убранства (Зенкова, 2007. С. 8).

Упоминания о закупке изразцов, работах по кладке и ремонту изразцовых печей содержатся в документах Великоустюжской духовной консистории лишь начиная с 1746 г. (Чебыкина, 2013. С. 161). В описи имущества Троице-Гледенского монастыря за 1770 г., находящейся в архивном фонде документальной коллекции ВУГМЗ, перечислены десять «израсцовых» печей (две из них на монастырском дворе в Устюге) в церковном интерьере, кельях и хозяйственных помещениях и столько же «кирпичных». В одно и то же время в монастыре существовали «печь израсцовая простая некрашенная», «печь израсцовая по белой земле», «печь израсцовая по зеленой земле»,

• Илл. 2. Печь изразцовая в подклете Троицкого собора Троице-Гледенского монастыря. Фотография 2022 г. Великоустюгский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Великий Устюг. Первая публикация

«печь израсцовая зеленая глаткая»; многие из них названы ветхими¹. С течением времени эти печи перекладывались, о чем сообщается в актах монастыря: «печь и очаг в келарской келии» перекладывал в 1773 г. Стахей Замараев (*Чебыкина*, 2013. С. 163).

¹ Книга рукописная. Опись монастырского и церковного имущества Троицкого Гледенского монастыря. 1770 год. ВУМЗ-21039. Ф. 27 «РК». Оп. 1. Д. 33. Л. 10–51. К сожалению, ряд исследователей допускает ошибку в прочтении скорописи XVIII в., называя печи «обращатыми» или «изращатыми».

Верхний ярус печи в подклете Троицкого собора составляют одиночные трехцветные полихромные изразцы, а также клейма из четырех и семи трехцветных изразцов, вероятно, установленных при более поздних починках с заменой фрагментов облицовки. Несмотря на поздние вставки и утраты, печной комплект в подклете Троицкого собора уникален. В первоначальном его составе, включающем сохранившиеся подлинники изразцы первой половины XVIII в., отразился постепенный переход к интерьерному применению архитектурной облицовки, когда мастера Великого Устюга пробовали свои силы в создании поливных печных изразцов и вырабатывали собственные приемы формования румпы, названной в работах А. В. Филиппова устюжской (*Филиппов*, 1940. Табл. 16).

Дальнейшая история устюжского изразца связана с широким производством печных наборов по заказам приходских общин и монастырей. Можно считать, что в середине XVIII в. устюжская изразцовая школа обрела собственный почерк, отразив вкусы местных заказчиков. Печные изразцы середины XVIII в. отличает разнообразие орнаментов и технологий. Практически одновременно в теплых храмах и монастырских кельях выкладывали печи «кирпичные», облицованные «красными обрасцами»², «муравчатые» и «роскрашенные красками» (*Чебыкина*, 2013. С. 161, 166). Ковровый орнамент в это время получил развитие в виде композиции из двух изразцов. Одним из примеров такого решения является не описанный ранее декор откосов алтарного окна церкви Вознесения, выполненный в 1742 г. Низкорельефные изразцы на белом и бирюзово-зеленом фоне объединяются в очерченные зубчатой рамкой полосы зеркально отраженного коврового орнамента с розетками, цветами и бусинами; в верхней части развернуто шестиизразцовое клеймо с фигурной рамкой из завитков и листьев. В палитре использованы эмали трех цветов и прозрачная коричневая глазурь двух оттенков. На этом этапе совершенствуются собственные технологические приемы и вырабатываются формы орнамента, которые впоследствии станут основой устюжского изразцового дела.

² В документах XVIII в. так называются терракотовые местные печные изразцы.

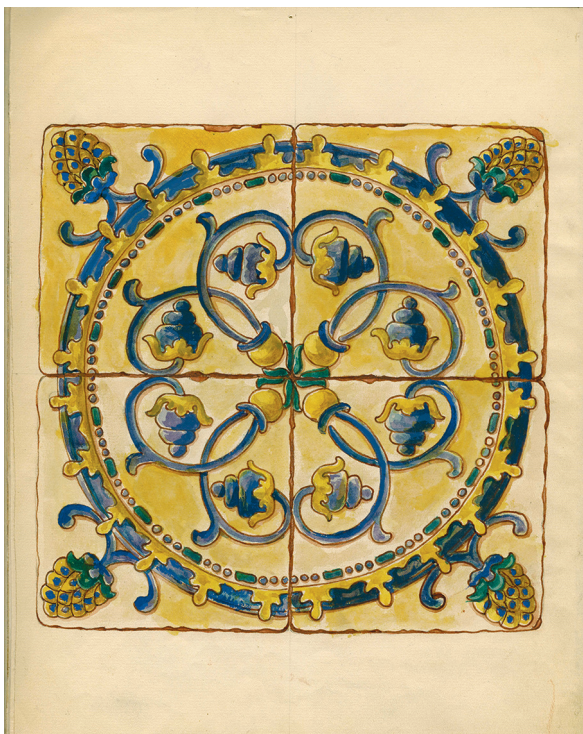
Большемерный кирпич, использованный в печах середины XVIII в., диктовал размеры лицевой пластины. В музейном собрании имеются два изразца, составляющие одно из ранних двухчастных клейм с мотивом «барочных часов» (термин А. В. Филиппова), имеющие размер лицевой пластины 20 × 24 см. Описание и рисунок изразца были выполнены А. В. Филипповым в 1927 г. при осмотре печей церкви Сергия Радонежского в Дымковской слободе (Керамическая установка, 2017. Илл. 92, 93). Характеристика двухчастного клейма дана в анкете с описанием печных изразцов, составленной А. В. Филипповым (Баранова, 2020. Рис. 1, 4). Клейма с низким рельефом выложены в среднем ярусе печей «о трех тушах» в алтаре и трапезной (Чебыкина, 2013. С. 166). На лицевой пластине изразца на зеленом фоне низкорельефное изображение половины орнамента: круглый медальон в обрамлении узора из восьми тюльпановидных цветов расположен в центре вертикально ориентированной картушной рамки с пальметтами в верхней и нижней части. С двух сторон композицию уравнивает узор из завитков и пересекающихся в виде ромбической решетки линий, выполненный прозрачной коричневой глазурью. Углы клейма на зеленом фоне заполнены изображением вьющегося стебля с белым асимметричным цветком. Особенности орнамента, цветовое решение, размеры лицевой пластины и использование отдельных технологических приемов подтверждают, что это один из первых вариантов клейма. На оборотной стороне изразца отчетливо видны следы ручной формовки: полосы, оставленные пальцами при выравнивании лицевой пластины в форме, и след от формования пальцем отверстия румпы. Эти особенности формования, характерные для гончарных изделий, служат одним из признаков местного производства на ранних этапах освоения технологии.

В собрании ВУГМЗ находится значительная часть облицовки печей церкви Сергия Радонежского (1739), переданная во время реставрации. Наряду со стенными в нее входят поясковые, карнизные изразцы, подзоры-полуарки и витые полуколонки двух видов, использованные в качестве валика между ярусами облицовки и для оформления углов печи. Сведения о ремонте и перекладке печей подтверждают сохранение части облицовки печей второго этажа, где печи

«чинили», и замену ее на первом этаже: «клали новые» (Чебыкина, 2013. С. 168). Отнести ранние предметы печного набора к середине XVIII в. позволяет применение аналогичных профильных изразцов в наружных обрамлениях оконных проемов церкви Вознесения, выполненных в 1742 г. (Лисенкова, 2012. Илл. 210).

Своеобразной иллюстрацией перехода фасадного декора в интерьер помещений служат изразцы Леонтьевской церкви (1738–1741). В ширинчатом фризе, размещенном под карнизом алтарной апсиды, встречаются отдельные изразцы с растительно-геральдическим орнаментом и двумя вариантами рельефной рамки. По мнению Ю. Лисенковой, изразцы являются частью крупного орнаментального клейма в виде фигурного картуша или розетки с разными вариантами заполнения. В центр круга в отдельных вариантах введено изображение корон (Лисенкова, 2012. С. 102. Илл. 127, 131). Изразцы с растительным орнаментом, заключенным в фигурную или профилированную рамку, станут типичными деталями клейм в устюжских печных наборах XVIII в. Гладкие изразцы с росписью синей эмалью, использованные в качестве фасадного декора в Леонтьевской церкви, могли быть частью печного набора во второй трети XVIII в. (Митурич, 2013. С. 24–27). Образцы печной керамики «дельфтского типа» сохранились в виде изразцов-подзоров в печи подклета Троицкого собора.

Третью четверть XVIII в. можно по праву называть периодом расцвета устюжской полихромной печной керамики. Орнаменты печей отличает пышность и красочность, сочетание декоративных элементов как западноевропейского (пальметты, крины, медальоны, короны), так и древнерусского стиля (зубчатый и скобчатый орнамент, вьющиеся стебли с завитками, «тюльпанцами» и ягодами, заполнение фона мелкотравчатым узором). Особенностью печных комплектов стало размещение на зеркале печи высокорельефных четырех-, пяти-, семи- и девятиизразцовых клейм. Мотивы узорочья в них сохраняются, постепенно обогащаясь декоративными приемами, свойственными петровской эпохе. Низкорельефные печные клейма преобразуются в фигурные картуши с профилированными ступенчатыми рамками, выделяющимися на ковровом зеркале печи (Маслих, 1983. Илл. 184–195). Таков печной ком-

• Илл. 3. Клеймо печи Петропавловской церкви. Зарисовка А. В. Филиппова, 1927 г. Архив Филиппова. Первая публикация

плект на фото А. В. Филиппова (Керамическая установка, 2017. Илл. 92, 93), в котором присутствуют пятиизразцовое клеймо с высоко-рельефным изображением херувима и подзоры-полуарки, перекрытые в месте соединения более крупным лепным маскаронном. Второй снимок печи сделан сотрудниками музея в мае 1922 г. и ошибочно отнесен исследователями к комплекту из дома купца Захарова (*Шильниковская*, 1987. С. 227), тогда как все четыре печи, поступившие в собрание музея в сентябре 1922 г., были гладкими живописными¹. Печь же, облицованная рельефными четырехцветными изразцами с темным фоном медальонов и клейм, находилась в доме И. М. Шумилова. Это подтверждают фотоматериалы, обмеры и рисунки, выполненные в 1927 г. А. В. Филипповым. Из этого или аналогичного печного комплекта в собрание музея поступили часть

клейма с изображением вазона на синем фоне и две полуарки².

Материалы архива А. В. Филиппова дали возможность установить принадлежность более двухсот изразцов из коллекции музея комплекту печи Петропавловской церкви. В печной набор входят развернутые клейма из десяти изразцов с круглым медальоном в центре, элементы растительного орнамента окружает многоступенчатая четырехцветная рамка с жемчужником по внешнему краю. Четырехчастными клеймами с бутонами в завитках был оформлен нижний ярус печи (*Маслих*, 1976. Илл. 207). Нижняя теплая церковь во имя Благовещения пресвятой Богородицы была освящена в 1754 г., а в 1929 — разрушена. Предметы, поступившие в музей в виде «четырех ящиков с изразцами от двух печей Петропавловской церкви»³, были атрибутированы в 2022 г. благодаря фотографии, анкетам и зарисовкам клейм, выполненным А. В. Филипповым (илл. 3).

Орнаменту четырехчастного клейма была суждена долгая жизнь: композиция из четырех изразцов стала частью фасадного декора портика колокольни церкви Благовещения в Туглиме в начале XVIII в. (илл. 4), терракотовый изразец первой половины XVIII в. с аналогичным орнаментом бытовал в одной из печей Троице-Гледенского монастыря (илл. 5). В печных комплектах второй половины XVIII в. из собрания музея клеймо-розетка встречается в четырех разных вариантах, выполнявшихся на зеленом, белом и нежно-бирюзовом фоне; в заполнении углов квадратной лицевой пластины — цветок или зернистая ягода (илл. 6–8); на прямоугольной лицевой пластине — асимметричные травяные завитки (илл. 9, 10). Наборы белофонных печей последней четверти XVIII в. дополняют те же типы профильных изразцов, что и в более ранних печах «по зеленой земле». Двухцветный изразец из печного клейма-розетки в коллекции музея датируется концом XVIII — началом XIX в. (илл. 11). Такая

² Аналогичная полуарка хранится в коллекции ВОГМЗ. По словам хранителя Анны Логиновой, эта коллекция поступила из музея Вологодского общества изучения Северного края в 1920-е годы.

³ Журнал № 2 заседаний коллегии МСДК. МКАУ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 29. Л. 38.

¹ Входящая книга поступлений. Л. 10 об. Запись 294.

• Илл. 4. Фрагмент изразцового декора портика колокольни церкви Благовещения в Туглиме. Вид с севера.
Фотография Л. А. Скупченко, 2022 г. Первая публикация

привязанность к узору говорит о предпочтениях и совпадении вкусов исполнителей и заказчиков в течение долгого времени.

Благодаря материалам архива А. В. Филиппова удалось атрибутировать печной комплект из дома Сметанина (Тряпицына). По фотографии фрагмента печи, сделанной в 1927 г. в Великом Устюге (Керамическая установка, 2017. С. 272), для тринадцати изразцов, запечатленных на снимке, было установлено полное соответствие с предметами из коллекции музея. Несмотря на то, что в печной набор вошли изразцы из разрозненных комплектов, сам факт наличия изразцовой печи подчеркивал статус владельца: дом принадлежал ранее семейству купца второй гильдии Ивана Петрова Калининского, вышедшего в купечество из мещан¹.

На одном изразце клейма сохранилась румпа московского образца, незначительно отступающая от края, с двойным ободком наверху. Скорее всего, центральное клеймо печи составлено из привозных рельефных изразцов, во второй половине XVIII в. уже выходящих из моды. Печные изразцы, в которых орнамент клейма решен в четырехцветном исполнении, были обнаружены также в Спасо-Преображенской церкви на погосте Антропьевой Слободы (хранятся в собрании ЦМиАР), аналогичный изразец имеется в собрании Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Изобразительный мотив с четырехлепестковой розеткой и вырастающими из нее симметрично изогнутыми завитками не находит абсолютной аналогии в изразцовом декоре памятников Москвы и Ярославля, однако его мотивы близки художественным традициям этих изразцовых центров. Орнамент клейма имеет общие черты с изделиями устюжских мастеров, использованными в изразцовом декоре православных храмов Великоустюжской и Тотемской

¹ Ведомость о купцах второй гильдии г. Великий Устюг, объявивших капитал на 1853 год. МКАУ ВУЦА. Ф. 145. Оп. 1. Д. 538. Л. 14.

• Илл. 5. Изразец печной стеной рельефный терракотовый. Из коллекции изразцов Троице-Гледенского монастыря. Первая четверть XVIII в. ВУМЗ-28811/14. Собрание Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Великий Устюг. Первая публикация

епархии в конце XVII — начале XVIII в. Четырехчастное клеймо с высокорельефной рамкой и растительно-геометрическим орнаментом на бирюзовом фоне сохранилось в декоре портика верхнего яруса колокольни церкви Благовещения в Туглиме. Орнамент из переплетающихся стеблей не замыкается на пластине одного изразца, пышные сердцевидные завитки с листьями, бутонами, цветами и яблоками занимают все пространство, как на художественных изделиях серебряников, резчиков и мастеров травного письма XVII в. Вместо четырехлепестковой розетки — криновидный цветок, перехваченный кольцом. Чашечка цветка образована двумя отогнутыми лепестками. Орнамент в несколько измененном виде продолжает свою жизнь на пластинах терракотовых и полихромных печных изразцов из собрания музея, обнаруженных на территории Троице-Гледенского монастыря. Мелкотравчатый рисунок на полихромных изразцах выглядит упрощенным, поскольку часть элементов орнамента покрыта эмалью фона.

• Илл. 6. Изразец печной стеной. Из коллекции печных рельефных полихромных изразцов. Вторая треть XVIII в. ВУМЗ-28730/60. Собрание Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Великий Устюг. Первая публикация

Девятиизразцовое клеймо, в орнамент которого вплетены тюльпановидные цветы, а центральная часть в фигурной рамке приподнята над фоном, было составлено из подобных изразцов в печи из дома Гостевых (Маслих, 1983. Илл. 190–191).

К облицовке печи из дома Тряпицына (Калининских) принадлежат изразцы с ковровым растительным рельефным орнаментом, выполненным бирюзово-зеленой эмалью. По краям лицевой пластины изразца — две половины округлого медальона с фигурной рамкой в виде венца с кольцами. Румпа изразцов — устюжского типа, отступающая от краев, с двумя отверстиями для крепления. На оборотной стороне лицевой пластины и румпе — следы ручной формовки. Эти особенности позволяют отнести производство изразцов к последней четверти XVIII в. Подобные изразцы составляли основную часть набора печи в церкви Вознесения (Керамическая установка, 2017. Илл. 94) и были использованы в реконструкции зеркала печи в музее Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени

• Илл. 7. Изразец печной стеной. Вторая треть XVIII в. ВУМЗ-28931/1. Собрание Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Великий Устюг.
Первая публикация

Штиглица. Рельефный ковровый орнамент долгое время оставался востребованным и широко использовался в отделке устюжских печей. В коллекции музея имеются изразцы с тем же орнаментом, выполненным темно-зеленой эмалью, и углублением для крепления по верхнему краю румпы. Печной набор с применением подобных стеновых рельефных изразцов включает гладкие профилированные карнизы и относится к более позднему времени (печи сохранились до наших дней в интерьере дома купца Азова (Седельникова), занимаемого детским отделом Великоустюгской ЦБС (Маслих, 1976. Илл. 304).

Производство изразцов в первой трети XIX в. постепенно утратило черты самобытной устюжской школы. В 40-х годах XIX в. изразцы производились лишь в мастерских Шумиловых (Чебыкина, 2013. С. 165). Но и этот небольшой раздел коллекции заслуживает внимания и дальнейшего изучения.

«Неизбежные устюжане»: об источнике сибирского изразцового дела. Одним из признаков существования самобытной художественной традиции стало ее распространение в виде идей, форм, материалов и технологий. Начиная с уз-

• Илл. 8. Изразец печной стеной. Из коллекции печных рельефных полихромных изразцов. Вторая треть XVIII в. ВУМЗ-28730/36. Собрание Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Великий Устюг. *Первая публикация*

кого круга посвященных в таинство изготовления предметов поливной керамики приезжих умельцев, «изразешных монахов», число ее создателей постепенно увеличивалось. Производство и обжиг изделий «кирпичники» заводи́ли в летний период. Семейные мастерские XVIII в. так и называли — «заводы». И если в конце XVII в. этим промыслом занималось лишь семейство Аленьевых, то к концу XVIII в. в Великом Устюге и его окрестностях кирпичных заводов насчитывалось двенадцать (Лисенкова, 2012¹). Мастерские Аленьевых, Замараевых, Шумиловых оставили значительный след в истории устюжского изразцового дела.

Об участии устюжан в освоении Сибири писал, цитируя П. А. Словцова², В. А. Александров: «Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована все устюжанами» (Александров,

¹ Приложение. Ведомость о кирпичных заводах Устюга Великого от 23 апреля 1786 года.

² Петр Андреевич Словцов (1767–1843) — сибирский историк, директор народных училищ Иркутской губ.

• Илл. 9. Изразец печной стеной. Из коллекции печных рельефных полихромных изразцов. Вторая половина XVIII в. ВУМЗ-26965/64. Собрание Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Великий Устюг. Первая публикация

• Илл. 10. Изразец печной стеной. Из коллекции печных рельефных полихромных изразцов. Вторая половина XVIII в. ВУМЗ-28932/1. Собрание Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Великий Устюг. Первая публикация

1964. С. 141). В сибирском изразцовом промысле второй половины XVIII в. отчетливо проявляются черты устюжской школы: в коллекции археологических находок Енисейска встречаются прямые аналоги формы румпы и орнамента лицевой пластины поливных печных изразцов Великого Устюга (Щербаков, 2017. С. 64). Допустимо считать, что передаточным звеном оказалась версия изразцового производства Устюга (Баранова, 2021. С. 110).

Несколько близких енисейским по композиции орнамента стеновых изразцов из девятиизразцового клейма, полный вид которого запечатлен на снимке печи в доме Гостевых (Маслих, 1983. Илл. 190, 191), находятся в собрании ВУМЗ (илл. 12). Сходство элементов орнамента наблюдается и у профильных изразцов: ствол полуколонки с обеих сторон на узких участках так же обвивает рассеченный лист с коричневым стеблем. Изразцы, близкие к енисейским находкам по орнаментации рамки, имеются в со-

брании ЦМиАР (Сад ценинного искусства, 2017. С. 39–41), куда они, скорее всего, поступили из Спасо-Преображенской церкви, находившейся на погосте Антропьевой слободы Лальской округи (территория современного Лузского района Кировской области) (Страздынь, 2007). Церковь имела первоначально изразцовый декор: «За пределами Устюга, на территории епархии, в 1740–1750-е гг. полихромные изразцы “украсили наличники и фриз” Спасо-Преображенской церкви (1748–1754), изразцы не сохранились» (Лисенкова, 2012. С. 105. Илл. 155). Изразцы в облицовке печи появились там в 1778 г.: «В Слободской Преображенской церкви вместо “обетчалой кирпичной печи” вновь “образцовую” клали Василий и Никита Поповы. 28 октября они получили задаток 7 рублей 50 копеек» (Чебыкина, 2013. С. 167). Большое количество изразцов, отличающихся по цветовому решению и проработке орнамента, было найдено в помещении храма в 1966 г. (Лисенкова, 2012. С. 83).

• Илл. 11. Изразец печной стеной. Из коллекции печных рельефных полихромных изразцов. Конец XVIII — начало XIX в. ВУМЗ-26100/7. Собрание Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Великий Устюг. *Первая публикация*

• Илл. 12. Изразец печной стеной рельефный полихромный. Из коллекции изразцов Троице-Гледенского монастыря. Вторая половина XVIII в. ВУМЗ-28811/5. Собрание Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Великий Устюг. *Первая публикация*

Вероятнее всего, именно они были переданы в собрание ЦМИАР.

Заключение. Великий Устюг оставался главным городом Великоустюжской и Тотемской епархии 106 лет. За это время он стал центром одной из самобытных изразцовых провинций России. Применительно к облицовочной керамике точнее было бы, пожалуй, называть школу устюжской, ведь ни в одном из ближайших северных центров не был накоплен столь обширный опыт производства изразцов с последующей миграцией форм и образов. Однако общая художественная традиция, сложившаяся в бассейне Северной Двины, значительно шире, и за понятием «северодвинская школа» мы видим внутреннее единство народного (пользуясь старым термином) искусства.

Петровская революция в архитектуре, сменившая облик русской печи и ее изразцов, проникла в толщу русской жизни не сразу и не повсеместно. Наследие Московского царства

в конце XVII в. было значительным и обладало немалой устойчивостью. Отойти от него столь резко, как требовала мода, не удалось. Местные зодчие и гончары не спешили расстаться с приобретенными навыками, сюжетами, рецептами и стилем. И в этом они совпадали с потребностями заказчиков. В результате традиция украшать изразцами фасады зданий сохранилась вплоть до середины XVIII в. Новые памятники не только Русского Севера, но также Сибири и Поволжья будут сочетать старые московские элементы с новыми европейскими (Баранова, Раимова, 2021).

Но даже с учетом этого характерного для России запаздывания, медлительности реверсивного процесса прирастания старого к новому, судьба великоустюгского печного изразца выглядит необычной. Местный вариант печи с рельефными полихромными фасадами сложился, видимо, на основе закупки готовой продукции, копиро-

вания сюжетов и орнаментов московских изразцов XVII в. Но местные мастера приспособили его к возможностям своего производственного процесса и сообразили со вкусами заказчиков, внутренне сопротивлявшихся новым веяниям и сохранявшим в быту традиции прошлого. Возможно, известную роль в этом «упрямстве» сыграла и среда староверов, сильная у крестьян и купцов на Русском Севере.

В XVIII в. мастера Великого Устюга также не полностью ушли от старой русской традиции, восходящей к ценным изразцам Руси второй половины XVII в., создав новую трактовку привычных рельефных орнаментов. Ее основа — консервативность, следование традиции, восходящей к ценным изразцам Руси второй половины XVII в. Это особенно заметно на общем фоне печной керамики того времени, где тренд образуют плоские изразцы с сюжетной росписью, неразрывно связанные генетически с облицовочной плиткой Запада, пришедшей в Россию в Петровскую эпоху. Возникла местная северная художественная традиция с крупным самостоятельным центром изразцового производства, отражающая устойчивые культурные и торговые связи Великого Устюга. Эту региональную версию, исторически связанную с ремесленными центрами древней Руси, А. В. Филиппов очень прозорливо объединил понятием «Северо-Двинской школы». Дальнейшие исследования, по нашему мнению, подтверждают его правоту.

Список литературы

Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с. (Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; т. 87).

Альбом. Сборник художественно-промышленных рисунков, издаваемый с высочайшего соизволения Императорским Обществом поощрения художеств на средства Министерства финансов. Вып. IV. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1892 // Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник. ГК № 27849391.

Ардашев В. Летопись семисотлетнего существования города Устюга-Великого // Вологодские губернские ведомости. 1857. № 48 (30 ноября). Часть неофициальная. С. 349–352.

Баранова С. И. Миграция московских изразцов // КМИ. Вып. 9. М.: [б. и.], 2007. С. 64–78.

Баранова С. И. Реконструкции изразцовых печей Коломенского дворца. Степень достоверности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 1 (13). С. 56–72.

Баранова С. И. Региональные версии изразцового декора. О понятии «северодвинская школа» // Вестник Томского университета. История. 2020. № 68. С. 15–22.

Баранова С. И. Сибирский изразец: одно наблюдение // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Т. 2. Омск; Сургут: Ин-т археологии Севера, 2021. С. 110–114.

Баранова С. И., Лисенкова Ю. Ю. Изразцовый декор памятников архитектуры Великого Устюга // Архитектурное наследство. Вып. 56. М.; СПб.: КРАСАНД, 2012. С. 77–94.

Баранова С. И., Раимова Р. Р. О происхождении изразцового декора Петропавловского собора в Казани // Вестник сектора древнерусского искусства. 2021. № 2. С. 138–154.

Зенкова О. Б. Троице-Гледенский монастырь. Великий Устюг: Великоустюгский гос. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник, 2007. 22 с.

Керамическая установка: по материалам архива и коллекций А. В. Филиппова / [С. Баранова и др.; фот.: В. Бойко, М. Федина]. М.: Эксмо, 2017. 471 с.

Кириллова Г. С. Научные труды Л. И. Свионтовской-Вороновой в отделе рукописей и научной документации Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства // Из научного наследия Л. И. Свионтовской-Вороновой: сб. ст. из архива Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства. Приложение к сборнику статей «Научные чтения памяти В. М. Василенко», вып. III. М.: [б. и.], 2001. С. 4–11.

Кондратьева Е. В., Паничева Л. Г. Русские изразцы с ковровым орнаментом // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Л.: Наука, 1987. С. 369–384.

Лисенкова Ю. Ю. Изразцовое убранство храмов Великого Устюга XVII — первой половины XVIII веков: этапы развития и художественные особенности: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2012. 214 с.

Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. 1-е изд. М.: Изобразительное искусство, 1976. 29 с., 80 л. ил.

Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. 2-е изд. М.: Изобразительное искусство, 1983. 20 с., 110 л. ил.

Митурич С. В. Типы изразцов Великого Устюга (краткий обзор) // Великоустюгский историко-архитектурный

- и художественный музей-заповедник: альбом-путеводитель по коллекциям народного искусства / сост. С. В. Митурич. М.: Три квадрата, 2013. С. 149–160.
- Немцова Н. И. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII веков. М.: Росреставрация, 1989. 24 с.
- Немцова Н. И. Владимиро-суздальские рамочные изразцы // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Пространство и пластика. М.: Наука, 1991. С. 75–94.
- Сад ценного искусства. Изразцы XVI — начала XIX века из собрания Музея имени Андрея Рублева и частных коллекций: [каталог выставки]. М.: [б. и.], 2017. 48 с.
- Симаков Н. Е. Русский орнамент в старинных образцах. Санкт-Петербург: изд. О-ва поощрения художников, 1882. 24 л. ил.
- Страдынь Ю. Ф. Спасо-Преображенская церковь в Антропьевой Слободе // Записки Подосиновского общества изучения родного края. Вып. 3. Подосиновец: [б. и.], 2007. С. 25–32.
- Филиппов А. В. Древнерусские изразцы [Электронный ресурс] // РусАрх: электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. URL: <http://www.rusarch.ru/filippov1.htm> (дата обращения: 06.06.2023).
- Чебыкина Г. Н. Производство печных изразцов в Великом Устюге // Великоустюгский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: альбом-путеводитель по коллекциям народного искусства / изд., сост.: С. В. Митурич. М.: Три квадрата, 2013. С. 161–168.
- Шильниковская В. П. Великий Устюг. 2-е изд. доп. М.: Стройиздат, 1987. 255 с.
- Шиманова М. А. Изразцовые печи XVII–XIX вв. Новодевичьего монастыря в Москве: проблемы сохранения // Журнал Института Наследия. 2018. № 1 (12). С. 8–19.
- Щербаков В. В. Печные изразцы Енисейска (по материалам раскопок последних лет) // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / ред. Л. В. Таурова. Омск: Наука, 2017. С. 64–67.
- darstvennyy istoriko-khudozhestvennyy muzey-zapovednik. GK № 27849391.
- Ardashev V. Letopis' semisotletnego sushchestvovaniya goroda Ustyuga-Velikogo // Vologodskie gubernskie vedomosti. 1857. № 48 (30 noyabrya). Chast' neofitsial'naya. P. 349–352.
- Baranova S. I. Migratsiya moskovskikh izraztsov // Kolomenskoe. Materialy i issledovaniya. 9. Moscow: [s. n.], 2007. P. 64–78.
- Baranova S. I. Rekonstruktsii izraztsovykh pechey Kolomenskogo dvortsa. Stepen' dostovernosti // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 2014. Seriya 5: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva. 1 (13). P. 56–72.
- Baranova S. I. Regional'nye versii izraztsovogo dekora. O ponyatii "severodvinskaya shkola" // Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya. 2020. 68. P. 15–22.
- Baranova S. I. Sibirskiy izrazets: odno nablyudenie // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: arkheologiya Severa Rossii. 2. Omsk; Surgut: Institut arkheologii Severa, 2021. P. 110–114.
- Baranova S. I., Lisenkova Yu. Yu. Izraztsovyi dekor pamyatnikov arkhitektury Velikogo Ustyuga // Arkhitekturnoe nasledstvo. 56. Moscow; St. Petersburg: KRASAND, 2012. P. 77–94.
- Baranova S. I., Raimova R. R. O proiskhozhdenii izraztsovogo dekora Petropavlovskogo sobora v Kazani // Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva. 2021. 2. P. 138–154.
- Chebykina G. N. Proizvodstvo pechnykh izraztsov v Velikom Ustuge // Velikoustyugskiy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik: al'bom-putevoditel' po kollektsiyam narodnogo iskusstva / ed. S. V. Miturich. Moscow: Tri kvadrata, 2013. P. 161–168.
- Filippov A. V. Drevnerusskie izraztsy [Electronic resource] // RusArkh: elektronnyaya nauchnaya biblioteka po istorii drevnerusskoy arkhitektury. URL: <http://www.rusarch.ru/filippov1.htm>
- Keramicheskaya ustanovka: po materialam arkhiva i kollektsiy A. V. Filippova / [S. Baranova et al.; phot.: V. Boyko, M. Fedina]. Moscow: Eksmo, 2017. 471 p.
- Kirillova G. S. Nauchnye trudy L. I. Sviontkovskoy-Voronovoy v otdele rukopisey i nauchnoy dokumentatsii Vserossiyskogo muzeya dekorativno-prikladnogo i narodnogo iskusstva // Iz nauchnogo naslediya L. I. Sviontkovskoy-Voronovoy: sbornik statey iz arkhiva Vserossiyskogo muzeya dekorativno-prikladnogo i narodnogo iskusstva. Prilozhenie k sborniku statey "Nauchnye chteniya pamyati V. M. Vasilenko", iss. III. Moscow: [s. n.], 2001. P. 4–11.
- Kondrat'eva E. V., Panicheva L. G. Russkie izraztsy s kovrovym ornamentom // Pamyatniki kul'tury. Noveye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskustvo. Arkheologiya. Leningrad: Nauka, 1987. P. 369–384.

References

- Aleksandrov V. A. Russkoe naselenie Sibiri XVII — nachala XVIII v. (Eniseyskiy kraj). Moscow: Nauka, 1964. 303 p. (Trudy Instituta etnografii imeni N. N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya; 87).
- Al'bom. Sbornik khudozhestvenno-promyshlennykh risunkov, izdavaemyy s vysochayshego soizvoleniya Imperatorskim Obshchestvom pooshchreniya khudozhestv na sredstva Ministerstva finansov. IV. St. Petersburg: tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1892 // Sergievo-Posadskiy gosudarstvennyy istoriko-khudozhestvennyy muzey-zapovednik.

- Lisenkova Yu. Yu. Izraztsovoe ubranstvo khramov Velikogo Ustyuga XVII — pervoy poloviny XVIII vekov: etapy razvitiya i khudozhestvennye osobennosti: dissertatsiya ... kandidata iskusstvovedeniya. Moscow, 2012. 214 p.
- Maslikh S. A. Russkoe izraztsovoe iskusstvo XV–XIX vekov. 1-e izdanie. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1976. 29 p., 80 l. il.
- Maslikh S. A. Russkoe izraztsovoe iskusstvo XV–XIX vekov. 2-e izdanie. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1983. 20 p., 110 l. il.
- Miturich S. V. Tipy izraztsov Velikogo Ustyuga (kratkiy obzor) // Velikoustyugskiy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik: al'bom-putevoditel' po kollektsiyam narodnogo iskusstva / comp. S. V. Miturich. Moscow: Tri kvadrata, 2013. P. 149–160.
- Nemtsova N. I. Issledovanie i restavratsiya russkikh izraztsovykh pechey XVII–XVIII vekov. Moscow: Rosrestavratsiya, 1989. 24 p.
- Nemtsova N. I. Vladimiro-suzdal'skie ramochnye izraztsy // Pamyatniki russkoy arkhitektury i monumental'nogo iskusstva. Prostranstvo i plastika. Moscow: Nauka, 1991. P. 75–94.
- Sad tseninnogo iskusstva. Izraztsy XVI — nachala XIX veka iz sobraniya Muzeya imeni Andrey Rubleva i chastnykh kollektsiy: [katalog vystavki]. Moscow: [s. n.], 2017. 48 p.
- Simakov N. E. Russkiy ornament v starinnykh obraztsakh. St. Petersburg: izdatel'stvo Obshchestva pooshchreniya khudozhnikov, 1882. 24 l. il.
- Strazdyn' Yu. F. Spaso-Preobrazhenskaya tserkov' v Antrop'evoy Slobode // Zapiski Podosinovskogo obshchestva izucheniya rodnogo kraya. 3. Podosinovets: [s. n.], 2007. P. 25–32.
- Shil'nikovskaya V. P. Velikiy Ustyug. Moscow: Stroyizdat, 1987. 255 p.
- Shimanova M. A. Izraztsovy pechi XVII–XIX vv. Novodevich'ego monastyrja v Moskve: problemy sokhraneniya // Zhurnal Instituta Naslediya. 2018. 1 (12). P. 8–19.
- Shcherbakov V. V. Pechnye izraztsy Eniseyska (po materialam raskopok poslednikh let) // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: sbornik nauchnykh statey / ed. L. V. Tataurova. Omsk: Nauka, 2017. P. 64–67.
- Zenkova O. B. Troitse-Gledenskiy monastyr'. Velikiy Ustyug: Velikoustyugskiy gosudarstvennyy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik, 2007. 22 p.

Illustrations

- Fig. 1. Stove wall tile. From the collection of Furnace relief polychrome tiles. Late 17th century. VUMZ-29167/2. Veliky Ustyug State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Veliky Ustyug. *First publication*
- Fig. 2. Tile stove in the basement of the Holy Trinity cathedral of the Trinity-Gleden monastery. Photo, 2022. Veliky Ustyug State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Veliky Ustyug. *First publication*
- Fig. 3. Stamp of the stove of SS Peter and Paul church. Sketch by A. V. Filippov, 1927. A. V. Filippov's archive. *First publication*
- Fig. 4. Fragment of tile decoration of the portico of the bell tower of the Church of the Annunciation in Tuglim. View from the north. Photo by L. A. Skupchenko, 2022. *First publication*
- Fig. 5. Terracotta relief wall tile of the stove. From the collection of tiles of the Trinity-Gleden monastery. First quarter of the 18th century. VUMZ-28811/14. Veliky Ustyug State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Veliky Ustyug. *First publication*
- Fig. 6. Stove wall tile. From the collection of stove relief polychrome tiles. Second third of the 18th century. VUMZ-28730/60. Veliky Ustyug State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Veliky Ustyug. *First publication*
- Fig. 7. Stove wall tile. The second third of the 18th century. VUMZ-28931/1. Veliky Ustyug State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Veliky Ustyug. *First publication*
- Fig. 8. Stove wall tile. From the collection of stove relief polychrome tiles. Second third of the 18th century. VUMZ-28730/36. Veliky Ustyug State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Veliky Ustyug. *First publication*
- Fig. 9. Stove wall tile. From the collection of stove relief polychrome tiles. Second half of the 18th century. VUMZ-26965/64. Veliky Ustyug State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Veliky Ustyug. *First publication*
- Fig. 10. Stove wall tile. From the collection of stove relief polychrome tiles. Second half of the 18th century. VUMZ-28932/1. Veliky Ustyug State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Veliky Ustyug. *First publication*
- Fig. 11. Stove wall tile. From the collection of stove relief polychrome tiles. Late 18th - early 19th century. VUMZ-26100/7. Veliky Ustyug State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Veliky Ustyug. *First publication*
- Fig. 12. Relief polychrome stove wall tile. From the collection of tiles of the Holy Trinity-Gleden monastery. Second half of the 18th century. VUMZ-28811/5. Veliky Ustyug State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, Veliky Ustyug. *First publication*

S. I. Baranova, L. A. Skupchenko. The “Severo-Dvinsk” school of tile making: origins and artistic features based on the tile collection of the Veliky Ustyug Museum-Reserve

Abstract. This research delves into the “Severo-Dvinsk” school of tile making, with a focus on its origins and distinctive artistic characteristics. The study draws from the tile collection housed in the Veliky Ustyug State Historical, Architectural, and Art Museum-Reserve (VUMZ), which comprises approximately 5000 items. The collection is currently receiving considerable scholarly attention. Additionally, the archive of A. V. Filippov provides essential insights into the definition of the “North Dvinsky tile school”, as coined by Filippov during the 1930s. The research sheds light on the development and establishment of the “Severo-Dvinsk” school centred in Veliky Ustyug. This school emerged during the peak of tile artistry in the Moscow state during the 17th century

and thrived throughout the 18th century. Remarkably, the tiles produced by this school underwent minimal changes during the 18th century, retaining their distinct Severodvinsk style crafted by local artisans. Notably, the “Severo-Dvinsk” school exhibits unique characteristics, possibly stemming from its limited association with the mainstream development of capital tile art.

Keywords: Baroque style, Russian provincial art, tile history, Russian stove, A. V. Filippov.

Baranova Svetlana Izmaylovna, doctor of history, chief research fellow at the Department of Cinema and Modern Art, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, 125933 Moscow, Russian Federation, svetlanbaranova@yandex.ru.

Skupchenko Lyudmila Anatolyevna, research fellow at the museum storage department, Veliky Ustyug State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, 64 Naberezhnaya St., 162390 Veliky Ustyug, Russian Federation, m.shilnikovskaya@yandex.ru.

Архитектурно-археологические исследования А. Ф. Медведева на территории бывшего Перынского Богородицкого монастыря в 1948 г.

А. А. Кудрявцев

ВОПРОСАМ изучения археологического комплекса в Перыни, на месте которого сейчас располагается Перынский скит, посвящена довольно обширная литература, касающаяся в основном интерпретации объектов, открытых при археологических исследованиях В. В. Седова в 1951–1953 гг. и определенных им как остатки языческого капища (Седов, 1953; Носов, 2012. С. 99; Конецкий, 2022. С. 320–326). При этом гораздо меньше внимания уделялось другим памятникам Перыни — древнерусскому селищу, каменному храму Рождества Богородицы и располагавшемуся вокруг него мужскому Перынскому Богородицкому монастырю (илл. 1). Материалам раскопок средневекового поселения посвящена лишь одна статья (Седов, 1956), а характеристика архитектурных объектов представлена в общих сводах (Каргер, 1961. С. 28, 31–32; Секретарь, 2011. С. 278–283). Отдельно опубликованы данные по первоначальным архитектурным обследованиям (1947–1948 гг.) и реставрации церкви Рождества Богородицы в 1962–1965 гг. (Кацнельсон, 1952; Красноречьев, 2019).

Представляется, что поселение, монастырь и храм в Перыни следует рассматривать как единое пространство, но приходится констатировать отсутствие обобщающих работ и полных публикаций данных археологических исследований, что предполагает более пристальное обращение к архивным документам.

Отметим, что совсем слабо освещен первый полевой сезон в Перыни 1948 г., проведенный под руководством А. Ф. Медведева. Тогда были

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-411-1.202-213>

Аннотация. В 1948 г. силами Перынского отряда Новгородской археологической экспедиции под руководством А. Ф. Медведева были произведены первые археологические исследования в Перыни на территории бывшего Перынского Богородицкого монастыря: заложены шурф внутри церкви Рождества Богородицы и раскоп к югу от храма. В шурфе изучен культурный слой, отложившийся перед появлением обители, получены новые данные об архитектуре храма, а в раскопе зафиксированы фундамент монастырской ограды XIX в. и подполья трех сооружений XII — начала XV в. При этом материалы данных раскопок оставались неопубликованными. В научный оборот вводятся чертежи открытых в шурфе кладок и участка фундамента церкви, приведены сведения о керамической коллекции и вещевом комплексе.

Ключевые слова: Новгород, Перынский Богородицкий монастырь, Перынский скит, Перынь, церковь Рождества Богородицы, фундамент, селище

Кудрявцев Андрей Алексеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117036, a-kudravtsev@yandex.ru.

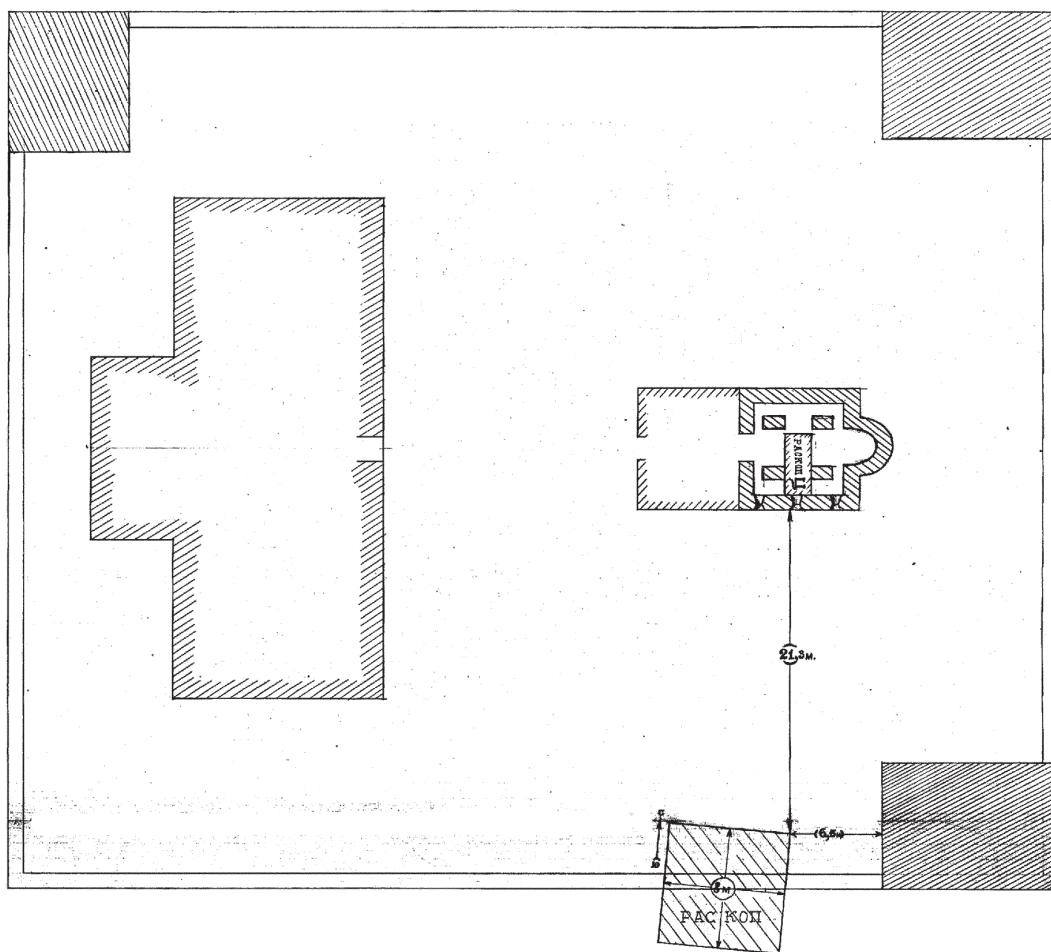
• Илл. 1. Территория бывшего Перынского Богородицкого монастыря. Вид с юго-запада. Кадр из фильма «Новгород Великий». 1948 г. (кинофонд Архива ИА РАН)

заложены раскоп к югу от церкви Рождества Богородицы и шурф внутри самого храма (илл. 2). Результаты сезона были лишь кратко представлены в статье, посвященной итогам работ Новгородской археологической экспедиции в 1948 г., и еще описания трех углубленных сооружений (№ 17–19) были включены В. В. Седовым в публикацию раскопок 1951–1953 гг. (Арциховский, 1950. С. 9; Седов, 1956. С. 114). Сам А. Ф. Медведев в дальнейшем проводил археологические исследования в Новгороде, Городце и Старой Руссе, а к материалам Перыни более не возвращался.

К тексту его отчета обращались при исследовании архитектуры храма Рождества Богородицы. Р. А. Кацнельсон опубликовала описания открытых в шурфе А. Ф. Медведева кладок и двух открывшихся уровней полов — кирпичного пола XVI в. и древнего пола из плит и брускового кирпича, а также промеры кирпичей (Кацнельсон, 1952. С. 80–81). Вл. В. Седов в обширной публикации, посвященной значению церкви Рождества Богородицы для развития новгородской архитектуры XIII–XIV вв., упоминал работы А. Ф. Медведева и привел план из отчета В. В. Седова 1951 г., на котором отмечен раскоп 1948 г. Возведение храма он относит к периоду между 1207 г. и серединой 1230-х гг. (Седов, 2009. С. 32, 36. Рис. 2).

Но до сих пор не опубликованы чертежи кладок и стратиграфических разрезов из раскопа и шурфа А. Ф. Медведева, их вещевой комплекс, практически не охарактеризован культурный слой, отложившийся до возведения церкви Рождества Богородицы, не описана монастырская стена, открытая в раскопе, заложенном к югу от храма. Наличие в отчетной документации неопубликованных полевых чертежей на миллиметровке и большеформатных планов позволяет более полно ввести в научный оборот материалы раскопок в Перыни 1948 г. и восполнить пробелы, отмеченные выше. Добавим к этому, что в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН хранится недавно оцифрованный фильм «Новгород Великий», посвященный археологическим исследованиям Новгорода в 1948 г. В нем представлены и съемки раскопок в Перыни (Кудрявцев, 2018. С. 339. Рис. 3). Эти кинодокументы могут частично компенсировать отсутствие полевых фотографий.

В 1948 г. работы Новгородской археологической экспедиции под руководством А. В. Арциховского в Новгороде были сосредоточены в нескольких пунктах: на Ярославовом дворище и на участке каменной стены вала Окольного города. В этом же сезоне силами отдельного Перынского отряда были начаты раскопки в уро-

• Илл. 2. План археологических исследований А. Ф. Медведева в Перыни. 1948 г.
(Архив ИА РАН. Р-1. № 2786. Л. 61)

чище Перынь, расположенном в 4 км к югу от Новгорода.

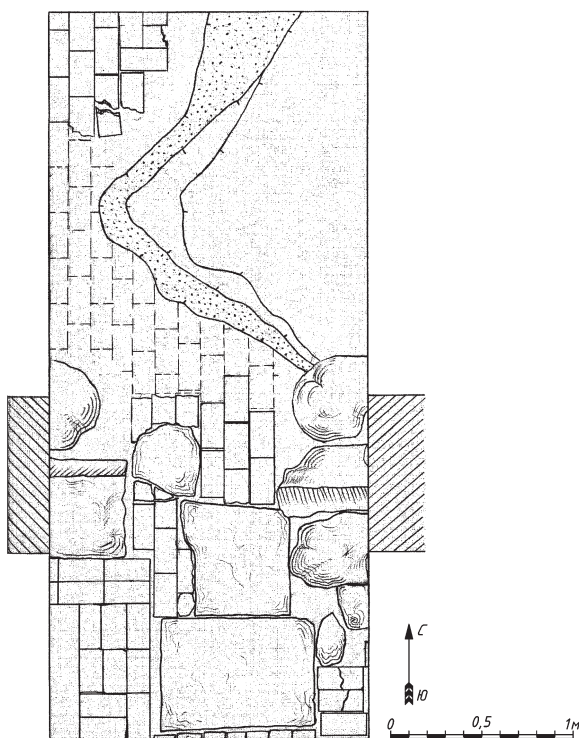
Обращение к Перыни было вызвано желанием проверить летописные сообщения о наличии здесь языческого капища. В отчете перечислены задачи отряда: выяснение вопроса о времени заселения Перыни, определение времени сооружения каменной церкви Рождества Богородицы, обнаружение следов «языческого храма Перуна» (Арциховский, А–1948. Л. 125).

Указано, что начальником Перынского отряда был назначен ученик А. В. Арциховского младший научный сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР А. Ф. Медведев.

Исследования начались с разведочных работ для определения мощности культурного слоя:

проведены зачистки окопов времени Великой Отечественной войны, опоясывающих Перынь с юга, и в этом же секторе заложены два шурфа. Культурного слоя при этих работах не выявлено. В дальнейшем была проведена зачистка крутого склона на берегу Волхова к юго-востоку от церкви. Она обнажила культурный слой мощностью до 70 см. Из него происходили обломки кирпичей и фрагменты печных изразцов. Данные напластования были интерпретированы как слой строительного мусора, образовавшийся в ходе перестройки церкви Рождества Богородицы при архимандрите Юрьева монастыря Фотии в конце 1826–1828 гг.

При зачистках профилей окопов к северо-востоку от церкви обнаружен слой мощ-

• Илл. 3. Перынь. Шурф внутри церкви Рождества Богородицы. Пласт 4. Первоначальный настил пола. 1948 г. (Архив ИА РАН. Р-1. № 2786. Л. 68)

ностью до 40 см. При его переборке выявлена и древнерусская керамика. На рукописном плане Перыни, приложенном к отчету, отмечены еще три шурфа, заложенные к востоку от церкви (по всей видимости, слой там обнаружен не был), и зачистки обнажений к югу от нее. По результатам предварительных разведочных работ получены данные о наличии культурного слоя «лишь в непосредственной близости от церкви, при этом мощность его, по мере приближения к церкви, увеличивается» (Арциховский, А-1948. Л. 125–127).

После начался следующий этап исследования¹. Внутри храма Рождества Богородицы, у его южной стены, был заложен шурф, обозначенный как раскоп Ц (Церковный). Он находился между южной парой подкупольных столбов и имел форму вытянутого с севера на юг прямоуголь-

ника, заходящего в подкупольное пространство. Ориентирован шурф по сторонам света с отклонением на 12 градусов на юго-запад, что связано с ориентировкой самой церкви. Его размер составлял 1,75 × 4 м, а общая площадь — 7 кв. м.

Стратиграфия шурфа делилась на три строительных слоя, соответствующих различным ремонтам и перестройкам церкви. Данные напластования подстилал культурный слой мощностью в 66 см, который отложился до возведения каменного храма. Он делился по цвету на два «подслоя»: коричневый и черный (внизу).

После снятия современного пола из каменных плит (устроенного при перестройке церкви в 1826–1828 гг.) и первого слоя строительного мусора серого цвета на глубине 28 см вскрыта часть вымостки более раннего пола церкви. Он был выложен из кирпичей размером 5–5,5 × 13–13,5 × 27–28 см, положенных «в елочку». Авторами раскопок пол этого уровня датирован XV в. (Арциховский, А-1948. Л. 135). В дальнейшем исследователи архитектуры храма относили его к XVI в. (Кацнельсон, 1952. С. 72; Седов, 2009. С. 30). По своему формату его кирпичи наиболее близки кирпичам колокольни Антониева монастыря (5–6,5 × 12,5–13,5 × 25–27 см), датирующейся второй четвертью — серединой XVI в. (Чернов, 2013. С. 215–216).

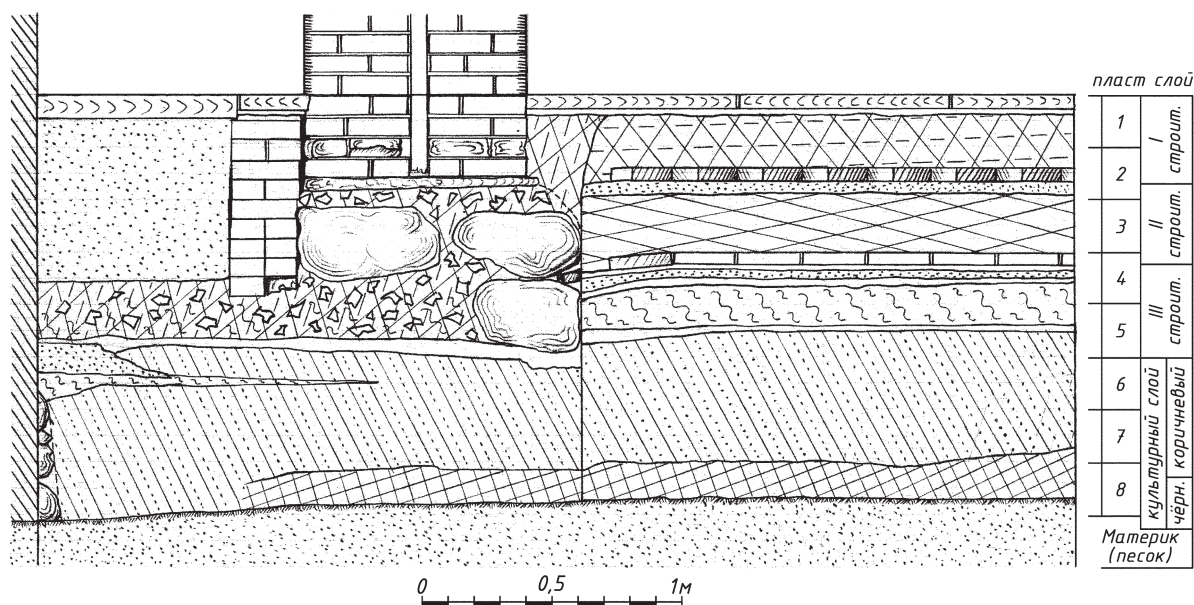
На этом уровне в юго-западном углу раскопа была также обнаружена кладка кирпичной гробницы (склепа), примыкающая к южной стене и юго-западному столбу (размеры кирпичей: 7 × 12 × 25 см). Ширина гробницы составила 1 м, в шурф попала только ее небольшая часть.

Кирпичный пол подстилала песчаная подсыпка толщиной в 5 см. Ниже залегал второй слой строительного мусора «розоватого оттенка», состоящий из песка с большим количеством обломков кирпичей. В этом слое были также обнаружены многочисленные фрагменты фресок.

На глубине 60–65 см был открыт первоначальный настил пола церкви из каменных плит и кирпичей на известковом растворе (илл. 3). Размеры целых плит составляли 60 × 84 и 52 × 62 см. Вероятно, эти плиты и относились к раннему полу, а кирпичи являлись следами вычинки. Они были выложены тычком (их размеры: 4,5–6,6 × 11,5–13 × 24–25 см).

Данный уровень пола подстилала песчаная подсыпка, которую перекрывала прослойка извести толщиной в 2–4 см. Она покрывала

¹ Автор выражает глубокую благодарность д. иск. Вл. В. Седову (ИА РАН) за научные консультации.

• Илл. 4. Перынь. Шурф внутри церкви Рождества Богородицы. Западный профиль. 1948 г. (Архив ИА РАН. Р-1. № 2786. Л. 62)

слой обломков ракушечника (12–17 см), который подстилала еще одна прослойка извести толщиной от 2 до 5 см. Данные напластования были объединены в третий строительный слой красновато-коричневого цвета (Арциховский, А–1948. Л. 131).

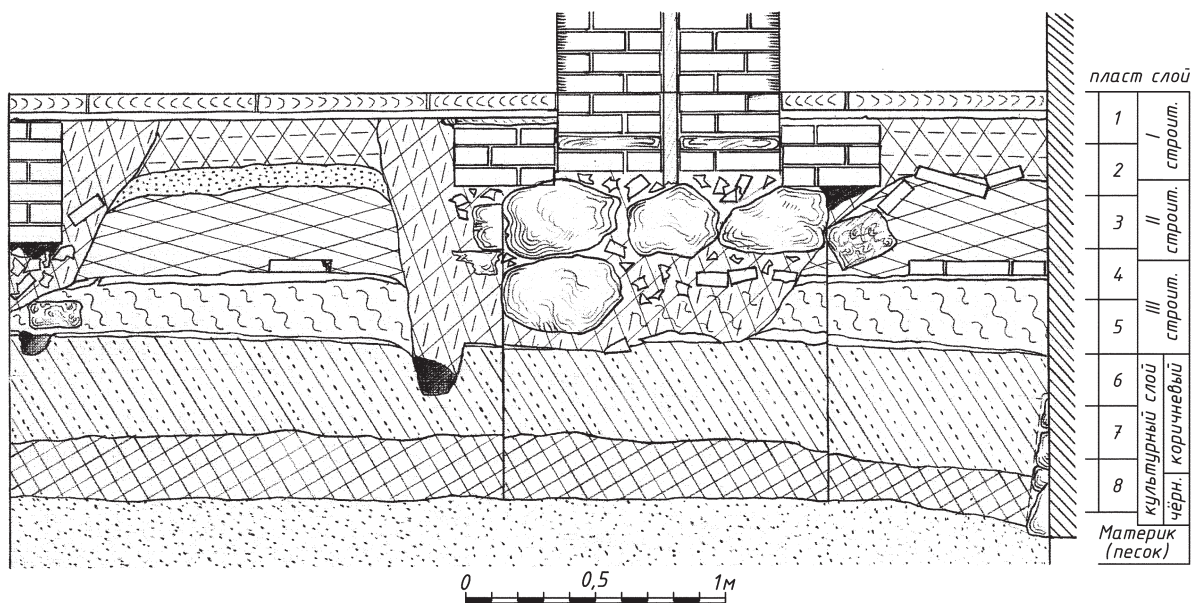
Если пересказывать эту стратиграфическую картину современным языком архитектурной археологии, то снизу располагалась первая, черновая прослойка извести (черновая известковая заливка), сделанная, по всей вероятности, в период закладки фундамента храма XIII в. Выше идет слой строительства храма XIII столетия с включениями ракушечника, которого много в стеновой кладке этого храма, а после окончания строительства был сделан чистовой известковый пол (верхняя известковая прослойка). Судя по тому, что следующий пол, который можно с большим основанием датировать XVI в., имел песчаную подсыпку, лежащую на слое с фрагментами фресок, настенная живопись XIII в. была сбита со стен именно в это время, хотя бы частично (фрагменты этой живописи хранятся в фондах Новгородского музея-заповедника).

Далее, на глубине 90–95 см залегал культурный слой, который отложился до возведения

каменной церкви Рождества Богородицы. Он представлял собою однородную «коричневую супесь с остатками в нем мелких фрагментов керамики, костей и угольков». Только в нижней его части коричневая супесь сменилась черной супесью. Мощность этих культурных отложений составила 66 см. Каких-либо находок при их разборе не выявлено.

В отчете отсутствуют иллюстрации керамических материалов и сведения о статистике массового материала, присутствует лишь краткое описание коллекции: «Сохранившиеся фрагменты керамики в пластах 6–8 однотипны и близки к русской курганной керамике X–XI вв. Серый черепок, неравномерный обожженный (в изломе черный), сильно отогнуты венчики с вычурными краями. Из черного подслоя происходит обломок лепного сосуда, сплошь орнаментированного косыми вдавлениями. Вся остальная керамика является круговой». Материк зафиксирован на глубине 153–156 см (Арциховский, А–1948. Л. 128–132).

При работе с керамической коллекцией из данного шурфа, хранящейся в фондах Государственного исторического музея, раннекруговой керамики выявлено не было, а обломок лепного

• Илл. 5. Перынь. Шурф внутри церкви Рождества Богородицы. Восточный профиль. 1948 г. (Архив ИА РАН. Р-1. № 2786. Л. 63)

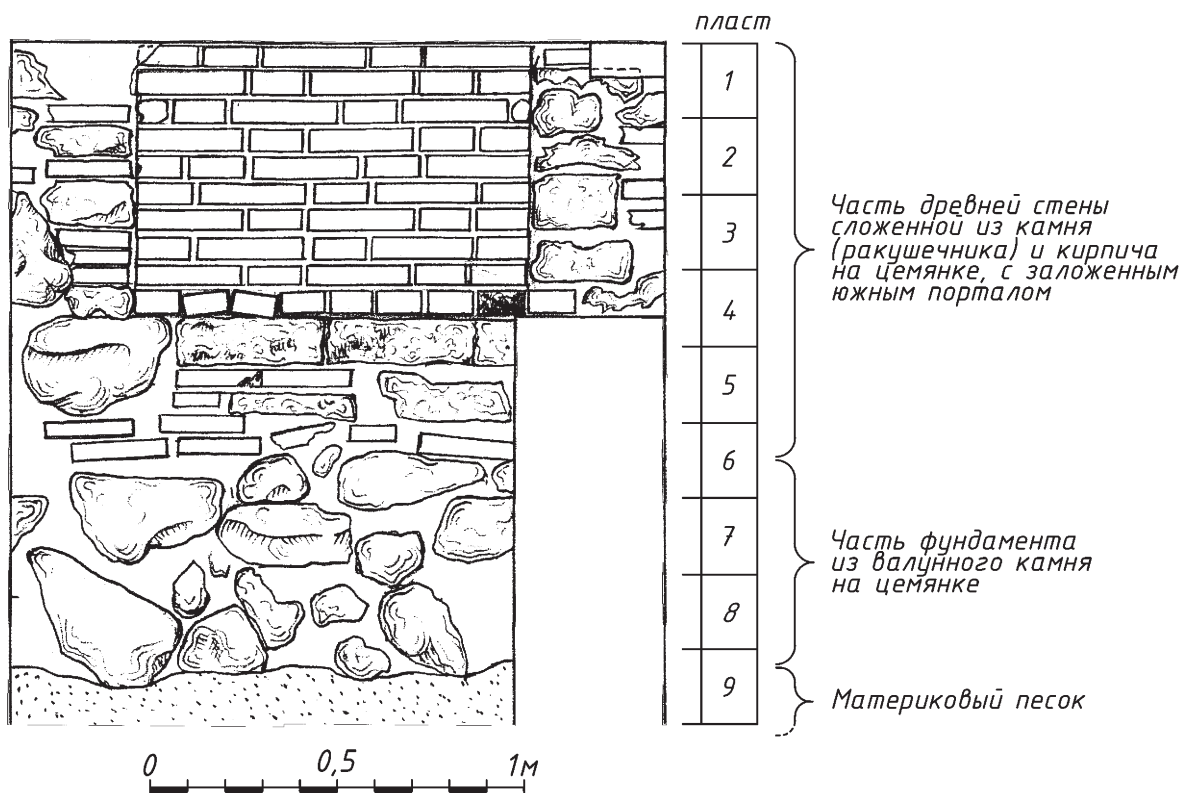
сосуда с вдавлениями относится к более ранним эпохам, неолиту или энеолиту, как и еще четыре фрагмента лепных сосудов из этого слоя (ГИМ. Коллекционная опись 1143/ГВ). Отметим, что типология и хронология новгородской керамики к этому времени еще не были разработаны. При последующих работах в Перыни В. В. Седов по вещевому комплексу датировал слой поселения XII — началом XV в. (Седов, 1956).

По всей видимости, открытый под храмом непо потревоженный культурный слой следует отнести к XII в. Его можно интерпретировать как свидетельство существования здесь селища еще до формирования обители. Отметим, что летописные данные о времени основания Перынского Богородицкого монастыря отсутствуют.

При описании профилей шурфа, помимо фиксации строительных горизонтов, также были отображены различные архитектурные детали и признаки перестройки и ремонтов церкви. В западном профиле отмечена кладка кирпичной гробницы, сложенная из девяти рядов кирпичей, прикрытая сверху каменной плитой. Она примыкала к юго-западному столбу храма. Высота гробницы составила 70 см. В профиле еще прослежена кирпичная прикладка столба,

опирающаяся на подушку из валунов, битого кирпича и щебня, скрепленных на известковом растворе (илл. 4). Устройство прикладки столба и гробницы А. Ф. Медведев связывал с перестройкой храма в 1826–1828 гг., так как их кирпичи имели один размер (Арциховский, А–1948. Л. 133). В восточном профиле также видны два ряда валунов и кирпичные прикладки у столбов, сложенные на известковом растворе для их укрепления (илл. 5).

В южный профиль попала часть южной стены церкви. От уровня современной поверхности до глубины 72 см в кладке стены открылся заложенный кирпичами на растворе первоначальный южный портал (илл. 6). Его ширина составила 108 см. Нижний ряд кирпичей в закладке портала положен тычком, тогда как остальные девять рядов положены «вперемежку» на толстом слое известкового раствора. Размеры кирпичей в закладке те же, что и размеры кирпича в настиле пола второго строительного слоя, что позволяет датировать их XVI в. Отметим, что А. Ф. Медведев относил их к XV в. Под заложенным порталом зафиксирован древний, первоначальный порог из массивных каменных блоков, толщина которых составляет 12–13 см.

• Илл. 6. Перынь. Шурф внутри церкви Рождества Богородицы. Южный профиль. 1948 г. (Архив ИА РАН. Р-1. № 2786. Л. 65)

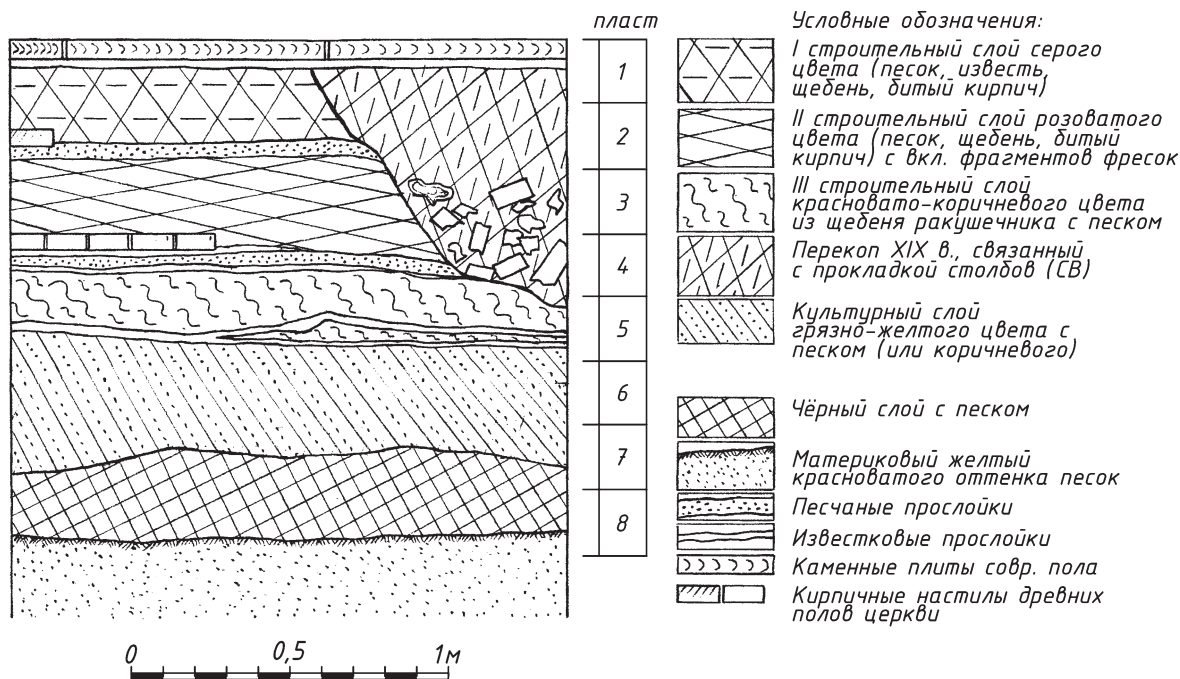
Открытая кладка стены храма сложена из блоков ракушечника и камня с плинфой, скрепленных цемяночным раствором, то есть относится к началу XIII в. Она углубляется ниже порога заложенного портала на 40 см. На глубине 110 см прослежено начало уровня фундамента храма, сложенного из валунов, скрепленных цемяночным раствором (на чертеже написано, что валуны фундамента лежат «на цемянке», возможно, это действительно цемяночный раствор, но с меньшим содержанием цемянки, что характерно для этого времени). Фундамент прорезает весь культурный слой и углубляется в материк на 10–20 см (Арциховский, А–1948. Л. 134–136). Общая высота фундамента храма на этом участке составляет 57–61 см. Как показали данные исследования, храм Рождества Богородицы имел столбчатые фундаменты под подкупольными столбами: ленты между самими столбами и между столбами и стенами отсутствуют.

Во всех профилях, за исключением южного, также четко отображена стратиграфия непо-

тревоженных культурных отложений, которые оказались законсервированы под фундаментом храма и его строительными горизонтами (илл. 7).

После завершения работ внутри церкви Рождества Богородицы в 23,3 м к югу от нее был заложен раскоп «Перынь 1», ориентированный по сторонам света. Его площадь составила 64 кв. м. Под дерном сразу же проявилась каменная кладка фундамента кирпичной стены (ограды), окружавшей храм замкнутым прямоугольником. Она была возведена после устройства скита в 1830–1840-е гг. и разобрана в 1929 г. (Секретарь, 2011. С. 279).

Фундамент ограды пересекал раскоп по оси запад — восток (илл. 8). Он сложен из каменных плит, валунов, камня и щебня без раствора. Высота фундаментной кладки составляет 140 см, а ширина — 95–96 см. Нижняя ее часть состоит из валунов и камней (55 см), а верхняя — из квадров плитняка с мелким щебнем (85 см). Кладка доходит до глубины 130–140 см от дневной поверхности, не достигая материковых отложений.

• Илл. 7. Перынь. Шурф внутри церкви Рождества Богородицы. Северный профиль. 1948 г. (Архив ИА РАН. Р-1. № 2786. Л. 64)

При понижении уровня раскопа вплоть до материка фундамент не разбирался.

Культурный слой в раскопе 1 носил уже нестратифицированный характер в отличие от шурфа в церкви. Напластования представлены мешаной супесью, которая также была по своему цвету и составу разделена на три слоя: черный, серый и грязно-желтый. Согласно этому делению рассматривалась и керамика.

Судя по описанию, во втором и третьем слоях преобладала древнерусская керамика, в том числе домонгольского периода. Третий слой датирован авторами раскопок в рамках X в. (Арциховский, А-1948. Л. 148). Судя по сохранившимся керамическим материалам, данные напластования, по всей видимости, относятся к XII–XV вв.

В раскопе 1 были исследованы и три углубленных в материк сооружения, интерпретируемые А. Ф. Медведевым и В. В. Седовым как полуземлянки. Две из них В. В. Седовым были отнесены к первому ярусу и датированы XII в. (№ 18 и 19), а третья принадлежала ко второму ярусу (№ 17),

датирующемуся первой половиной XIII — началом XV в. (Седов, 1956. С. 109. Рис. 42). Эта дата подтверждается находкой ключа с втульчатым стержнем к цельнометаллическому внутреннему замку, выявленному в заполнении сооружения № 17. Подобные ключи из раскопок в Новгороде датируются концом XIII — первой половиной XV в. (Колчин, 1959. С. 91. Рис. 74, В; Кудрявцев, 2014. С. 18).

Следы построек № 17 и 18 были зафиксированы на чертеже северного фасада фундамента ограды. Они представлены двумя углубленными в материк ямами с остатками бревен и прослойками угля (илл. 9). Их основное заполнение — темно-серая супесь. На чертеже восточного профиля раскопа 1 присутствует разрез углубления в материк прямоугольной формы — котлован сооружения № 17 глубиной в 1,5 м. В его центральной части отмечена прослойка угля с вкраплениями обожженной глины и древесного тлена. Ниже прослежены более тонкие прослойки угля и остатки бревна (илл. 10).

• Илл. 8. Перынь. Раскоп 1. Фундамент монастырской ограды. Вид с юга. Кадр из фильма «Новгород Великий». 1948 г. (кинофонд Архива ИА РАН).

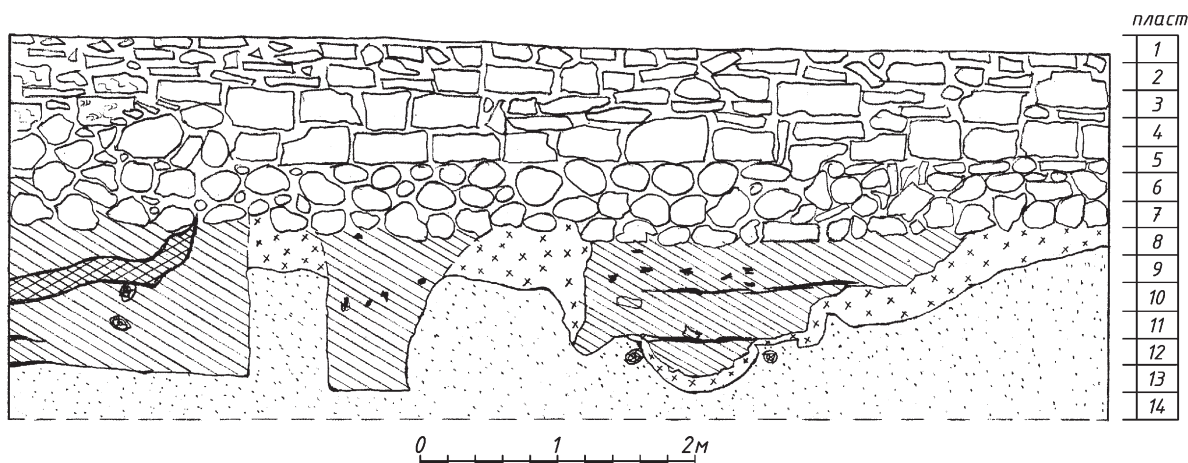
Е. Н. Носов и Н. В. Хвоцинская впоследствии установили, что исследованные закрытые комплексы Перыни являются остатками наземных сооружений с углубленными подклетами (Носов, Хвоцинская, 2017. С. 121–122).

Вещевой комплекс раскопа 1 невыразителен. Изображения находок в отчете отсутствуют.

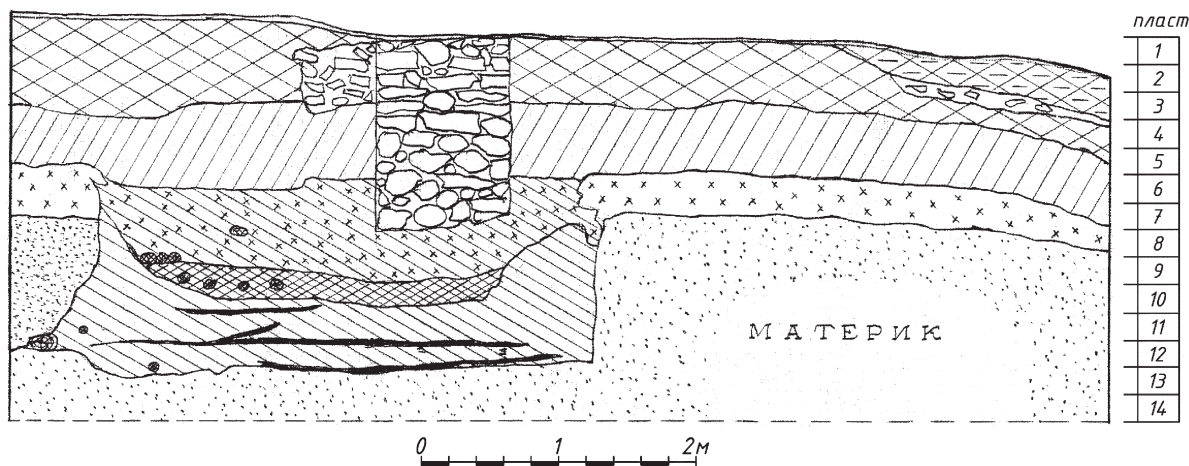
Из них только дважды опубликован железный черешковый наконечник стрелы, происходящий из второго слоя серой супеси (Арциховский, 1950. С. 9. Рис. 11, а). А. Ф. Медведев, разработав в дальнейшем типологию новгородских наконечников стрел, отнес его к типу 21 (кунжутolistные срезы) и датировал XIV–XV вв. (Медведев, 1959. С. 168. № 96. Рис. 13, 35).

Находки раскопа 1 также хранятся в фондах Государственного исторического музея. Они представлены в основном немногочисленными хозяйственными и бытовыми изделиями из железа: отмеченный выше ключ к нутряному замку, нижняя часть цилиндра навесного замка, ножи (10 экз.), овальное кресало, ледоходный шип, гвозди. Отметим еще большое количество каменных рыболовных грузил (10 экз.). Они будут характерными находками и при последующих раскопках В. В. Седова.

Исследования А. Ф. Медведева 1948 г. в Перыни фактически остались в тени после дальнейших масштабных археологических работ начала 1950-х гг. и последовавших дискуссий, связанных с интерпретацией открытых при них объектов. В итоге материалы его раскопок остались неопубликованными, они редко упоминаются в историографии. Тем не менее в истории новгородской археологии они являются вторыми после изысканий М. К. Каргера 1930-х гг. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря археологическими исследованиями, проведенными на

• Илл. 9. Перынь. Раскоп 1. Северный фасад фундамента монастырской ограды. Вид с севера. 1948 г. (Архив ИА РАН. Р-1. № 2786. Л. 77)

• Илл. 10. Перынь. Раскоп 1. Восточный профиль, разрез углубленной части сооружения № 17. Вид с запада. 1948 г. (Архив ИА РАН. № 278б. Л. 73).

территории средневекового монастыря. Они не были столь значительными по объему, но нужно признать высокую степень их информативности. Шурф (раскоп) Ц предоставил важные сведения об архитектуре церкви Рождества Богородицы, прежде всего о форме ее фундаментов, заложенных под линией стен и отдельно — под столбами, а также о ширине и уровне порога южного первоначального портала и о стратиграфии строительного периода с характерными двумя уровнями известковых заливок, черновой и чистой. Впервые было установлено, что при возведении храма консервируется нижележащий культурный слой. В раскопе 1 открыты остатки жилых сооружений, отличных от традиционных построек в Новгороде.

Отметим и высокий методический уровень проведения исследований, качественные чертежи, акцентирование на массовом керамическом материале, стремление как можно подробнее представить стратиграфию, которая делится, как правило, на три слоя. Безусловно, в этом можно увидеть влияние руководителя экспедиции А. В. Арциховского и следование его полевой методике, примененной при работах на Славне и Ярославском двореце в довоенный период. Представляется, что работы А. Ф. Медведева являются важной вехой и в изучении сельской округи Новгорода. Не менее важной она оказывается для архитектурно-археологических исследований новгородской домонгольской архитектуры.

Список литературы

- Арциховский А. В. Отчет о раскопках в Новгороде в 1948 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 278. 1948.
- Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде // КСИИМК. Вып. 33. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. С. 3–16.
- Каргер М. К. Новгород Великий. Л.; М.: Искусство, 1961. 310 с.
- Кацнельсон Р. А. Древняя церковь в Перыньском скиту // Архитектурное наследство. Вып. 2. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1952. С. 69–85.
- Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М.: изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120. (МИА; № 65).
- Конечный В. Я. Русь Новгородская: первые века. СПб.: Крига, 2022. 400 с.
- Красноречьев Л. Е. Научный отчет Л. Е. Красноречьева о реставрации церкви Рождества Богородицы в Перыни / публ. подгот. В. А. Ядрышников // Новгородский архивный вестник. Вып. 15 / отв. ред. И. Ю. Анкудинов. Великий Новгород: Архивное упр. Новгородской обл., 2019. С. 109–137.
- Кудрявцев А. А. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2014. 23 с.
- Кудрявцев А. А. Кинодокументы 1947–1948 гг. Научно-отраслевого Архива Института археологии РАН как источник по истории археологического изучения Новгорода // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 337–345.
- Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2 / под ред.

- А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М.: изд-во АН СССР, 1959. С. 121–191. (МИА; № 65).
- Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильмень и Поволховье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 93–121.
- Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. Постройки древнерусского времени // Рюриково городище. Новые этапы исследований / отв. ред. Н. А. Макаров. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 104–124.
- Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. 1953. Вып. 50. С. 92–103.
- Седов В. В. Поселение XII в. — начала XV в. в Перыни // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 108–117.
- Седов Вл. В. Церковь Рождества Богородицы в Перыни: Новгородский вариант башнеобразного храма // Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыты изучения византийского и древнерусского искусства / ред.-сост.: А. Л. Баталов, Э. С. Смирнова. М.: Северный паломник, 2009. С. 29–54.
- Секретарь Л. А. Монастыри Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 656 с.
- Чернов А. В. Об эволюции формата новгородских кирпичей XVI в. // ННЗИА. Вып. 27. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского (Великий Новгород, 22–24 января, 2013 г.) / отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2013. С. 214–219.
- Kolchin B. A. Zhelezoobrabatyvayushchee remeslo Novgoroda Velikogo // Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. II / eds. A. V. Artsikhovskiy, B. A. Kolchin. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. P. 7–120. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 65).
- Konetskiy V. Ya. Rus' Novgorodskaya: pervye veka. St. Petersburg: Kriga, 2022. 400 p.
- Krasnorech'ev L. E. Nauchnyy otchet L. E. Krasnorech'eva o restavratsii tserkvi Rozhdestva Bogoroditsy v Peryni / publ. by V. A. Yadryshnikov // Novgorodskiy arkhivnyy vestnik. 15 / ed. I. Yu. Ankudinov. Velikiy Novgorod: Arkhivnoe upravlenie Novgorodskoy oblasti, 2019. P. 109–137.
- Kudryavtsev A. A. Zamki i klyuchi v material'noy kul'ture srednevekovogo Novgoroda: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2014. 23 p.
- Kudryavtsev A. A. Kinodokumenty 1947–1948 gg. Nauchno-otraslevogo Arkhiva Instituta arkheologii RAN kak istochnik po istorii arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2018. 252. P. 337–345.
- Medvedev A. F. Oruzhie Novgoroda Velikogo // Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. 2 / eds. A. V. Artsikhovskiy, B. A. Kolchin. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. P. 121–191. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 65).
- Nosov E. N. Novgorodskaya zemlya: Severnoe Priil'men'e i Povolkhov'e // Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaya panorama / ed. N. A. Makarov. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 2012. P. 93–121.
- Nosov E. N., Khvoshchinskaya N. V. Postroyki drevnerusskogo vremeni // Ryurikovo gorodishche. Nove etapy issledovaniy / ed. N. A. Makarov. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2017. P. 104–124.
- Sedov V. V. Drevnerusskoe yazycheskoe svyatilishche v Peryni // Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury. 1953. 50. P. 92–103.
- Sedov V. V. Poselenie XII v. — nachala XV v. v Peryni // Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury. 1956. 62. P. 108–117.
- Sedov Vl. V. Tserkov' Rozhdestva Bogoroditsy v Peryni: Novgorodskiy variant bashneobraznogo khrama // Drevnerusskoe iskusstvo. Ideya i obraz. Opyty izucheniya vizantiyskogo i drevnerusskogo iskusstva / eds. A. L. Batalov, E. S. Smirnova. Moscow: Severnyy palomnik, 2009. P. 29–54.
- Sekretar' L. A. Monastyri Novgoroda i okrestnostey. Moscow: Severnyy palomnik, 2011. 656 p.

References

- Artsikhovskiy A. V. Otchet o raskopkakh v Novgorode v 1948 g. // Arkhiv IA RAN. R-1. № 278. 1948.
- Artsikhovskiy A. V. Raskopki v Novgorode // Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury. 33. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. P. 3–16.
- Chernov A. V. Ob evolyutsii formata novgorodskikh kirpichey XVI v. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 27. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya M. Kh. Aleshkovskogo (Velikiy Novgorod, 22–24 yanvarya, 2013 g.) / ed. V. L. Yanin. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2013. P. 214–219.
- Karger M. K. Novgorod Velikiy. Leningrad; Moscow: Iskusstvo, 1961. 310 p.
- Katsnel'son R. A. Drevnyaya tserkov' v Perynskom skitu // Arkhitekturnoe nasledstvo. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, 1952. P. 69–85.

Illustrations

- Fig. 1. Territory of the former Bogoroditsky monastery of Peryn. Southwest view. A still from the film "Veliky Novgorod" (1948) (Film collection of the Archive of IA RAS)
- Fig. 2. Plan of the archaeological research conducted by A. F. Medvedev in Peryn in 1948 (Archive of IA RAS. P-1. 278b. L. 61)
- Fig. 3. Peryn. Pit inside the Church of Nativity of the Mother of God. Layer 4. Initial flooring (1948) (Archive of IA RAS. P-1. 278b. L. 68)
- Fig. 4. Peryn. Pit inside the Church of Nativity of the Mother of God. Western profile (1948) (Archive of IA RAS. P-1. 278b. L. 62)
- Fig. 5. Peryn. Pit inside the Church of Nativity of the Mother of God. Eastern profile (1948) (Archive of IA RAS. P-1. 278b. L. 63)
- Fig. 6. Peryn. Pit inside the Church of Nativity of the Mother of God. Southern profile (1948) (Archive of IA RAS. P-1. 278b. L. 65)
- Fig. 7. Peryn. Pit inside the Church of Nativity of the Mother of God. Northern profile (1948) (Archive of IA RAS. P-1. 278b. L. 64)
- Fig. 8. Peryn. Excavation 1. The foundation of the monastery's fence. South view. A still from the film "Veliky Novgorod" (1948) (Film collection of the Archive of IA RAS)
- Fig. 9. Peryn. Excavation 1. The northern façade of the foundation of the monastery's fence. North view (1948) (Archive of IA RAS. P-1. 278b. L. 77)
- Fig. 10. Peryn. Excavation 1. Eastern profile, section of the recessed part of the construction no. 17. West view (1948) (Archive of IA RAS. 278b. L. 73)

A. A. Kudryavtsev. Architectural and archaeological research conducted by A. F. Medvedev on the territory of the former Bogoroditsky monastery of Peryn in 1948

Abstract. In 1948, A. F. Medvedev led the Peryn detachment of the Novgorod archaeological expedition in conducting the first archaeological research at the former Bogoroditsky (of the Nativity of the Mother of God) monastery in Peryn. The investigation involved a borehole excavation inside the Church of the Nativity of the Mother of God and an excavation to the south of the church. The borehole aimed to examine the cultural layer predating the establishment of the monastery and yielded new insights into the church's architecture. The excavation, on the other hand, uncovered the foundations of the 19th-century monastery fence and the substructures of three buildings from the 12th to the early 15th centuries. The findings from these excavations have not yet been published. The depictions of the masonry uncovered in the excavation pits and the church's foundation are being presented within the scholarly discourse. Additionally, information regarding the ceramic collection and artifacts is provided.

Keywords: Novgorod, Bogoroditsky monastery of Peryn, Peryn skete, Church of the Nativity of the Mother of God, foundation, settlement.

Kudryavtsev Andrey Alekseevich, candidate of history, research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117036 Moscow, Russian Federation, a-kudravtsev@yandex.ru.

Список сокращений

- АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск – Екатеринбург
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия. М.
ВВ — Византийский временник. М.
ВОГМЗ — Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВУГМЗ — Великоустюгский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
Д. — дело
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИКМЗ — Историко-культурный музей-заповедник
ИРИ — История русского искусства. М.
КМИ — Коломенское. Материалы и исследования
КОГКМ — Кировский областной краеведческий музей имени П. В. Алабина
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
Л. — лист
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МГОМЗ — Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МКАУ ВУЦА — Муниципальное казенное архивное учреждение «Великоустюгский центральный архив»
МСДК — музей Северо-Двинской культуры
НГМ — Новгородский государственный музей
НГМ НВ — Новгородский государственный музей, научно-вспомогательный фонд
НГМЗ — Новгородский государственный музей-заповедник
НГПИ — Новгородский государственный педагогический институт
НИАМ — Новгородский историко-архитектурный музей (бывшее название НГЗМ)
НИЦ — научно-исследовательский центр
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
НОЭ — Новгородская областная экспедиция
об. — оборот
Оп. — опись
РА — Российская археология. М.
РАН — Российская академия наук

РГ — Рюриково городище

РНБ — Российская национальная
библиотека

РЭМ — Российский этнографический
музей

СА — Советская археология. М.

СПбГУ — Санкт-Петербургский
государственный университет

Ф. — фонд

ЦМиАР — Центральный музей
древнерусской культуры и искусства
имени Андрея Рублёва

ЧОИДР — Чтения в Императорском
Обществе истории и древностей
российских. М.

Авторам

Правила оформления статей

Материалы пересылаются в редакцию сборника по адресу architectural.archeology@yandex.ru (в качестве дублирующих — zakomara@yandex.ru, jin-arx@yandex.ru, elreserva@ya.ru) в электронном виде с соблюдением следующих правил:

1. Текстовый файл под названием «Фамилия_текст» должен содержать следующие материалы, каждый из которых желательно размещать на новой странице:

- основной текст статьи;
- список литературы (см. ниже, п. 5);
- список подрисовочных подписей (см. ниже, п. 4);
- аннотация (не более 700 знаков с пробелами);
- ключевые слова (не более 7–10 слов и словосочетаний);
- сведения об авторе (см. ниже, п. 6);
- список сокращений.

Общий объем всех перечисленных текстовых материалов не должен превышать 40 000 знаков с пробелами.

2. Текст должен быть набран с использованием редактора Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — 1,5; форматирование текста должно быть автоматическим. В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается не прописными буквами.

3. Иллюстрации предоставляются в электронном виде, в отдельных файлах формата .tiff или .jpg (они должны называться «Фамилия_автора_1.tiff», «Фамилия_автора_2.jpg» и т. д.), в текст статьи иллюстрации не вставляются. Количество иллюстраций не должно быть больше количества страниц текста статьи, поделенного на 2. Файлы должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. В тексте статьи обязательна разметка (ссылки на номера) иллюстраций. Для иллюстраций даётся нумерация арабскими цифрами, в текст вставляются ссылки вида: (илл. 1: а, б), (илл. 2). Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии — с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки — не ниже 600 dpi.

4. В подрисовочной подписи должна содержаться следующая информация: объект, название иллюстрации, автор, дата, для архивных материалов — местонахождение (сообщение, город/страна).

Например:

Илл. 1. Знаменская (Пятницкая) церковь во Владимире. Архивная фотография 1958 г. Вид с севера;

Илл. 2. Георгиевский собор Юрьева монастыря. План по уровню промежуточной зачистки пола. Чертеж А. А. Поповой, 2014 г.

В подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. В графический файл подрисовочные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются.

5. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть — издания на кириллице, вторая — на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в общий список. Список литературы составляется в обычном библиографическом порядке. При ссылке на книгу следует указывать количество страниц; при ссылке на статью или раздел в монографии — диапазон страниц данной публикации в издании. Необходимо указывать ответственного редактора книги, а после места издания — издательство. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита.

Например:

Карасев А. Н. Развитие строительно-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья (VII–I вв. до н. э.) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху / отв. ред. А. П. Смирнов. М.: изд-во АН СССР, 1959. С. 126–138.

Масленников А. А. Отчет Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН за 1994 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-И. Д. № 19540. 225 с.

Седов Вл. В. Лестничная башня в Боголюбове (по материалам раскопок 2015 года) // КСИА. 2017а. Вып. 249, ч. II. С. 131–150.

Седов Вл. В. Северный портал собора Рождества Богородицы в Боголюбове // КСИА. 2017б. Вып. 246. С. 56–69.

Böhmer J. F. *Regesta imperii*. Bd. IV, 2. Wien; Köln: Böhlau Verlag, 1991. 305 S.

Coden F. *Sguardo d'insieme all'architettura umbra del Duecento* // *L'Umbria nel XIII secolo*. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2011. P. 333–420.

Lo Sardo E. E. *Kircher's Rome* // *Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything* / ed. P. Findlen. New York; London: Routledge, 2004. P. 51–62.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (Карасев, 1959. С. 135). Ссылки на источники — оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции — приводятся в скобках в тексте (РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 379. Л. 105) и в список литературы не включаются.

6. К статье прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, учёной степени, полного почтового адреса и полного названия учреждения — места работы, телефонов (для оперативной связи, не для публикации), адреса электронной почты и даты отправления.

Об издании

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). В нем публикуются основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия (Архитектура, Искусствоведение)

5.6.3. Археология (Исторические науки)

5.6.1. Отечественная история (Исторические науки)

5.6.2. Всеобщая история (Исторические науки)

5.10.3. Виды искусства (Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура) (Искусствоведение)

Подписка на издание оформляется по Объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс 79663

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии Российской академии наук

На первой странице обложки — изображения рук (в зеркальном отражении) на северной грани северо-западного столба Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (к статье С. Н. Вахтанова. С. 61).

На четвертой странице обложки — западный профиль шурфа внутри церкви Рождества Богородицы в Перыни, 1948 г. (к статье А. А. Кудрявцева. С. 206).

Архитектурная археология = Architectural archeology, № 5 / Институт археологии Российской академии наук. — Москва: Институт археологии РАН, 2023. — 220 с.

A87

ISSN 2686-6900. ISBN 978-5-94375-411-1

Пятый номер «Архитектурной археологии» состоит из статей, посвященных разным сторонам этой объединяющей и вынесенной в заглавие дисциплины. Здесь есть как аналитические статьи, так и работы, связанные с публикацией архивных материалов, с графическими реконструкциями, изучением одной группы вещей или рисунков-граффити. Представлены исследования памятников древнерусской архитектуры, сооружений средневековой Таврики, а также зданий Нового времени.

УДК 72.025.4:902/904(051)

ББК 85.11я5 + 85.118я5

Главный редактор *Вл. В. Седов*
Заместитель главного редактора *М. В. Вдовиченко*
Редактор *А. В. Меньшиков*
Координатор *Е. Н. Пророкова*
Переводчик *Ю. И. Клушина*
Макет *Н. А. Вознесенского и Ю. А. Макусинского*
Верстка и подготовка иллюстраций: *Д. В. Щепоткин*

Подписано в печать 07.11.2023.
Формат 60 × 84 1/8. 23,1 усл.-п. л.
Заказ № 1596. Тираж 300 экз.
Подготовлено в Институте археологии РАН.
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
Тел.: +7 499 126-47-98

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО "Пресса ИПФ"
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143.